

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII–XX вв.

Выпуск 11

Санкт-Петербург
2018

ББК 63.3(2)
УДК 94(470.23-25):929(=112.2)"17/21"
Н50

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

*канд. ист. наук Ю.В. Бучатская,
канд. филол. наук, профессор кафедры перевода
РГПУ им. А.И. Герцена И.С. Алексеева*

Н50 **Немцы в Санкт-Петербурге:** Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 11 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. — СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 436 с.

ISBN 978-5-88431-345-3

В одиннадцатом выпуске сборника «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII–XX века» опубликованы научные статьи о жизни и деятельности жителей Санкт-Петербурга немецкой национальности. Читатели сборника знакомятся с судьбами отдельных личностей, организациями, которые внесли большой вклад в развитие города.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

*Издание осуществлено
при поддержке Генерального консульства
Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге
в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства
под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких
отношений «Русско-немецкий центр встреч при Петрикирхе
в Санкт-Петербурге».*

ISBN 978-5-88431-345-3

© МАЭ РАН, 2018
© А.Ю. Харитоновна, обложка, 2018

К ЧИТАТЕЛЮ

Сборник «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII–XX века» (одиннадцатый выпуск) включает исследования ученых-историков, краеведов и потомков немецких семей и родов. Статьи, представленные в сборнике, основаны на богатейших материалах петербургских и семейных архивов, исторической научной литературе.

Немцы проживают в Северной столице России со времени ее основания — 1703 г. С ростом Санкт-Петербурга постепенно сложились три крупных поселения немцев:

- 1) Немецкая слобода — на территории, ограниченной реками Невой, Мойкой и Екатерининским каналом;
- 2) на Васильевском острове;
- 3) в Казанской части, ограниченной Невским проспектом, Крюковым каналом, реками Фонтанкой и Мойкой.

Наиболее крупной иноверческой диаспорой Санкт-Петербурга на протяжении долгого времени была именно немецкая. Город с первых лет его развития был многонациональным.

Специалисты при изучении межэтнических контактов использовали различные методы, сочетая общеисторические исследования с этнографическими.

Ученые Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН с конца XX в. совместно с коллегами из российских и зарубежных научных учреждений осуществляли работу по восстановлению истории жителей города в историко-биографическом аспекте.

В 2018 г. исполняется 315 лет со дня основания Санкт-Петербурга, в котором на протяжении столетий жили и работали немцы различ-

ных специальностей. Из статей, опубликованных в сборнике, читатель узнает о разносторонней деятельности немцев-горожан Северной столицы. Кроме того, представленные материалы позволят читателю ознакомиться с некоторыми интересными фактами из истории города.

Т.А. Шрадер

AN DIE LESERINNEN UND LESER

Das Sammelband „Deutsche in Sankt Petersburg: der biographische Aspekt. 18.–20. Jahrhunderte“ (Heft 11) beinhaltet Abhandlungen von Wissenschaftlern sowie Liebhabern — Historikern, Heimatkundlern und Nachfolgen deutscher Familien und Sippen. Die im Buch gesammelten Artikel basieren auf reichhaltigen Materialien aus staatlichen und Familienarchiven St. Petersburgs, sowie auf der historischen wissenschaftlichen Sekundärliteratur.

Deutsche leben in der nördlichen Hauptstadt Russlands seit ihrer Gründung im Jahr 1703. Mit dem Wachstum St. Petersburgs bildeten sich allmählich drei große deutsche Siedlungen:

- 1) Die Deutsche Sloboda auf dem Gebiet zwischen der Newa, der Moika und dem Katharinenkanal;
- 2) Eine Siedlung auf der Wassili-Insel;
- 3) und eine Siedlung im Kasaner Stadtteil, der im Gebiet zwischen dem Newski-Prospekt, dem Krjukow-Kanal und den beiden Flüssen Fontanka und Moika liegt.

Lange Zeit waren die Deutschen die größte andersgläubige Diaspora in Sankt Petersburg. Seit den ersten Jahren entwickelte sich die Stadt als multinationales Projekt. Die Autoren dieses Sammelbands wandten unterschiedliche Methoden bei der Erforschung interethnischer Kontakte an, dabei kombinierten sie allgemein historische Forschungen mit ethnologischen.

Kollegen aus dem Peter der Große Museum für Anthropologie und Ethnographie (Kunstkammer) der Russischen Akademie der Wissenschaften verwirklichten seit dem ausgehenden 20. Jahrhundert in Zusammenarbeit mit Wissenschaftlern aus in- und ausländischen Forschungseinrichtungen rekonstruktive Beschreibungen der Stadtgeschichte aus historisch-biographischer Perspektive.

2018 wird der 315. Jahrestag der Gründung St. Petersburgs gefeiert, einer Stadt, in der deutsche Mitbürger unterschiedlicher Berufe jahrhundertlang lebten und wirkten. Aus den im vorliegenden Band veröffentlichten Aufsätzen werden die Leserinnen und Leser über die vielseitige Tätigkeit deutscher Mitbürger in der nördlichen Hauptstadt Russlands erfahren. Die hier präsentierten Materialien lassen außerdem die Leserinnen und Leser einige interessanten Tatsachen aus der Stadtgeschichte kennen lernen.

Tatjana Schrader

XVIII век

Б.С. Макаров

ИОГАНН ХРИСТИАН ФЕРСТЕР — «ОТЕЦ» РУССКОГО ЦЕМЕНТА

Цель данной статьи состоит в том, чтобы доказать следующее утверждение: И.Х. Ферстер — «отец» русского цемента. Именно ему принадлежит честь первым наладить производство этого строительного материала в России.

Биография И.Х. Ферстера — архитектора и специалиста по изготовлению и применению искусственного мрамора — кратко изложена в статьях М.А. Павловой¹.

Согласно И.Э. Грабарю², И.Х. Ферстер, возможно, построил первый небольшой каменный дворец в Царском Селе. Можно ли на этом основании и информации М.А. Павловой о постройке им деревянных домов в Кронштадте считать его архитектором? Ответ на этот вопрос однозначный — нет, нельзя. Действительно, бельгийский инженер-строитель Франсуа де Вааль, который был полноправным соавтором архитектора Стивена ван Звитена и построил дворцы Подзорный, Екатерины I в первом Летнем саду, в Дальних Дубках, всегда считался «палатного дела мастером»³. Мельничного дела мастер голландец Виллим Ковенговен, построивший в первой четверти XVIII в. много ветряных мельниц в Санкт-Петербурге и его окрестностях, в 1705 г. возвел деревянную иновечерскую церковь около дворца Корнелиуса Крюйса⁴. Он же в 1718 г. построил дом, «что по Фонтанной речке», для супруги царя Петра I — Екатерины Алексеевны⁵. В документах всегда писали, что Виллим Ковенговен «мельничного дела мастер». Подобного рода примеры легко продолжить. Это очень характерно для XVIII в., когда практически любой образованный человек мог успешно работать не только по специальности, но и в большинстве смежных областей.

Утверждение о том, что И.Х. Ферстер был «первым специалистом в России по изготовлению и применению искусственного мрамора»⁶

также довольно спорно, поскольку начиная как минимум с 1705 г.⁷ на Воронежских верфях работал голландский «мраморного и лакового» дела мастер Хенрик ван Брумкхорст, занимавшийся декорированием кораблей. Он использовал в своей работе искусственный мрамор⁸.

С другой стороны, когда в конце июля 1724 г. стали образовываться трещины у двух пилонов («столбов») и в сводах башни здания Кунсткамеры, директор Канцелярии от строений У.А. Сенявин приказал создать комиссию («консилию») для определения причин и нахождения способов, «каким образом те столбы и своды можно укрепить»⁹. В состав этой комиссии вошли архитекторы Г. Киавери, Н.Ф. Гербель и также титулованный «архитектором» И.Х. Ферстер. В списке иностранных квалифицированных специалистов, состоявших в штате Канцелярии от строений в 1726 г.¹⁰, среди «иноземцов архитекторов» числились: «Гайтан Киавери» (жалованье — 1500 руб. в год) и «гамбурец мармулир Ферстер» (жалованье — 246 руб. 46 коп. в год). Н.Ф. Гербель получал жалованье 750 руб. в год¹¹. В первой четверти XVIII в. ни один архитектор не получал жалованья меньше 700 руб. в год! Очевидно, что И.Х. Ферстер фактически не был архитектором. Термин же «мармулир» следует понимать как каменщик. Он попал в эту комиссию именно как специалист по цементу. Очевидно, что русская администрация хотела узнать мнение И.Х. Ферстера, можно ли устранить трещины, не разбирая пилоны и своды с помощью этого нового для России строительного материала. Следовательно, этот немецкий «мармулир» и архитектор считался главным специалистом по изготовлению и применению цемента среди всех остальных иностранцев, работавших в Северной столице.

После переноса столицы России в Санкт-Петербург, там стало бурно развиваться строительство каменных сооружений — царских дворцов, домов знати, каналов и т.д. Кирпичная кладка производилась с помощью раствора на основе известки: «...в дело известь употребляется: на 1000 кирпичей — по три бочки надлежит; на 70 000 кирпичей — известки в отпуску 20 пудовых 210 бочек, а пудов 4200»¹². Во влажном климате Северной столицы, в условиях постоянных наводнений для придания прочности и устойчивости к природным условиям каменных сооружений требовался раствор на основе цемента. Первоначально весь необходимый цемент импортировался из Западной Европы иностранными купцами, главным образом из Голландии. Для организации таких поставок всегда устраивались торги между всеми желающими. По приказу директора Канцелярии городо-

вых дел (с 1721 г. — Канцелярии от строений) У.А. Сенявина информация о таких поставках «публиковалась в народ с барабанным боем и в пристойных местах ставились объявительные указы». Например, 6 февраля 1721 г. объявления о торгах на поставку из Голландии «будущим летним временем кирпичу крепкого два миллиона, черепицы самой хорошей для крышки домов Его царского величества 200 000» были развешаны: «1. У столба на площади, что близ церкви Живоначальных Троицы. 2. У Ратуши. 3. У Астерии, что против Кронверха. 4. За рекою Невою Большой у Охотного ряду». 3 апреля того же года к этим строительным материалам были добавлены «семент 150 бочек окстовных»¹³. 4 апреля 1721 г. «при горении свечи» начались торги между английским купцом Гил Эвенсом и голландским инженером-предпринимателем Тимофеем Фонармусом-«меншим» (Dirk van Ammers de jongste). В результате после неоднократных торгов их выиграл Тимофей Фонармус. Он обязался, в частности, привезти в Санкт-Петербург «сементу 200 бочек оксовтов тосканских. Весом в каждой бочке, кроме дерева, по 15 пуд. А покупаетца по 11 рублей, по 8 алтын, по 2 денги (11 руб. 25 коп.) бочка». В процессе торгов русская администрация изменила первоначальное число бочек цемента. Гил Эвенс проиграл эти торги, поскольку он предложил большую стоимость цемента (12 руб. за бочку)¹⁴. Петр I проводил политику меркантилизма. В рамках этой политики им и была предпринята попытка наладить производство цемента в России. Она, как мы увидим далее, оказалась более или менее успешной. Стоимость русского цемента была в два-три раза ниже, чем импортного.

Рассмотрим биографию И.Х. Ферстера именно с «цементной» точки зрения.

Как известно, контракт с И.Х. Ферстером был заключен в Альтоне 6 декабря 1716 г. «По тому Его царское величество всяя России и прочая, и прочая, и прочая все милостиво принять изволил, Его царского величества мастера Иаган Крестьян Ферстера за мармулира и архитектора в Санкт Питер бурх, в дом Его царского величества. А ехать оному мастеру в Санкт Питер бурх с своей женою и детми на протарях (дорожных расходах. — *Б.М.*) Его царского величества. И, по пришествии, жить в Питер бурхе. Надлежит ему мастеру дать свободную квартиру и со всяким ординарии и эстраординарии онирибуси (так в документе. — *Б.М.*) быть ему свободно ж. И, за оную службу, получать оному мастеру Его царского величества жалованье по 250 алберт талеров в год, которое жалованье ему всемилостиво платить

приказано по четвертям, итого будет по 62 и по половине алберт талера. А работу Его царского величества управлять оному мастеру в Санкт Питер бурхе верно и чесно. А что оной мастер получать себе будет акиденции мимо Его царского величества работу, в том ему дана воля. Також де, обязуетца себя оной, помянутой мастер Яган Крестьян Ферстер всенижайшие пробы, которые не будь требовать будет (так в документе. — *Б.М.*) Его царское величество о мармулирне и чертежене, и строение архитектурских дел. Все оное ему мастеру чинить полутчим образом так, как спешно возможет. И всякую работу, за что он принят, управлять ему с прилежанием и с верностию со всенижайшей, как дворовому мармулиру и архитектору надлежит. Сей кантракт явственно повелено от Его царского величества всемилостиво учинить. И, по милостивому ордеру, повелено министру президенту Его царского величества (русскому послу в Саксонии. — *Б.М.*) оного кантракта в Нижнем Саксонском уезде закрепить и подпечатать. Таким же образом и Яган Кристьян Ферстер, помянутой мармулирнаго дела мастер, обязуетца слово свое данное держать. Того ради, и утверждает под сим кантрактом своею рукою подписанное.

Учинено в Алтоне 1716 году декабря 6 дня.

Я.Ф. Бетигер. Министр и резидент Его царского величества Всея России и печать. Johan Khristian Förser¹⁵.

Здесь необходимо сделать несколько пояснений. Жалованье, на которое согласился И.Х. Ферстер, составляло 250 «альбертусовых талеров» (ефимков). Курс талера, на который после долгих торгов с директором Канцелярии городских дел А.М. Черкасским согласился немецкий «мармулир», составил 91 коп. за талер. Таким образом, его жалованье равнялось 227,5 руб. Вместо предоставления квартиры («за квартиру, дрова и свечи») русская администрация обычно выплачивала наемным иностранцам дополнительное жалованье за 1 месяц (тринадцатый месяц) или, в данном случае, 19 руб.¹⁶ Таким образом, суммарное жалованье И.Х. Ферстера составило 246 руб. 46 коп. Его величина полностью согласуется с цифрой, приведенной выше. Заметим, что величина этого жалованья меньше, чем у других иностранных квалифицированных специалистов. Так, в 1716 г. жалованье каменщика («мармулира») Дирка ван Аммерса-старшего (его младший брат упоминался выше) составляло 396 руб. в год, «Слюзнаго дела» мастер Антон Броуэр получал 520 руб. в год, «штукаторнаго» дела мастера Иоан Россий, Антон Квадрий и Питер Желпий — по 480 руб. в год¹⁷.

Немецкий «мармулир» и архитектор действительно приехал в Россию с женой и детьми в июле 1718 г. В списке за 1725 г. «в Царском Ея императорского величества Селе служителей и священнического чину» о нем имеется следующая запись: «иноземец полатный мастер Яган Крестьян. Ему 49 лет. У него жена Маргарита 44 лет; дети: сын Крестьян 18, дочь Софья 12, Маргарита 9 лет, сын (неразборчиво и клякса. — *Б.М.*) 5 лет. Оклад — 400 рублей»¹⁸.

Плохо читаемый пункт в контракте о пробах, «которые не будь требовать Его царское величество», следует понимать так: первый масштабный прием на русскую службу иностранных специалистов во время Великого посольства и «крюйсовский прием» в 1704–1705 гг. провалились. Подавляющее число согласившихся работать в России иностранцев, как показала практика, были плохими специалистами или престарелыми больными людьми. По этой причине подавляющая часть иностранных «квалифицированных» специалистов очень быстро была уволена. После этого русская администрация взяла за правило экзаменовывать всех принимаемых на службу. Именно в этом состоит смысл данного пункта контракта. Для нас самое интересное заключается в том, что И.Х. Ферстер должен был сделать какие-то пробы (искусственного мрамора? цемента? того и другого?).

17 августа 1718 г. И.Х. Ферстер подал следующее прошение:

«Державнейший царь, Государь милостивый.

В прошлом 716 в ноябре месяце принят я ниже имянованный в службу Вашего царского величества в Гамбурхе за дворцоваго мармулира и архитектора от Его царскаго величества. А аккорд учинен по 62 и половина алберт талера в квартал. То есть три месяца. А до сего числа жил я все в Гамбурхе по указу Его царского величества. И ныне прислан в Санкт Питер бурх. А денги получил я толко, с помянутого числа, 193 алберт талера и 16 штиверов. А доставлные денги, которые мне еще до сего числа надлежит принять, еще ничево, кроме выше помянутые денги, не получал.

Всемилоостивый Государь, прошу Вашего царского пресветлого величества да и повелить самодержавство Ваше по окладу моему, что доведетца мне, ниже имянованному, с выше писанного месяца, кроме оных денег, которые я получил по нынешний 718 год, по сентябрь месяц, своего Великого Государя жалованья выдать мне нижайшему. А оные, взятые 193 алберт талера прикажи из остальные мои денги вычесть. Сверх сего прошу, дабы я к вашему царскому величеству работу определен был.

Вашего величества всенижайший раб, Его царского величества дворцовый мармулир и архитектор Яган Крестьян Ферстер»¹⁹.

Решение по этому прошению затянулось до начала 1719 г. В конце концов русская администрация решила выдать немецкому «мармулиру» и архитектору жалованье за «5 месяцев и 9 дней»²⁰ — за время, проведенное им в России. Из этого документа следует, что после заключения контракта в 1716 г. И.Х. Ферстер получил указ оставаться в Западной Европе. Это подтверждает его просьба выплатить ему жалованье за два года, которые он провел там до приезда в Россию. Зачем это было нужно русской администрации? Существует два ответа на этот вопрос: 1) он должен был заниматься, выражаясь современным языком, промышленным шпионажем; 2) ему было поручено изучить самые современные технологии в области производства и применения искусственного мрамора и, возможно, цемента. Можно предположить, что, с точки зрения русской администрации, И.Х. Ферстер получал большее жалованье по сравнению с тем, которое он имел бы у себя на родине. По этой причине ему и не были выплачены деньги за два года его пребывания и обучения (?) в Западной Европе. Однако и аванс — жалованье почти за 9 месяцев, выданное немецкому «мармулиру» и архитектору при заключении контракта, — у него также не вычли.

За два года работы в России И.Х. Ферстер выполнил небольшой объем отделочных работ во дворце А.Д. Меншикова в Ораниенбауме: «подрядился <...> убрать полаты видом мраморовым». Царское Село было основным местом его работы. Например, именно там немецкий «мармулир» и архитектор изготовил алебастровый стол для Екатерины Алексеевны (жены Петра I)²¹. О постройке им деревянного дворца в Царском Селе в современной литературе не упоминается²². Не удивительно, что в начале 1721 г. для И.Х. Ферстера не нашлось работы на государственных стройках. В списке иностранных квалифицированных специалистов, состоявших в штате Канцелярии городских дел, от 3 февраля 1721 г. о нем написано:

«Которые ныне не у работ
<...> мармулир и архитект Яган Форстен (так в документе)»²³.

В Санкт-Петербурге в это время велось грандиозное строительство, а казна после Северной войны была серьезно истощена. По этой причине руководство Канцелярии от строений постоянно издавало указы о том, чтобы все ее русские сотрудники «смотрели накрепко» за иностранными квалифицированными специалистами, «дабы празно

не шатались». Очевидно, что над И.Х. Ферстером нависла угроза увольнения. Немецкий «мармулир» и архитектор стал искать выход из столь критической для него ситуации. Вначале он вместе с голландскими «спичнаго» дела мастером Харманом ван Болесом и «гротнаго» (инженер-гидротехник) дела мастером Дирком ван Эрштом безуспешно пытался перехватить очень выгодный подряд на постройку складов в Кронштадте у инспектора Тимофея Фонармуса (Дирка ван Аммерса-старшего)²⁴. К сожалению, в уже не раз упоминавшейся статье М.А. Павловой этот эпизод из жизни И.Х. Ферстера описан неверно.

После этой неудачи немецкий «мармулир» и архитектор 21 февраля 1721 г. предложил русской администрации наладить производство цемента.

«В Канцелярию Городовых дел.

Я, ниже подписавшийся, желаю сделать здесь пробу сementsа, против галанского. И к тому делу потребны ныне ниже означенные материалы, которые дабы отпущены были немедля. А имянно: одни пуд нозрeвaтoгo камню; 60 кирпичей галанских; для толчения означенного камня — одни человек работник на 10 дней.

О сем доносит архитект и мармулир Яган Ферстер. Февраля 21 дня 1721 году Johan Khristian Förster»²⁵.

На мой взгляд, именно этот день и следует считать днем рождения российского цемента.

Это действие не только спасло И.Х. Ферстера от неминуемого увольнения, но, как мы уже видели, поставило рядового дизайнера в один ряд с архитекторами Северной столицы. До этого момента налаживание производства русского цемента не клеилось. Царь Петр своими именными указами от 10 декабря 1719 г., 13 июня 1722 г. и 14 ноября 1723 г. приказал наладить производство цемента в России²⁶. В 1720 г. петербургский купец Герасим Пустынников донес Сенату: «...в прошлом 719 г. приискал я, выше именованный, в Копорском уезде, в Скворецкой вотчине <...> камень. Которой голен на семент. А как я оногo сeмeнтy изучилcя дeлaть, тo oнoгo нaдeлaл пуд з дe тьcячe, кoтoрoй пpивeз в Aдмирaлтeйcтвo <...>. A кaкoв сeмeнт из oнoгo кaмeя дeлaeтcя, тoмy пpилaгaю пpи сeм пpобу»²⁷. Вероятно, качество этого цемента было настолько плохим, что никаких приказов о его использовании не последовало.

В 1719 и 1720 гг. вследствие исполнения указа царя Петра I в Северную столицу стали поступать образцы «камня, из которого делается цемент»²⁸.

Каждому иностранному специалисту по условиям контракта присылали русских молодых людей для обучения «его мастерства». Одним из учеников Тимофея Фонармуса-старшего с 1713 по 1715 г. был Иван Северин/Севрин²⁹. В 1720 г. он был послан в Персию «обучатца гипсового дела»³⁰. В начале 1722 г. Иван Севрин вернулся в Россию и в августе того же года «палатнаго дела мастеру» Франсуа де Ваалю было приказано, «чтоб семень пудоожскую и которую делал ученик Иван Севрин персидским манером опробовал. И к той пробе, что надобно, каких материалов объявил ведомостию»³¹. Вероятно, качество цемента, изготовленного «персидским манером», не устроило русскую администрацию. В результате по просьбе И. Севрина он был определен в ученики уже к фламандскому инженеру-строителю³².

«Того ж числа (5 сентября 1723 г.) господин директор над строениями, призвав гипсового дела ученика Ивана Севрина и имел с ним разговор. Что он желает — ли быть в науке, при платном мастере Франце Девале и обучатца полатному мастерству по галанскому манеру? Также и семент делать по галанскому манеру, понеже тот Девал в том мастерстве имеет исуство. И оной Севрин доносил словесно, что он тое науку принять и быть при оном мастере Девале с охотою желает.

Того ради, господин директор, чрез перевотчика Ягана Шарфа, говорил помянутому мастеру Девалю, чтоб он принял для науки помянутого Севрина и обучал полатному мастерству и дела сементи. И оной мастер ответственал, что он обучать будет»³³.

Таким образом, предложение немецкого «мармулира» и архитектора оказалось очень актуальным для русской администрации. Она немедленно, что очень нехарактерно для первой четверти XVIII в., отреагировала. Уже на следующий день, 22 февраля 1721 г., И.Х. Ферстеру было предоставлено все необходимое для изготовления пробы цемента³⁴. Как мы уже видели, в Санкт-Петербурге одновременно с немецким «мармулиром» и архитектором работали несколько иностранных квалифицированных специалистов, которые хорошо разбирались в качестве цемента (Франсуа де Вааль, Питер ван Хеессель). Следовательно, без серьезной предварительной подготовки и глубоких теоретических и практических знаний И.Х. Ферстер не стал бы браться за реализацию столь непростой задачи. Именно на этом основании и было сделано сформулированное выше предположение о том, что он два года (с 1716 по 1718 г.) изучал в Западной Европе, в частности, технологию изготовления цемента.

Пробная партия цемента, изготовленная немецким «мармулиром» и архитектором оказалась удачной. И.Х. Ферстеру было приказано наладить промышленное производство этого строительного материала на Пудости и около Красного Села, где он также нашел залежи сырья для производства цемента.

«По указу Его императорского величества и по доношению моему, велено на Пудожских заводах, для дела сементи, зделать мельницу по чертежу моему. А есть при Красном Селе, ниже бумажной мельницы, мельница же мучная о дву жерновах на реке Дудорове (так в документе. — *Б.М.*). И при озере, ис которого та речка вышла, нашел такого камня. Ис которого делают семент в 5 местах, разстоянием от мельницы с полверсты. А глина при оной мельнице к делу сементи лутче будет пудожской. И ежели оная мучная мельница отдана будет на дело той сементи, то пристройка ко оной мелнице станет во 100 рублей, и мочно построить во всем во отделку в полтора месяца. А ежели на Пудожских заводах мелницу делать в трех жерновах, то денег станет в 2000 рублей и болши. И, по полной мере, мочно ее сделати в полгода. А сколко надобно к перестройке оной мелницы материалов, ежели повелено будет, подам реэстр (без даты) Johan Khristian Förster»³⁵.

Реконструкция мукомольной мельницы и мельницы, предназначенной для производства извести, заняла бы всего несколько месяцев. Поскольку поставки в промышленных масштабах русского цемента начались лишь в конце 1722 г., можно сделать вывод, что на Пудости были построены новые цементные заводы. 23 августа 1721 г. был издан именной указ Петра I, согласно которому «к извясным заводам, которые в Копорском уезде на реке Пудости, отмежевать земли для ломки камня и дела сементию, и зжения белой извести, где есть каменные места, вверх по обе стороны реки — 200, вниз — 1500, поперег — по 1500 сажен со всеми в тех местах принадлежностями»³⁶.

Слух об этом относительно дешевом и качественном строительном материале быстро распространился по различным государственным стройкам. 4 мая 1722 г. император Петр I приказал «господину генерал маэору и обер прокурору Григорию Григорьевичу Скорнякову Писареву <...> от Ладоги до Шлютенбурха канал, с того места, до которого от сего от Ладоги отделано, в отделку велено делать слюзами <...>. А в поданом ведении слюзнаго дела мастера Адрияна Гоутора в Канцелярию каналнаго длеа написано: ко оному слюзному делу надобно сементу 200 бочек. Которой семент делают в Санкт Питер бурхе от Городовой Канцелярии. И, для взяти на пробу оного сементу послан

был (31 октября 1722 г. — *Б.М.*) машинного дела мастер Лиценрот». Проба оказалась удачной, было установлено, что русский цемент «к слюзному делу годен». 14 ноября того же года И.Х. Ферстер сообщил русской администрации, что у него на Пудожских цементных заводах имеется только 40 бочек готового цемента. Следовательно, эти заводы только выходили на производственную мощность. Заместители директора Канцелярии от строений И. Алмазов и Ф. Сенявин 16 ноября 1722 г. дали такой ответ на запрос Г. Скорнякова-Писарева о поставке 200 бочек цемента: «...выше писанного числа 200 бочек сементи в ведомстве городской Канцелярии неимеетца, а имеетца малое (так в документе. — *Б.М.*) число и та надобна к строениям Его императорскаго величества домов и к другим нужнейшим делам. И, того ради, отпустить не может»³⁷. 13 августа 1722 г. один из заместителей главы Адмиралтейства Matthius Winster направил директору Канцелярии городских дел следующее письмо:

«Господин мой Ульян Акимович.

Августа 12 дня, чрез письмо господина генерал маэора и обер прокурора Григория Григорьевича Скорнякова Писарева. Уведомился я, что у Вашего благородия делают семент блиско Санкт Питербурха. Которого несколько надобно взять к каналному слюзному делу. Того ради, благоволи приказать прислать ко мне оную сементи для пробы образчик, також и опись — какою ценою состоит бочка. Понеже в том имеем у каналнаго дела нужду.

Августа 13 дня 1723 году Matthius Winster.

1722 году августа в 26, из сементи, которой делаетца на Пудости велеть отпустить один пуд з запискою (внесением в книгу расходов. — *Б.М.*)»³⁸. Речь идет о строительстве каналов и шлюзов в Кронштадте.

16 августа 1722 г. с Пудожского цементного завода были отпущены «Ея Великой государыни императрицы в сад для починки лестницы две бочки сементи»³⁹.

21 августа 1722 г. «машинист Тувоков, в петергофский Большой канал к слюзному каменному делу, требует сементи 40 бочек»⁴⁰.

В конце весны 1723 г. цементная мельница в Красном Селе была еще не готова. «При Красном Селе на речке Дудорговке, построенная мельница для дела сементи — двой жернова. Одним — молоть камень на сементи, другим — глину. Токмо за железными инструментами (важными деталями механизма из железа. — *Б.М.*) молоть камень невозможно. Которые посылаютца ис Канцелярии от строений для дела на Олонце, на петровские заводы. А другим выше помянутым жерно-

вом, которой будет глину молоть, — в готовности. Токмо ныне, без сементи, молоть оныя глину не надобно»⁴¹. Этот документ 4 апреля 1723 г. написан поручиком батальона от строений Савенковым, который осуществлял контроль над строительством цементного завода в Красном Селе. Он предложил использовать готовый жернов для помола зерна крестьянам за деньги. Данное предложение было одобрено руководством канцелярии от строений. Из этого документа можно понять, какова была технология производства русского цемента: перемолотый до состояния пыли «ноздреватый» камень смешивали с перемолотой глиной и затем обжигали. Для работы цементного завода в Красном Селе использовалась уже готовая плотина на реке Дудергофке, которая была построена ранее для «соломосечной» мельницы⁴². Очевидно, что такое решение русской администрации должно было резко ускорить строительство, но этого не произошло. Здесь возможно только одно объяснение — недостаток денег в казне.

В феврале 1723 г. Петр I приказал «слюзного» дела мастеру Питеру ван Хеесселю построить «цементную мельницу» (завод по производству цемента) на берегу реки Екатерингофки⁴³. Из-за сложностей с финансированием и разрушительного наводнения, случившегося 23 июня 1723 г.⁴⁴, это строительство было закончено только в сентябре 1725 г. 27 сентября того же года Питеру ван Хеесселю было приказано изготовить пробную партию цемента из «ноздреватого» камня, который «выбрал мастер Ферстер»⁴⁵. Можно предположить, что голландец — «слюзного» дела мастер применил свою технологию изготовления цемента. Таким образом, русская администрация пыталась организовать независимое производство цемента еще одним иностранным специалистом. (Об аналогичной неудачной попытке И. Севрина было сказано выше.) Подробностей в документах найти не удалось. Это не удивительно, поскольку 21 февраля 1727 г. Питеру ван Хеесселю было приказано «при Санкт Питер бурхе, в Катерингофе переделать сементную мельницу для полирования сысканного мраморного камню»⁴⁶. Месторождение мрамора было открыто в 1726 г. «на Путиловских горах». В ноябре того же года туда был послан И.Х. Ферстер «для описания и сочинения плана, где был сыскан мраморный камень»⁴⁷. 21 марта 1727 г. Питер ван Хеессель был уволен с русской службы⁴⁸.

Можно предположить, что практическое применение русского цемента показало его недостаточное качество по сравнению с западноевропейским. Только так можно объяснить требование князя

М.М. Голицына (с 1726 г. — советник Адмиралтейской коллегии)⁴⁹ предоставить инспектору Тимофею Фонармусу (Дирку ван Аммерсустаршему) образцы отечественного цемента «на пробу, дабы для онаго не посылать в другие земли». Иными словами, М.М. Голицын предложил отказаться от импорта цемента в том случае, если проба будет удачной. Выбор эксперта был не очень логичен, поскольку, как мы уже видели, младший брат Тимофея Фонармуса занимался поставками в Россию этого строительного материала из Голландии. Результат «опробации» найти в архивных документах не удалось. Можно предположить, что он был не в пользу российского цемента. Этот вывод косвенно подтверждают факты покупки в большом количестве импортного цемента как в конце 1723 г., так и в последующие годы⁵⁰. В частности, 2 июня 1724 г. у Тимофея-«меншого» Фонармуса было закуплено 10 бочек «галанской сementи» по цене 11 руб. 8 алтын (11 руб. 24 коп.) каждая⁵¹. Кроме того, отрицательное мнение голландского инженера о русском цементе подтверждает и тот факт, что 3 сентября 1723 г. император Петр I приказал разослать во все провинции специально заказанные в Голландии образцы сырья («ноздреватого камня») для поиска залежей аналогов в России⁵². Нашедшим русское сырье для производства цемента было обещано вознаграждение. Специальные курьеры отвезли во все концы России по два этих образца «за печатями». Эта деталь только подчеркивает важность данного мероприятия. Отметим, что данный указ был вызван необходимостью большого количества качественного цемента для строительства Лиговского канала. Всего было разослано 100 образцов. Неповоротливая уже в то время бюрократическая машина и препирательства между Канцелярией от строений и Камор-коллегией (решали вопрос о том, кто будет оплачивать проезд курьеров и выплачивать им жалованье) привели к тому, что рассылка продолжалась несколько месяцев⁵³. Отсюда можно предположить, что причина плохого качества русского цемента, по мнению инспектора Фонармуса и руководства Канцелярии от строений, состояла в низком качестве исходного сырья.

В августе 1724 г. «маэор Иван Поливанов, да камерир Дохтуров» сообщили в Камор-коллегию, что «в Устюжанском уезде в Двинской трети под деревнею Латской в горе тому образцовому камню подобного многое число. И для подобного свидетельства прислали в Санкт-Петербурх в Камор Коллегию два камня за печатями»⁵⁴. 15 октября 1724 г. руководство Канцелярии от строений приказало «призвать

сементных мастеров» для анализа этих образцов. Они должны были «с подписанием рук своих» дать ответ на вопрос: «голден ли оной будет в сементь?». Были приглашены «слюзной мастер Питер Фангезель, мармулир и архитектор Яган Крестьян Ферстер, архитектор Фанзитен и полатной мастер Деваль». Русская администрация предъявила экспертам «из остоженской провинции два камня и которые камни ж имеютца в канцелярии от строений галанских, не сказав им, что оные камни галанские. Тако ж и пудожские объявить»⁵⁵. В тот же день «при зачедании господ судей (заместителей директора Канцелярии от строений. — *Б.М.*) мармулир и архитектор Яган Крестьян Ферстер явился и, сементные камни, объявленные по ярлыкам ему смотря, доносил: два камня, присланные из Устюженской провинции, противу пудожских признавает, что будут лутче, токмо как покажут в деле пробы. Чего для надлежит зделать пробу. А против галанкого лутчеством не будет.

Johan Chrestian Förster.

Тогож числа, слюзной мастер Питер Фангезель. Помянутые камни смотрел. Сказал, что устюжанские камни против пудожских в деле семента лутче, а против галанских не дойдут лутчеством и десятой части»⁵⁶.

Параллельно с поисками более качественного сырья русская администрация решила еще раз провести сравнение качества цемента, изготовленного из отечественного и импортного сырья. Для этого в начале сентября 1723 г. было приказано «галанскова камня <...> взять у галанца Боршта. Отдать ис того камня три бочки; да одну бочку пудоского взять с Пудости и отдать мармулиру и архитектору Ягану Крестьяну Ферстеру. И велеть ему зделать семент немедленно. И, как зделан будет, объявить в Канцелярию от строений. И тое семент, по объявлению ево, для дела проб отдать галанским мастерам: полатнаго дела и архитектуром»⁵⁷. 20 сентября пробы были готовы. И.Х. Ферстер принес их в Канцелярию от строений в «трех бумашках». По приказу русской администрации «помянутые три бумашки с сементом, под номерами 1, 2, 3, отданы архитектору Фанзитену» для анализа качества. 18 сентября того же года, было приказано отпустить со складов полатного дела мастеру Франсуа де Ваалю «для пробывания семента две трубы свинцовые»⁵⁸. Отзывы голландских квалифицированных специалистов о качестве проб цемента, изготовленного И.Х. Ферстером, найти в архивных документах не удалось. Можно предположить, что они не были лестными, поскольку, как уже говорилось выше, закупки

импортного цемента продолжались⁵⁹, причем реализовывали их главным образом голландские купцы.

Важность задачи по улучшению качества русского цемента подчеркивает и тот факт, что в середине января 1723 г. полковник Дебриньи во время пребывания в Петергофе директора Канцелярии от строений У.А. Сенявина предложил изготавливать цемент из обломков «женой» (обоженной) черепицы. Немедленно последовал указ самым большим государственным заводам, на которых изготавливали кирпичи и черепицу, «на Новые (кирпичные. — *Б.М.*) заводы — к поручику Матову, на Стрелинские — к камисару Басманову, в Питергоф — к камисару Павлову послать Его императорского величества указы, чтоб они черепицу ломану, зженую, какую покажет присланной от порлковника Дебриньи, для дела сементи збирали и клали под сараи (склады, цеха. — *Б.М.*) на местах, каждого вида порознь»⁶⁰. Технология изготовления цемента из обоженной глины развития не получила.

Фундаментальный подход русской администрации к решению проблемы налаживания производства русского цемента подчеркивает и тот факт, что 18 марта 1724 г. на русскую службу был принят «сементного» дела мастер (иногда его именовали «машинного» дела мастер) Карл Леклер (*Charle Le Clerre*). «В нынешнем 1724 году марта 17 дня, в письме полковника Бригнея (де Бриньи. — *Б.М.*) к директору над строениями Синявину писано: по требованию его директора над строениями господина Синявина кондуктора для собирания ко убиранию сементи материалов. И ныне при Санкт Питер бурхе кандуктора неймеетца. А хотя бы и имелись — помянутое дело кандукторы отправлять не знают. Того ради предьявляет: ежели угодно для оного отправления принять француза Леклера на 10 месяци — ему определить жалованье, чем бы он мог себя пропитать. По 10 рублей на месяци. А оной француз оное дело отправит»⁶¹. 25 августа того же года Леклер был направлен в Петергоф «для дела сементи пробы». В архивных документах не удалось найти ни результатов этих проб, ни дальнейших упоминаний о Леклере.

Из всего вышесказанного следует, что именно И.Х. Ферстер был ключевой фигурой среди других иностранных специалистов, профессионально разбиравшихся в технологиях создания строительных материалов, в процессе создания производства русского цемента. 4 ноября 1723 г. тайный кабинет-секретарь А.В. Макаров затребовал у руководства Канцелярии от строений «ведомость о мастеровых раз-

ных художеств — коликое число оных у Вас в ведении обретаютца». В ней о немецком «мармулире» и архитекторе написано: «Гамбурец мармулир Ферстер. Жалованье 247 рублев. У дела сементи и у работ в Сарском Селе»⁶². Таким образом, для русской администрации И.Х. Ферстер прежде всего специалист по изготовлению и применению цемента. Именно по этой причине, как мы видели выше, он был по статусу приравнен, выражаясь современным языком, к дипломированным архитекторам. Более того, 23 ноября 1724 г. немецкий «мармулир» и архитектор подал в Канцелярию от строений «челобитную» с просьбой назначить его главным городским архитектором Санкт-Петербурга на место умершего 16 ноября того же года Н.Ф. Гербея. «Ежели Вашему императорскому величеству благоугодно, то обещаюся я архитектурные работы, которые отправлял помянутый архитект Гербель, отправлять в такой же силе, как и оной архитект. Гербель отправлял. <...> Токмо б за оную работу Вашего императорского величества милостивым награждением повелено б было Вашего величества жалованья учинить мне оклад оното архитекта Гербея (750 руб. в год. — *Б.М.*), чтоб я, будучи у отправления дел Вашего величества, мог пропитание без оскудения иметь»⁶³. В деле нет окончательной резолюции, но очевидно, что И.Х. Ферстер получил отказ.

После смерти Петра I строительство в Северной столице и ее окрестностях постепенно стало сворачиваться. Это было связано и с ужасным состоянием государственных финансов, и с тем, что императрица Екатерина I совершенно не интересовалась им. Тем не менее 16 сентября 1725 г. с И.Х. Ферстером был заключен новый контракт. С этого времени у немецкого «мармулира и архитектора» обучалось 10 учеников (2 человека — производству цемента, а остальные — дизайну интерьеров)⁶⁴. Фактический глава государства — светлейший князь А.Д. Меншиков — с 1726 г. стал проводить меры строжайшей экономии денежных средств. В начале 1727 г. было уволено большинство иностранных квалифицированных специалистов, нанятых на русскую службу при Петре I⁶⁵ (в указанном документе приведен полный список всех уволенных иностранных квалифицированных специалистов, ранее состоявших в штате Канцелярии от строений). Благодаря своей репутации главного специалиста по производству цемента И.Х. Ферстер не был уволен. Можно предположить, что его в конце 1726 — начале 1727 г. перевели в ведомство Адмиралтейской коллегии и направили в Кронштадт. Это очень логичное решение русской администрации, поскольку именно там

достраивался канал Петра Великого. На эту стройку требовалось огромное количество цемента. Точную дату перевода немецкого «мармулира» и архитектора в Кронштадт найти не удалось. Высказанное выше предположение основано в первую очередь на аналогичном переводе архитектора И.Ф. Браунштейна в ведомство Адмиралтейской коллегии и направлении его в Кронштадт⁶⁶. Упомянутый выше список содержит несколько имен иностранцев, которые, так же как и И.Х. Ферстер, занимались, выражаясь современным языком, дизайном интерьеров. Тем не менее все они были уволены. Именно по этой причине было сделано предположение о том, почему немецкий «мармулир» и архитектор был оставлен в России — только благодаря тому, что он являлся главным специалистом по производству цемента. Упомянутые выше иностранные специалисты по производству цемента были уволены. Кроме того, косвенно перевод И.Х. Ферстера в ведомство Адмиралтейской коллегии подтверждает и неудачная попытка передачи Пудожского и Красносельского цементных заводов из ведомства Канцелярии от строений в Адмиралтейскую коллегию, предпринятая в июне-июле 1726 г.⁶⁷ В этом же документе содержится предложение руководства Канцелярии от строений о переводе И.Х. Ферстера в Адмиралтейскую коллегию. Можно предположить, что оно было удовлетворено 26 октября того же года. Берг-коллегия потребовала передать ей Красносельский цементный завод для «обретенных вновь в дворцовом Селе Красном, да в Копрском уезде шиферных медных руд к строению плавильного заводу». Это предложение обосновывалось тем, что «кроме онаго можно сементом удовольствоваться з других заводов, кои заведены, а имянно: в Копорском уезде в вотчине умершаго генерала лейтенанта Брюса и в дворцовой даче на речке Словянке, да в том же уезде в даче вдовы Скворцовой. И заводчики тех заводов обязались, без вывозу из-за моря, в России оным сементом удовольствовать. <...> Токмо б в продаже был не свыше заморской цены. А к казенным делам, куда потребуетца. Ставить им, для перваго случая до указа, не свыше того, как в доношении генералши Брюсовой показано, а имянно: в зимнем времени по 30 алтын, по 35 копеек (1 руб. 25 коп. — *Б.М.*) пуд. И вперед оной кампании чтитца, чтоб оной семент ставить, против цены с убавкою. А по данным от генералши Брюсовой и Петрунели репортам показано: в продаже в Адмиралтейство и в прочие места от 7 до 4 рублей бочка»⁶⁸. Поскольку в это время вице-адмирал Сиверс получил указ достроить Тосненский шлюз, на строительство которого требовалось не менее

2400 бочек цемента, предложение Берг-коллегии было отклонено светлейшим князем А.Д. Меншиковым. В этом же деле имеется запрос И.Х. Ферстеру: «Почем каждая бочка (пудожского цемента. — *Б.М.*) ценою обойдется?» На него немецкий «мармулир» и архитектор ответил: «...а оная семень, прежняго дела, ценою обойдетца на Пудости, например, каждая бочка 4 рубли. Токмо та семень, против нынешней гораздо плоше, для того, что в нынешнюю семень кладется камень Словенской мызы Ея императорского величества. Которая семень галанской весма подобна»⁶⁹. Таким образом, И.Х. Ферстер непрерывно работал над совершенствованием качества производимого под его руководством русского цемента.

Деятельность И.Х. Ферстера как архитектора-строителя в Кронштадте складывалась не очень удачно. Она хорошо описана в статьях М.А. Павловой⁷⁰. Это косвенно подтверждает сделанное выше предположение о том, что он был выдающимся специалистом именно по производству и использованию цемента. На этой стороне деятельности И.Х. Ферстера мы и сосредоточимся.

После смерти Петра I строительная деятельность в Северной столице пошла на спад. Тем не менее потребность в цементе была огромной. Этот новый для России строительный материал требовался для постройки не только Тосненского шлюза, но и Ладожского канала, которым занимался Б.Х. Миних. Именно по этой причине, предчувствуя огромную прибыль, были построены два частных цементных завода по «привелегиям» Берг-коллегии «в Скворецкой вотчине ее Брюсовой (Сарра Иванова Брюсова; в документах встречается ее имя в виде «генерал-лейтенантша Сарра Иванова дочь Брюса» — речь идет о жене Роберта Виллимовича Брюса) и греку Петрунеллию. «Генерал-лейтенантша Брюс» была вдовой брата главы Берг-коллегии Я.В. Брюса. По этой причине получить привилегию и протекцию Берг-коллегии ей не составило труда. О ее компаньоне — греке Петрунеллии — никакой информации найти не удалось.

В конце 1726 г. в Копорском уезде, около Красной мызы, во владениях вдовы поручика Ермолая Скворцова — «Анилины Афонасьевой дочери» компаньоны «Невского пехтного полку подпрапорщик Борис Сенковской, да новгородец посацкой человек Никита Ратчинский» по «привелегии» Берг-коллегии заняли часть земли у ручья и собрались строить там цементный завод. Они предъявили Берг-коллегии якобы сделанные ими пробы цемента из сырья («белаго камня»), найденного ими на занятой земле. Кроме того, «Анилине

Афонасьевой дочери» они представились бывшими сотрудниками И.Х. Ферстера, который обучил их всем тонкостям производства цемента. У вдовы хватило ума написать прошение на имя Екатерины I, в котором «Анилина Афонасьева дочь» просила проверить качество пробы цемента, изготовленного компаньонами, «дабы ей от строения выше реченного заводу не принять наивысшего разорения»⁷¹. Проба цемента была направлена на исследование И.Х. Ферстеру. Он дал следующее заключение: «...а оной камень белой на сементное дело нима-ло не годен. Токмо они заняли у нее то место для своих бездельных прихотей, разоряя ее. Понеже Рачинской и прежде сего, в прошлых годах, сыскивая того камня, изрыл все пашенные места и луга. От чего многия ее крестьяне с того места збежали»⁷². Кроме того, немецкий «мармулир» и архитектор обвинил Б. Сенковского и Н. Рачинского в подлоге — они представили Берг-коллегии пробу цемента, которая была изготовлена на государственном Пудожском заводе по технологии И.Х. Ферстера и украдена русскими компаньонами⁷³. Немецкий «мармулир» и архитектор утверждал, что никто из них никогда у него не работал. Поразительно, какими страстями сопровождалось рождение российского цемента.

В 1727 г. русская администрация решила отдать в аренду цементный завод (мельницу) в Красном Селе. На него претендовали, с одной стороны, И.Х. Ферстер с компаньоном — лейтенантом морского флота «Петром Ивановым сыном Франовым», а с другой стороны, уже упоминавшаяся вдова генерал-лейтенанта Брюса «Сарра Иванова Брюсова» и «купецкой человек Герасим Пустошкин». Таким образом, вдова Р.В. Брюса претендовала на монополию в производстве цемента. Можно предположить, что именно эти претензии и послужили ранее главной причиной отказа Адмиралтейской коллегии принять в свое ведение государственные цементные заводы. С.И. Брюс, вероятно, была очень влиятельной персоной, имела обширные связи, и ей боялись противоречить. 27 марта 1727 г. руководство Канцелярии от строений дальновидно и предусмотрительно отдало цементный завод в Красном Селе на аренду в течение трех лет И.Х. Ферстеру и П.И. Франову. Им было приказано «семент отдавать токмо к делам Канцелярии от строений. А к другим делам, крому (кроме. — *Б.М.*) того что потребно, принято будет в Канцелярию от строений, отдавать опще, по данному из Берг Коллегии Ея императорскаго величества указу и привелегии, госпоже генеральше Брюсовой, да купецко-му человеку Герасиму Пустынникову, да брату помянутого Франова

иноземцу словенской нации Юрию Маричу»⁷⁴. В этом же документе указывалась цена, по которой будет закупаться цемент, произведенный в Красном Селе: «за каждую 20 пудовую бочку — по 4 рубли 70 копеек». Кроме того, И.Х. Ферстера и П.И. Франова обязали платить арендную плату 80 руб. в год и обучить процессу изготовления цемента двух русских учеников. «И во время тех лет (годов аренды. — *Б.М.*) для обучения, как тое семень составлять, определить к ним двух человек. Которых им обучить, против себя, без платы денежной в три года». Отметим, что братья П.И. Франов и Ю. Марич находились в конкурирующих командах.

Борьба за монополию по производству цемента на этом не закончилась. Весной 1727 г. «Берг Коллегии советник и господин Шлатер по указу оной Коллегии и по дозволению Дворцовой Канторы» стал строить мельницу на несколько сотен сажен (ниже цементной мельницы в Красном Селе. — *Б.М.*). «И усмотрели они (Ферстер и Франов. — *Б.М.*), что от того будет наемной мельнице повреждение. И о том он Ферстер оному советнику, при выше показанном Шлатере, говорил»⁷⁵. Прав был немецкий «мармулир» и архитектор — после окончания строительства новой мельницы и плотины «сементной мельницы водяные колеса стояли (остановились. — *Б.М.*) и поняты (подняты? — *Б.М.*) были водою на два фута. От чего та мельница стала быть повреждена»⁷⁶. П.И. Франов попытался отказаться от аренды и вернуть мельницу капитану батальона от строений Савенкову, который до сдачи в аренду отвечал за ее работу. Вернувшийся с описания месторождения мрамора И.Х. Ферстер (см. выше) уговорил П.И. Франова не делать этого, отремонтировать мельницу и эксплуатировать ее до конца срока аренды. В декабре 1730 г. после окончания срока аренды Франов уехал на родину. Перед отъездом он получил справку из Дворцовой канторы, что «доимок за ту мельницу никаких не имеетца»⁷⁷.

Несмотря на все препоны, И.Х. Ферстер и П.И. Франов довольно успешно и в больших количествах производили цемент на Красносельском заводе.

С.И. Брюс не оставила своих попыток монополизировать производство цемента. В мае 1728 г. она подала прошение в Берг-коллегию передать ей в аренду Красносельскую цементную мельницу. «Ибо де, на своем сементном заводе, построенном по указу из Берг Коллегии, за неудовольствием мелничным, умножать не мочно. А семень в Канцелярию от строений обязуется она генеральша, против их Ферста

(так в документе. — *Б.М.*) и Франова цены ставить с уступкою у каждой бочки по 5 копеек»⁷⁸. Кроме того, «Сарра Иванова Брюсова» обвинила И.Х. Ферстера и его компаньона в том, что они нарушили условия аренды и единолично поставили 300 бочек цемента «к канальному делу» (имеется в виду Ладожский канал. — *Б.М.*); не имея «привилегии» (разрешения, патента) от Берг-коллегии, по своей инициативе производят заготовку сырья для производства цемента. Поскольку, как мы уже знаем, И.Х. Ферстер и П.И. Франов арендовали Красносельскую цементную мельницу до 1730 г. и производили на ней цемент, можно предположить, что прошение С.И. Брюс осталось без ответа. Это не удивительно, поскольку в это время умирает императрица Екатерина I, затем столица России переносится в Москву. Строительство Ладожского канала закончилось 22 октября 1730 г. По этой причине после окончания трехлетнего срока аренды и из-за давления со стороны «генеральши Брюс» И.Х. Ферстер и П.И. Франов решили не продлевать срок аренды. Немецкий «мармулир» и архитектор с конца 1730 г. стал заниматься выполнением различных казенных работ в Кронштадте по ведомству Адмиралтейской коллегии⁷⁹. Желających взять в аренду Красносельскую цементную мельницу не нашлось. В документе от 2 апреля 1736 г. написано: «имеютца (в Канцелярии от строений. — *Б.М.*) нерешенные дела <...> 7. О Красносельской сементной мельнице. Которые, чрез много время, по неоднократным принуждениям к решению, не основаны»⁸⁰.

В книге «Очерки истории вяжущих средств» И.Л. Значко-Яворского приводятся следующие факты: в 1732 г. производство цемента наладил «канцлер и кавалер Головкин». Он поставлял этот строительный материал для Артиллерийского ведомства. В 1733 г. английский купец Гиль Эвенс попытался скупить производимый Головкиным цемент и поставлять его на строительство «Литейного дома» в Санкт-Петербурге. С.И. Брюс на корню пресекла эти попытки⁸¹. Больше никаких сведений о цементном заводе Головкина найти не удалось. Я не уверен, что приведенная выше информация из книги И.Л. Значко-Яворского истинна. Ни в одном архивном документе не встречается никаких упоминаний о цементном заводе «канцлера и кавалера Головкина».

В последующие годы производство цемента в относительно небольших количествах продолжалось на частных заводах семьи Брюс в «Скворецкой мызе и в деревне Словянка на Пудости». После смерти матери ими владел сын Сарры Ивановны Брюсовой, генерал-майор

и кавалер граф Брюс. Руководство заводом и производством цемента осуществляли «служитель» Василий Чюбаров и «сементных заводов компанейщик Лаврентий Петрунеллий»⁸². В своем «челобитье» в Канцелярию от строений от 28 мая и 17 августа 1744 г. они писали: «Имеет господин ево <...> завод, который, для размножения и укоренения в славу Всероссийской империи, в пользу государственную изнуряя себя употребляли своего кошту немалой капитал. С которого заводу, в разных прошедших годах, к строению адмиралтейств Коллегии и к каналу, и докам, и в Кронштатской и Ладожской канал, и в Питергоф несколько тысяч бочек поставили со умалением в пользу государственного интересу, против заморского сементу, немалой цены. И, по пробам разных архитеткторов, оной семент явился добротой самого наилучшего качества. Во всем подобен галанскому и наилучего. И во употребленных казенных делах, и по ныне стоит неколебим, и в воде действителен, и впред, к содержанию себя, благонадежен. Чего ради, вывоз из-за моря сементу, и по силе имянных указов, запрещен»⁸³. Из этого документа следует, что компаньоны добились не только монополии в производстве цемента в России и отстранили от него своего главного конкурента И.Х. Ферстера, но и запрещения импорта цемента из стран Западной Европы. Подача челобитных была вызвана тем, что в 1742 г. в Петергофе начался капитальный ремонт Большого грота, фонтанов и каскада у Большого императорского дворца. Для этого Канцелярии от строений было необходимо 2000 пудов цемента. Русская администрация по представлению главного инженера Петергофа, уже знакомого нам инспектора Фонармуса (Дирка ван Аммерса-старшего, который вернулся на государственную службу в 1734 г.⁸⁴) поручила голландскому купцу Мартину Девалю закупить этот цемент в Голландии по цене 12 руб. за 20-пудовую бочку. Причем главный архитектор Северной столицы и ее окрестностей «Осип Трезин» (Пьетро Антонио Трезини) подтвердил мнение инспектора Фонармуса, «нарекая галанской семент лутче роосиского, а роосиской будто бы ко употреблению негоден». Заметим, что «Осип Трезин» вообще предложил закупить цемент «поцолана» в Италии, «понеже де италианской сементь против галанского весма лутче»⁸⁵. Руководство Канцелярии от строений отвергло закупки в Италии из-за дороговизны доставки. Генерал-майор и кавалер граф Брюс с компаньонами потребовали от Канцелярии от строений организовать независимую экспертизу производимого ими цемента, «кроме оных Трезина и Фонармуса знающими архитекторами»⁸⁶. Русская администрация отнес-

лась к этому вопросу очень добросовестно. Она потребовала всем строительным организациям, употреблявшим цемент, дать справку о его происхождении. Оказалось, что «к кронштатским строениям» в 1730 и 1737 гг. цемент поставлялся «с сементных и красочных заводов 20-пудовая бочка по 4 рубли 20 копеек»; в 1738 г. из мызы в Ропше «20-пудовая бочка по 4 рубли 25 копеек». Кроме того, там же использовали и «галанской сементь»⁸⁷. Таким образом, монополия фактически не соблюдалась. Адмиралтейская коллегия имела свои заводы по производству цемента, построенные в нарушение указов Берг-коллегии. Можно предположить, что сделал это именно И.Х. Ферстер. Действительно, в этих же ответах имеется информация о том, что «в Кронштате семент делаетца. И о секрете того дела известен Его высокопревосходительство господин аншеф и квалер-полковник Леберен» (Люберас? — Б.М.). Этот цемент производился в больших количествах, но поставить его в Петергоф не было возможности, «ибо потребен к каналному делу»⁸⁸. Отметим, что ни инспектор Фонармус, ни архитектор «Осип Трезин» ничего не знали о секретном цементе. По приказу Канцелярии от строений резного дела мастер Конрад Оснер, скульптор Цвенгоф и «архитектурии гезель» Исаков исследовали «секретный» кронштадтский цемент и цемент производства генерал-майора и кавалера графа Брюса («петрунеллиев семент»). Оснер и Цвенгоф дали следующее заключение о «секретном» цементе: «...которой явился такого доброго качества, как доброй галанской семент быть может. И к постилке в гротах и бассейнах разных мраморных и протчих каменных плит, для укрепления от мокроты, весьма годен». «Гезель» Исаков дал более уклончивую характеристику: «оная сементь <...> как видно качества доброго и ко употреблению в дело быть годна. Токмо, по здешнему климату, не будет ли от морозов или от каких других беспокойных погод в деле вредитца, о том он знать не может, понеже, чрез бытность ево у разных работ, как при архитекторах, так и собою, того сементю практикою исправляемо не было»⁸⁹. Оснер и Цвенгоф написали о «петрунеллиевом сементе»: «здесьний семент к галанскому далече не прийдет». Инспектор Фонармус добавил к своему заключению следующее: «...о покупке в 737 году у компанейщика Петрунеллия сементе 108 бочках <...>. Что тою петрунеллиевою сементю деланы фантанные бассейны из пудажскаго камню. В том числе у Адама и Евы, и два римские, и два в цветниках в низу, против больших палат по обе стороны Большого канала. И что оным сементом делано, то все повредилось. И оным же паки было почини-

вано и вредилося от того, что в сырых местах и под водою оной цемент худо сохнет, понеже де добротою, против галанского цемента, не приходит»⁹⁰. Руководство Канцелярии от строений решило закупить для ремонтных работ в Петергофе и к другим «нужнейшим Ея императорскаго величества домовым фантанным, гротическим, кашкадным строениям и укреплениям, ежели потребуетца, именно заморского, а не российского» цемента⁹¹. В августе 1745 г. «для дела в Царском Селе» бассейна был также закуплен голландский цемент⁹².

Очевидно, что автором технологии кронштадтского «секретного» цемента мог быть только И.Х. Ферстер. С 1730 г. он проводил исследования и разрабатывал новые сорта русского цемента. Он же наладил производство этого строительного материала в Ропше. Если бы в ведомстве Адмиралтейской коллегии имелся еще хотя бы один специалист по цементу, то он обязательно был бы приглашен для сравнения голландского цемента, «петрунеллиева» и кронштадтского «секретного». Этого не произошло. Неприязненные отношения между немецким «мармулиром» и архитектором и генералом-майором и кавалером графом Брюсом с компаньонами не позволили русской администрации пригласить И.Х. Ферстера.

В монографии И.Л. Значко-Яворского по истории цемента приведены результаты исследований строительных растворов только Петропавловского собора (1712–1733)⁹³. Этого явно недостаточно. Из вышесказанного следует, что в первой половине XVIII в. использовались как минимум 4 сорта цемента: первый — ферстеровский (с 1721 г.); с 1727–1728 гг. его усовершенствованный состав; цемент, производимый на заводе Брюсов; «секретный» кронштадтский состав, появившийся в конце 1730-х — начале 1740-х годов. Очевидно, что необходимо продолжить исследования химического состава цементов первой половины XVIII в.

И.Х. Ферстер работал в Кронштадте до своей смерти в 1755 г.⁹⁴ После 1745 г. никаких сведений о его деятельности по разработке новых технологий и сортов цемента найти не удалось.

1. Павлова М.А. Ферстер (Ферштер) Иоганн (Яган) Кристиан Förster // Три века Санкт-Петербурга. Осьмнадцатое столетие: Энциклопедия. СПб., 2001. Кн. вторая. С. 453; *Она же*. Архитектор Иоганн Крестьян Ферстер и его деятельность // Петербургские чтения—97: материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург 2003». СПб., 1997. С. 55–57; *Она же*. «Мармулир» Иоганн Крестьян Ферстер и его работы по отделке дворцовых интерьер-

ров петровского времени // Петровское время в лицах—1999: материалы науч. конф. СПб., 1999. С. 50—53.

2. *Грaбарь И.Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX вв. СПб., 1994. С. 63—64.

3. *Макаров Б.С.* Франсуа де Вааль в Петербурге // Петровское время в лицах—2007: материалы науч. конф. (ТГЭ. Т. 38). СПб., 2007. С. 160—161.

4. *Малиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII в. СПб., 2008. С. 34; *Макаров Б.С.* Голландцы в России в первой половине XVIII в. Лексикон. СПб., 2009. С. 43.

5. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 102. 1718. Л. 11, 41.

6. *Павлова М.А.* Ферстер (Ферштер) Иоганн (Яган) Кристиан Förster. С. 453.

7. РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 23. 1718. Л. 59.

8. РГА ВМФ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 21. Л. 141.

9. *Малиновский К.В.* Указ. соч. С. 180.

10. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 45. 1726. Л. 364—371 об.

11. *Морозова А.А. Н.Ф.* Гербель — городской архитектор Санкт-Питер Бурха. 1719—1724. СПб., 2004. С. 19.

12. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 20. 1721. Л. 239.

13. Там же. Л. 236—247.

14. *Макаров Б.С.* Тимофей «меншой» Фонармус. История одного подряда // Петровское время в лицах—2007: материалы науч. конф. (ТГЭ. Т. 43). СПб., 2008. С. 160—168.

15. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 4(б). 1719. Л. 153—153 об.

16. Там же. Л. 157.

17. *Макаров Б.С.* Голландцы в России в первой половине XVII в. С. 281—283.

18. РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 61. 1725. Л. 334.

19. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 4(б). 1719. Л. 159.

20. Там же. Л. 164—164 об.

21. *Павлова М.А.* Ферстер (Ферштер) Иоганн (Яган) Кристиан Förster. С. 453.

22. *Петров А.Н., Петрова Е.Н., Раскин А.Г.* и др. Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1983. С. 14—15.

23. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 18а. 1721. Л. 161—161 об.

24. *Макаров Б.С.* Быт и частная жизнь голландских мастеров в Санкт-Петербурге, их друзья и враги // День нидерландики 18.09.2003: сб. докл. Нидерландско-российского центра. СПб., 2003. С. 55—66.

25. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 18б. 1721. Л. 865.

26. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 258. Апрель 1745. Л. 40—48 об.; Д. 33. 1723. Л. 725.

27. *Значко-Яворский И.Л.* Очерки истории вяжущих средств. М., 1963. С. 327.

28. *Луцков С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М., 1952. С. 105.
29. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 61а. Д. 8. 1728. Л. 254.
30. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 140. Л. 861–863 об.
31. РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 3. Август 1723. Л. 30–31.
32. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 140а. 1722. Л. 861–863 об.
33. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 4. Сентябрь 1723. Л. 9 об. — 10; *Макаров Б.С.* Франсуа де Вааль в Петербурге // Петровское время в лицах—2007: материалы науч. конф. (ТГЭ. Т. 38). СПб., 2007. С. 162.
34. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 18б. 1721. Л. 866–868.
35. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 773. 1721. Л. 1.
35. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 16а. 1721. Л. 230–232.
37. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 136. 1722. Л. 377–378.
38. Там же. Л. 917.
39. Там же. Л. 947.
40. Там же. Л. 969–970.
41. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 38а. 1723. Л. 236–239.
42. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Часть 1. Кн. 32а. 1723. Л. 155–156.
43. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 412. 1722–1724. Л. 7; Д. 146. Ч. 1. 1725. Л. 267–267 об.
44. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 12. 1724. Л. 50–50 об.
45. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 148. Ч. III. 1725. Л. 416, Л. 788.
46. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 59а. 1727. Л. 147–154 об.
47. *Павлова М.А.* Архитектор Иоганн Крестьян Ферстер и его деятельность. С. 56.
48. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 45. Март 1727. Л. 182–183.
49. *Сухарева О.В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005. С. 135.
50. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 11. 1724. Л. 16; Д. 12. Л. 15.
51. РГИА. Ф. 470. Д. 12. Л. 4–4 об.
52. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 4. 1723. Л. 8–8 об.
53. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 33 Л. 726–728.
54. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 33. 1724. Л. 725.
55. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 15. Л. 44–44 об.
56. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 15. 1724. Л. 53.
57. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 7. 1723. Л. 65–65 об.
58. РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 139. 1723. Л. 776.
59. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 59а. 1727. Л. 289–319.
60. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 8. 1723. Л. 53–53 об.; Д. 8. 1723. Л. 68.
61. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 39а. Л. 377–380.
62. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 27а. 1723. Л. 370.
63. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 41. 1724. Л. 287–289.
64. *Павлова М.А.* Архитектор Иоганн Крестьян Ферстер и его деятельность. С. 56.

65. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 486. 1727. Л. 994–1007 об.
66. Там же. Л. 996.
67. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 56в. 1726. Л. 800–802 об.
68. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 56в. 1726. Л. 799–799 об.; Ф. 470. Оп. 5. Д. 258. 1745. Л. 42–43.
69. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 56в. 1726. Л. 803.
70. Павлова М.А. Архитектор Иоган Крестьян Ферстер и его деятельность.
- С. 56–57; Она же. «Мармулир» Иоганн Крестьян Ферстер... С. 53.
71. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 59а. 1727. Л. 316–317.
72. Там же. Л. 318.
73. Там же. Л. 319.
74. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 45. 1727. Л. 209–210.
75. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 180. 1738. Л. 137.
76. Там же. Л. 137 об.
77. Там же. Л. 138.
78. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 61б. 1728. Л. 389–390.
79. Павлова М.А. Архитектор Иоган Крестьян Ферстер и его деятельность.
- С. 56–57; Она же. «Мармулир» Иоганн Крестьян Ферстер... С. 53.
80. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 150. 1736. Л. 213.
81. *Значко-Яворский И.Л.* Указ. соч. С. 331.
82. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 258. 1745. Л. 40.
83. Там же. Л. 40 об.
84. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 226. Сентябрь 1742. Л. 188–180 об.
85. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 258. 1745. Л. 41.
86. Там же. Л. 41 об.
87. Там же. Л. 43.
88. Там же.
89. Там же. Л. 44.
90. Там же. Л. 45.
91. Там же. Л. 48.
92. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 262. 1745. Л. 203.
93. *Значко-Яворский И.Л.* Указ. соч. С. 332.
94. Павлова М.А. «Мармулир» Иоганн Крестьян Ферстер... С. 50–53.

Е. М. Лупанова

ПЕРЕПЛЕТНЫЙ МАСТЕР ФРИДРИХ РОЗЕНБЕРГ

Фридрих Розенберг был переплетным мастером в Петербургской академии наук. Известно, что он был уроженцем города Штеттин (Пруссия). Впервые он упоминается в русских документах в качестве подмастерья в «Ведомости о обретающихся при Академии иноземцах советниках, профессорах и о протчих служителях, кто какой нации и где родился» 1741 г.¹

В мае 1742 г. Ф. Розенберг стал академическим переплетным мастером² и оставался на этой должности не менее 28 лет. Этому назначению предшествовала отставка после недолгой работы в Петербурге. 12 марта «...Академия наук, за неподтверждением своего штата» объявила о том, что «так многих художников и излишних служителей содержать никоим образом не в состоянии, к тому ж от сего впредь не токмо в большие долги, но и в крайнее изнеможение притти может». Среди 12 отставленных был и Ф. Розенберг, которому было суждено оставаться без должности при Академии всего два месяца. Его ремесло было уникальным для России первой половины XVIII в., и его личным профессиональным качествам нельзя было не отдать должного. В памяти были те времена, когда книги отправляли переплетать за границу. В краткой академической характеристике Ф. Розенберга сообщалось, что он «разумет два мастерства, а именно: переплетать и футляры делать — и учеников учит обоим»³.

В 1746 г. Переплетная палата была восстановлена, ее существование закреплено Регламентом Академии наук 1747 г., в тексте которого отмечалось: «...польза от сего искусства не только для Академии, но и для всех мест государственных, откуда ученики для обучения присылаемы будут»⁴.

Еще одну бытовую зарисовку представляет рапорт Ф. Розенберга того же года о текущих расходах: «...для переплетной палаты от 1 января сего году выдал он своих денег три рубли, а именно на точение железного обреза ножниц, да куплено яиц, винного уксусу, помады, соли и железных чернил, и требует, чтоб те ему денги выдать, да и в перед на такие материалы повелено было выдавать еще пять рублей». Академическая канцелярия распорядилась компенсировать расходы на переплетное дело⁵.

Большую работу Ф. Розенберг выполнял непосредственно для императорского двора. Большая часть времени работы Ф. Розенберга совпала с периодом правления Елизаветы Петровны. Императрица любила роскошь и регулярно обращалась в Переплетную палату с требованием немедленно изготовить богатый изысканный переплет того или иного издания. Эти книги предназначались для самой императрицы и ее ближайшего окружения, служили подарками и использовались при организации придворных торжеств.

Переплетное ремесло требовало от мастера ряда отработанных умений. Процедура начиналась с выравнивания краев, предварительно опрыснутых водою листов и зажатых в тисках; далее книгу делили на «тетради» и «удели» (тетрадь = 4 листа; удель = 15 тетрадей), проколачивали, проверяли порядок листов, прошивали на специальном станке, проклеивали корешок, снова выравнивали и обрезали края корешка. Далее начинался процесс изготовления самого переплета: приготавливали доски, из черных и белых ниток плели обшивку (при невозможности это сделать использовали ситец); затем мочили и выжимали кожу, раскладывали ее на верстаке, выравнивали, выкраивали по размеру, шлифовали края острым ножом на мраморном камне, мазали крахмалом, натягивали на книгу и выравнивали специальной «гладилкой»; далее загибали канты, срезали и загибали углы; книгу сушили в теплом месте и грунтовали жидким крахмалом. Чтобы добиться красивой глянцевой поверхности, переплет покрывали поташом, разведенным в горячей воде, грунтовали жидким крахмалом, затем — взбитым яичным белком и снова сушили. Разогретыми на горячих углях дорожниками на переплетах наносили линии в нескольких миллиметрах от краев («дорожничали»); накатками и штенпелями наносили орнаменты⁶. Существовали различные тонкости и секреты мастерства, у каждого переплетчика они были свои. С переходом к массовым тиражам описанная ручная технология ушла в прошлое, книги стали просто вставлять в заранее изготовленные пере-

плеты, созданные несколькими мастерами при помощи специального оборудования⁷.

В 1752–1753 гг. переплетный мастер изготавливал для императорского кабинета футляры для перьев и чернил⁸. В это же время Ф. Розенберг серьезно занимался ремонтом переплетного оборудования, заказом на сестрорецких заводах нового шток-пресса, контролем за выполнением этого заказа⁹. Он докладывал о необходимых работах: «...для переплетной палаты сделать и починить надлежит следующие вещи, а именно: в инструментальной палате починить девятнадцать старых прессов да припаять девять медных штемпелей в пунсонной палате, сделать штемпелей новых тринадцать да десять старых на меди выреза». Канцелярия Академии наук дала распоряжение: «...девятнадцать старых прессов починить и девять медных штемпелей припаять подмастерью Тирютину, тринадцать новых штемпелей и девять старых на меди вырезать подмастерью Краюхину»¹⁰.

Ряд заказов Ф. Розенберг выполнил для Географического департамента Академии наук:

- После пожара 1747 г. шли работы по воссозданию сгоревшего Готторпского глобуса. Работы велись в теплое время года, а на зиму переплетный мастер ежегодно бережно оборачивал глобус бумагой¹¹.
- В мае-июне 1755 г. «адъюнкт Трускот поданным в канцелярию репортом объявил, что данные ему от г-на профессора Миллера пять ландкарт Буашевых, в которых имеется часть западной Америки и часть восточной Азии, которые надлежит по его профессора желанию переплести вместе с их описанием; и еще две-одну Данвиллову генеральную Российской империи, а другую генеральную, сочиненную по его г-на профессора описанию сибирскую карту наклеить на холст»¹².
- В августе 1758 г. «полученные из Китая от иезуитов четыре карты небесного и земного глобусов наклеить на тонкой холстине <...> ибо из упомянутых карт две присланы в подарок в Академию, а две — его сиятельству»¹³.

Важной и не освещавшейся в историографии стороной деятельности переплетного мастера было его участие в изготовлении научных инструментов.

В 1754 г. Ф. Розенберг обратился в Канцелярию Академии наук с требованием купить пергамен, необходимый ему для оклейки зрительной трубы¹⁴.

В сентябре 1759 г. Ф. Розенберг изготовил для М.В. Ломоносова «модель из бумаги, зделана наподобие Вавилонской башни», стоимостью 30 коп., предназначенную, видимо, для физических опытов.

В октябре 1760 г. он изготовил французский переплет для «Гейникова перспективного зеркала».

В октябре 1762 г. Ф. Розенберг вместе с не названным в документах по имени учеником помогал М.В. Ломоносову в работе над однозеркальным телескопом в домашней мастерской ученого на набережной реки Мойки¹⁵.

В 1763 г. Ф. Розенберг участвовал в изготовлении термометров для М.В. Ломоносова.

В 1764 г. Ф. Розенберг просил о покупке двух кусков верблюжьей кожи для оклейки зрительной трубы работы Р. Пачекко¹⁶, испанского механика, крупного специалиста по изготовлению оптических инструментов, рекомендованного Л. Эйлером и на тот момент работавшего в Петербургской академии наук. Это сотрудничество длилось недолго, всего несколько месяцев¹⁷, но и в этот короткий срок переплетный мастер был необходим в процессе изготовления оптических инструментов.

В том же 1764 г. Ф. Розенберг участвовал в изготовлении трех ночезрительных труб — знаменитого изобретения М.В. Ломоносова. Конструкция была разработана ученым в 1756 г., и за возможность реализации идеи он боролся в течение нескольких лет, отстаивая ее перед академиками, считавшими проект неосуществимым. Три ночезрительные трубы были изготовлены в январе-феврале 1765 г. для Адмиралтейской коллегии Н.Г. Чижовым и И.И. Беляевым. За их оклейку черной кожей мастер Ф. Розенберг просил выдать ему 5 руб. 50 коп.¹⁸

Из учеников Ф. Розенберга известен Егор Мокеев как самый способный. Он был рекомендован в 1750 г. на должность подмастерья следующим образом: «...переплетает так хорошо, как лучший французский переплетчик»¹⁹. Такое сравнение было высшей похвалой, поскольку искусство французских мастеров переплетного дела служило образцом для всей Европы. Известно также о принятии в 1753 г. из Вотчинной конторы для обучения в Переплетной палате у Ф. Розенберга Андрея Шевякова «для наилучшего обучения тому переплетному художеству и познания всех принадлежащих к переплету, обреза, тиснению и протчих инструментов, какие необходимо нужны, определено оною ученика Шевякова для того обучения отослать к мастеру

переплетного искусства Розенбергу и велеть ему Розенбергу ево обучать тому искусству некорыстно и принадлежащие к переплету обрезу, тиснению и протчие инструменты ему показывать и смотреть за ним, чтоб он под видом учения гульбы не имел, а как он тому искусству совершенно обучитца, то ево ему Розенбергу представить в канцелярию при репорте»²⁰.

Ученики Ф. Розенберга принадлежали к числу первых русских мастеров, переплетавших светские издания, они продолжили дело мастера, делая оригинальные изысканные работы. В то же время они принадлежали к числу последних мастеров, работавших не на поточное производство, а изготавливавших эксклюзивные переплеты. На рубеже XVIII–XIX вв. с ростом издательских тиражей это искусство уходит в прошлое.

1. № 920. 14 октября 1741 г. // Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1887. Т. IV. С. 740.

2. № 161. 17 мая 1742 г. // Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1889. Т. V. С. 140–141.

3. *Хотеев П.И.* Пять очерков из ранней истории Академической Библиотеки // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 2. С. 7.

4. Регламент и штаты Академии наук и художеств. 24 июля 1747 г. // История Академии наук СССР. М.; Л., 1958. Т. 1. 1724–1803. С. 448.

5. Там же. С. 260.

6. *Евлампиев Г.Е.* Руководственные заметки московского знатока и любителя переплетного искусства // Симони П. Опыт сборника сведений по истории и технике переплетного искусства на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно. Тексты. Материалы. Снимки. СПб., 1903. С. 213–220; *Лермантов В.В.* Переплетное мастерство // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. XXIII. С. 248–253.

7. *Анисимов В.И.* Книжный переплет. Краткий конспект по истории и технике переплетного дела. Пг., 1921. С. 61.

8. Журналы канцелярии Академии наук. 1755 г. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 521. Л. 42.

9. Журналы канцелярии Академии наук. 1752 г. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 521. Л. 194; Д. 522. Л. 163, 221.

10. Журналы канцелярии Академии наук. 1753 г. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 522. Л. 147 об.

11. Журналы канцелярии Академии наук. 1752 г. Л. 349 об. // Летопись Кунсткамеры. СПб., 2014. С. 262.

12. Журналы канцелярии Академии наук. 1755 г. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 524. Л. 185.
13. Журналы канцелярии Академии наук. 1758 г. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 528. Л. 219.
14. Журналы Канцелярии Академии наук. 1754 г. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 523. Л. 93.
15. *Ченакал В.Л., Андреева Н.А., Павлова Г.Е., Соколова Н.В.* Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 381.
16. Журналы Канцелярии Академии наук. 1764 г. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 534. Л. 84.
17. *Бренева И.В.* История Инструментальной палаты Петербургской Академии наук (1724–1766). СПб., 1999. С. 162.
18. *Ченакал В.Л.* Русские приборостроители первой половины XVIII в. Л., 1953. С. 190–191; *Ченакал В.Л.* Иван Иванович Беляев — русский оптик XVIII века. 1710–1788 гг. Л., 1976. С. 67.
19. *Хотеев П.И.* Пять очерков... С. 7.
20. Журналы канцелярии Академии наук. 1753 г. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 522. Л. 147 об. — 148.

М.М. Сафонов

НЕИЗВЕСТНЫЙ УЧАСТНИК ЦАРЕУБИЙСТВА 11 МАРТА 1801 г.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в фонде историка Н.К. Шильдера сохранилась выписка из дневника барона К.И. Остен-Сакена, бывшего воспитателя великого князя Константина Павловича. В дневнике зафиксирован подлинный рассказ цесаревича Константина о том, как убивали его отца — императора Павла I. Запись сделана 15 апреля 1801 г.¹

“Paul imitait en tout feu le roi de Prusse Frédéric II en fait de militaire. Ayant entendu qu’en cas d’incendie de nuit il avait donné l’ordre à l’adjutant du régiment de garde à frapper à la porte, avait ordonné la même chose. Les révolutionnaires profitant de cette circonstance entrèrent par ce moyen la nuit sa chambre. Le prince Zouboff et 5 autres personnes le général major Bennigsen, les colonels de l’artillerie prince Yaschvil, Tatarinoff, le comte Nicolas Zouboff, l’adjutant Löscher de Hertzfeldt entrèrent dans la chambre à coucher de Paul, le prince Zouboff lui déclarant qu’il était arrêté qu’il n’était plus Empereur; il avait demandé par quell ordre, et en lui répondant que c’était par celui de la nation mécontente de son règne, il a prié de lui laisser la vie en promettant de se corriger; mais les personnes craignant les suites, et d’ailleurs près de vin pour être hardie, le prince Zouboff leur avait dit ce proverbe trivial: on ne fait point d’omlette sans casser les oeufs, le prince Yaschvil a été le premier à lui donner un grand coup à la tête dont il s’était évanoui, les autres assassins l’ont achevé en l’étrayant”.

Рукопись замечательна в нескольких отношениях. Перед нами — одно из самых ранних письменных свидетельств об убийстве императора. Кроме того, ценность этого документа заключается еще и в том, что он исходит от члена императорской фамилии, активного участника дворцового переворота², члены же царской семьи, как известно, предпочитали не высказываться на этот счет. Его рассказ содержит

ряд сведений, которые позволяют скорректировать наши представления о том, что в действительности произошло в опочивальне Павла в ту роковую ночь. Наконец, дневник К.И. Остен-Сакена предоставляет возможность существенно уточнить круг лиц, на которых падает обвинение в убийстве императора.

Из дневника явствует, что спустя месяц после переворота 15 апреля 1801 г. цесаревич приехал в гости к бывшему своему ментору и рассказал, как все произошло. По словам Константина, «революционеры» (так он назвал заговорщиков) воспользовались тем обстоятельством, что Павел I подражал Фридриху II во всем, что касалось военных дел. Царю стало известно, что прусский король в том случае, если ночью возникнет пожар, отдал приказ адъютанту гвардейского полка стучать в дверь его спальни. Русский император приказал своему гвардейскому адъютанту делать то же самое. Конspirаторы воспользовались этим обстоятельством.

«Князь Зубов и 5 других лиц: генерал-майор Беннигсен, полковники артиллерии князь Яшвиль, Татаринов, граф Николай Зубов, адъютант Лешер де Гертцфельдт вошли в спальню императора. Князь Зубов объявил Павлу, что он арестован и больше не император. Павел спросил, по чьему приказу? “По приказу нации, недовольной его правлением”, — ответил Зубов. Павел умолял сохранить ему жизнь и обещал исправиться. Но эти лица опасались последствий, к тому же для смелости они изрядно выпили. Князь Зубов сказал им слова известной поговорки: “Нельзя сделать омлет, не разбив яйца”. Князь Яшвиль первым нанес императору сильный удар по голове, от которого он потерял сознание. Остальные убийцы dokonчили царя, задушив его»³.

Очевидно, запись К.И. Остен-Сакена очень тенденциозна. Рассказ Константина проникнут враждебностью к отцу, которого он не только смертельно боялся, но и ненавидел. В интерпретации цесаревича прослеживается та же закономерность, что и во всех мемуарах, авторы которых были негативно настроены по отношению к Павлу: великий князь сообщает, что царь в конце концов был готов пойти на уступки и просил пощады. Однако большинство мемуаристов свидетельствует: Павел оказал заговорщикам отчаянное сопротивление⁴. Но Константин же, по понятным причинам, предпочитал об этом не вспоминать.

Несмотря на тенденциозность, рассказ цесаревича выгодно отличается от свидетельств других мемуаристов знанием конкретных дета-

лей. В описании К.И. Остен-Сакена есть одна очень важная деталь, позволяющая по-новому взглянуть на то, что произошло в императорской опочивальне. Это фраза об «омлете», призывающая к активным действиям. Согласно дневниковым записям, ее произносит Платон Зубов. Принято считать, что этими сакраментальными словами глава конспирации военный губернатор П.А. Пален напутствовал заговорщиков, когда они только отправлялись в Михайловский замок⁵. Лидер тем самым как бы давал санкцию на кровь и убийство⁶. Эти слова, служащие призывом для колеблющихся конспираторов, как теперь выясняется, произнес в спальне императора вовсе не военный губернатор, на месте убийства не присутствовавший, а последний фаворит Екатерины II.

Запись К.И. Остен-Сакена позволяет иначе поставить вопрос о распределении «вин» непосредственных участников. Несомненно, Платон Зубов был главным действующим лицом. Не случайно же он выступил в роли оратора. Именно он призвал заговорщиков к решительным действиям. В.М. Яшвиль, а вовсе не Николай Зубов, как гласила молва⁷, нанес сильный удар императору, сбивший его с ног. Что касается Беннигсена, то он, по-видимому, был в числе “les autres assassins”, то есть прочих убийц. Он не играл никакой первенствующей роли, и если даже вышел из спальни или отвернулся в момент убийства, как потом убеждал современников⁸, это никак не повлияло на развитие событий.

Хотя Константин не был в опочивальне, когда произошло убийство⁹, его рассказ примечателен тем, что цесаревич называет имена убийц Павла. П.А. и Н.А. Зубов, Л.Л. Беннигсен, В.М. Яшвиль и И.М. Татаринов фигурируют в большинстве рассказов о мартовских событиях. (Правда, чины Беннигсена и Яшвиля у К.И. Остен-Сакена указаны неверно¹⁰.) Но Löscher de Hertzfeldt, то есть Лешерн фон Герцфельдт (так писалось это имя в русской транскрипции), среди цареубийц здесь появляется впервые¹¹. Его нет ни в одном списке заговорщиков, приводимом мемуаристами: М.А. Фонвизина¹², А. Коцебу¹³, В. Гёте¹⁴ и другими авторами воспоминаний. Нет его и в списках конспираторов, составленных исследователями дворцового переворота 11 марта 1801 г. по другим источникам¹⁵.

Может быть, К.И. Остен-Сакен что-то напутал или неверно изложил то, что рассказал цесаревич?¹⁶

Между тем нет никаких сомнений в том, что отставленный от службы лейб-кирасирского полка подполковник Герцфельдт прини-

мал участие в кровавой бойне в спальне императора. За ночной «подвиг» на следующий день после переворота он был вознагражден: «Отставленный от службы из лейб-кирасирского его императорского величества полка подполковник Лешерн фон Герцфельдт принимается паки в службу с награждением чина полковника, коему состоять по армии», — сообщили «Санкт-Петербургские ведомости» 15 марта 1801 г.¹⁷ Это награда за ночное действие в императорской спальне. Приказ нового императора следует рассматривать в одной связи с повышением других участников переворота. Так, в этот же день, 15 марта, поручик Ушаков, передавший личный приказ Константина дежурному по конногвардейскому караулу, охранявшему опочивальню Павла, полковнику Н.А. Саблукову быть одновременно и дежурным по полку конной гвардии, стал ротмистром. А начальник конногвардейского караула штандарт-юнкер Андреевский был произведен в корнеты. Беннигсен же, генерал-лейтенант в отставке, был вновь принят на службу и зачислен в армию¹⁸. Едва ли следует сомневаться в том, что производство отставного подполковника Герцфельдта в чин полковника и возвращение на службу — явление того же порядка.

К сожалению, о подполковнике Герцфельдте практически ничего неизвестно¹⁹. Как он оказался в отставке? Что побудило оставленного подполковника отправиться в Михайловский замок низвергать Павла I? Как Герцфельдт оказался в числе шести самых решительных конспираторов, взявших на себя наиболее рискованную роль? Дальнейшие изыскания, возможно, дадут ответы на эти существенные вопросы.

1. ОР РНБ. Ф. 859. К. 22. № 14. Л. 96–97.

2. Сафонов М.М. Вокруг Михайловского замка. (К истории дворцового переворота 1801 г.) // Государство и общество в России XV — начала XX в. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 408–409.

3. Стоит ли бить яйца для такого омлета? // Вечерний Петербург. 2001. 3 марта.

4. Сафонов М.М. «Наши руки обагрились кровью не из корысти...» (В.М. Яшвилъ — участник дворцового переворота 11 марта 1801 г.) // Грузино-российские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 240–241.

5. Михайловский замок. СПб., 1999. Ч. II. С. 76, 77.

6. Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1982. С. 300.
7. Цареубийство 11 марта 1801 г.: Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 88, 130, 189, 210, 274, 384.
8. Сафонов М.М. «Наши руки обагрились кровью не из корысти...» С. 240–241.
9. Сафонов М.М. Вокруг Михайловского замка. С. 409.
10. Л.Л. Беннигсен назван генерал-майором, но был генерал-лейтенантом, В.М. Яшвиль же являлся генерал-майором, а не полковником артиллерии и служил генерал-фельдцейхмейстером флота. Впрочем, с чинами участников переворота у мемуаристов и большинства исследователей наблюдается большая путаница (Сафонов М.М. Был ли Лев Яшвиль убийцей Павла I? // Российская история. 2016. № 2. С. 161–165).
11. Н.А. Саблуков пишет, что после того, как царь получил удар в висок и упал, «француз — камердинер Зубова вскочил с ногами на живот императора» (Цареубийство 11 марта 1801 г. С. 88). К.И. Остен-Сакен называет де Герцфельда адъютантом. Не исключено, что адъютант с французской фамилией мог трансформироваться в устной традиции во француза-камердинера, присутствие которого в спальне более чем сомнительно.
12. Цареубийство 11 марта 1801 г. С. 201–202.
13. Там же. С. 373.
14. Дурьлин С. Русские писатели у Гёте в Веймаре // Литературное наследство. М., 1932. Т. 4–6. С. 127–129.
15. Дополнительные примечания князя А.Б. Лобанова-Ростовского к записке Коцебу // Цареубийство 11 марта 1801 г. С. 418–420; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 387–389.
16. Цареубийство 11 марта 1801 г. С. 88.
17. Санкт-Петербургские ведомости. 1801. 15 марта.
18. Сафонов М.М. Вокруг Михайловского замка. С. 410–411.
19. В энциклопедическом словаре А.И. Серкова фигурирует Лешерн фон Герцфельдт (Гиршфельд), лютеринанин, масон, женатый на А.И. Меллер-Закомельской, умерший в 1817 г. в чине генерал-майора и похороненный на Волковом лютеранском кладбище (Серков А.И. Русское масонство 1731–2000. М., 2001. С. 477). Указанный Лешерн фон Герцфельдт являлся членом ложи «Соединенных друзей» и «Орла российского», образованных в царствование Александра I. Был ли этот человек масоном во время дворцового переворота 11 марта 1801 г., осталось неизвестным.

О.В. Иодко

БОТАНИК, ШЕЛКОВОД И ПУТЕШЕСТВЕННИК Ф.К. МАРШАЛ ФОН БИБЕРШТЕЙН

Фридрих Август (Федор Кондратьевич) Маршал (Маршалл) фон Биберштейн был по образованию военным, по душевной склонности — ботаником. Когда он приехал в Россию — страну больших возможностей, широта его интересов способствовала тому, что он проявил себя еще как зоолог, энтомолог и археолог.

Он не имел постоянного места жительства в Петербурге, но с тогдашней столицей его связывали тесные научные контакты, а в XIX—XX веках в Петербурге сконцентрировалось его научное наследие. Сведения о его биографии крайне скудны¹.

Ф.К. менял занятия и постоянно переезжал, поэтому, к сожалению, не удалось обнаружить ни его адресов (кроме последнего), ни формулярного списка. Поэтому в процессе поиска приходилось сопоставлять нечетко зафиксированные факты.

Удачей было найти описание внешности ученого в статье Ф. Стаффлэ со ссылкой на В.Г. Бессера², представившего его как «круглолицего человека с очень светлыми волосами, среднего роста и плотного телосложения, носившего очки, живого и приятного попутчика и хорошо-го хозяина»³.

Ф.К. Маршал фон Биберштейн родился 10 августа (н.ст.) 1768 г. в Штутгарте⁴. Безымянная статья в Википедии сообщает, что он был сыном полковника из Вюртемберга Конрада Отто Кристофа Фрайхера Маршалла фон Биберштейна (1726–1796) и Йоханны Терезии Генриетты, урожденной Вольф (1738–1783) из Людвигсбурга, сочетавшихся браком 21 сентября 1761 г. Род Биберштейнов, насчитывавший около 800 лет, происходил из Саксонии и назывался по имени замка под Дрезденом. У него было два брата: Карл Вильгельм (1764–1817), с 1809 г. министр внутренних дел Бадена, с 1811 г. посланник в Штутгарте, и Эрнст Франц Людвиг (1770–1834). Все трое были выпускниками Штутгартского кадетского корпуса (Hohe Carls-Schule), преобразованного затем в военную академию⁵. Уже в годы обучения Ф.К. проявлял особый интерес к естественным наукам, свидетельством чему служат сохранившиеся зоологические дневники, которые он вел 14–17 сентября 1786 г. в Штутгарте, 13 мая — 6 сентября 1787 г. в Аллергейме, 5 мая — 17 октября 1788 г. в Валлерштайне⁶, и ботанические дневники, датированные 3 июня — 25 октября 1786 г. и 16 апреля — 13 сентября 1787 г.⁷

В ходатайстве о приеме на русскую гражданскую службу от 31 июля 1797 г. он пишет: «Уроженец герцогства Вюртемберг, я был на военной службе в России с 1792 по 1795 г., последнее место флигель-адъютанта генерала графа Каховского⁸. В 1795 г. я оставил военную службу⁹, чтобы поступить в гражданскую. Достаточно трудная задача, которую я недавно исполнял, не только не привела меня к моей цели, но во всем ее продолжении я даже был без жалования и лишен моих собственных средств»¹⁰. Позднее П.С. Паллас¹¹ в отзыве на представленную к печати работу Ф.К. упоминает об этом конфликте, не раскрывая, однако, его сути: «Барон Маршалл, с которым я некогда сделал несколько поездок в Тавриду, его усердие в ботанике и дарования во всех областях натуральной истории позволяют мне считать его достойным для использования на этом поприще или по части хозяйственной на службе Его Величеству императору, тем более что весьма неприятные обстоятельства, которые нечаянно навлекли на него немилость господина графа Каховского, с которым он был связан, стали закатом его удачи»¹².

В ходатайстве Ф.К. пишет, что в Германии в течение трех лет служил ассессором в департаменте, ведавшем лесными делами, и далее: «Во время моего пребывания в России я близко познакомился с языком страны¹³ и в то же время имел случай приобрести местные позна-

ния благодаря частым поездкам и пребыванию в различных провинциях, таких как местности, недавно приобретенные <...>. Я думаю, что теперь смогу оказаться полезным на службе по части лесного хозяйства, столь пренебреженного до сих пор, которое на самом деле достойно попечения великого монарха»¹⁴.

Весной 1794 г. в Грузию, недавно вступившую под протекторат России, вторглось персидское войско под предводительством Ага-Магомет-хана Каджара¹⁵. 11 сентября 1795 г. грузинская армия была разгромлена, и персы жестоко разграбили Тбилиси. Весной 1796 г. по повелению Екатерины II был сформирован Кавказский корпус под командованием графа В.А. Зубова¹⁶, одна часть которого была направлена к Дербенту, а другая двинулась через Грузию. В составе этого корпуса был и Ф.К. Маршал фон Биберштейн. Документа о его командировании не обнаружено. Однако есть протокол заседания Конференции АН, рассматривавшей две его работы, присланные «при письме от 14 апреля в канун отправки в персидский поход»¹⁷, а также дневниковые записи ботанических наблюдений в июне 1796 г. в Персии¹⁸. Любопытно, что его участие в походе не было отмечено мемуаристами. Ни разу не вспоминает его историк и участник похода П.Г. Бутков¹⁹, который отмечал не только боевые подробности, но особенности тех мест: «25 апреля. Город Тарки лежит по крутому косоугору, покрытому диким камнем горы Тарковской, одной из гор Кавказских <...>. Много разводят жители шелковичного дерева. Улицы в городе так тесны, что два человека верхом могут только в ряд ехать. Дома по большей части без кровель, а с плоскими крышами, на которых в жаркое время, летом, спят»²⁰. Ничего не упомянула и жена полковника Владимирского полка Варвара Ивановна Бакунина²¹, по-женски восторгавшаяся живописностью пейзажа: «Выехав из деревни, мы вступили на красивую равнину, заросшую зеленой муравой; на ней кучками росли деревья и кустарники, которые в то время были в полном цвету; особенно много было розовых кустов, на которых безо всякого ухода растут такие же красивые розы, какие украшают наши сады; деревья были по большей части фруктовые, и, кроме того, тут было много оливковых дерев и одно райское дерево²²; вы такого не знаете: на нем бывает множество мелких желтых цветочков с чрезвычайно приятным запахом»²³.

Поход был недолгим, так как после смерти Екатерины II новый император отозвал войска из Закавказья.

В 1797–1798 гг. Ф.К. проводит ботанические наблюдения и сборы на юге России²⁴, обрабатывает их, предлагает к изданию работу «Описание провинций по западному побережью Каспийского моря между реками Тереком и Курой» и просит предоставить ему работу по лесному ведомству. Рукопись дали на просмотр академику Палласу, написавшему положительный отзыв. Для бюрократического улаживания вопросов 4 января 1798 г. генерал-прокурор князь А.Б. Куракин²⁵ пишет петербургскому военному губернатору графу Ф.Ф. Буксгевдену²⁶: «Для объявления высочайшей воли барону Биберштейну покорно прошу Ваше сиятельство приказать, отыскав его по полиции, объявить ему, дабы он явился ко мне»²⁷. Буксгевден 24 января отвечает: «Учинил я предписание здешнему обер-полицмейстеру, от которого рапортом донесено, что барона Биберштейна, по донесению частных приставов, здесь в городе в жительстве не оказалось»²⁸, то есть своего жилья у него в городе не было, возможно, он проживал у кого-то в гостях. Из его переписки с Х. Стевенем²⁹ следует, что жил он в Петербурге в 1802, 1803, 1804, 1805, 1809, 1812 и 1817 гг.³⁰

Во второй половине XVII в. в Россию были привезены первые тутовые деревья, которые посадили в Измайлове под Москвой. Посадками дорожили — так, за вырубку шелковицы грозила смертная казнь³¹. В XVIII в. в России возникла идея заменить дорогой привозной шелк собственным, а также начать выращивать кунжут, чтобы в технических целях использовать кунжутное масло вместо оливкового и подсолнечного. В 1799 г. отмечаются заслуги Ф.К. как смотрителя шелководства по Кавказской линии и коллежского асессора барона Биберштейна по указу Сената от 9 января награждают чином надворного советника³², в феврале 1800 г., находя его «отлично способным и достойным», Ф.К. рекомендуют на должность главного инспектора по шелководству³³ (с резолюцией «быть по сему»), в марте 1801 г. ему, уже статскому советнику, «который по пространным своим знаниям в ботанике и по личной его бытности в Персии может снабдить инспекторов обстоятельно по сему делу инструкциею», поручается попечение о разведении кунжутного семени³⁴. Согласно утвержденному в декабре 1802 г. докладу министра внутренних дел, для усовершенствования виноделия учреждаются два «виноградных» училища — на Кавказе под началом Биберштейна и в Крыму — Палласа³⁵. Согласно утвержденному в мае 1806 г. докладу министра внутренних дел, он получает 15-тысячную беспроцентную ссуду на 10 лет для устройства под Харьковом собственного шелководческого предприятия. Одно-

временно часть его инспекторских функций передается Христиану Стевену, а за Биберштейном остаются «только те места, где присутствие его наиболее нужно быть может»³⁶. Надо сказать, что в то время поездки по Кавказу были небезопасными. Как писал Стевен Биберштейну: «Вот план, который я сделал себе на будущий год. Как я его выполню, я еще не знаю, так как Цицианов³⁷ не дает мне казаков; он говорит: “Для Вашего шелководства у меня нет казаков!”», а объезжать деревни без казаков в Грузии едва ли возможно»³⁸.

Ф.К. поселяется в Мереве под Харьковом. Документов, подтверждающих то, что император подарил ему 5000 десятин земли, как говорится в некрологе П.И. Кёппена, не найдено, тем более что было определено, что для разведения садов «каждому частному дворянину отводить не более 1600 десятин»³⁹. Активность и эрудиция этого человека иногда вызывали экзотические поручения: так, согласно утверждению в июне 1808 г. доклада министра внутренних дел, ему, как имеющему «достаточные познания и по части овцеводства», поручалось в августе отправиться на завод иностранца Миллера, пожелавшего «завести в Новороссийском крае на свой счет овцеводство из испанских овец»⁴⁰.

В 1820 г. в связи с идеей открытия в южных провинциях России двух училищ садоводства Ф.К. поручается обследовать Полтавскую, Харьковскую и Пензенскую губернии для выбора удобных для садоводства мест⁴¹.

Как говорится в некрологе П.И. Кёппена, в 1806 г. в Харькове Ф.К. женился на баронессе Марии Клик, которая была «финляндкой шведского происхождения»⁴². Действительно, ее письма Х. Стевену написаны по-шведски⁴³.

Портрет Ф.К. этого периода дают мемуары, принадлежащие немцу, уроженцу Касселя, воспитаннику Марбургского и преподавателю Гёттингенского университетов, приглашенному в Харьковский университет профессору Д.Х. Роммелю⁴⁴: «По соседству с городом жили двое дворян, Каразин⁴⁵ и Биберштейн <...>. Генерал-маршал Биберштейн известен как издатель кавказской флоры и автор путешествия по землям, лежащим между Терекем и Курюю. Он жил недалеко от Харькова в селе Мереве, где я нередко проводил время <...>. Нашествие французов и первые известия о движении Наполеона по московской дороге произвели на жителей Харькова самые разнообразные впечатления. Генерал фон Биберштейн с полной уверенностью предсказывал гибель всей Наполеоновской экспедиции»⁴⁶, а еще

он написал, что маршал Биберштейн был посаженным отцом его невесты.

В Мерефе Ф.К. занимался инспекторской работой, готовил к изданию труд «Флора Таврико-Кавказика», которая вышла в Харькове в 1808 г.; дополнение, или Supplementum, к этому изданию увидело свет тоже в Харькове в 1819 г.; вел переписку с ботаниками и готовил работу с рисунками, сделанными преподавателем рисования Харьковского университета Я. Маттесом⁴⁷, «Centuria plantarum rariorum Russiae meridionalis praesertim Tauriae et Caucasi iconibus descriptionibusque illustrata» (Иллюстрированный атлас редких растений южной России, преимущественно Таврии и Кавказа с картинками и описаниями). Первая ее часть вышла в 1810 г. в Харькове и продолжала издаваться после смерти ученого на средства Академии наук.

В одном из некрологов было сказано, что «посреди полезных и достойных трудов застала его кончина, на 60 году возраста». От чего он умер и долго ли болел, установить не удалось, но характерно, что последнее его письмо Х. Стевену датировано 3 апреля 1826 г., последнее из писем к нему — 11 мая 1826 г., а умер он 28 июня 1826 г.

В одном из некрологов выражалось соболезнование вдове и сыну ученого⁴⁸. Однако среди писем, в которых вдова просит содействия Х. Стевена в назначении содержания после смерти мужа, содержится копия отношения чиновника Государственного казначейства к министру иностранных дел о назначении ей содержания после смерти первого мужа: «Вдове бывшего шведской службы майора Клика финляндского дворянина, производить тот самой пансион, которой получал покойный муж ея по указу 29 генваря 1791 года по две тысячи рублей на год, и по смерти ея обратит одну половину сего пансиона сыну ея до совершеннолетия, а другую дочери — до замужества»⁴⁹. Так что был у Ф.К. сын или пасынок, неизвестно.

Вопрос о месте его захоронения тоже остается без ответа. В рассказе адмирала И.С. Исакова⁵⁰ о миссии тогда еще мичмана, а впоследствии контр-адмирала А.В. Нёмитца⁵¹ в 1902 г. в Константинополь описан эпизод, объяснявший Нёмитцу подробности его немецкого родства: «В Германии, В Швабии, а если говорить точнее, на землях Бадена, существует несколько ветвей древнего рыцарского дома Биберштейнов. Обнищавшие ветви, наряду с традиционной военной службой, занялись науками, и из Штутгартского университета вышло несколько ученых, дальнейшая судьба которых связана со службой в России. Еще в 1798 г. блаженной памяти император Павел I по ходатайству

графа Каховского из Ясс разрешил принять на службу Фридриха фон Биберштейна в качестве офицера; в последующем тот сделал такие успехи в ботанике, что Александр Благословенный пожаловал ему 5000 десятин в окрестностях Мерефы за труды в области организации российского виноградарства и шелководства. Умер он в 1826 г. и по сей день его останки...»⁵² Казалось бы, вот он, момент истины, но тут персонажа прервали... «По сей день» относилось к 1902 г. А потом эти места пережили революцию, Первую и Вторую мировые войны.

Какова же судьба научного наследия ученого? Через год после его смерти, 29 декабря 1827 г., его вдова написала «Уведомление для любителей науки»⁵³ о готовности продать за 10 тыс. ассигнациями его гербарий, классифицированный по системе Линнея. Наследие приобрела Академия наук через акад. А.К. Триниуса⁵⁴. 11 февраля 1829 г. Конференция АН зачитала сообщение Правления Харьковского университета, что оно «приказало укласть вещи, купленные Академиею у госпожи баронши Маршал Биберштейн, и что заключено условие с Харьковским мещанином Иваном Мартьяновым о провозе сих вещей, уложенных в 6 ящиков, весом в 54 пуда»⁵⁵. 4 марта Конференция АН было доложено о рассмотрении Триниусом четырех связок полученных из Харькова материалов и содержимого ящиков, принятых от Я. Маттеса. Бумаги, относящиеся к ботанике, и гербарий были переданы в Ботанический музей, зоологические и археологические сочинения — в Архив Конференции⁵⁶. 18 марта 1829 г. неперменный секретарь доложил Конференции о получении последней присылки вещей Ф.К.⁵⁷ Комитет Правления АН 2 апреля постановил отметить приобретение в шнуровой книге «впредь до получения подробного каталога»⁵⁸.

Приглашенный в Академию в 1809 г. А.К. Триниус нашел коллекции в запущенном и поврежденном состоянии, одна из них была обнаружена на чердаке Кунсткамеры около дымовой трубы. Создание в 1835 г. Ботанического музея и назначение Триниуса его директором благотворно повлияло на судьбу материалов⁵⁹. Однако и тогда положение было сложным. 14 мая 1835 г. Триниус направил в Комитет Правления записку о том, что в настоящий момент в 40 шкафах содержится около 20–22 тыс. пород растений, «доселе в беспорядке находящихся», объем которых ежегодно прирастает, разборка и описание которых требуют «много времени и занятий, кои, собственно, к обязанности академика не принадлежат»⁶⁰. 22 мая Конференция АН постановила выделить для помощи Триниусу «при расположении

гербариев, при разборе и определении растений и в особенности при составлении каталога»⁶¹ адъюнкта Бонгарда⁶².

Кроме приобретения и сохранения наследия ученого Академия продолжила издание его труда «*Centuria Plantarum...*». А.К. Сытин пишет, что «судьба этого издания несчастлива. Значительное число экземпляров напечатанного в Харькове тиража погибло в пожаре»⁶³. 23 марта 1831 г. К.А. Мейер⁶⁴ доложил Конференции, что среди гуманитарного наследия Маршала фон Биберштейна находятся материалы для продолжения «*Centuria Plantarum...*»: «Этот труд должен был состоять по плану автора из 100 таблиц с описаниями, 50 из которых были опубликованы при жизни автора и продавались по 20 р. за экземпляр. Это издание, насчитывавшее 70 экземпляров, было полностью раскуплено. В руках Академии имеется более 50 медных досок 1-го издания, 46 таблиц 2-го издания, которое еще не вышло, 30 из них полностью, 8 представляют собой контуры растений, завершены, 3 были только начаты и 5 других покрыты белой мастикой, на которую карандашом были нанесены очертания. Следовательно, речь идет только о завершении гравирования этих 16 таблиц, изготовлении 4 новых, чтобы завершить труд <...>. Триниус предлагает начать публикацию 2-го издания тетрадями, содержащими по 10 таблиц каждая (отсюда повторяющееся в тексте слово «декада». — *О.И.*), и в количестве 70 экземпляров для обладателей 1-й части труда. 30 таблиц были бы готовы к выпуску, их только распечатать в достаточном количестве экземпляров и раскрасить. Тем временем господина Триниуса и Бонгард подготовят текст, и господин Маттес, гравировавший все предыдущие таблицы, закончит гравировку 16 начатых таблиц и награвирует 4 недостающих»⁶⁵. Почти целый год велось обсуждение затрат и хода работ. И, наконец, в октябре 1834 г. петербургская газета опубликовала литературное объявление для ботанической публики, в котором говорилось, что 2-я половина «*Centuria plantarum*» выйдет из печати частями, каждая часть с раскрашенными таблицами и текстом, по виду сходная с 1-й половиной, и будет продаваться здесь, у Хр. Грѣфа, по 16 руб., а в Лейпциге у господина Фосса по 6 талеров. Первая из пяти оставшихся частей (таблицы 51–60) уже вышла»⁶⁶.

5 мая 1843 г. академик К.А. Мейер подает записку в Физико-математическое отделение АН, в которой поднимает вопрос о необходимости довести забытое после смерти художника Маттеса издание до задуманного автором завершения: «Если Отделение решит завершить этот труд и захочет поручить мне редактирование, то я готов принять

это на себя»⁶⁷ после наведения справок, где и в каком состоянии хранятся гравировальные доски следующих частей. В марте 1844 г. Мейер доложил, что текст 7-й и 8-й частей находится в типографии и может быть напечатан, а часть гравировальных досок не найдена. Постановили: литографировать не торопясь, а Мейеру поручить, чтобы 9-я часть могла появиться в 1845 г. и 10-я в 1846 г.⁶⁸ В июне 1845 г. Мейер докладывает, что 15 потерянных гравировальных досок нашлись, а 5 последних придется гравировать впервые⁶⁹. 19 сентября Мейер докладывает, что «15 последних досок, обнаруженные недавно в Ботаническом музее, очень слабо обработаны азотной кислотой, чтобы их можно было использовать. Их переделка сопряжена с большими трудностями и не даст нужного результата, если принять во внимание, что доски со временем утратили глянец и плохо сохранились. Художник Императорского ботанического сада господин Н. Satory вызвался награвировать их заново по 10 руб. серебром за доску. Мейер считает эту цену умеренной и если Академия хочет наконец расплатиться за свое обязательство, она должна принять это предложение»⁷⁰. Мейеру поручили постепенно подготовить публикацию последних декад издания. Но они так и не вышли. Издание, сейчас являющееся библиографической редкостью, закончилось выпуском в 1843 г. 8-й декады, то есть таблиц 71–80. Разрозненные материалы к заключительным декадам издания хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН⁷¹.

Через 100 лет, в 1930 г., в Академический архив из Ботанического института были переданы документы на бумажной основе. Это дневники ботанических и зоологических наблюдений, переписка и рукописи некоторых статей⁷². В 1902 г. из Библиотеки Академии наук в Архив поступили 45 медных досок к «Centuria Plantarum...» из 81 значившейся по первоначальной учетной картотеке⁷³. Часть переписки была куплена Публичной библиотекой в 1900 г.⁷⁴ через магазин букиниста В.И. Клочкова⁷⁵. Интересно отметить, что переписка, хранящаяся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, представлена 100 письмами от 16 корреспондентов за 1801–1819 гг., а переписка, хранящаяся в Российской национальной библиотеке, насчитывает 140 писем от 37 корреспондентов за 1801–1826 гг. У кого была половина эпистолярного наследия 100 лет — очередной вопрос.

Жизнь оставила массу вопросов, касающихся биографии ученого, но его творческая активность не дала памяти о нем кануть в Лету.

Федор Кондратьевич Маршал фон Биберштейн был «одним из первых исследователей естественно-научных и археологических богатств Северного Причерноморья и Кавказа <...> в конце XVIII в. он оставил ряд работ, где представлены первые карты, подробные описания и рисунки некоторых археологических и эпиграфических памятников эпох Античности и Средневековья юга Российской империи»⁷⁶. Его именем были названы 1 род и 29 видов растений. «Centuria Plantarum...» до сих пор высоко ценится ботаниками.

1. Северная пчела. 1826. № 116. Вторник, 28 сентября. С. [4]; Московский телеграф. 1826. Ч. 10. № 16. С. 349–351; *Kёppen П.И.* Биберштейн Федор Кондратьевич // Энциклопедический лексикон. СПб.: Типография А.А. Плюшара, 1836. Т. 5. С. 480–481; *Wunschmann E.* Marschall von Bieberstein, Friedrich August // Allgemeine deutsche Biographie. 1884. № 20; Критико-биографический словарь русских писателей и ученых С.А. Венгерова. СПб., 1892. Т. 3. С. 243–245; Русский биографический словарь А.А. Половцова. СПб., 1908. Т. 3. С. 13–14; *Смольянинова Л.А.* Гербарий Маршалла Биберштейна // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 4. С. 564–565; *Сытин А.К.* Иконографические материалы Ф.А. Маршалла фон Биберштейна в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук // Ботанический журнал. 1996. Т. 81. № 12. С. 62–75; *Липшиц С.Ю.* Русские ботаники. Биобиблиографический словарь. М., 1947. С. 188–190 («Besser et Steven. Necrolog barona Marschalla von Bibersteina. Wilno, 1827 (не видел, очевидно, оттиск из журнала «Dziennik Wilenski». 1827. 3. Hist. i literat. str. 58–64); *Тункина И.В.* Забытый исследователь древностей Боспора конца XVIII в. — Ф.К. Биберштейн // Scripta Gregoriana: Древние цивилизации и мировая культура (к 70-летию академика Г.М. Бонгард-Левина). М., 2003. С. 340–352; Археолого-эпиграфические исследования Ф.К. Маршалла фон Биберштейна в восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. по неизданным архивным документам // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 588–598. Приложение: Ф.К. Биберштейн. Толкование Страбоновой топографии Киммерийского Босфора по новейшим русским картам Таврии и Тамани. С. 598–609.

Интересным источником является публикация Е.В. Вульфа: Материалы для биографии Хр. Стевена. Письма Хр. Стевена к Маршаллу фон Биберштейну (1800–1826) // Вестник русской флоры. Юрьев, 1917. Т. 3. Вып. 1. С. 55–77 (продолжение следует). Издание, к сожалению, было прервано событиями 1917 г.

2. Бессер Вилибальд Готлибович (Готлиб) фон (1784–1842), ботаник-систематик, флорист, энтомолог, медик, член-корреспондент ИАН с 18 декабря 1835 г., директор гимназии в Кременце и ботанического сада при ней.

3. *Stafleu F.A. Marschall von Bieberstein and his Flora Taurico-Caucasica // Тахон. Febr. 1973. V. 22. P. 128.* Стафлѐ Франс Антони (1921–1997), нидерландский ботаник, выпускник Утрехтского университета, первый главный редактор ботанического журнала «Тахон», автор книг и сводок, посвященных ботанической номенклатуре и литературе.

4. *Kёppen П.И.* Биберштейн Федор Кондратьевич // Энциклопедический лексикон. СПб.: Типография А.А. Плюшара, 1836. Т. 5. С. 480.

5. https://en.wikipedia.org/wiki/Friedrich_August_Marschall_von_Bieberstein (дата обращения: 12.06.2017). Один из некрологов называет первого брата государственным министром в Карлсруэ, а второго — чиновником в службе герцога Нассауского (Северная пчела. 1826. № 116. Вторник, 28 сентября. С. [4]).

6. СПбФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 33. Л. 39–76.

7. Там же. Д. 1, 2.

8. Каховский (Коховский) Михаил Васильевич (1734–1800), в 1783 г. участвовал в военных действиях в Крыму, закончившихся его присоединением к России, в 1792 г. во главе Украинской армии участвовал в подавлении анти-российского выступления польских конфедератов. Позднее генерал-губернатор Пензенский и Нижегородский. В 1797 г. Павел I пожаловал ему графское достоинство, в 1800 г. он ушел в отставку.

9. Текст ордера, данного 28 октября 1795 г., гласил: «Господину капитану барону Маршалу фон Биберштейну.

Даю вам знать, что вы по прошению вашему Государственной военной коллегиею уволены из воинской службы ко определению к статским делам по силе указа тем же чином с переименованием в капитаны и вследствие того из стаба моего, в коем вы до сего числились флигель-адъютантом, ныне исключены, а потому предписываю вам для получения надлежащего паспорта явиться у меня; о определении ж вас к статским делам и о награждении чином и месте просить сами, где по указам надлежит. Михайло Коховский» (РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 6. Л. 14).

10. РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 1 об.

11. Паллас Петр Симон (1741–1811), естествоиспытатель, путешественник, профессор естественной истории Петербургской АН с середины 1767 г.

12. РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.

13. С годами он усовершенствовал свое знание языка, потому его письмо от 19 апреля 1818 г. к саратовскому гражданскому губернатору А.Д. Панчулидзеву с просьбой о выделении в губернии земли написано не только грамотно, но даже изысканно (ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 475. Л. 1–2).

14. РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об.

15. Ага-Магомет-хан Каджар (1742–1797). В период раздробленности и борьбы за власть между феодальными кланами ребенком Ага-Магомед оказался заложником при дворе тогдашнего правителя Керим-хана Зенда (1760–1779). Отец его был убит, а сам он оскроплен (см.: *Кикодзе Геронти*. Ираклий II.

Тбилиси, 1948. С. 129). Впоследствии, будучи человеком честолюбивым и энергичным, он в 1794 г. победил противников и с 1796 г. стал шахом Ирана. Однако, озлобленный личным несчастьем, стал человеконенавистником, в 1795 г. жестоко разграбил Тбилиси, а в 1797 г. был убит своими придворными.

16. Зубов Валериан Александрович (1771–1804) в чине генерал-майора участвовал в подавлении Польского восстания в 1794 г., был ранен в ногу, которую пришлось ампутировать. В 1796 г. назначен главнокомандующим во время Персидского похода. Война с Персией принесла России большие расходы и была прекращена после смерти Екатерины II. Был в опале, затем снова призван ко двору, возглавлял 2-й кадетский корпус, был членом Непременного совета.

17. Протокол от 2 мая 1796 г., § 104. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1911. Т. 4. 1786–1803. С. 495. Работы «Пояснение к Страбоновой топографии Боспора Киммерийского на новейших картах Таврии и Тамани» и «Примечания о встречающихся около Таврического пролива древних греческих надгробных камнях» были переданы на рецензию, признаны интересными, а вторая рекомендована к изданию (Протокол от 5 мая 1796 г., § 108. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1911. Т. 4. 1786–1803. С. 496).

18. СПбФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 7, 8.

19. Бутков Петр Григорьевич (1775–1857), историк, академик с 19 октября 1841 г., сенатор.

20. Бутков П.Г. Записка Персидского похода 1796 г., или Все, что я видел, слышал, узнал // Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2. С. 569.

21. Бакунина Варвара Ивановна (урожденная Голенищева-Кутузова, 1773–1840), жена генерал-майора М.М. Бакунина, сопровождала в 1796 г. мужа в Персидском походе.

22. Возможно, имеется в виду лох узколистный, известный также под названиями «джидда», «русская маслина» и «райское дерево». Похожий на облепиху кустарник или дерево высотой до 10 м с узкими серебристыми листьями, желтыми и очень ароматными цветами.

23. Бакунина В.И. Персидский поход в 1796 г. // Русская старина. 1887. Т. 53. № 2. С. 368.

24. Ботанические дневники 1798 г. очерчивают район наблюдений между Сарептой, Кизляром, Моздоком, Георгиевском и сёлами по течению рек Кумы и Подкумка (СПбФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–65 об.).

25. Куракин Алексей Борисович (1759–1829), князь, государственный деятель, на высших постах в царствование Павла I и Александра I, учился в Лейденском университете, генерал-прокурор (1796–1798), генерал-губернатор Малороссии (1802–1806), министр внутренних дел (1807–1810), член Непременного, позднее Государственного совета.

26. Буксгевден Федор Федорович (1750—1811), русский полководец, генерал от инфантерии, главнокомандующий русскими войсками в 1808 г. в период Русско-шведской войны. Петербургский военный губернатор (1797—1798), рижский генерал-губернатор (1808—1809).

27. РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

28. Там же. Л. 10.

29. Стевен Христиан Христианович (1781—1863), естествоиспытатель-ботаник, садовод, энтомолог, член-корреспондент ИАН с 22 февраля 1815 г., почетный член с 6 октября 1849 г.

30. СПбФ АРАН. Ф. 1051. Оп. 1. Д. 46. Л. 28, 56, 59, 71, 73, 81, 83, 128, 186, 188, 190, 255, 257, 259, 261, 263, 265, 267, 269, 271.

31. *Бахтеев Ф.Х.* Важнейшие плодовые растения. М., 1970. С. 227.

32. ПСЗ. Первое собрание (1649—1825). Законы (18302—19240). СПб., 1830. Т. 25 (1798—1799). С. 570.

33. ПСЗ. Первое собрание (1649—1825). Законы (19241—20098). СПб., 1830. Т. 26 (1800—1801). С. 50.

34. Там же. С. 569.

35. ПСЗ. Первое собрание (1649—1825). Законы (20099—21111). СПб., 1830. Т. 27 (1802—1803). Приложение к закону. С. 16—17.

36. ПСЗ. Первое собрание (1649—1825). Законы (21983—22786). СПб., 1830. Т. 29 (1806—1807). С. 257.

37. Цицианов Павел Дмитриевич (1754—1806), князь, главнокомандующий на Кавказе (1802—1806), во время церемонии сдачи Баку 8 февраля 1806 г. был убит и обезглавлен: «Тело Цицианова осталось в руках неприятеля. Бакинцы отрубили руки и голову и отправили их персидскому шаху». В Сионский собор [Тбилиси] останки князя были перенесены 27 ноября 1811 г. из маленькой армянской церкви недалеко от Баку». Цит. по: *Лапин В.В.* Цицианов. М., 2011. С. 508.

38. Цит. по: *Станков С.С. Х.Х.* Стевен (1781—1863). М., 1940. С. 14.

39. ПСЗ. Первое собрание (1649—1825). Законы (19241—20098). СПб., 1830. Т. 26 (1800—1801). С. 48.

40. ПСЗ. Первое собрание (1649—1825). Законы (22737—24063). СПб., 1830. Т. 30 (1808—1809). С. 319.

41. ПСЗ. Первое собрание (1649—1825). Законы (28073—28857). СПб., 1830. Т. 37 (1820—1821). С. 163, 164.

42. *Кёппен П.И.* Биберштейн Федор Кондратьевич // Энциклопедический лексикон. СПб.: Типография А.А. Плюшара, 1836. Т. 5. С. 481.

43. СПбФ АРАН. Ф. 1051. Оп. 1. Д. 17.

44. Роммель Дитрих Христоф фон (1781—1859), этнограф, историограф, профессор Харьковского университета по кафедре латинской словесности и древностей (1811—1815). По возвращении в Германию заведовал королевским и государственным архивом и библиотекой.

45. Каразин Василий Назарович (1773—1842), украинский ученый и общественный деятель, просветитель, один из инициаторов основания Харьков-

ского университета. В родовом поместье Кручик у него были химическая лаборатория, метеостанция, опытное поле, где он лично вел наблюдения, народная школа, библиотека. За критику существовавшего строя был заключен в Шлиссельбургскую крепость (1820–1821), после освобождения жил в своем имении.

46. Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, Харькове и Харьковском университете (1785–1815). Харьков, 1868. С. 77, 83, 90. Опечатка в названии издания, должно быть (1811–1815).

47. Матгес Яков (Якоб) Николаевич, до 1815 г. преподавал рисунок и обучал гравированию в Харьковском университете, позднее был живописцем Санкт-Петербургского ботанического сада, в 1831 г. ему было поручено акад. К.А. Триниусом гравирование досок и раскраска таблиц для 2-й части «Centuria...». Он успел закончить только 10 медных досок (Сытин А.К. Иконографические материалы Ф.А. Маршалла фон Биберштейна в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук // Ботанический журнал. 1996. Т. 81. № 12. С. 64, 65). Можно предположить, что он умер не позднее 29 ноября 1832 г., когда об этом было доложено в Комитете Правления АН (СПбФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 20. Л. 20).

48. Северная пчела. 1826. № 116. Вторник, 28 сентября. С. [4].

49. СПбФ АРАН. Ф. 1051. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

50. Исаков Иван Степанович (1894–1967), адмирал флота, член-корреспондент АН СССР (1958), начальник штаба и главнокомандующий Балтийским флотом (1937–1938), начальник Главного морского штаба (1941–1943), начальник Главного штаба и зам. главнокомандующего ВМФ (1946–1950).

51. Нёмитц Александр Васильевич (1879–1967), выпускник Морского корпуса (1900), Артиллерийских офицерских классов (1903) и Морской академии (1912), во время Первой мировой войны в штабе Ставки Верховного главнокомандующего (1914–1915), с августа 1917 г. — командующий Черноморским флотом, произведен в контр-адмиралы, принял Октябрьскую революцию и продолжал командовать Черноморским флотом. С 1930 г. заместитель инспектора ВМСРККА, профессор Военно-морской и Военно-воздушной академий (1940–1947). С 1947 г. в отставке.

52. Исаков И.С. Первое дипломатическое поручение // Исаков И.С. Неисчерпимый майор. Невыдуманные рассказы. М., 1966. С. 190–191.

53. СПбФ АРАН. Ф. 1051. Оп. 1. Д. 117. Л. 17.

54. Триниус Карл Антонович (Карл Бернгард) (1778–1844), медик, ботаник, иностранный член-корреспондент ИАН с 30 мая 1810 г., ординарный академик по ботанике с 30 апреля 1823 г., первый директор Ботанического музея.

55. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1828. Д. 12. Л. 151.

56. Там же. Л. 157, 157 об.

57. Там же. Л. 160.

58. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (доп.). Д. 1101. Л. 2.
59. История Академии наук СССР (1803–1917). М.; Л., 1964. Т. 2. С. 162.
60. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (доп.). Д. 1276. Л. 1, 2 (перевод).
61. Там же. Л. 5.
62. Бонгард Густав Петрович (Генрих Густав) (1786–1839), медик, ботаник, член-корреспондент ИАН с 1 апреля 1829 г., адъюнкт по ботанике с 5 мая 1830 г., экстраординарный академик с 20 мая 1836 г.
63. *Сытин А.К.* Иконографические материалы Ф.А. Маршалла фон Биберштейна в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук // Ботанический журнал. 1996. Т. 81. № 12. С. 65.
64. Мейер Карл Андреевич (Карл Антон) (1796–1855), ботаник, член-корреспондент с 13 декабря 1833 г., адъюнкт по Отделению естественных наук (ботаника) с 27 сентября 1839 г., экстраординарный академик по Отделению физико-математических наук с 6 апреля 1844 г., ординарный академик со 2 августа 1845 г.
65. Протокол № 11 от 23 марта 1831 г. § 136. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 53 об. — 54.
66. St. Petersburgische Zeitung. 1834, den 6/18 October. № 230. S. 904.
67. Прил. к прот. ОФМ № 7 от 5 мая 1843 г. § 125. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1843 г. Д. 18. Л. 22.
68. Протокол ОФМ № 4 от 8 марта 1844 г. § 78. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 105.
69. Протокол ОФМ № 10 от 6 июня 1845 г. § 163. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 99. Л. 137.
70. Протокол ОФМ № 14 от 19 сентября 1845 г. § 229. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 99. Л. 152 об.
71. СПбФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 20.
72. СПбФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1, 2.
73. СПбФ АРАН. Р. XII. Оп. 1. № 300 (1254–1299).
74. 140 писем и список растений составили фонд № 470 в ОР РНБ.
75. В книге поступлений имеется запись от 18 августа 1900 г.: «182. Письма к барону Маршалу-Биберштейну» (ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 149. Л. 90). Ключков Василий Иванович (1861–1915), библиофил, издатель, антиквар, книготорговец, сын книготорговца И.М. Ключкова, внучатый племянник издателя и книготорговца А.Ф. Смирдина, в 1884 г. открыл на Литейном, 55 (ныне 59), книжный магазин.
76. *Тункина И.В.* Археолого-эпиграфические исследования Ф.К. Маршалла фон Биберштейна в восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. по неизвестным архивным документам // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 588.

Е.И. Черникова, А.А. Трунов

**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЖЕНИХ
ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА
ЛЮДВИГА ЭРНСТА БРАУНШВЕЙГСКОГО
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Да, я не господин своей судьбы, а
лишь нить, вплетенная в общую ткань
жизни...

С. Кьеркегор

Эта история началась 27 мая 1741 г., когда 23-летний молодой человек под именем подполковника фон Кейта выехал из Вольфенбюттеля в Санкт-Петербург. По пути следования путника принимали важные титулованные особы. В Мейсене от имени короля Речи Посполитой ему преподнесли орден Белого Орла. 27 июня 1741 г. в Митаве местным земством он был избран герцогом Курляндским и Семигальским вместо низложенного Э.И. Бирона. В предместьях Санкт-Петербурга таинственного гостя встретил генералиссимус принц Антон Ульрих.

Кто же он, этот таинственный гость? Это был родной дядя российского императора-младенца Иоанна Антоновича и младший брат генералиссимуса Антона Ульриха Брауншвейгского — Людвиг Эрнст принц Брауншвейг-Беве́рн-Вольфенбю́ттельский, третий сын герцога Фердинанда Альбрехта II и герцогини Амалии.

В данной статье мы хотим поведать читателям о приключениях этого немецкого принца в Санкт-Петербурге, поскольку он оказался очевидцем регентства Анны Леопольдовны и переворота 1741 г., в результате которого от престола был отстранен законный император России Иоанн Антонович и воцарилась Елизавета Петровна. Принц

Людвиг Эрнст Брауншвейг-Беве́рн-Вольфенбю́ттельский

Людвиг оставил интереснейшие дневники, в которых подробно описал происходящие события и дал им взвешенную оценку.

* * *

Было предпринято несколько попыток породнить династию Романовых с представителями Брауншвейгской фамилии, которые были потомками древних Вельфов.

Вначале это попытался сделать Петр I. Желая повысить престиж России в международных делах, он счел Шарлотту Христину Софию, принцессу Брауншвейг-Люнебург-Бланкенбургскую, весьма выгодной партией для своего сына — царевича Алексея. Однако этот брак, заключенный по политическим расчетам, оказался недолгим. После рождения сына, будущего императора России Петра II, кронпринцесса Шарлотта заболела и умерла в двадцатилетнем возрасте¹.

Однако никаких уроков из этой печальной истории стороны так и не извлекли. Императрица Анна Иоанновна решила возобновить брачные проекты своего грозного «дядюшки-батюшки». Следствием этого стал приезд в Россию принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебург-Беве́рнского в 1733 г.

Он был отобран в качестве потенциального жениха племянницы Анны Иоанновны. И опять неудача. Только на этот раз жених не приглянулся самой невесте. Свадьба была отложена. Принцу Антону Ульриху пришлось проявить большое терпение, доказать свою храбрость в военных походах, прежде чем шесть лет спустя он стал супругом столь желанной для него русской принцессы Анны Леопольдовны².

Через год после свадьбы у супружеской четы родился Иоанн, долгожданный наследник русского престола³. После скоропостижной кончины Анны Иоанновны младенец по праву завещания стал законным императором России при регентстве своей матери. А его отец, герцог Антон Ульрих, получил звание генералиссимуса. Однако столь высокое признание на уровне государства имело и свою оборотную сторону. Генералиссимус Антон Ульрих, «отца Отечества отец», как его назвал молодой в ту пору поэт М.В. Ломоносов⁴, оказался всего лишь одной из сторон любовного треугольника, который был выстроен Анной Леопольдовной.

Дорогу к счастью супружеской четы перешел саксонский посланник граф М.К. Линар, щеголь и ловелас, сумевший покорить сердце Анны Леопольдовны еще в пору ее юности. Былая любовь не исчезла с годами. Регентина настолько увлеклась обществом графа Линара, что начала задумываться о возможном разводе. Дело приняло настолько серьезный оборот, что перед российской элитой возник призрак нового Бирона⁵. Однако Анну Леопольдовну подобные «пустяки» совершенно не волновали. Принц Антон Ульрих оказался в полной политической изоляции. Денег на подкуп сторонников у него не было, своей «партии» (то есть опорной элитной группы) он не имел. Все его попытки вразумить взбалмошную супругу были безрезультатны.

В ноябре 1740 г. советник Брауншвейгского посольства в Санкт-Петербурге Х.Ф. Гросс писал тайному советнику А.А. фон Крамму: «В этом случае было бы в высшей степени необходимо, чтобы здесь находился другой авторитетный советник из Вольфенбюттеля, дабы помогать герцогу Антону Ульриху»⁶. По мнению Гросса, наилучшим способом укрепить позиции Антона Ульриха в России было бы избрание на освободившийся в связи с арестом Бирона престол Курляндии одного из его родных братьев. Именно таким заслуживающим доверие человеком и был принц Людвиг Эрнст, который отправился в Санкт-Петербург в сопровождении своего секретаря М.А. Хенихена.

С вакантным престолом Курляндии решено было не медлить, поэтому герцог Антон Ульрих пишет своему брату герцогу Карлу, что право на него «по старшинству преимущество имеет возлюбленный брат наш Людвиг»⁷. Через месяц Антон Ульрих вновь в письмах настаивал на подготовке Людвигу Эрнсту к поездке в Россию, рассчитывая на поддержку Брауншвейг-Вольфенбюттельского посланника в России Г.И. фон Кейзерлинга.

Сам же принц Людвиг за 196 дней пребывания в Санкт-Петербурге написал в Вольфенбюттель четыре десятка обстоятельных писем. В них он подробно излагал своему брату, правящему герцогу Карлу, не только светскую жизнь, но и запутанные интриги, которые плелись при российском дворе. Уже на третий день пребывания к принцу Людвигу Эрнсту были приставлены шпионы, не дающие возможности ему оставаться наедине с братом, у которого «жизнь весьма трудная; повсюду здесь царит подозрительность»⁸. Каждое из посланий принца заканчивалось одной-двумя страницами тщательно зашифрованного текста. В них принц анализировал текущие события и писал о реальных угрозах трону императора-младенца, которые он, несмотря на свою молодость, четко прослеживал и от которых пытался предостеречь брата-генералиссимуса и его легкомысленную супругу. «Время показало, что, несмотря на молодость принца, его оценки и прогнозы во многом подтвердились»⁹.

Еще в 1737 г. в возрасте двадцати лет принц Людвиг поступил на службу в действующую имперскую армию в звании полковника. К приезду в Санкт-Петербург принц Людвиг имел чин генерал-майора, который он получил в войне с турками. Он мечтал о серьезной военной карьере. Людвиг Эрнст хотел прославиться доблестью в военных походах, а не браком по расчету с пресыщенной, «засидевшейся в невестах» русской принцессой Елизаветой. Однако принц Людвиг Эрнст высоко чтит авторитет правящего герцога и согласился отправиться в Россию для укрепления влияния своего брата при российском дворе.

Еще задолго до приезда принца Людвигу Эрнсту в Санкт-Петербург французский посланник в России маркиз Ж.И. де ля Шетарди в зашифрованном донесении сообщил своему правительству о якобы предстоящем браке молодого немецкого принца с Елизаветой Петровной. Он также писал о том, что у регентины Анны Леопольдовны есть хорошие советники, коль скоро она старается устранить Елизавету Петровну таким способом. Об этом же пишет в своем письме

брату, герцогу Карлу, и сам принц Людвиг Эрнст: «У Остермана есть идея женить Людвига на Елизавете <...> Аргументы, приводимые Остерманом, таковы: этим будет гарантирована безопасность правительницы и Антона Ульриха, и при возможной революции государство не сможет перейти в чужие руки»¹⁰.

Конечно, данный брачный проект не был тайной и для самой предполагаемой невесты. Елизавета понимала, что вскоре без ее согласия и воли может решиться ее судьба. И она станет женой принца Людвига, а в придачу — и герцогиней Курляндской. Елизавета Петровна, которая с юных лет всеми правдами и неправдами стремилась занять российский престол, даже слышать не желала о замужестве с принцем Людвигом. Она прекрасно понимала, что это обстоятельство отдалит ее от заветной цели. Но все же Елизавете Петровне льстили слухи о предстоящем браке.

Следует иметь в виду, что Елизавета Петровна скрывала свои притязания на российский престол. Она успешно дурачила своих современников, видевших в ней недалекую женщину, которая больше всего на свете любит развлечения и красивых мужчин и якобы мечтает только об удачном замужестве. При этом личная жизнь принцессы была связана с бесконечными мечтами о счастливом браке.

Трудно даже перечислить все проекты брачных союзов, составлявшихся русскими и европейскими дипломатами ради Елизаветы Петровны. Еще ребенком она была объявлена невестой Людовика XV. Этот брак не состоялся из-за сомнительного происхождения Елизаветы. Потом женихами Елизаветы становились герцог Шартрский и герцог Бурбонский. За женихами-французами последовали претенденты-немцы. Руки Елизаветы Петровны также просил странствовавший по Европе Эммануэль, инфант Португальский. Ни один из этих замыслов успехом не увенчался. На пути к женскому счастью принцессы все время возникали какие-то неустранимые преграды, а годы шли. От всего этого Елизавета Петровна невыносимо страдала. Постепенно из веселой девочки она превратилась в лукавую ветреную особу. Принцесса все больше погружалась в пучину страстей и одновременно с этим становилась лицемерной ханжой. Однако настоящей любви в своей жизни она так и не встретила. По воспоминаниям современников, Елизавета Петровна желала и умела нравиться, производить впечатление, кокетничать, прельщать. Она была невероятно обаятельна и привлекательна, считалась одной из первых красавиц своего времени.

Граф А.И. Остерман, благоволивший к герцогу Антону Ульриху, советовал поскорее выдать Елизавету Петровну за его родного брата, новоявленного герцога Курляндского Людвига Эрнста, и отправить новобрачных в Митаву. Граф полагал, что брак с принцем-протестантом и вынужденная смена конфессии — единственное средство удалить дочь Петра от трона. Антон Ульрих тоже чувствовал опасность со стороны принцессы Елизаветы. Но регентина Анна не торопилась следовать этому дельному совету «старого оракула». Вместо этого она приступила к реализации другого брачного проекта, задумав женить своего фаворита графа Линара на любимой фрейлине Юлиане Менгден.

В августе 1741 г. состоялось их обручение. После чего Линар выехал в Саксонию, чтобы уладить свои дела и подать в отставку. Вместо того чтобы заниматься укреплением своих позиций, регентина Анна Леопольдовна увлеклась частной жизнью. Казалось, что она стремится наверстать упущенное время, проводя дни и ночи в утонченных развлечениях, изысканных беседах с теми людьми, которые вызывали ее симпатию. Конечно, регентина занималась и государственными делами. Однако рутинная работа ей быстро надоела. Регентина не умела правильно расставлять приоритеты. Она могла подолгу молиться или беседовать с каким-нибудь простым человеком, попавшим в нужду, но ежедневная кропотливая работа с подчиненными и бумагами была ей ненавистна. Игнорируя и третируя своего законного супруга, Анна Леопольдовна слишком много внимания уделяла своим фаворитам. Однако столь резкое усиление позиций Линара и Менгден многими влиятельными особами воспринималось как реальная угроза. Об отношениях Анны Леопольдовны и саксонского посланника Линара принц Людвиг писал так: «То, что Крамм писал о правительнице и Линаре, — более, чем верно». По словам принца Людвига, «Антон Ульрих есть не что иное, как тень». И это было правдой.

Людвиг Эрнст упрекал своего брата не только в лени или нежелании заниматься государственными делами. «Он совсем глуп и каждый день творит новые глупости <...> Я охотнее согласился бы в Вольфенбюттеле быть паяцем, чем прожить всю жизнь подобно Антону Ульриху»¹¹. На наш взгляд, дело было не в какой-то исключительной глупости Антона Ульриха, а в том, что он так и не сумел создать свою опорную группу при дворе. Возможно, Антон Ульрих попал под сильное влияние своей жены, которая превосходно им манипулировала и буквально вила из него веревки.

По понятиям того сурового времени, весьма далеким от современных представлений о гендерном равенстве, это было перебором. На мужа, который не мог поставить на место легкомысленную жену, смотрели как на полное ничтожество. При этом никто не брал во внимание тех реальных страданий, которые испытал на себе храбрый в бою принц Антон Ульрих. Его беда заключалась в том, что он мог превосходно проявить себя на войне, но не в мирное время. Рядом с ухоженным и напомаженным графом Линаром, который мог порадовать Анну Леопольдовну изысканным комплиментом или забавным анекдотом, принц Антон Ульрих выглядел скучным, неинтересным и избыточно прямолинейным человеком.

Все это не укрылось от пронизательного взгляда принца Людвига. Он совершенно не понимал такой слабости и мягкотелости старшего брата. Ему казалось, что Антон Ульрих ведет себя безвольно и по-такает своей стропливой жене. Не желая портить отношений с Антоном Ульрихом, принц Людвиг решил действовать более тонко. Не щадя репутации брата, он в очень крепких выражениях описал эту достойную сожаления ситуацию Карлу, главе всего Брауншвейгского дома.

Герцог Карл советовал своему брату Антону Ульриху добиться у супруги запрета на возвращение Линара в Россию. Однако все попытки были тщетны. В одном из писем Людвиг Эрнст отмечал: «Совет герцога Вольфенбюттельского относительно Линара был бы хорош, если бы Антон Ульрих был другим человеком, но с ним ничего не поделаешь»¹². К сожалению, Антон Ульрих не воспользовался советами своих братьев. Скорее всего, такое назойливое вмешательство в семейную жизнь он счел проявлением вопиющей бестактности. Да и Анна Леопольдовна не могла отказать от своей любви, ориентируясь на назойливые увещевания мужа.

Сложилась парадоксальная ситуация. Ни во что не ставя Антона Ульриха, Анна Леопольдовна с интересом и уважением отнеслась к его младшему брату. Принц Людвиг Эрнст был хорошо принят и обласкан регентиней. То ли она это делала в пику своему опостылевшему мужу, то ли решила проявить гостеприимство. Без особого труда принцу Людвигу удалось войти в интимный кружок Анны Леопольдовны, где было принято весело и интересно проводить досуг. В первом же письме на родину принц отметил приветливость и доброту Анны Леопольдовны, подчеркивая и то, что она «верховодит во всем». Отчуждение между братьями росло.

В «Дневнике» имеется запись о смотре войск под Петербургом, на котором принц Людвиг присутствовал вместе с братом-генералиссимусом. Когда курьер доставил туда известие о рождении у Антона Ульриха дочери, любящий супруг стремглав помчался в столицу. Но не только чувство радости подгоняло его. О другой тайной причине поспешного отъезда генералиссимуса мы читаем в письме принца Людвига: «Просто счастье, что с правительницей все закончилось благополучно, потому что если бы случилось несчастье во время отсутствия Антона Ульриха, то наверняка могла бы произойти революция прежде, чем он узнал бы об этом, хотя он и приказал срочно послать к нему курьера в случае, если с правительницей станет плохо»¹³.

8 августа 1741 г. Швеция объявила войну России. Однако правительница никаких действий не предпринимала. Еще много дней при дворе шли праздники, балы и приемы.

Параллельно обсуждались детали готовящегося бракосочетания принца Людвига с Елизаветой Петровной. То, что это был мезальянс, понимали все. У этого брака были свои сторонники и противники. По большому счету, замужество Елизаветы Петровны позволяло решить несколько проблем: укрепить связи России с Брауншвейгским домом; устранить ее теоретические притязания на власть; усилить позиции России в Курляндии. Однако сами жених и невеста думали иначе. Сказывались разница в возрасте, жизненный опыт, воспитание. Возможно, если бы Анна Леопольдовна проявила политическую волю и больше заботилась о государстве, чем о личных прихотях, то этот проект удалось бы довести до конца. Но в том-то и дело, что регентина была частным человеком на троне. В ней было слишком много человеческого: доверчивость, сентиментальность, мечтательность. К тому же Анна Леопольдовна была несчастлива в браке и совершенно не желала такой участи своей родственнице Елизавете Петровне, которую по-настоящему любила.

Поэтому замысел А.И. Остермана так и остался на уровне разговоров, которые раздражали и злили Елизавету Петровну, ставили в неловкое положение принца Людвига и вызывали отвращение у Анны Леопольдовны. Будучи мягкой, доброй и милосердной правительницей, Анна Леопольдовна проявляла вопиющую неадекватность во всем, что касалось политики и государственной власти. Вместо того чтобы избавиться от своей главной конкурентки, она пыталась ей благодетельствовать: дарила подарки, оплачивала долги, сквозь пальцы

смотрела на хитроумные интриги, которые плелись в ближайшем окружении Елизаветы Петровны.

А что же предполагаемые новобрачные? Принц Людвиг не питал радужных надежд на расположение к себе со стороны искушенной в любви 32-летней дочери Петра Великого. А та, в свою очередь, не воспринимала всерьез молодого прагматичного немецкого принца. Однако, думается, ей все же льстила мысль, что наконец-то у нее появился жених из древнего рода Вельфов.

Они превосходно проводили время, но каждый в своем кругу. Принц Людвиг Эрнст — в обществе правительницы Анны Леопольдовны и генералиссимуса Антона Ульриха; Елизавета Петровна — в компании лейб-медика Лестока и маркиза де ля Шетарди. Принц писал по этому поводу в Вольфенбюттель: «Шетарди теперь уже без стеснения пропадает дни и ночи в доме Елизаветы, притом открылась интрига с ее стороны». Наряду с этим Елизавета Петровна не скрывает от придворных глаз взаимоотношения с А.Г. Разумовским, которые прусский посланник фон Мардефельд назвал «нежным союзом Марса и Венеры»¹⁴.

Правда, принц Людвиг и Елизавета Петровна иногда встречались при дворе. Но как следует из записей секретаря Хенихена, тесного общения предполагаемых жениха и невесты не было.

Из «Дневника» секретаря принца мы черпаем массу интересных фактов.

Так, 13 июля 1741 г. его светлость принц Людвиг нанес визит принцессе Елизавете, которая возвратилась из своего имения в Царском Селе.

23 августа 1741 г., в день рождения Его Величества императора, при дворе был большой прием. За столом принц Людвиг и принцесса Елизавета сидели рядом.

24 августа обер-гофмаршал граф Миних давал ужин в честь помолвки своей родственницы Юлианы Менгден с графом Линром. Генералиссимус, принц Людвиг и принцесса Елизавета оказали честь своим присутствием на ужине.

16 сентября того же года при дворе праздновали именины принцессы Елизаветы. Был дан бал, на котором присутствовал и принц Людвиг Эрнст¹⁵.

Попал ли принц Людвиг Эрнст под обаяние «русской Венеры»? Нам думается, что нет. Елизавета Петровна, будучи яркой представительницей галантного XVIII в., впитала и все его пороки.

Воспитанному в жестких традициях протестантской морали Людвигу Эрнсту претил образ жизни принцессы Елизаветы, а слухи о ее амурных похождениях вызывали у него отвращение.

Они были разными. Репутация принца Людвига, как, впрочем, и его брата Антона Ульриха, была безупречна. Ни во время пребывания его в Санкт-Петербурге, ни позже мы не найдем сведений, порочащих его.

22 ноября 1741 г. Анна Леопольдовна пригласила принцессу Елизавету для беседы. Правительница потребовала от принцессы разрыва всех контактов с французским посланником, грозилась удалить из России ее личного медика Лестока и в довершении ко всему объявила о предстоящем замужестве Елизаветы Петровны с принцем Людвигом Брауншвейг-Вольфенбюттельским.

В письме брату Карлу принц Людвиг об этом написал: «В воскресенье правительница смело высказала всю правду принцессе Елизавете. Из этого вышла обычная женская перебранка, и теперь Елизавета будет осторожничать».

То, что принца Людвига хотели скоро женить на Елизавете Петровне, подтверждают записи в его «Дневнике»:

«6 ноября 1741 г. камергер Либиенфельд в дворцовой церкви сочелся браком с одной из фрейлин <...> Невесту в церковь ввел его светлость принц Людвиг». В «Дневнике» особо подчеркивается, что поскольку невеста «принадлежала к русской религии, то они в присутствии их императорских высочеств венчались по греческому обряду»¹⁶.

Еще одна запись из «Дневника»: «12 ноября 1741 г. после обеда князь Репнин сочелся браком с одной придворной фрейлиной. Невесту в церковь ввел принц Людвиг».

Французский посланник маркиз Шетарди всячески запугивает весьма впечатлительную Елизавету Петровну тем, что ее ждет впереди. В лучшем случае — курляндское прозябание с нелюбимым мужем, а в худшем — заточение в монастырь и лишение всех любимых ею удовольствий. Пожалуй, второй довод маркиза пугал принцессу Елизавету куда сильнее.

Принц Людвиг Эрнст писал: «У принцессы Елизаветы, несомненно, есть хорошие друзья; народ на ее стороне. Различие в образе жизни Елизаветы и правительницы велико. Принцесса Елизавета с каждым обходительна, очень добра, она не упускает возможности дать на подарки преображенским и измайловским гвардейцам несколько сотен рублей».

Все это сыграло ключевую роль в государственном перевороте, который совершила Елизавета Петровна. Ее умение в нужное время и в нужном месте проявить решительность и политическую волю стало залогом успеха легко совершенного дворцового переворота. Елизавета сумела не только захватить власть, но и удержать ее, используя точечные репрессии и широкие благодеяния, направленные на подкуп подданных. Беспечность, лень, капризность и недальновидность Анны Леопольдовны, ее неумение разбираться в людях и нежелание заниматься государственными делами привели не только к полной потере власти, но и к личной трагедии. Эту трагедию с ней разделили супруг и дети, которые стали своеобразными заложниками судьбы. Дальше в их жизни были только дороги и тюрьмы: Рига, Дюнамюнде, Ранненбург, Холмогоры.

А вот жизнь Людвиг Эрна сложилась вполне удачно. Он был отпущен на Родину. Не исключено, что в освобождении принца Людвиг сыграло роль ходатайство прусского короля Фридриха II, который сообщил Елизавете Петровне: «Его королевское величество гарантирует русской императрице, что означенный принц в делах тамошнего двора не замешан». Впрочем, Елизавета Петровна в прошениях своего беспокойного соседа не очень-то и нуждалась. Скорее всего, она просто не видела серьезной опасности в своем бывшем женихе, который после всех пережитых волнений благополучно вернулся домой.

1. *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 40–63.

2. *Курукин И.В.* Анна Леопольдовна. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 34–63.

3. *Анисимов Е.В.* Тайны запретного императора. М.: Вече, 2012.

4. *Ломоносов М.В.* Первые Трофеи Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийского, чрез преславную над Шведами победу Августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства Его Императорского Величества Августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от всеподданнейшего раба // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 51.

5. *Курукин И.В.* Бирон. М.: Молодая гвардия, 2006.

6. *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих. (История «Брауншвейгского семейства» в России). СПб.: Петербургский писатель; Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. С. 288.

7. Там же. С. 85.

8. Там же. С. 90.

9. Там же. С. 89.

10. Там же. С. 91.
11. Там же. С. 95.
12. Там же. С. 91.
13. Там же. С. 90.
14. *Лиштенан Ф.Д.* Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М.: Астрель, 2012. С. 86.
15. *Левин Л.И.* Указ. соч. С. 307–311.
16. Там же. С. 314, 313.

XIX век

Архимандрит Августин (Никитин)

РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ И НЕМЕЦКОЕ ЛЮТЕРАНСТВО

Славянофильство — первая попытка нашего самосознания, первая самостоятельная у нас идеология. Тысячелетие продолжалось русское бытие, но русское самосознание начинается с того лишь времени, когда Иван Киреевский и Алексей Хомяков с дерзновением поставили вопрос о том, что такое Россия, в чем ее сущность, ее призвание и место в мире¹.

Н. Бердяев

Славянофильство всегда интересовало и до настоящего времени продолжает интересовать исследователей русской религиозно-философской мысли. Ни один русский религиозный мыслитель XIX—XX вв. не был свободен от влияния славянофильского движения. Оно является своеобразным развитием святоотеческой и русской подвижнической традиции.

Известно, что основным вопросом обсуждения у славянофилов был вопрос о Церкви. Отношение Церкви к обществу и государству, о положении личности в Церкви — все эти вопросы стали предметом постоянного внимания славянофилов и их единомышленников. Но даже в наше время один из исследователей отмечал: «Следует признать за непреложный факт, что славянофильство как явление русской общественной жизни 40—50-х годов XIX в. изучено недостаточно»². И в еще меньшей степени разработан вопрос об отношении славянофилов к инославияю. Поэтому следует по мере возможности выявить их позицию по этому вопросу, что имеет важное значение не только для русского богословия, но и для западноевропейской религиозно-философской мысли.

Становление позиции. Отношение славянофилов к инославью складывалось параллельно с процессом формирования самого славянофильства как философского религиозного движения. Зарождению славянофильского движения предшествовала Отечественная война 1812 г., когда русский народ боролся за свою независимость против войск Наполеона³. Большинство русских мыслителей того времени освободилось от поверхностного западничества. В России крепло национальное самосознание, что и подготовило почву, на которой зародилось славянофильское движение. Перед русскими людьми встал вопрос о национальном самоопределении и национальном призвании. Появилась потребность определить дух России, ее национальное лицо, и славянофильство представляло собой ответ на эти запросы.

Славянофилы утверждали, что пересадка на русскую почву иноземной культуры может привести к духовному оскудению народа, что нельзя лишать русский народ самобытности, самостоятельной исторической роли, что необходимо развивать национальные основы. Наряду со славянофильством в России развивалось течение западников. Западники придерживались противоположных воззрений, отстаивая необходимость для России заимствований из Запада. Они видели в нем наиболее современное выражение достижений цивилизации и культуры и считали, что сначала России нужно усвоить европейскую культуру и лишь потом призывать Россию к всемирно-исторической миссии.

Таким образом, русское образованное общество разделилось на два идейно-философских направления — на сторонников самобытного развития России (славянофилов) и европейского пути развития (западников). Между ними началась длительная полемика с использованием аргументов, заимствованных из одних и тех же философских источников. В группу славянофилов входили: «душа» славянофилов А.С. Хомяков (1804–1860), Ю.Ф. Самарин (1819–1876), А.А. Киреев (1833–1911), братья И.С. Аксаков (1823–1886) и К.С. Аксаков (1817–1860), братья П.В. Киреевский (1808–1856) и И.В. Киреевский (1806–1856), А.И. Кошелев (1806–1883) и ряд других. К числу западников относились Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, В.Г. Белинский, П.Я. Чаадаев и др.

Славянофилы не отвергали необходимость заимствования достижений научной мысли на Западе, но, по их мнению, такое восприятие должно было преломляться через призму православного сознания. Как отмечал протоиерей В. Зеньковский, «вопреки ходячему слово-

употреблению, согласно которому антизападничество отождествляется со славянофильством, как раз можно утверждать, что в славянофильстве, при всей остроте и напряженности их критики Запада, антизападничество было не только несильно (сравнительно с другими однородными направлениями), но даже постоянно смягчалось их христианским универсализмом»⁴.

Огромное влияние на сознание тогдашнего светского интеллигентного общества оказала немецкая философия, особенно Шеллинг и Гегель. «Мы, да и все его последователи, изучали Гегеля как нового мессию и кланялись ему, как буряты своим фетишам»⁵, — вспоминал литературный критик П.В. Анненков (1812–1887). Поэтому в некоторых исследованиях, посвященных идеям славянофильства, высказывались мнения о том, что славянофилы находились под заметным влиянием историософических теорий Шеллинга и Гегеля. Так, например, А.Л. Блок, русский публицист и философ западной ориентации, отец знаменитого поэта А.А. Блока (1880–1921), даже высказывал мнение, что славянофильство, в сущности, представляет собой лишь некоторое своеобразное отражение западноевропейских учений, преимущественно философии Шеллинга и Гегеля⁶.

Это мнение разделял и другой дореволюционный автор — В.В. Чуйко, заявлявший: «Не может быть никакого сомнения, что славянофильство <...> есть продукт Запада. Оно было вскормлено западной цивилизацией, укреплено изучением Запада и западной истории и обосновано в качестве научной теории наукой Запада»⁷. Эти суждения представляются в определенной степени односторонними, но в них имеется и доля истины. Славянофилы были хорошо знакомы с трудами немецких философов и не могли не учитывать их идеи при разработке собственных концепций. Так, мысль Гегеля, что славянству нет места в европейской истории, заставила славянофилов задуматься о предстоящей роли России во всемирном историческом процессе. В конечном счете они пришли к выводу, что именно России надлежит стать носительницей всемирного духа⁸.

Связь с духовной жизнью Западной Европы весьма существенна для понимания сути славянофильского движения, в частности, его отношения к Церкви Запада. «Славянофилы были первыми русскими европейцами, европейцами в более глубоком смысле слова, чем русские люди XVIII в., принявшие лишь костюм, лишь внешность европейского просвещения, — писал Н. Бердяев. — Славянофилы были теми русскими людьми, которые стали мыслить самостоятельно,

которые оказались на высоте европейской культуры, которые не только усвоили себе европейски-всемирную культуру, но и пытались в ней творчески участвовать <...> И пора признать, что славянофилы были лучшими европейцами, людьми более культурными, чем многие наши западники. Славянофилы творчески преломили в нашем национальном духе то, что совершалось на вершинах европейской и мировой культуры <...> Главная заслуга и своеобразие славянофилов не в том, что они были независимы от западных и мировых влияний и черпали все лишь на Востоке, а в том, что они впервые отнеслись к западным и мировым идеям творчески и самостоятельно, то есть дерзнули войти в круговорот мировой культурной жизни⁹.

При всей критичности славянофилов к западной Церкви, не следует делать вывод о том, что их отношение к ней было отрицательным. Все доброе и назидательное в жизни западной Церкви не было обойдено вниманием славянофилов. Немало положительных замечаний было высказано ими в полемических статьях, письмах, обзорах и критических разборах. И, может быть, именно на этих моментах и следует заострить внимание, так как в наш век мы должны не столько обличать друг друга в ошибках, сколько пытаться выявить основные общехристианские положения, примеры подлинно христианской жизни в разных вероисповедных системах.

А.С. Хомяков (1804—1860). Главная роль Алексея Степановича Хомякова в славянофильском движении общепризнанна. Когда в Москве образовался кружок будущих славянофилов, то его душой стал А.С. Хомяков. Сначала он сблизился с братьями Киреевскими. В доме у них он встретился с двумя студентами — Ю.Ф. Самариным и К.С. Аксаковым. Развитие отношений началось с философских споров и закончилось тесным, дружеским их сближением. Их имена стали неразрывны, и в Петербурге кружку дали название «славянофилов», хотя сами они называли свое движение как «русское направление» (К.С. Аксаков), «московское направление» (Ю.Ф. Самарин), «славяно-христианское направление» (А.С. Хомяков), «самобытники» (А.И. Кошелев)¹⁰.

А.С. Хомякову принадлежит преимущественно заслуга формирования религиозного сознания славянофилов, учения о Церкви, то есть глубочайшей основы славянофильства. По словам В. Троицкого (1886—1929, впоследствии — архиепископ Иларион), А.С. Хомяков «собрал и усвоил то, что говорили на Востоке и Западе в течение нескольких веков по разным поводам, применил все это к западным

исповеданиям, дополнил различными весьма глубокими философскими и историческими соображениями, изложил, наконец, в совершенно новой форме и тоном вдохновенным»¹¹.

Свое учение о Церкви Хомяков раскрывал в форме полемики с западными вероисповедными системами. Но, критикуя их теневые стороны, он выявляет и положительные стороны европейского Просвещения, которые вызывали в нем «вполне справедливую дань удивления его (Запада) великим явлением историческим, и художественным, и научным — будь это Гильдебрандт и Готфрид, или Лютер и Густав Адольф, или творец Сикстинской Мадонны, или строитель Кельнского собора, или Кант, или Гегель, довершители рассудочной философии. Добросовестные или ослепленные, действовавшие с любовью ясновидящие ли и раздраженные осознанным противоречием безысходных своих задач, высокие ли тем нравственным величием, которое сохраняли они, несмотря на неполноту принятого ими закона, или могучие мыслительной силой, несмотря на ложность их мышления, — все они орудия Высшего Промысла и отчасти невольные жертвы исторического развития, могут за свои великие подвиги слышать от нас слово правдивого уважения, не помраченного ни осуждением, ни упреком»¹².

А.С. Хомяков придавал большое значение Реформации, которая явилась действенным стимулом для духовно-нравственного возрождения западной Церкви. Говоря о характере немецкой Реформации, А.С. Хомяков указывал на ее положительное значение: «Народы германские, в которые римская образованность проникла не так глубоко, как в области, бывшие некогда римскими, сделали временный отпор начавшемуся разложению западного мира. Проснулась надежда основать убеждения человека на началах высших, чем рационализм и юридическая формальность; проснулась надежда найти спасение в том духовном мире, который Создателем положен в основу обновленному человечеству. Очистительным громом прогремели над европейским Западом торжественные звуки слова Божия, почти умолкнувшие в продолжение более чем столетия: порыв пламенной веры и деятельной любви оживил все нравственные силы. Свежее и бодрое протестантство, полное юных мечтаний и какой-то строгой поэзии, облагородило личность человека и влило новую кровь даже в истощенные жилы одряхлевшего латинства»¹³.

Рассматривая религиозно-философское наследие А.С. Хомякова, нужно отдать должное не только его вполне обоснованной критич-

ности, но и самокритичности. Сравнивая православие с неправославными исповеданиями, он не боялся говорить и о негативных явлениях в жизни русской Церкви, назревших, но еще не решенных вопросах. А.С. Хомяков в своем письме А.И. Кошелеву отмечает: «Я совершенно готов допустить и допускаю во многом огромное превосходство Запада, особенно протестантского, над нами»¹⁴.

Внимательное изучение трудов А.С. Хомякова позволяет более детально выявить те проблемы, с которыми пришлось столкнуться основателю движения славянофилов. В заслугу Протестантской церкви А.С. Хомяков ставил то, что она дала Священное Писание всем верующим без исключения и тем самым способствовала богословскому развитию западных христиан. «Я не думаю ни утверждать, — пишет он, — что протестанты относятся равнодушно к истолкованию Священного Писания (это была бы клевета, недостойная честного человека), не думаю также отрицать достоинства их трудов по этой отрасли человеческого знания»¹⁵.

И далее, признавая заслуги протестантов в изучении Священного Писания, святоотеческой письменности и церковной истории, А.С. Хомяков замечает: «Не должны ли мы со стыдом признаться, что большинство народа у вас (лютеран. — *а.А.*) гораздо более знакомо со Священным Писанием, чем наши соотечественники? А ваше духовенство и даже миряне не лучше ли изучили церковную историю и писания святых отцов, чем наши ученые и богословы?»¹⁶ Критикуя противоречивость в отрицании протестантами Священного Предания, А.С. Хомяков, тем не менее, признает, что понятие предания у протестантов тоже имеется. «Знаю, — отмечал он, — что предание как факт несомненный существует у реформаторов, хотя они всеми силами отвергают его принцип и законность»¹⁷.

Такая объективная позиция в отношении Реформации вызвала соответствующую реакцию Запада. По словам одного из исследователей богословского творчества А.С. Хомякова, «написанная очень смело и умно брошюра Хомякова, обратила на себя внимание немецких богословов и вызвала, по крайней мере со стороны протестантов, отзывы, в которых слышалось сознание правды, высказанное им в глаза православным небогословом»¹⁸.

Проблему взаимоотношений между христианами Востока и Запада в оценке Хомякова можно завершить его высказываниями, которые свидетельствуют о широте его подхода не только к основным христианским конфессиям, но и к менее значительным деноминациям.

По мнению А.С. Хомякова, «все христианские секты заключают в недрах своих таких людей, которые, несмотря на заблуждения их учений (большей частью наследственные), своими помыслами, своим словом, своими делами, всей своей жизнью чувствуют Того, Кто умер за своих преступных братьев»¹⁹.

А.С. Хомяков считал, что никто из людей не исключен из Божественного плана спасения. У Бога нет отверженных, и поэтому, несмотря на то что «все такие люди, от идолопоклонника до сектатора, более или менее погружены во тьме, но всем виднеются лучи вечного света, доходящего до них различными путями; конечно, слабы, недостаточны эти лучи, но все они идут от Бога и от Христа, и средоточие у них одно: в Солнце истины, Которое светит для Церкви»²⁰.

И, наконец, можно упомянуть о том, что еще в молодости А.С. Хомяков мечтал о воссоединении всех Церквей; «его воображение часто воспламенялось надеждой увидеть весь мир христианский, соединенный под одним знаменем истины»²¹. А.С. Хомяков искренне молился о воссоединении Церквей, в частности, он писал: «...многие русские люди повторяют молитву о соединении всех не одним языком и голосом, но душой и сердцем»²².

И.В. Киреевский (1806–1856). Как уже было отмечено, в прошлом нередко славянофилов искусственно противопоставляли западникам, чтобы подчеркнуть консерватизм одних и прогрессивные взгляды других. При этом сознательно делался акцент на критичность славянофилов по отношению к Западу. В таком освещении они представлялись неспособными увидеть ничего, кроме своей самобытности.

Взгляды Ивана Васильевича Киреевского убедительно демонстрируют несостоятельность этих рассуждений. Как писал он в одном из своих трактатов, «если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему своим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привязанностями»²³. В другом месте И.В. Киреевский пишет: «И что, в самом деле, за польза нам отвергать и критиковать то, что было и есть доброго в жизни Запада? Не есть ли оно, напротив, выражение нашего же начала, если наше начало истинное? Вследствие его господства над нами все прекрасное, благородное, христианское нам необходимо как свое, хотя бы было европейское, хотя бы африканское»²⁴.

Как и А.С. Хомяков, И.В. Киреевский придавал христианству основополагающее значение при выработке философских концеп-

ций. По его словам, «направление философии зависит <...> от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице»²⁵. По твердому убеждению И.В. Киреевского, христианство является той духовной силой, которая призвана объединять Восток и Запад, а не разделять их. «Рассматривая основные начала жизни, образующие силы народности в России и на Западе, — писал И.В. Киреевский, — мы с первого взгляда открываем между ними одно очевидно общее — это христианство. Различие заключается в особенных видах христианства, в особенном смысле частного и народного быта»²⁶.

Среди множества причин, повлиявших на возникновение Реформации, И.В. Киреевский выделил одну, которую считал важнейшей, — рациональный характер западного Просвещения. По его мнению, именно эта причина произвела разделение Вселенской Церкви и вызвала Реформацию. Как отмечал И.В. Киреевский, «подчинив веру логическим выводам рассудка, западная Церковь еще в IX в. заложила внутри себя неминуемое семя Реформации, которая поставила ту же Церковь перед судом того же логического разума, ею самою возвышенного над общим сознанием Церкви Вселенской, и тогда еще мыслящий человек мог уже увидеть Лютера из-за папы Николая»²⁷.

И.В. Киреевский, «самый западный», по определению Г. Флоровского, среди старших славянофилов²⁸, в 1832 г. основал журнал под характерным названием «Европеец». На первых порах он даже отдавал приоритет западному образованию, «ибо, не имея достаточных элементов для внутреннего развития образованности, откуда возьмем мы ее, если не из Европы?»²⁹ И лишь много позже И.В. Киреевский пересмотрел свою точку зрения по этому вопросу, заявив: «Начала русской образованности только потому особенны от западных, что они — высшая их степень, а не потому, чтобы были совершенно иные»³⁰.

Как бы мы ни оценивали эти две противоположные точки зрения, важно подчеркнуть, что И.В. Киреевский постоянно выступал за сближение между Востоком и Западом, подчеркивая, что этот процесс обогащает обе стороны, участвующие в нем. «Отвергая все европейское, мы тем самым отрезаем себя от всякого участия в общем деле умственного бытия человека, ибо нельзя же забывать, что Просвещение европейское наследовало все результаты образованности греко-римского мира, который, в свою очередь, принял в себя плоды умственной жизни всего человеческого рода»³¹, — такова позиция И.В. Киреевского. Он понимал, что понадобятся десятилетия для

того, чтобы упразднить те средостения, которые имеются на пути к взаимопониманию между Востоком и Западом.

«Какая-то китайская стена стоит между Россией и Европой, и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада, стена, в которой великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери; стена, которую Екатерина долго старалась разрушить, которая ежедневно разрушается более и более, но, несмотря на то, все еще стоит высоко и мешает»³², — писал И.В. Киреевский, не подозревая о том, что данная проблема в будущем чрезвычайно осложнится из-за военно-политического противостояния между Востоком и Западом.

К.С. Аксаков (1817–1860) и Ю.Ф. Самарин (1819–1876). Говоря о ближайших соратниках А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, прежде всего следует упомянуть о Константине Сергеевиче Аксакове и Юрии Федоровиче Самарине. По словам Г. Флоровского, у каждого из славянофилов «был свой путь и жизненная тема не у всех была одна. Ив. Киреевский пришел от романтики и шеллингизма. Хомяков через подобный искус сердцем никогда не проходил. Константин Аксаков и Юрий Самарин перешли через острое увлечение тогда вновь распространявшимся у нас гегельянством <...> Общим было только некое основное самоощущение <...> пафос соборности»³³.

К.С. Аксаков, как и его идейные наставники, старался дать объективную оценку Реформации, обращаясь к ее проблемам вместе с теми протестантами, которые стремились преодолеть кризис, в котором находилось это религиозное движение. По замечанию К.С. Аксакова, «в позднейшее время протестантские богословы, прекрасно понимая катастрофическое состояние протестантизма, всеми силами старались остановить гибельный для религии на Западе процесс. Некоторые из них обращают взгляд на православие. Немецкий протестантский профессор Овербек в книге “С Востока свет” взывал: “Братья протестанты! Взгляните на Церковь, которую основал Христос <...> Эта Церковь оставалась такой, как была, неизменной, в православной вере. Кафолическое, но не римское — пусть будет нашим кличем!”»³⁴.

Другой представитель славянофильства — Ю.Ф. Самарин — развил в печати положения сложившегося направления, осуществляя в жизни заветы старших славянофилов. Ю.Ф. Самарин, по его собственному признанию, был учеником и последователем А.С. Хомякова. Под влиянием Хомякова Ю.Ф. Самарин переработал свою диссертацию на тему «Феофан Прокопович и Стефан Яворский» (1844)

и развил в применении к конкретному случаю идеи Хомякова об отношении православия к католицизму и протестантизму. На это указал проф. Иванцов-Платонов в предисловии к диссертации Самарина, отметив, что эти изыскания «имеют в основе своей те самые положительные начала, которые по преимуществу раскрыты были Хомяковым и составляют собственно полемические применения этих начал к анализу католицизма и протестантизма»³⁵.

Вслед за Хомяковым критикуя искажения, внесенные рационализмом в христианское богословие, Ю.Ф. Самарин умел видеть и ценить в западном христианстве его положительные стороны, исторические заслуги. Говоря о полемических произведениях Хомякова, в предисловии к его работе «Церковь одна» Ю.Ф. Самарин отмечал, что он поднял голос не против вероисповеданий, латинского и протестантского, а против рационализма, им первым осознанного в начальных его формах — латинской и протестантской»³⁶.

А.А. Киреев (1833–1911). Для характеристики отношения славянофилов к протестантизму интересно также мнение Александра Алексеевича Киреева, который в юношеские годы сблизился со старшими славянофилами. Хомяков, братья Киреевские, Аксаковы, Самарин и другие выдающиеся представители славянофильского направления были постоянными посетителями дома его родителей и оказали на него сильное влияние. С 1872 по 1877 г. А.А. Киреев состоял секретарем Петербургского отделения Московского общества любителей духовного просвещения. С этого времени начинается его деятельное сотрудничество с руководителями как старокатолического движения, так и с западными приверженцами сближения с Православной церковью, с которыми он вел оживленную переписку по богословским и церковным вопросам.

В своем труде «Воссоединение Церквей и славянство», написанном в качестве ответа на статью В.С. Соловьева «Славянский спор», защищая протестантизм от нападок, он пишет: «Протест Лютера имел, безусловно, верное основание <...> Мы можем пользоваться протестантской культурой <...> оставаясь вполне православными; ведь и Хомяков, и Киреевские, и Самарин, и многие другие последователи славянофильских теорий глубоко изучили немецких философов прошлого и начала нынешнего (XIX в. — *а.а.*) столетия и, однако, не пошатнулись в своем православии <...> В государствах протестантских дух христианства держится едва ли не крепче, нежели в государствах католических»³⁷.

Развивая свои мысли в практической сфере, А.А. Киреев призывал смело ломать те межконфессиональные перегородки, которые на протяжении столетий воздвигались между Востоком и Западом: «Нам вовсе не следует сторониться от остальных христиан, — писал он, — напротив, мы должны изучать их жизнь, усваивать плоды их науки, их культуры. Мы должны перенимать <...> у протестантов их способность вводить религиозные идеалы в самую жизнь, нормировать ее своими верованиями, их ученость, мы должны любить их»³⁸.

Весьма актуально звучат слова А.А. Киреева, высказанные им еще в конце XIX в.: «Мы должны подготовиться к тому событию, которое, без сомнения, укрепит наше единство и придаст нам новые силы <...> Я разумею созвание Вселенского собора. Не знаю, трудно ли это или легко, но знаю, что это необходимо и что это становится каждый день все необходимее!»³⁹

* * *

Славянофилы внесли свой посильный вклад в дело сближения разделенных Церквей, сумели преодолеть тенденциозность «обличительного богословия», научились уважать оппонентов в дискуссиях, дали мощный импульс всей русской богословской мысли XIX в., оставили заметный след в истории русской культуры. По словам Н. Бердяева, «они не только определили наше национальное самосознание как религиозное по духу и цели, но также поставили перед нашим сознанием основную тему — тему Востока и Запада. Темой этой наполнена вся духовная жизнь России XIX в., и она передалась веку XX как основная, как поставленная перед нами всемирно-историческая задача. И до наших дней длящаяся борьба славянофильских и западнических начал в русском самосознании вся сосредоточена вокруг этой темы Востока и Запада <...> Но наступают времена, когда нельзя уже выбирать, Восток или Запад, когда для самого бытия России и для выполнения ее миссии нужно утверждать в ней и Восток, и Запад, соединять в ней Восток с Западом»⁴⁰.

1. Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. С. 2.

2. Кулешов В.И. Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 13.

3. Целый ряд исследователей, таких как А.Г. Лушников, А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров, считают, что толчком движению славянофильства послужила война России с Наполеоном. См.: Лушников А.Г. Историко-литературная почва первого славянофильства. Казань, 1913. С. 27; Галактионов А.А.,

Никандров П.Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 31.

4. *Зеньковский В.*, прот. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955. 2-е изд. С. 66–67.

5. Цит. по: *Бродский Н.Л.* Ранние славянофилы. М., 1910. С. XXXV.

6. *Блок А.П.* Политическая литература в России и о России. Варшава, 1884. С. 6.

7. *Чуйко В.В.* Старое и новое славянофильство // Наблюдатель. 1890. № 3. С. 98.

8. *Милюков П.* Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902. С. 268.

9. *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 2.

10. *Кошелев В.А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов 1840–50 гг. М., 1984. С. 6.

11. *Троицкий В. А.С.* Хомяков и древнецерковные полемисты // Вера и разум. 1911. Т. 3, № 18. С. 746.

12. *Завитневич В.З. А.С. Хомяков.* М., 1913. Т. 2. С. IV.

13. Церковь, католичество и протестантство. Краткий очерк их истории по А.С. Хомякову. М., 1914. С. 64; *Хомяков А.С.* Сочинения. 2-е изд. М., 1871. Т. 1. С. 210.

14. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1904. Т. 8: Письма. С. 150.

15. Церковь, католичество и протестантство... С. 67.

16. Там же. С. 113.

17. Там же. С. 77.

18. *Базаров И.И.* Воспоминания // Русская старина. 1901. Т. 106. С. 57.

19. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. 2. С. 230.

20. Там же.

21. *Завитневич В.З. А.С. Хомяков.* Киев, 1902. Т. 1, кн. 2. С. 1085.

22. Там же.

23. *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 1. С. 112.

24. Там же. С. 156.

25. Там же. С. 74.

26. Там же. С. 111.

27. Там же. С. 190.

28. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1981. С. 254.

29. Цит. по: *Ляковский В.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 42.

30. Цит. по: *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 254.

31. *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 1. С. 155.

32. Там же. С. 95.

33. *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 253.

34. *Аксаков К.С.* Полное собрание сочинений. М., 1876. Т. 2. С. 38.

35. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М., 1880. Т. 5. С. XXI.

36. *Хомяков А.С.* Церковь одна. Монреаль, 1975. С. 41.
37. *Киреев А.А.* Сочинения. СПб., 1912. Т. 1. С. 196.
38. Там же. С. 232.
39. Там же.
40. *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 28.

Ю.И. Мошник, М.В. Ефимов

**ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФОН ДЕН
(1838–1900) — ВЫБОРГСКИЙ ГУБЕРНАТОР
И СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ПО ДЕЛАМ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО:
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ**

Процесс интеграции завоеванной в 1710 г. войсками Петра I Выборгской губернии в Российское государство, а точнее — в германизированный Северо-Запад Российской империи, сопровождался быстрым и последовательным усилением немецкого влияния. Достаточно упомянуть, что с 1727 г. в Выборге немецкий стал официальным языком органов городского самоуправления. Первое среднее учебное заведение города, открытое по распоряжению Екатерины II в 1788 г., также было немецким. Вплоть до конца XIX в. уровень культурного, экономического и политического влияния немецкой общины Выборга был (в процентном соотношении) существенно выше ее численности. В исследовательской литературе, посвященной истории Выборгской губернии, различные аспекты существования немецкой общины изучены достаточно хорошо. Прежде всего следует упомянуть исследования профессора Р. Швайцера¹. Вместе с тем специальные биографические исследования существуют только о некоторых персоналиях и немецких семейных кланах города (таких, например, как роды Хакман и Теслефф), оказавших решающее влияние на развитие экономики Выборгской губернии. Роль немцев в административном управлении краем и — шире — в управлении Финляндией изучена существенно меньше. Наше сообщение в некотором роде может считаться попыткой затронуть этот малоизученный вопрос. Оно посвящено Вольдемару Карлу фон Дену — этническому немцу, родившемуся в Финляндии, сделавшему карьеру в России и вернувшемуся

муся в Великое княжество Финляндское в качестве Выборгского губернатора, а затем — министра статс-секретаря. Он был последним Выборгским губернатором, родившимся в Финляндии.

К моменту рождения Вольдемара Карла род фон Ден был связан со старой Финляндией уже без малого сто лет. Первый представитель рода, оказавшийся на российской службе, — Самуил Ден (1710—1782) — прибыл из Германии в свите принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. Правнук Самуила, Владимир Иванович фон Ден, в своих воспоминаниях указывает, что произошло это в 1736 г.² В «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1760-х годах неоднократно упоминается надворный советник «Самойла Ден», владелец нескольких домов на Васильевском острове (на 1, 6 и 7-й линиях). В 1766 г. он был произведен в чин обер-секретаря Сената, а в 1772 г. уже действительный статский советник Самуил Ден становится вице-президентом Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел и членом Совета учебных заведений Петербурга. Как сообщает в своих записках В.И. фон Ден, «дела Остзейских губерний, поступавшие в юстиц-коллегию, подлежали ревизии Самойла Дена, и потому он имел случай заслужить особые доверие и уважение жителей этих губерний. Уважение это было доказано лифляндским дворянством, предложившим прадеду моему принять его в среду своего Ritterschaft'a, пользовавшегося в то время, как известно, особыми привилегиями и преимуществами, но Самойл Ден не считал себя вправе воспользоваться этим предложением, имея влияние по должности своей на дворянские дела Остзейского края. Сколько мне известно, он был похоронен в С.-Петербурге на Самсониевском кладбище, но несмотря на мои старания <...> я не мог отыскать его могилы»³.

Жизнь двух детей, родившихся в браке Самуила Дена и его супруги Эльзы Мишель, была связана с Выборгской губернией. Дочь Эльза Луиза вышла замуж за председателя Выборгского гражданского трибунала, а впоследствии — Выборгского губернатора Магнуса Орреуса⁴. Сын Йохан Самуил фон Ден (1758—1814) поступил на военную службу. В 1770-х годах он был артиллерии поручиком, но после женитьбы на Катарине фон Брандт продал дом и купил в 1783 г. имение Сиппола под Фридрихсгамом (Хаминой)⁵. Недолгое время Йохан Самуил служил инспектором школ Выборгской губернии. В семье было десять детей — пять мальчиков и пять девочек, которым родители дали хорошее домашнее воспитание. В качестве семейного учителя был приглашен новый инспектор школ Выборгской губернии и известный

немецкий поэт Аугуст Тиме, автор поэмы «Финляндия», опубликованной в 1808 г.

Все сыновья, кроме старшего, поступили на военную службу. Старший же, Александр Густав (1788–1855), окончил в 1811 г. Дерптский университет и определился в Комитет Финляндских дел в чине губернского секретаря. После смерти отца Александр Густав оставил службу и полностью посвятил себя заботам об имении, превратив его в образцовое хозяйство. Еще раз вернемся к запискам В.И. фон Дена, племянника Александра Густава: «...я особенно любил за его любезность и остроумие. После смерти бабушки он решился на великий подвиг, оставил службу и Петербург и посвятил себя семейству, которому хотел сохранить имение и сестрам приличное убежище. Он был человек всесторонне образованный, очень умный и приятный собеседник, любил спорить, но спорил приятно. Безвыездно проживши в деревне несколько десятков лет, он постоянно следил за умственным движением Европы, читал все, составил себе большую библиотеку, и я помню, как меня поражал его разговор или, правильнее, рассказы, потому что я в то время относился весьма равнодушно к политическим событиям»⁶.

В 1836 г. Александр Густав фон Ден был включен в гербовник дворянских родов Великого княжества Финляндского. Через два года после этого события, 20 февраля 1838 г., в семье Александра Густава и его жены Марии Шарлоты Вильде родился второй сын — Вольдемар Карл.

Вероятно, как и отец, Вольдемар Карл получил домашнее образование. С детства он владел пятью языками. Помимо родного для него немецкого и необходимых на будущей службе русского и французского, у него был безупречный шведский и приличные познания в финском языке⁷.

В отличие от отца, Вольдемар Карл поступил на военную службу. Возможно, такой выбор был связан с близостью Кадетского корпуса в Хамине к родительскому имению. Кадетское училище он закончил с отличием, и его имя было внесено на мраморную плиту со списком выдающихся выпускников⁸. В 1855 г. в чине прапорщика Вольдемар Карл (на русской службе — Владимир Александрович) фон Ден был определен в лейб-гвардии егерский полк, расквартированный в Санкт-Петербурге. В 1860 г. Владимир Александрович поступает в Николаевскую военную академию и производится в звание штабс-капитана. Окончив академию, он продолжил службу в штабе отдельного гвар-

дейского корпуса, откуда в феврале 1873 г. был причислен к Кавказскому генеральному штабу в чине капитана. Но уже в конце того же года высочайшим приказом был назначен старшим адъютантом в штаб войск Кутаисского генерал-губернаторства. Через два года он уже начальник штаба 39-й пехотной дивизии, принимавшей участие в покорении Западного Кавказа. Все последующее время, в том числе в должности командира гренадерского Тифлиского Его Величества полка, прошло в бесконечных походах и сражениях. Так, в его послужном списке говорится, что с 15 июля по 25 августа в составе Ахчипсаувского отряда сражался с горцами в устье Мзышта под Сухуми, вместе с егерями Даховского отряда участвовал в битве в урочище Псаха, затем усмирал восставших в Абхазии. Во время службы на Кавказе, 5 мая 1871 г., Владимир Александрович женился в Тифлисе на княжне Нине Дмитриевне Святополк-Мирской (1852–1926), дочери генерала кн. Дмитрия Ивановича Святополк-Мирского (1825–1899), родной сестре будущего министра внутренних дел кн. Петра Дмитриевича Святополк-Мирского.

В 1873 г. военная карьера Владимира Александровича прервалась в результате несчастного случая. Коляску великого князя Михаила Николаевича понесли лошади, и фон Ден сумел их остановить, навсегда искалечив себе при этом правую ногу. Это происшествие заставило Дена искать себе место на гражданской службе. В июне 1875 г. он сдает свой гренадерский Тифлиский полк и направляется в Кавказский генеральный штаб, откуда следует в Ставрополь на должность губернатора.

Как ставропольский губернатор Ден большое внимание уделял народному образованию и здравоохранению. По его указанию было устроено восемь врачебных участков, создано Общество для содействия расширению образования, способствовавшее открытию в губернии новых начальных школ, как министерских, так и церковно-приходских. Большим событием стало проведение в Ставрополе к 100-летию Ставропольской крепости Губернской выставки сельского хозяйства и промышленного производства. В годы губернаторства фон Дена в Ставрополе активно велось строительство и благоустройство города.

В январе 1882 г. фон Ден получает новое назначение — теперь на должность губернатора Выборгской губернии. Переезд в Финляндию был для Дена непростым решением. Как отмечал друживший с Деном архитектор Юхан Якоб Аренберг, для его супруги и детей Финляндия

была совершенно чужой, да и самому Дену, родившемуся в Восточной Финляндии, столь же чужим был Гельсингфорс. Правда, благодаря усилиям его брата большое родовое земельное владение в Сиппола превратилось в образцовое хозяйство, но «супруге Дена не нравилось в нашей стране, ее дети, родившиеся на Кавказе, видели южное солнце, южное небо. Пребывание здесь, на низменных берегах озера Сиппола, в болотистой местности, в пустынной лесной глуши, не привлекало. Ее сыновья не говорили по-шведски и лишь в самой малой степени по-фински»⁹.

Что касается упомянутого Якоба Аренберга, то следует отметить, что именно в годы, когда фон Ден был губернатором, карьера архитектора Аренберга стремительно шла в гору. Он получает первые заказы в Выборге, а впоследствии, уже после отъезда Дена в Петербург, станет губернским архитектором. Дружба губернатора и архитектора продолжалась много лет, и когда в 1886 г. Аренберг добивался разрешения на установку в Выборге памятника шведскому маршалу Торгильсу Кнутссону, он обратился за поддержкой не к действующему губернатору, а к уже ставшему сенатором фон Дену. По словам Аренберга, фон Ден был чрезвычайно заинтересован в памятнике и беспокоился о том, чтобы скульптор Вилле Вальгрэн «правильно сделал щит с гербом и костюм и не допустил ошибок против истории и геральдики». Фон Ден действительно интересовался геральдикой и еще в годы службы в Ставрополе принимал участие в разработке герба города.

За годы службы выборгским губернатором Владимир Александрович много сделал для развития образования. В эти годы началось строительство Центральной народной школы Выборга — самого большого учебного заведения губернии. Способствовал фон Ден и открытию русской женской гимназии. Когда в 1883 г. русское купечество обратилось к губернатору за поддержкой, он сделал все, что от него зависело, чтобы проект создания школы был поддержан генерал-губернатором и Сенатом.

Губернатор был председателем Сельскохозяйственного общества Выборгской губернии и председателем дирекции нескольких сельскохозяйственных училищ. В 1883—1884 гг. в маленьких городках губернии прошли крупные сельскохозяйственные выставки, и губернатор присутствовал на их открытии.

Однако пребывание в Выборге оказалось для фон Дена недолгим. В марте 1885 г. появились слухи, что именно он получит пост началь-

ника гражданской экспедиции Сената, и в июле того же года они подтвердились. В Сенате за Деном закрепились репутация человека, настроенного профински.

В 1889 г. он был назначен помощником министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского, а год спустя — министром. Назначение его на должность по времени совпало с набиравшим силу движением за расширение автономных прав Финляндии. Как отмечает историк Осмо Юссилла, фон Ден хорошо знал финляндские законы и правовую систему, обладал склонностью к компромиссу между конфликтующими сторонами и был способен успешно противостоять как имперским министрам, так и финским националистам¹⁰. В финляндской прессе приверженность министра статс-секретаря местному законодательству оценивалась чрезвычайно высоко. В одной из публикаций, посвященных фон Дену и его деятельности в Финляндии, говорилось, что должность министра статс-секретаря должен занимать «человек, который не отступит перед своим долгом, но сам будет руководствоваться унаследованными от предков законами. Именно таков <...> Вольдемар Карл фон Ден»¹¹. Уже в начале 1890-х годов фон Ден пришел к пониманию, что императору в сложившихся условиях остаются лишь две возможности: «потеря лица или военная диктатура». На своем посту В.А. фон Ден делал все возможное, чтобы избежать этих крайностей, и его рациональный и трезвый взгляд на вещи не раз убеждал Александра III и Николая II в том, что предложенное министром статс-секретарем решение является единственно верным. Так, в 1895 г. фон Дену удалось, несмотря на сопротивление генерал-губернатора гр. Ф.Л. Гейдена и министра народного просвещения И.Д. Делянова, решить вопрос о русских школах в Финляндии, не получавших достаточного финансирования. Передав школы, в которых обучались не только русские, но и финляндские подданные, под надзор Главного управления учебных заведений Финляндии, фон Ден избавил их от экономических трудностей. Не меньшее противодействие, но уже со стороны военного министра вызвала поддержка фон Деном строительства железной дороги между Улеаборгом и Торнио, создававшей потенциальную опасность вторжения со стороны Швеции. Тем не менее император поддержал предложение фон Дена.

В историю культуры Финляндии фон Ден вошел прежде всего как человек, в 1894 г. активно поддержавший идею строительства Национального музея в Хельсинки и даже подыскавший для него место

в районе Тёёлё. (В итоге в качестве места для строительства был выделен участок в Эту-Тёёлё, принадлежавший А.К. Карамзиной¹².) Кроме того, фон Ден как вице-канцлер Университета Хельсинки в 1897 г. подал представление на предоставление молодому композитору Яну Сибелиусу ежегодной стипендии размером 3000 марок¹³. Еще годом ранее фон Ден был вынужден отклонить прошение Сибелиуса о месте в университете, однако постарался помочь композитору иным способом. В результате стипендия Сибелиуса впоследствии превратилась в пожизненный пенсион от университета¹⁴.

Последовательное наступление российских властей на автономные права Финляндии в правление Николая II сделало фон Дена, стремившегося находить компромиссы, неудобной фигурой. Военный министр А.Н. Куропаткин старался убрать с поста неугодного ему министра статс-секретаря, чтобы принять в Великом княжестве новый Устав о воинской повинности. 8 июня 1898 г., когда фон Ден делал обычный доклад, император Николай II поинтересовался, имеет ли министр статс-секретарь с собой заявление об отставке, чтобы он мог его подписать. Три дня спустя прошение было удовлетворено. Новость об отставке министра статс-секретаря была воспринята в Финляндии с искренним огорчением. Оценивая роль фон Дена в защите интересов жителей Финляндии, «Новая иллюстрированная газета» писала: «Вольдемар Карл фон Ден навсегда останется в памяти финляндцев как несгибаемый и независимый государственный деятель, которому Финляндия всегда должна быть признательна за то, как он представлял нашу страну перед лицом ее правителя»¹⁵.

Хотя рескрипт об отставке был написан в чрезвычайно милостивых выражениях и фон Дену была предоставлена пенсия в 40 тыс. марок в год, снятие с должности было унижительным. Вскоре после этого фон Ден продал владения в Финляндии и переехал в Италию, где и скончался в 1900 г. Он и его супруга Нина Дмитриевна похоронены в Риме, на кладбище Тестаччо¹⁶.

В заключение скажем несколько слов о детях В.А. фон Дена. Старшая дочь, Мария Владимировна (1872–1912), стала фрейлиной императрицы. Дмитрий Владимирович (1874–1937), флигель-адъютант, капитан 1-го ранга, военно-морской агент в Австро-Венгрии и Италии в 1906–1911 гг., помощник начальника военно-походной канцелярии, во время Гражданской войны был представителем генералов Деникина и Врангеля в Италии. Его супруга — графиня Софья Владимировна Шереметева. Дмитрий и Софья фон Ден усыновили неза-

коннорожденного ребенка великого князя Сергея Михайловича и Варвары Воронцовой-Дашковой Александра. Впоследствии Александр, ставший художником, переехал в США. Дмитрий и Софья фон Ден похоронены на Тестаччо, как и еще один сын Владимира Александровича, Петр Владимирович, и его жена Кетеван.

Петр Владимирович (1882–1971) окончил Пажеский корпус, был полковником 17-го Нижегородского Е. В. драгунского полка, Георгиевским кавалером, в Гражданскую войну — командиром Нижегородского эскадрона Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии в армии А.И. Деникина, в 1920–1930-х годах — старостой русской православной церкви в Риме, сотрудником американской библиотеки в Риме, председателем Союза инвалидов в Италии. Был женат на Кетеван Дмитриевне Старосельской.

Еще два сына Владимира Александровича и Нины Дмитриевны фон Ден погибли во время Русско-японской войны. Сотник Александр Владимирович фон Ден (1877–1904) погиб в Харбине, а лейтенант Николай Владимирович фон Ден (1880–1905) — в бою при Цусиме. Тела обоих сыновей были перевезены в имение Святополк-Мирских Гиёвка в Харьковской губернии. Их надгробия расположены в семейном некрополе князей Святополк-Мирских, рядом с усадебным домом.

1. См., например: *Швейцер Р.* Выборгские немцы // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. = Die Deutschen in Sankt-Petersburg: Wissenschaft, Kultur, Bildung. [Сб. ст.] / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб.: Изд-во «Росток», 2005. С. 99–116.

2. Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена / Приложение к журналу «Русская старина». СПб., 1890. С. 59. Это указание может быть ошибочным, поскольку принц Антон Ульрих прибыл в Россию в 1733 г. Однако состав свиты принца, участвовавшего в военных походах, менялся, и не исключено, что Самуил фон Ден был отправлен в свиту принца позднее.

3. Там же. С. 60.

4. *Amburger E.* Die Petersburger Deutschen und Karelén // Finland-Studien II. Weisbaden: Hanassowitz Verlag, 1993. S. 101.

5. Sippolan koulu-koti. Helsinki: ark-byroo Senaatti, 2015. S. 28.

6. Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена. С. 61.

7. *Юссала О.* Великое княжество Финляндское. Хельсинки: Ruslandia, 2009. С. 519.

8. *Anon.* Woldemar Carl von Daehn — Suomen nykyinen ministerivaltiosihteeri // Kyläkirjaston kuvalehti. 1895. № 1. S. 1.

9. *Клинге М.* На чужбине и дома / Пер. с фин. Л. Суни. СПб.: Изд. дом «Коло», 2005. С. 45.
10. *Юссилла О.* Великое княжество Финляндское. С. 477, 518–519.
11. *Анон.* Woldemar Carl von Daehn — Suomen nykyinen ministerivaltiosihteeri // *Kyläkirjaston kuvalehti.* 1895. № 1. S. 2.
12. *Клинге М.* На чужбине и дома. С. 228.
13. Там же. С. 257.
14. *Tavastjerna E.* Sibelius. Vol. 1 / transl. by R. Layton. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1976. P. 197.
15. *Анон.* W. von Daehn // *Uusi kuvalehti.* 1898. № 12 (30. Kesäkuu). S. 166.
16. *Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.Л.* Кладбище Тестааччо в Риме. СПб., 2000.

О.А. Егоров

**ПРОИЗВОДИТЕЛЬ
ВЫСОЧАЙШИХ ОХОТ В ЛИСИНЕ
ГРАФ ГЕРМАН ФЕДОРОВИЧ ГАУЭНШИЛЬД
(1822–1884)**

В 70 километрах от Петербурга расположен поселок Лисино-Корпус, центр Лисинского учебного лесничества, известный целым комплексом построек придворного архитектора Н.Л. Бенуа, среди которых выделяется императорский охотничий дворец, единственный памятник подобного типа на всей территории России (рис. 1). Дворец был построен для приездов императора Александра II, единственного

Рис. 1. Охотничий дворец в Лисине-Корпус. Западный фасад.
Фото К. Фельбингера. 1869 г.

из всех русских государей предпочитавшего зимнюю охоту всем другим видам. Уникальность Лисина как самостоятельной императорской охотничьей резиденции подчеркивается еще и тем, что только в Лисинском учебном лесничестве существовали две должности, которых более не было нигде в Российской империи, а именно: обер-егерь лесничества и производитель высочайших охот в Лисине.

Всего Александр II был в Лисино около 110 раз. Именно здесь Александр Николаевич добыл своего первого лося и первого вольного медведя¹. Уже после гибели государя чины Корпуса лесничих и Лисинского лесничества «в память высочайшего благоволения и неоднократного посещения Лисина» установили Александру Николаевичу бюст, к сожалению, не переживший бури революции. Привязанность государя к Лисино не в последнюю очередь была связана с теми людьми, которые смогли организовать здесь высочайший уровень производства зимних охот, не знавший себе равных и оставлявший придворную охоту далеко позади. Это были четверо немцев: второй директор лесничества Андрей (Йоган Рейнгольд Карл Генрих) Васильевич Гарф, обер-егеря лесничества Андрей (Генрих) Федорович Рейс и Оскар Антонович (Оттович) Кригер, а также первый и единственный за всю историю лесничества производитель высочайших охот Герман (Герман Мария) Федорович Гауэншильд².

Герман Федорович родился и был крещен в Дрездене в Королевской католической придворной церкви под двойным именем Герман Мария 7 июля по европейскому календарю (25 июня по календарю Российской империи) 1822 г.³

Рис. 2. Гауэншильд Федор Матвеевич, отец Германа Федоровича

О родителях Гауэншильда известно немного. Отец — Федор (Фридрих Леопольд Август) Матвеевич фон Гауэншильд (1783—1830) — был австрийским подданным, уроженцем города Германштадт в Трансильвании (рис. 2). Мать — Иоанна, урожденная Книрием. В 1809 г. чета Гауэншильдов приехала в Россию. Федор Матвеевич получил назначение на должность директора Царскосельского благородного пансиона при Царскосельском лицее и профессора немецкой словесности в самом лицее. В 1814—1816 гг. даже занимал место директора лицея. Лицеисты его не любили и едко

высмеивали, считая его австрийским шпионом. Дослужился до чина коллежского советника. Занимался переводами с немецкого на русский и с русского на немецкий. 7 января 1815 г. принял присягу на вечное подданство России. В 1818 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по германской филологии⁴. 4 мая 1822 г. вышел в отставку с полной пенсией и уехал в Германию. Как записал в автобиографической заметке Герман Федорович: «...а я родился и крещен 7 июля того же года в Дрездене во время путешествия моего отца за границу, то есть через два месяца по выходе его в отставку»⁵. В 1826—1828 гг. Федор Матвеевич занимал должность австрийского Генерального консула на Ионических островах и получил от папы Льва XII патент на потомственное графское достоинство⁶.

В 1829 г. Федор Матвеевич вернулся в Россию и попытался вновь поступить на службу. Однако, по всей видимости, по болезни был вынужден выехать на родину, в город Германштадт, где и скончался в 1830 г. А его семья, по всей видимости, осталась в России.

О родной матери Германа Федоровича сведений нет. Но известно, что его отец был женат дважды. Однако о второй его супруге также не имеется никаких сведений, за одним упоминанием — это доклад министра государственных имуществ П.Д. Киселёва по прошению вдовы Ф.М. Гауэншильда на высочайшее имя от 5 августа 1837 г.:

«Действительный Тайный Советник Князь Голицын по Высочайшему повелению препроводил ко мне для доклада Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшего прошения вдовы бывшего Директора Царско-сельского Благородного Пансиона, Коллежского Советника Гауэншильда, о принятии в Лесной и Межевой Институт на казенное содержание пасынка ее, сына покойного Гауэншильда от первого брака.

Справка. Помянутый Гауэншильд состоит своекоштным пансионером Лесного и Межевого Института.

Вакансии казенных воспитанников при Институте ныне не имеется.

Заключение. Ежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет повелеть поместить Гауэншильда на казенное содержание в Лесном и Межевом Институте, то сие имеет быть исполнено в Марте месяце будущего года, по выпуске нескольких воспитанников из окончивших курс учения; на что имею счастье испрашивать Высочайшего Вашего Императорского Величества утверждения», на который государь наложил резолюцию: «исполнить»⁷.

Лесной и межевой институт (ЛиМИ) был образован на базе бывшего С.-Петербургского лесного института по высочайшему указу от

7 июня 1837 г. по образцу военно-учебных заведений. Воспитанники, переименованные в кадетов, составили 1 батальон в 4 роты, из которых 1 рота — Лесное отделение и 3 роты — Межевое. В лесную роту принимались преимущественно дети чиновников лесного ведомства и Департамента государственных имуществ, при этом приоритет отдавался детям, лишившимся отцов, остальные по старшинству поданных прошений. Если оставались вакансии, то принимались дети чиновников и других ведомств, но не ниже обер-офицерского звания и преимущественно сироты. Кроме этих категорий, могли приниматься и своекоштные из детей дворян и обер-офицеров с платой 700 руб. в год⁸. Само лесное ведомство также было преобразовано по военному образцу со всеми правами военной службы.

Первоначальное образование Герман Федорович получил дома у родителей. Почему для продолжения образования был выбран именно ЛиМИ — сказать трудно. Возможно, на этот момент не было свободных вакансий в военно-учебных заведениях, а в ЛиМИ можно было поступить на вакансию своекоштного воспитанника, хотя это и было довольно накладно для семьи. Косвенно за то, что Герман Федорович собирался выбрать именно военную карьеру строевого офицера, говорят его дальнейшие действия. Не закончив полного образования в ЛиМИ, то есть не пройдя годовой производственной практики в Лисинском учебном лесничестве, и соответственно не получив чина подпрапорщика Корпуса лесничих, в сентябре 1841 г. Гауэншильд поступил на военную службу унтер-офицером в Екатеринославский гренадерский его высочества наследника цесаревича полк.

Здесь его военная карьера развивалась, как и положено человеку без связей, положения и материального достатка, то есть строго по уставам и положениям о военной службе. В сентябре 1842 г. Герман Федорович был произведен в подпрапорщики, в декабре 1843 г. — в прапорщики, в январе 1847 г. — в подпоручики и в феврале 1850 г. — в поручики. В августе 1850 г. для испытания он был прикомандирован к лейб-гвардии Московскому полку и в мае 1851 г. переведен в этот полк подпоручиком⁹.

Однако служба в гвардейском полку даже в глубоко провинциальном Ковно¹⁰ оказалась не по карману человеку, жившему лишь на офицерское жалованье. Через год Гауэншильд подал прошение на высочайшее имя о переводе его в Корпус лесничих *«по недостаточному состоянию, лишаящему его возможности продолжать службу в Гвардии»*¹¹. В июне 1852 г. Гауэншильд высочайшим указом был переведен

в Корпус лесничих поручиком и назначен на должность лесничего в С.-Петербургское лесничество¹².

В окрестностях Петербурга казенных лесов было очень мало, потому С.-Петербургское лесничество представляло собой, если так можно выразиться, лоскутное одеяло, объединяя лесные дачи (зачастую размером всего в несколько десятин¹³), приписанные либо к казенным заводам, как, например, Охтенская или Сестрорецкая казенные лесные дачи, приписанные соответственно к Охтенским пороховым и Сестрорецкому оружейному заводам; или к сельским обществам государственных крестьян и казенных ямщиков, как, например, Ижоро-Тосненская лесная дача, приписанная к ижорскому и тосненскому ямам; и при этом разбросанных на громадной площади. Посему должность петербургского лесничего была очень хлопотной, связана с постоянными разъездами и участием в постоянных судебных тяжбах, так как случаев самовольных порубок было достаточно.

Меньше чем через год службы петербургским лесничим Гауэншильд подал прошение о переводе его на освободившуюся вакансию лесничего Южной дистанции Лисинского учебного лесничества. В феврале 1853 г. Герман Федорович получил назначение в Лисинское лесничество¹⁴. Здесь карьера его продолжала развиваться также ровно. В мае 1855 г. он был переведен на должность лесничего Северной дистанции¹⁵. Хотя должности лесничих Северной и Южной дистанций Лисинского лесничества формально были равны, но неофициально должность лесничего Северной дистанции была старше и, таким образом, являлась следующей ступенькой в карьере. 21 марта 1856 г. Герман Федорович получил свой очередной чин — штабс-капитана Корпуса лесничих¹⁶.

Конец 1859 г. ознаменовался событием, ставшим одним из самых темных пятен в истории Лисинского учебного лесничества. Третий директор лесничества — Константин Богданович Бекман, работавший в лесничестве с 1844 г. (директор лесничества с 1852 г.), — пал жертвой интриг Лесного департамента.

Дело было в том, что по новому штату, вводившемуся с января 1860 г., должность директора лесничества с V класса повышалась до IV, то есть до генеральской, с соответствующим повышением оклада. Ко всему прочему Лисино стало уже постоянным и одним из самых любимых мест зимних охот императора Александра II. К этому времени на посту министра государственных имуществ графа П.Д. Киселёва, искренне любившего и всегда лично курировавшего Лисинское учебное лесничество и высоко ценившего Бекмана и как человека,

и как лесоведа, и как директора лесничества, сменил М.Н. Муравьев, хороший и талантливый администратор, но к Лисино относившийся как к рядовому лесничеству и за свое недолгое нахождение на посту министра ни разу там не побывавший. Лесной департамент, пользуясь малой компетентностью нового министра в лесном хозяйстве, возбудил следственное дело против Бекмана по якобы открывшимся в лесничестве злоупотреблениям при отпуске леса. Не дожидаясь даже формального начала следственного производства, Бекман был уволен с должности директора в этот же год и через некоторое время отправлен служить на Урал. А на его место был назначен Л.И. Чарторижский, единственный человек за всю историю Лисинского учебного лесничества не то что даже не имевший формального лесного образования, но и ни дня до этого не служивший по лесному ведомству. Полковник Чарторижский до своего назначения в 1860 г. директором лесничества был начальником штаба 5-й гвардейской пехотной дивизии¹⁷. Зато уже в 1864 г. он получил чин генерал-майора.

Косвенно дело Бекмана задело и младших дистанционных лесничих. В частности, Герман Федорович 30 ноября 1859 г. был отстранен следственной комиссией от должности лесничего Северной дистанции до окончания следствия. Формально следствие завершилось лишь в 1862 г. и ничего особенного, естественно, не нашло. Гауэншильд, все же получивший по этому делу 7 дней гауптвахты (?!), был восстановлен в должности лесничего¹⁸. Этот эпизод в биографии Гауэншильда никак не отразился на его карьере. Зато увлечение зимними охотами государя Александра Николаевича развернуло карьеру графа на 180 градусов.

До своего воцарения Александр II успел побывать в Лисино на охоте всего 10 раз. Причем последний из них (20 февраля 1853 г.) — как раз незадолго до перехода Германа Федоровича в Лисинское лесничество (28 февраля 1853 г.). Понятно, что для всего лесничества, начиная с директора и заканчивая лесниками и местными крестьянами, посещения Лисино цесаревичем были незаурядными событиями, память о которых запечатлевалась навсегда и служила темой постоянных разговоров. В эту атмосферу постоянного ожидания и подготовки к посещению лесничества государем не мог не погрузиться молодой лесничий. Однако следующее посещение Лисина Александром Николаевичем, ставшим уже императором, состоялось только через три года — 8 февраля 1856 г. Помешали Крымская война (1853–1856) и смерть отца (18 февраля 1855 г.).

После восшествия на престол интенсивность зимних охот Александра II резко возросла. Если до этого Александр Николаевич бывал в среднем на зимних охотах 2–4 раза в год, то теперь число зимних охот возросло до 15–20 за год, практически охота была каждую неделю. Возросло и число посещений государем Лисино в среднем от 4 до 6 раз за год, включая и весеннюю охоту на глухариную току.

Ввиду особого статуса лесничества, в котором высочайшая охота организовывалась не силами придворной охоты, а местными лесничими и обер-егерем, успех охоты был знаком особой гордости для министра государственных имуществ. Тем более что сменивший М.Н. Муравьева на этом посту генерал-адъютант свиты государя А.А. Зеленой был постоянным спутником по зимним охотам Александра II, что придавало определенную пикантность ввиду явной конкуренции между охотами, организованными Лисинским лесничеством, и придворной охотой, соответственно между министром и обер-егермейстером Ферзеным, что давало постоянный повод для дружественных подначек и шуток среди других участников высочайших охот.

Резко возросшее число зимних охот государя, фактическое превращение Лисино, с постройкой охотничьего дворца, в главную и любимую зимнюю охотничью резиденцию Александра II вызвало к жизни необходимость проведения определенной реорганизации Лисинского лесничества. В 1858 г. Лесной департамент по приказу министра государственных имуществ поручил Бекману подготовить новое положение о Лисинском учебном лесничестве и его новую штатную структуру. В 1859 г. Бекман представил проекты нового положения и штата лесничества. 11 января 1860 г. они были высочайше утверждены¹⁹.

По новому положению в структуре Лисинского лесничества создавалось самостоятельное хозяйство высочайших охот. На одного из дистанционных лесничих была возложена дополнительная обязанность распоряжаться организацией высочайших охот с дополнительной оплатой труда 300 руб. в год²⁰. Эта обязанность была возложена на Гауэншильда, так как на прошедших до этого назначения охотах государь вполне оценил организационные способности лесничего Северной дистанции, высказав Зеленому (тогда еще товарищу министра государственных имуществ) свое полное удовлетворение от качества произведенных охот.

Площадь Лисинского учебного лесничества (около 30 тыс. десятин) была явно недостаточна для того, чтобы производить 3–4 полноценные зимние охоты каждый год. Поэтому одной из задач Гауэншильда

стало увеличение охотничьих угодий, контролируемых лесничеством. В общей сложности за несколько лет за счет заарендования окрестных лесных дач площадь охотничьих угодий была доведена почти до 80 тыс. десятин, что позволило лесничеству спокойно проводить необходимое число зимних охот, даже если медведей и лосей вообще не было на территории самого лесничества. И необходимо заметить, что за все годы неудачные охоты Александра II в Лисино (а зимних охот на медведей и лосей здесь было проведено около 60) были редким исключением.

Главной жемчужиной среди заарендованных частновладельческих дач была Машинская лесная дача. Здесь был крупный тетеревиный ток, самый близкий к Лисино. Это позволило наряду с весенними охотами на тяге вальдшнепов и на глухаринном току организовать для государя и его первую охоту на тетеревином току. Следует заметить, что после смерти Александра II, когда значимость Лисинского лесничества как места царской охоты резко упала и лесничество отказалось от всех арендованных дач, единственным исключением осталась Машинская лесная дача. Именно по причине наличия в ней самого близкого и самого лучшего тетеревиного тока во всей округе.

За проделанную работу по аренде лесных дач под высочайшую охоту государь 9 мая 1862 г. приказал Зеленому: «*Гауэншильда благодарить и выдать ему в награду годовой оклад*» (500 руб.)²¹.

Чуть ранее Герман Федорович заслужил от государя другой подарок — бриллиантовый перстень — за подведенную на охоте 2 марта 1860 г. Александру II охотничью собаку. К сожалению, в документах лесничества нет упоминания о кличке подведенной государю собаки. Но есть все основания предполагать, что подведенная Гауэншильдом «*большая черная собака*» — это самая знаменитая и любимая собака Александра II Милорд, всюду сопровождавшая государя и ставшая в буквальном смысле слова его тенью. Каких-либо точных данных о происхождении Милорда в документах придворной охоты не сохранилось. Но можно косвенно проследить его происхождение по ряду документальных фактов.

Вот так описал Милорда известный дореволюционный заводчик островных легавых С.В. Пенский, видевший его в 1866 г.: «*Императорского черного кобеля я видел в Ильинском после обеда, на который Государь пригласил членов правления Московского Общества Охоты. Это была очень крупная и весьма красивая комнатная собака, с прекрасной головой, хорошо одетая, но сеттериного типа в ней было мало;*

к тому же ноги были слишком длинны, и одна из ног совершенно белая. Говорят, сеттер этот был подарен покойному Императору каким-то польским паном и слух ходил, что кобель был не совсем кровный»²² (выделено мною. — О.Е.).

В этой заметке о Милорде стоит акцентировать внимание на следующем: это была очень крупная черная собака, не сеттер, с одной белой ногой, и государю была кем-то подведена. То, что Милорд был большой черной собакой, отмечают в своих воспоминаниях и другие видевшие его люди.

Милорд скончался в 1867 г. от тоски, не пережив разлуки с хозяином, уехавшим на Парижскую выставку и впервые не взявшим с собой верного Милорда. Он был похоронен на собачьем кладбище на Детском острове в Царском Селе, и на его надгробной мраморной плите была выбита трогательная надпись: «Добрейшему, милейшему, верному Милорду. 1860—1867». Обратим внимание на дату «рождения» собаки, хотя здесь скорее стоит говорить о дате ее появления у Александра II — 1860 г. Но об этом чуть ниже.

Через некоторое время после смерти первого Милорда у государя появился новый «сеттер» Милорд. Гауэншильд в рапорте директору Лисинского лесничества от 13 мая 1871 г. сообщил: «Его Императорское Величество соизволил изъявить желание, оставить у меня для натаскивания принадлежащего Его Величеству сеттера Милорда на два месяца»²³. Заметим, что государь пожелал отдать в натаску свою личную собаку не своему личному егерю, которому это надлежало делать по должностным обязанностям, и даже не кому-либо из придворных егерей, которые занимались натаской императорских и великокняжеских собак, а человеку со стороны, хотя и хорошо известному государю. Ко всему прочему собаку с кличкой для Александра II, весьма сентиментального человека, символической. И вот тут вернемся к 1860 г.

В июне 1860 г. министр императорского двора Адлерберг послал запрос в егермейстерскую контору: «На одной из Высочайших охот, производимых, кажется, в Лисино, кто-то подарил Государю черную большую собаку, Высочайше повелено дать сему лицу <нрзб> подарок, спросить Гр. Ферзена кто этот человек, и в какую цену он полагает, следует дать ему подарок». Ферзен ответил, что «...большую черную собаку представил Его Императорскому Величеству служащий в Лисинском Учебном Лесничестве Штабс-Капитан Гауэншильд, которому следует, по моему мнению, назначить подарок в 300 руб. серебром» (выделено мною. — О.Е.).

На этом рапорте стоит резолюция министра от 11 июня 1860 г.: «*Высочайше повелено исполнить*». Гауэншильд получил в награду бриллиантовый перстень с изумрудом стоимостью 300 руб.²⁴

Обратим внимание, что, во-первых, государю была подведена большая черная собака, во-вторых, награда (и весьма не маленькая) последовала как минимум через полгода после факта подведения собаки государю. Александру II дарилось много собак, но не за каждую из них следовал столь ценный подарок. Причем оценил государь эту собаку не сразу, даже не помнил, кто ее ему подвел. Поэтому есть все основания предполагать, что подаренная Гауэншильдом большая черная собака и есть Милорд.

За пару лет до подведения собаки государю, в декабре 1857 г., Лисинским учебным лесничеством были приобретены из придворной охоты пять охотничьих собак за 420 руб. серебром, которые были записаны в инвентарную книгу как духовые собаки, предназначенные для охоты на кабанов.

Из этих собак три кобеля черной масти. Вот их точное описание: «1. Нентун — *черный с загривинной*²⁵, *грудь и под горлом бело, передние ноги по колено белые, а у задних лапы белы, на хвосте бело, рост 1 аршин 1 вершок*²⁶, *4 осеней*²⁷; 2. Бриган — *черный с загривинной, грудь и под горлом бело, передние ноги выше колена, а задние по колено белы, на хвосте бело, 4 осени, рост 1 аршин 1 вершок*; 3. Задир — *черный с загривинной, грудь и под горлом бело, лапы и на хвосте бело, 4 осени, рост 1 аршин*^{28»29}.

В свою очередь, эти собаки были приобретены герцогом Мекленбург-Стрелицким в августе 1857 г. в Шарлоттенбурге и Штутгарте специально для придворной охоты³⁰. Нетрудно заметить много общего в описании этих собак с описанием Милорда, сделанным Пенским.

В штате Лисинского лесничества было определено только количество собак по породам, которые должны были содержаться на казенном корме. Рождавшиеся от этих собак щенки шли на восполнение штатного числа собак, если в этом была необходимость. Но обычно разбирались служащими в лесничестве чинами, а возможно, и продавались обер-егерем лесничества в свой доход, так как положением не было предписана их реализация за деньги. Соответственно ни в одном приходно-расходном документе лесничества не фиксируется доход, полученный лесничеством от реализации щенков. В отличие, к примеру, от лошадей лесничества, которые либо продавались местным крестьянам, либо на живодерню, а деньги от этой реализации записывались на приход лесничества. Не исключено, что и Гауэншильд взял

себе щенка от какого-либо из этих кобелей, а вырастив и натаскав его, подвел государю.

Второй Милорд, по всей видимости, пережил своего государя. Незадолго до гибели императора в 1881 г. художник Константин Маковский написал портрет государя с Милордом. Об этом пишет в своих воспоминаниях сын художника Сергей. Также он отмечает, что спутником его детства был «чистокровный гордон», подаренный его отцу Александром II и который происходил от собаки государя по кличке Милорд, а потому и своего щенка Маковские также нарекли Милордом³¹.

Сам автор воспоминаний родился в 1877 г., а воспоминания писал в 50-е годы XX в., то есть в глубокой старости. Вспоминая почти через семьдесят лет свое детство, С. Маковский отмечает, что у них была черная собака, подаренная государем, вроде по виду легавая. Отсюда автор делает бесспорные, на его взгляд, заключения, что подаренный государем щенок мог быть только чистокровным. Ведь у государя по определению не могло быть нечистокровных собак. А раз он черный и был похож на сеттера, то, значит, это, без сомнения, гордон. Правда, глядя на портрет государя с собакой кисти К. Маковского 1881 г., на память приходит описание первого Милорда, сделанное Пенским, что позволяет, без всякого сомнения, предположить, что второй Милорд был потомком первого, одним словом, «комнатная собака». Он, без сомнения, был легавой собакой, так как государь с ним охотился, но отнюдь не гордоном, так как чистокровный гордон не может иметь белых лап и вообще белых отметин. А именно это мы видим на всех изображениях и фотографиях и первого, и второго Милорда. Да и по типу он ближе к ньюфаундленду, чем к сеттеру, тем более чистокровному.

В мае 1862 г. Гауэншильд в рапорте директору лесничества Чарторижскому предложил к имеющимся уже в лесничестве зверинцам создать дополнительно еще куропаточный ремиз. По весьма оптимистичному представлению Гауэншильда в Лисине «удастся выводить столько куропаток, сколько потребуется для двух охот в год с легавой собакою. Охота такого рода будет лучшая из всех, которые мы имеем на пернатую дичь в нашем краю, потому что, во-первых, куропатки еще в августе месяце хорошо выдерживают собаку; во-вторых, после первого выстрела выводка обыкновенно разбивается так, что их потом можно отыскать по одиночке; и, в-третьих, куропатки держатся близ селений и на полях, так что ходьба за ними не утомляет»³².

Летом 1862 г. Гауэншильд был откомандирован во Францию и Австрию для ознакомления с устройством куропатников и фазанников тамошних придворных охот. По результатам этой поездки Гауэншильд представил подробный отчет, проект, планы и смету по устройству куропаточного ремиза в Лисино³³. В конце июня 1865 г. ремиз был полностью устроен.

Интересно заметить, что качество устроенного в Лисинском лесничестве куропаточного ремиза оценил и великий князь Владимир Александрович, третий сын Александра II, как и его отец, страстно любивший Лисино, посещавший его практически каждый год вплоть до своей смерти в 1909 г. и охотившийся здесь больше других великих князей. Великий князь пригласил Германа Федоровича устроить аналогичный куропатник и в его имении в Царской Славянке. Осенью 1868 г. Гауэншильд занимался устройством куропатника в великокняжеском имении³⁴. В октябре следующего года Гауэншильд посетил Царскую Славянку и, дав целый ряд советов по улучшению тамошнего куропатника, *«нашел, что все предполагаемые работы исполнены удовлетворительно»*³⁵.

Таким образом, со второй половины 60-х годов полностью сформировался цикл высочайших охот в Лисинском лесничестве: 1–2 охоты в апреле-мае на тяге, на глухариных и тетеревиных токах; 1–2 охоты в августе-сентябре в куропаточном ремизе (на перепелов, куропаток и фазанов); 1–2 охоты в октябре-ноябре в зверинцах (на кабанов, коз, ланей, оленей, зайцев, лисиц, барсуков и волков); 3–4 охоты в декабре-марте на медведей и лосей.

В октябре 1862 г. Гауэншильд был восстановлен в должности лесничего Северной дистанции и уже в апреле следующего года произведен в очередной чин — капитана Корпуса лесничих³⁶.

Хорошие организаторские способности Гауэншильда не остались без внимания Ферзена, и он через министра государственных имуществ сделал предложение о назначении Гауэншильда заведовать всеми зимними охотами в казенных лесничествах С.-Петербургской губернии. Однако это предложение не поддержал Лесной департамент, ответив Ферзену в письме от 6 сентября 1863 г.: *«Касаясь затем главного вопроса, кому может быть поручено заведывание Высочайшими Охотами на всей значительной площади избранных дач, найдено, что обязанность эта, с тем рвением за успех дела, который необходим при производстве ВЫСОЧАЙШИХ Охот, могла бы быть предоставлена заведывающему Лисинскими охотами, Корпуса лесничих Капитану Гауэн-*

шильд. Но так как этот офицер уже достаточно занят Лисинскими охотами и отвлекать для других поручений значило бы ослабить распоряжения по Лисинским охотам, то полагается более удобным обязанности по охранению избранных для охоты дач от истребления в них дичи, по содержанию обкладчиков и подготовке зверей для **ВЫСОЧАЙШИХ** охот, — словом, все предварительные распоряжения по этому делу отнести к обязанностям лесного управления, с тем чтобы распоряжения собственно по устройству **ВЫСОЧАЙШИХ** охот приняло на себя Егермейстерское Ведение»³⁷.

Учитывая достаточно серьезную производственную нагрузку Германа Федоровича, фактически совмещавшего две должности, Лесной департамент 7 августа 1864 г. предписал Лисинскому лесничеству освободить Гауэншильда от обязанностей лесничего Северной дистанции «и отнести на будущее время к исключительной его обязанности только заведывание, под главным руководством Директора Лесничества, Высочайшими охотами, а также состоящими при Лесничестве для охоты чинами, зверинцами и псарней, оставив затем все собственно хозяйственные распоряжения в отношении Зверинцев и псарни, то есть кормление зверей и собак, уход за ними и т.п. по-прежнему на Обер-Егере Кригере»³⁸.

Сама должность Гауэншильда получила официальное наименование «производитель высочайших охот» и была отнесена к VI классу. И здесь Герман Федорович попал в карьерную ловушку. Как гласит народная мудрость: *плох тот солдат, который не мечтает стать генералом*. Гауэншильд, будучи вполне исправным служакой, трезво оценивая свои карьерные способности и имея примером карьерные успехи сверстников, вполне мог дослужиться и до генеральской должности. Поэтому, недолго думая, он подал рапорт о его переводе в пограничную стражу. Лесной департамент осуществлению этого желания препятствий не увидел и дал добро. Однако всполошился сам министр государственных имуществ, и 16 июля 1864 г. Гауэншильд был вытребован на аудиенцию к Зеленому, «который объявил ему, что перевод его состояться не может, так как некем заменить его в должности производителя высочайших охот, при этом он присовокупил: “Вы не пожалеете о том, что остаётся, министерство будет постоянно иметь вас в виду и обеспечит вашу будущность”»³⁹.

В апреле 1865 г. Герман Федорович получил свой первый орден — Св. Анны III степени⁴⁰. До этого у него была только бронзовая медаль в память войны 1853—1856 гг., вручавшаяся, в общем-то, всем чинов-

никам, служившим в это время. Через год Гауэншильд был произведен в подполковники Корпуса лесничих⁴¹. В марте 1868 г. награжден орденом Св. Станислава II степени⁴².

В 1867 г. лесное ведомство вновь получило гражданскую организацию. Не желая видеть Гауэншильда в образе штафирки, «*во время переименования военных чинов Корпуса Лесничих в Гражданские чины по личному повелению Его Величества Государя Императора Высочайшим указом от 9 декабря 1868 г. он был зачислен в состоящие по армейской пехоте*»⁴³ с оставлением при Лисинском учебном лесничестве.

В 1869 г. Гауэншильд получил чисто карьерный орден. Владетельный князь Черногории Николай I пожаловал его орденом Князя Даниила I II степени⁴⁴. А через год Гауэншильд был произведен в полковники⁴⁵.

После отставки в 1871 г. Ферзена Герману Федоровичу вновь было предложено возглавить организацию всех зимних охот в С.-Петербургской губернии. Тут уже отказать не было никакой возможности. Гауэншильд перебрался в Гатчину, причем он так и остался по должности производителем высочайших охот в Лисине в штате Лисинского лесничества.

И хотя интенсивность зимних охот государя в 70-е годы немного снизилась, всю осень и зиму Гауэншильд проводил в постоянных переездах, так как требовалось уже организовать охот в 3—4 раза больше, чем он организовывал в Лисинском лесничестве. Служба была отнюдь не легкой. Чтобы охоты проходили на высочайшем уровне, нужно было контролировать все самому, проверять каждый оклад, каждую берлогу, руководить не только самой подготовкой окладов, но и всеми участниками охоты, от придворных егерей до последнего кричанина (а их на иных охотах бывало до 1000 и более человек). И все это зимой, на морозе в лесу и практически без выходных. Если случались подранки, то Герман Федорович, получив ценное указание от государя, что подранок должен быть всенепременно добран, лично занимался его добором. Причем были случаи преследования подранка по три дня, с неизбежными в этом случае ночевками в зимнем лесу. А года уже перешагнули шестой десяток, здоровье ухудшалось, о желанной отставке или переходе на более спокойную работу нечего было и думать.

В начале Балканской кампании Гауэншильд предпринял последнюю попытку вырваться из карьерной ловушки и 4 ноября 1876 г. подал по инстанциям рапорт: «*Вследствие Высочайшего приказа по Воен-*

ному ведомству от 1 сего ноября о мобилизации войск: имею честь всепокорнейшее просить Ваше Превосходительство ходатайствовать пред Высшим Начальством о прикомандировании меня к учебному пехотному батальону для узнания фронтовой службы по новейшему уставу, с тем чтобы впоследствии вступить в ряды действующей армии»⁴⁶.

Тут уже забеспокоился сам государь и «во время приезда на охоту в Лисино лично изволил спросить Гауэншильда: “Ты хочешь поступить во фронт? По какой причине?” Спустя полчаса после этого Г. Товарищ Министра князь Ливен объявил ему волю Государя, состоявшую в том, чтобы Гауэншильд оставался производителем Высочайших охот в Лисино»⁴⁷. Делать было нечего, и Гауэншильду пришлось смириться.

Единственным бонусом была возможность каждый год получать летние двухмесячные отпуска с сохранением содержания, которые ему давались без всяких задержек. Получаемые же им награды не приносили никакого удовлетворения⁴⁸, так как, имея уже чин V класса, Гауэншильд занимал должность VI класса, соответственно не мог рассчитывать на большую пенсию. Карьера для него закончилась.

После трагической гибели Александра II Гауэншильд подал прошение об отставке. Лесной департамент, понимая, что сразу найти человека на должность производителя высочайших охот (должность уникальную), которого поневоле будут сравнивать с предшественником, невозможно, всячески тормозил отставку. Лишь 3 апреля 1883 г. Гауэншильд получил желанную отставку с присвоением ему чина генерал-майора, мундиром и пенсией. Пенсия ему была назначена в 1145 руб. в год, хотя по его чину и должности ему полагалась пенсия в 857 руб. 76 коп. в год⁴⁹. Великий князь Владимир Александрович, высоко ценивший Гауэншильда, «принимая личное участие в семейном положении Генерал-Майора Гауэншильда», выхлопотал для Германа Федоровича усиленную пенсию. 30 декабря 1883 г. было высочайше утверждено положение Комитета министров о назначении Гауэншильду пенсии в 1500 руб. в год с даты его увольнения в отставку⁵⁰.

После отставки Герман Федорович перебрался на жительство в Петербург, где и скончался 8 ноября 1884 г.⁵¹ Гауэншильд был католиком, потому отпевание прошло в католическом соборе Св. Екатерины на Невском проспекте, прихожанином которого он был. Похоронен Герман Федорович на Смоленском немецком кладбище⁵². Могила сохранилась (рис. 3, 4). Детей у него не было, так как всю свою жизнь он оставался холостым.

Рис. 3. Общий вид могилы Г.Ф. Гауэншильда на Смоленском немецком кладбище. Фото автора. 2014 г.

Рис. 4. Надпись на могильном камне Г.Ф. Гауэншильда. Фото автора. 2014 г.

1. Своего первого медведя Александр II убил в Петергофском зверинце 31 августа 1844 г. (РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 201. Л. 228).

2. Так пишется его фамилия во всех формулярных списках о службе и в документах, а также на надгробном памятнике.

3. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 121. Копия метрического свидетельства. В формулярных списках год рождения Гауэншильда обозначен как 1823, скорее всего, это описка, повторявшаяся при переписке формуляров. Однако дальние родственники, хоронившие Германа Федоровича на Смоленском лютеранском кладбище, затруднились в установлении точного года и на могильном памятнике оставили пропуск. Все даты в очерке, за исключением специально оговоренных, даны по старому стилю.

4. Сайт Архива РАН: isaran.ru. Гауэншильд Федор Матвеевич фон.

5. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 191.

6. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 109, 113.

7. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 1. Л. 112–112 об.

8. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 1. Л. 21.

9. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 19–23.

10. Ныне — город Каунас Литовской Республики.

11. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 1.

12. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 11.

13. Десятина равна 1,04 гектара.

14. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 31.

15. Там же. Л. 50.

16. Там же. Л. 52.

17. ЦГИА. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 235. Л. 2.

18. РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 24356. Л. 36.

19. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 237. Л. 9–15.

20. Там же. Л. 17 об.

21. РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 24356. Л. 12

22. Цит. по: *Сабанев Л.П.* Собаки. Охотничьи, комнатные и сторожевые. Кн. I: Легавые. М., 1896. С. 126.

23. ЦГИА. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 40. Л. 102.

24. РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 819. Л. 6, 8, 12, 17.

25. То есть с белым ошейником на шее.

26. ≈ 75 см.

27. 4 года.

28. ≈ 71 см.

29. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 6. Л. 67.

30. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 22287. Л. 141.

31. С.К. Маковский // *Портреты современников.* М., 2001. С. 51.

32. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 15. Л. 88.

33. Там же. Л. 33–34, 62–88, 92–104.

34. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 33. Л. 203.

35. Там же. Л. 204–205.
36. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 125.
37. РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 1834. Л. 4–5.
38. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 3. Д. 15. Л. 245–245 об.
39. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 222.
40. Там же. Л. 133.
41. Там же. Л. 142.
42. Там же. Л. 147.
43. Там же. Л. 221.
44. Там же. Л. 152.
45. Там же. Л. 173.
46. Там же. Л. 194.
47. Там же. Л. 222.
48. В 1872 г. — орден Св. Анны II степени, в 1876 г. — орден Св. Владимира IV степени, в 1879 г. — орден Св. Владимира III степени (РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 175, 193, 210).
49. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 17095а. Л. 249.
50. Там же. Л. 257.
51. Новое время. 1884. 10 нояб. № 3127.
52. Новое время. 1884. 11 нояб. № 3128.

О.А. Егоров

**ВТОРОЙ ДИРЕКТОР
ЛИСИНСКОГО УЧЕБНОГО ЛЕСНИЧЕСТВА
АНДРЕЙ (ЙОГАН РЕЙНГОЛЬД КАРЛ ГЕНРИХ)
ВАСИЛЬЕВИЧ ГАРФ (1789–1851):
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

Андрей Васильевич Гарф родился 29 сентября (по другим данным, 5 октября)¹ 1789 г. в столице Курляндии Митаве (с 1917 г. город Елгава в Латвии) в семье купца. При крещении мальчик получил имя Йоган Рейнгольд Карл Генрих², причем последнее было принято в качестве главного его имени. *«Но как имя Генрих обыкновенно в русском переводе заменяется Андреем, то с поступлением моим в учебное заведение я был именован Андреем Гарфом»*³.

Отец мальчика — Ульрих Фердинанд Вильгельм Гарф (Ulrich Ferdinand Wilhelm Harff) — был уроженцем Курляндии. Он родился на мызе Попен Пильтенского уезда⁴. Звание купца получил в 1757 г.⁵ Мать — Маргарита, урожденная Боркевиц (Margareta Borkewitz)⁶.

После присоединения в 1795 г. герцогства к России Ульрих Гарф присягнул ей на подданство⁷. А так как в это время Генриху было всего шесть лет, то по малолетству он не приносил присяги на подданство Российской империи. Это, в свою очередь, при его поступлении на казенную службу вызвало неточность в записях в его формулярном списке, в котором он оказался записан с формулировкой «из иностранцев». На резонный вопрос вышестоящего начальства, когда он присягал на подданство России, Андрей Васильевич ответил, *«что как отец мой, так и я родились в Курляндии, то всегда считал себя подданным России и потому полагаю, что формулярный список, доставленный из Курляндской палаты, составлен в этом случае ошибочно»*⁸. Претензии по происхождению были сняты, а неточность записи в формулярном списке Гарфа была устранена.

После получения домашнего образования в 1808 г. Генрих Гарф поступил в Орловский практическо-теоретический лесной институт, учрежденный главным директором государственных лесов⁹ графом Г.В. Орловым (1777–1826) и располагавшийся на Елагином острове, тогда за городской чертой Петербурга. Возможно, Генрих поступил сначала в Рижское лесное училище, а уже после его перевода и слияния с Орловским лесным институтом, случившегося в 1808 г., попал в последний. Почему купеческий сын пошел не по стезе отца, а выбрал лесную службу, сказать трудно.

В 1810 г. Андрей Васильевич окончил Орловский лесной институт и после сдачи экзаменов 4 марта был удостоен звания форстмейстера (ферст-, фершт-, форст-, форшт- — в разных документах писалось по разному. — *О.Е.*) и 13 мая 1810 г. за отличие в науках высочайшим указом произведен в XIV класс¹⁰.

Пройдя дополнительную подготовку, Гарф на публичном экзамене 15 октября того же года был вторично испытан в науках, касающихся лесоводства, и удостоен звания ученого форстмейстера¹¹. Оба аттестата Андрея Васильевича были подписаны действительным статским советником, камергером высочайшего двора, государственных лесов главным директором Орловым и директором Орловского лесного института Фридрихом Стефансоном. 30 ноября 1810 г. Гарф был произведен в губернские секретари, то есть в XII класс.

Звание ученого форстмейстера было не просто на ступень выше звания форстмейстера, но позволяло по мере прохождения службы занять должности выше местечкового лесничего, то есть уездного и губернского, а также заниматься преподаванием лесных наук.

4 января 1811 г. Андрей Васильевич был назначен на должность Виленского губернского форстмейстера. 25 февраля 1813 г. он получил назначение в родную Курляндию на должность форстмейстера Нейгутского форста (лесничества). В Курляндии должность форстмейстера примерно соответствовала должности уездного лесничего в остальной России. 31 декабря того же года по выслуге лет он был произведен в коллежские секретари, а в 1817 г. — в титулярные советники.

Прослужив в должности Нейгутского лесничего почти 24 года, 1 сентября 1841 г. Андрей Васильевич получил назначение на должность Митавского окружного лесничего, а уже 10 декабря 1841 г. был назначен на должность ученого (главного) лесничего Курляндской окружной палаты государственных имуществ¹².

В марте—октябре 1831 г. Гарф принял участие в подавлении Польского восстания. За поход против «литовских мятежников» Андрей Васильевич получил свою первую награду — орден Святой Анны III степени с бантом, то есть боевую награду¹³. А 12 августа 1833 г. Гарф получил свою вторую награду — бриллиантовый перстень от цесаревича Александра Николаевича¹⁴. За что Андрей Васильевич удостоился такой высокой награды — неизвестно, но, по всей видимости, именно эта награда сыграла свою роль в последующей карьере Гарфа. 22 августа 1836 г. Гарф был награжден знаком беспорочной службы за 25 лет¹⁵.

После присоединения Курляндии к России в 1795 г., ее лесное управление и организация лесной службы были оставлены такими же, как было при герцогах Курляндских. После очередного реформирования лесной службы в Российской империи и учреждения в 1839 г. Корпуса лесничих, лесное ведомство получило военную организацию и было отнесено к фронтовым частям, соответственно и все его чины были переименованы в воинские звания и получили все права военной службы. Лесная же часть Курляндской губернии была оставлена до особого распоряжения.

11 февраля 1842 г. министр государственных имуществ граф Павел Дмитриевич Киселёв (1788—1872) приказал курляндскому ученому, лесничему Гарфу прибыть в Петербург¹⁶. В середине марта 1842 г. Андрей Васильевич прибыл в Петербург и 28 марта получил предписание исполнять должность директора Лисинского учебного лесничества, для чего немедленно отправился в лесничество¹⁷.

27 мая 1842 г. Гарф отпрапортовал в 3-й департамент Министерства государственных имуществ о приеме лесничества от первого директора Лисинского учебного лесничества Балтазара Ивановича Фрейрейса (1789 — после 1842) и попросил разрешения отбыть из лесничества в Курляндию для приведения в порядок домашних дел. 4 июня 1842 г. Гарфу было разрешено отбыть в Митаву для сдачи дел ученого лесничего. Срок на это был дан три недели, по истечении которого Гарф должен был возвратиться в Лисинское лесничество¹⁸.

В октябре 1842 г. Гарфу было выдано денежное пособие в поощрение на будущее время — 380 руб. 95 коп. серебром — из сумм, выручаемых от продажи лесных материалов. 6 ноября 1842 г. Андрей Васильевич был произведен в коллежские ассессоры со старшинством с 31 мая 1842 г.¹⁹

Перевод из Курляндии, оставшейся в рамках местного лесного законодательства, означал и изменение в гражданском статусе Андрея

Васильевича. 15 марта 1843 г. приказом по Корпусу лесничих № 20 Гарф был переименован из коллежских асессоров в майоры Корпуса лесничих²⁰. И 5 апреля того же года приказом по Корпусу лесничих № 27 Андрей Васильевич был утвержден директором Лисинского учебного лесничества²¹. А 5 сентября 1843 г. переименование Гарфа в воинское звание было высочайше утверждено²².

С переходом из гражданской службы в военную Гарф столкнулся с необходимостью подачи прошения о разрешении на ношение очков. В военной службе по Николаевскому уставу ношение очков запрещалось. На их ношение требовалось высочайшее разрешение. 18 апреля 1843 г. Гарф подал прошение по инстанциям о позволении ему носить очки по-прежнему. 30 апреля 1843 г. министр государственных имуществ своим приказом разрешил Гарфу ношение очков²³.

Перевод Гарфа из Курляндии в Лисинское учебное лесничество был далеко не случайным. Граф Киселёв, личный друг Николая I, осуществлявший под непосредственным руководством императора сложнейшую реформу по преобразованию системы управления всеми государственными имуществами империи, в том числе государственными лесами, хотел не просто создать из Лисинского учебного лесничества образцовое лесничество, но такое, в которое не стыдно было бы пригласить императора. Если инициатором создания Лисинского учебного лесничества граф Канкрин в своем детище не был ни разу, то Киселёв за годы своего управления Министерством государственных имуществ бывал в лесничестве по 3—4 раза в год, внимательно вникая во все части и вопросы, стоящие перед лесничеством. И также внимательно граф отнесся и к подбору высших чинов лесничества. Можно сказать, что Андрей Васильевич Гарф полностью оправдал выбор министра. И хотя Николай I, к большому огорчению Киселёва, так и не посетил Лисинское лесничество, зато его посетил гость не меньшего ранга. 21 декабря 1844 г. в Лисинское лесничество на лосиную охоту приехал цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II. Именно в Лисино Александр Николаевич убил своих первых медведя и лося и до конца жизни сохранил глубокою привязанность к лесничеству. В этом была немалая заслуга его директора — Андрея Васильевича Гарфа, сумевшего за короткий срок превратить лесничество в образцовое.

Заслуги Гарфа были отмечены. 22 августа 1845 г. он был награжден знаком отличия беспорочной службы за 30 лет на Владимирской ленте²⁴. А 22 сентября того же года Гарфу был пожалован орден Св. Вла-

димира IV степени за 35-летнюю службу в классных чинах, дававший право на потомственное дворянство²⁵. 30 апреля 1846 г. Гарфу за «*отлично усердную и полезную службу*» был пожалован в пособие годовой оклад жалованья, то есть 1143 руб. 68 коп. серебром²⁶.

Через год Андрей Васильевич получил благодарность и от цесаревича. 13 марта 1847 г. из Лесного департамента в лесничество пришло следующее письмо:

*«Милостивый Государь,
Андрей Васильевич!*

Господин Министр Государственных Имуществ изволил приказать объявить Вашему Высокоблагородию, что Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич соизволил остаться весьма довольным произведенной 6 числа текущего месяца охотою»²⁷.

31 марта 1847 г. Гарф был произведен в чин подполковника²⁸. 15 мая 1847 г. через шталмейстера двора наследника Н.М. Толстого (1806—1867) Андрей Васильевич получил пожалованный ему цесаревичем бриллиантовый перстень.

*«Милостивый Государь,
Андрей Васильевич!*

Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич в знак своего благоволения к Вам изволил пожаловать бриллиантовый перстень.

Препровождая при сем оный к Вашему Высокоблагородию, прошу Вас о получении оного меня уведомить и принять уверения в моем к Вам почтении и преданности.

Толстой»²⁹.

22 августа 1848 г. Гарфу был пожалован знак отличия беспорочной службы за 35 лет на Георгиевской ленте³⁰. А 10 апреля 1850 г. Андрей Васильевич получил свою последнюю награду — орден Св. Анны II степени «*за примерно-усердную, ревностную и неутомимую деятельность по ведению вверенного ему заведения до отличного состояния*»³¹.

1 мая 1850 г. Гарф в рапорте в Лесной департамент попросил позволения на двухмесячный отпуск для лечения на Бальдонских минеральных водах в Курляндии с первых чисел июня. В рапорте он впервые пожаловался на сильные головные боли, связанные, по его мнению, с переменной климата на более суровый в зрелом возрасте, и попросил сохранить за ним его жалованье на этот отпуск³².

22 мая 1850 г. министр государственных имуществ разрешил Гарфу отпуск на два месяца на Бальдонские минеральные воды в Курлян-

дию. Вместо жалования разрешил выдать Гарфу равную пособию сумму из экстраординарных сумм капитала Корпуса лесничих³³.

26 марта 1851 г. ученый лесничий Лисинского учебного лесничества Константин Богданович Бекман (1821—1892) донес в Лесной департамент, что *«Г. Директор Лисинского Учебного Лесничества Подполковник Гарф после произошедшего 22 марта с ним удара от паралича сего числа в 2 часу утра скончался»*³⁴.

Высоко ценивший Андрея Васильевича граф Киселев в своем докладе на высочайшее имя, испрашивая пособие вдове, так охарактеризовал Гарфа:

«Бывший Директор Лисинского Учебного Лесничества, Подполковник Гарф, прослужив более 40 лет по лесному ведомству, 26 Марта сего года умер, оставив жену и детей в самом крайнем положении.

*Принимая во внимание долговременную, отлично-усердную службу покойного, заслуги его по управлению образцовым учебным лесничеством и по практическому образованию выпускаемых из Лесного института молодых офицеров, также несчастное положение семейства его, оставшееся без всякого состояния, я осмеливаюсь всеподданнейше ходатайствовать о Всемилостивейшем соизволении Вашего Императорского Величества, на выдачу вдове Гарфа в пособие, независимо от той пенсии, какая следоватъ будет по закону, годового оклада содержания мужа ее, составляющее 1143 руб. 68 коп. серебром из остатков от штатных сумм Корпуса лесничих, которые по закону предоставлены в распоряжение Министерства между прочим и на пособие чиновникам и семействам их. Граф П. Киселёв»*³⁵.

На докладе министра государственных имуществ стоит резолюция: *«Высочайше повелено исполнить. С.-Петербург, Апреля 28 дня 1851 г.»*.

Вдова Гарфа Елизавета после смерти мужа проживала в Петербурге по 15-й линии Васильевского острова в доме статского советника Михайлова.

Всего Андрей Васильевич был женат дважды, причем на родных сестрах, дочерях Георга Фридриха Бильтерлинга (Georg Friedrich Bilterling). На Елизавете (Elisabeth 14.06.1825 — около 1892 в С.-Петербурге) он женился, когда служил в Нейгутском лесничестве, по всей видимости, после смерти первой жены Елены (Helena Carolina). Подобное практиковалось довольно часто, чтобы дети от первого брака не попадали в чужие семьи. Всего у Андрея Васильевича от обоих браков было шестеро детей³⁶.

В отечественных архивах сохранились сведения о двух сыновьях Андрея Васильевича — Владимире, окончившем Петербургский лесной институт, и Александре, окончившем Нейштадтский лесной институт. Оба до выхода в отставку работали лесничими. Последний, Александр Андреевич (2.05.1819—8.06.1892), скончался в Петербурге и был похоронен на Смоленском евангелическом кладбище³⁷. Могила не сохранилась.

В Государственном архиве Российской Федерации в отдельной папке хранятся пять картин художника Франца Тейхеля, выполненные в 1853 г. и изображающие охоту цесаревича Александра Николаевича на медведей³⁸. Папка с картинами Тейхеля происходит из кабинета императора Александра II в Зимнем дворце. В кассовых книгах придворной конторы цесаревича за 10 июня 1853 г. есть следующая запись: *«Государю Наследнику благоугодно было повелеть заплатить живописцу Тейхелю семьсот рублей серебром, за представленные им Его Императорскому Высочеству четыре акварельных рисунка, изображающих медвежьи охоты, в коих Его Высочество участвовал»*³⁹. А через год, 8 августа 1854 г.: *«Государю Наследнику благоугодно было повелеть заплатить живописцу Тейхелю пятьсот сорок рублей серебром за представленные им Его Императорскому Величеству девяносто фотографических рисунков, изображающих медвежьи охоты, в коих Государь Цесаревич изволил участвовать»*⁴⁰.

Появившаяся фотография открыла широкие возможности для того, чтобы запечатлеть ускользающее время. Этими возможностями фотографии одними из первых воспользовались именно художники. Они, как правило, и были первыми фотографами. Поэтому, несомненно, что приобретенные цесаревичем 90 фотографий были сделаны Тейхелем намного раньше написания им самих картин. Вряд ли художник делал свои снимки непосредственно в момент самой охоты. Это было просто невозможно по состоянию той фотографической техники. Но то, что он сделал их, скажем так, «около охоты», не подлежит никакому сомнению. Следовательно, лица, участвовавшие в охотах цесаревича, их снаряжение и т.п. на картинах Тейхеля подлинные, перенесенные им с фотографий. Кроме всего прочего, следует учесть, что сами эпизоды охоты и те лица, которые должны были быть изображены на этих эпизодах, определялись не художником, а заказчиком, в данном случае цесаревичем Александром Николаевичем.

Трудно сказать, почему в папке, хранившейся в кабинете Александра II, не четыре картины, которые были приобретены у художника

в 1853 г., а пять. Причем стоит отметить, что все эти пять картин помечены художником именно 1853 г. Сохранились сведения о приобретении Александром II у Тейхеля еще четырех картин: двух — 15 мая 1863 г.⁴¹ и двух — 29 декабря 1868 г.⁴² Но что на них было изображено — неизвестно. Каких-либо сведений о приобретении государем других картин Тейхеля мне разыскать не удалось.

Из пяти представленных в папке картин Тейхеля для нас интересна одна⁴³ (рис. 1). На ней изображен финал охоты, когда цесаревичу подносят живого медвежонка. На этой картине мы видим две группы охотников. Одна — центральная: цесаревич с двумя приближенными. Чуть левее еще одна группа охотников из трех человек: унтер-офицера, офицера и генерала. По сторонам — остальные участники охоты. То, что здесь особо выделены именно две группы охотников, без всякого сомнения, указывает на желание цесаревича видеть на этой картине именно их. Самое интересное — что офицер на этой картине изображен в очках. Как было замечено выше, Андрей Васильевич при переходе на воинскую службу получил специальное разрешение на ношение очков.

То, что на картине изображен именно фронтовой офицер, не вызывает никаких сомнений. Кокарда у него находится на околыше. Штатским и офицерам нестроевых частей полагалось носить ее на тулье. На его лице усы. А в николаевской России штатским и нестроевым офицерам усы носить не позволялось. На его мундире видны петлицы под эполеты. Согласно положению о ношении формы, офицерам Корпуса лесничих во время работ в лесу разрешалось снимать эполеты с мундира, причем это допускалось и в присутствии высших чинов и высочайших особ. Единственное сомнение в том, что перед нами изображен именно офицер Корпуса лесничих, возникает из-за того, что выпушка на его мундире красного цвета, а не светло-зеленого, как на мундирах Корпуса лесничих. Однако если учесть, что художник писал свои картины, используя черно-белые фотографические снимки, вполне можно допустить ошибку в цвете выпушки, сделанную самим художником. Ко всему прочему, хотя офицерам придворной охоты (егеря которой изображены за рассматриваемой нами группой) высочайшим повелением и было дозволено носить усы, но относились они сугубо к гражданскому ведомству и носили на своих сюртуках и шинелях погоны из плетеного шнура желтого цвета, что хорошо видно на рассматриваемой картине Тейхеля.

Не должен нас смущать и год написания картины — 1853, хотя Андрей Васильевич Гарф, как мы знаем, скончался в 1851 г. Кто должен был быть изображен в сцене охоты на медведей цесаревича, решал сам Александр Николаевич. И он вполне мог посчитать резонным заказ изобразить на этой картине человека, под руководством которого он убил своего первого медведя и своего первого лося и к которому вслед за графом Киселёвым относился с большим уважением. А сами фотографические портреты участников первых охот цесаревича у Тейхеля, без всякого сомнения, были.

Следует добавить, что на близких по годам к картинам Тейхеля (1858—1859) акварелях придворного художника Михая Зичи, изображающих охоту императора Александра II, мы не видим никого на придворной охоте и в ближайшем окружении государя, носившего бы очки.

Поэтому, принимая во внимание все соображения и, несомненно, подтвержденный документально факт ношения Андреем Васильевичем очков, можно сделать однозначный вывод о том, что на картине Франца Тейхеля изображен именно Андрей Васильевич Гарф.

В 1857 г. художником В. Тимме, издававшим «Художественный листок», была сделана серия черно-белых литографий, изображавших нового императора. Среди них две литографии были выполнены им с картин Тейхеля. Нет сомнений, что сюжеты этих литографий были согласованы с Александром II. На одной из них (под № 5), озаглавленной «Охота на медведя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. Конец охоты», можно видеть рассматривавшуюся выше картину Тейхеля. Литография Тимме сделана очень близко к оригиналу, хотя на ней и убран целый ряд боковых стаффажных фигур. Но последнее обстоятельство сыграло даже положительную роль, так как позволило усилить акцент на двух главных группах охотников.

В 1860—1870-х годах художник А.К. Беггров выпустил две цветные литографии, повторяющие оба сюжета картин Тейхеля и изображающие охоту императора Александра II на медведя. Но для своих литографий художник не воспользовался оригиналами Тейхеля, а сделал их с художественного листка Тимма. Надо думать еще и о плохой сохранности, так как лица многих участников оказались сильно искажены по сравнению с оригиналами, к тому же генерал во второй группе охотников оказался стоящим отдельно от двух других охотников, то есть эта группа распалась. В довершение всего Беггров отзеркалиро-

Рис. 1. Охота цесаревича Александра Николаевича на медведя. Снимок с литографии В. Тимме 1857 г., выполненной с картины Ф. Тейхеля 1853 г. Четвертый охотник слева — Андрей Васильевич Гарфа

вал литографию, что, впрочем, случалось довольно часто при литографировании.

Примечание: автор благодарит Николая Гарфа (Великобритания), прямого потомка Андрея Васильевича Гарфа, за помощь при написании этого очерка.

1. Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.
2. Так в формулярном списке. По семейному архиву Гарфов в другой последовательности: Reinhold Johann Heinrich Carl. Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.
3. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 139.
4. По другим сведениям, в городе Baldohn (Baldone, Baldones pilseta, Baldones novads) в 1755 (или 1751) г. Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.
5. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 543.
6. Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.
7. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 475.
8. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 48.

9. Главный директор государственных лесов возглавлял Лесной департамент. Этот департамент был учрежден в 1798 г. при Интендантской экспедиции Адмиралтейств-коллегии, в 1802 г. вошел в состав Министерства финансов, с 1811 г. преобразован в Лесное отделение Департамента государственных имуществ Министерства финансов.

10. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 70 об.

11. Там же. Л. 71.

12. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 457–460. Формулярный список 1842 г.

13. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 206. Л. 92. С 1828 по 1855 г. Анна с бантом давалась за военные заслуги.

14. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 457–460.

15. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 80.

16. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 2.

17. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 2.

18. Там же. Л. 36.

19. Там же. Л. 57.

20. Там же. Л. 53; РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 515.

21. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 54; РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 522.

22. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 206. Л. 92.

23. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 56.

24. Там же. Л. 93.

25. Там же. Л. 96.

26. Там же. Л. 99.

27. Там же. Л. 103.

28. Там же. Л. 117.

29. Там же. Л. 106.

30. Там же. Л. 140.

31. Там же. Л. 153.

32. Там же. Л. 147.

33. Там же. Л. 150.

34. Там же. Л. 164; РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 16041. Л. 1.

35. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 227. Л. 228–228 об.

36. Anna Johanna Wilhelmine (14.01.1812, Mitau — 12.07.33, Neugut); Wilhelm Gregor Friedrich (23.08.1814, Neugut — 23.05.1833); Elisabeth (род. около 1815 г.); Maria Larise v. Harff (19.10.1816, Neugut — 07.08.1886, St. Petersburg); Alexander Georg Gustav v. Harff (02.05.1819, Neugut — 08.07.1892, St. Petersburg); Wolde-mar (родился около 1822 г.). Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.

37. Николай Михайлович // Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1.

38. ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 878.

39. РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 473. Л. 58.

40. РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 527. Л. 85.

41. РГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 2217. Л. 1.
42. РГИА. Ф. 468. Оп. 1, ч. 2. Д. 3170. Л. 1.
43. На обороте картины вверху в середине — р231/№ 8, вверху справа — 2.

Е.С. Соболева

ОСКАР ИВАНОВИЧ ИОН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И СОБИРАТЕЛЬ

В нескольких музеях Санкт-Петербурга имеются ценные естественно-научные материалы, собранные и подаренные энтомологом-любителем О.И. Ионом. К сожалению, сведений о собирателе немного. Оскар Иванович Ион (John) оставил солидное научное наследие — публикации и практические руководства по энтомологии, коллекции в Зоологическом музее и Музее антропологии и этнографии Академии наук.

О.И. Ион (1.10.1875—17.01.1935) — член семьи богатейшего российского предпринимателя, остзейского немца И.И. Иона.

Согласно «Выписи из Метрической книги евангелической лютеранской церкви св. Анны, ч. 1. О родившихся за 1875 год», выданной отделом ЗАКСа 29.07.1922, Карл-Оскар-Магнус — найденыш немецкого происхождения. Родился в Санкт-Петербурге 3.10.1875, крещен 12.10 (таинство крещения совершил пастор П. Зеберг). Родители — купец Иоанн Ион и его законная жена Оттилия, урожд. Бранденбург, оба лютеранского вероисповедания; приемники — Карл Иоанн Бранденбург, Фридрих Магнус Бергман, Елизавета Бранденбург, Генриетта Скерст¹. Согласно родословной книге бывшего Рижского податного управления, Карл Оскар Магнус Ион, р. 15/3.10.1875, лютеранского вероисповедания, холост, приписан к городу Риге и занесен в список граждан под № 8759². Этот факт позволил ему и членам его семьи в 1922 г. перейти в латвийское гражданство (удостоверение об оптации № 2434 получено 12.02.1923)³ и уехать на жительство в Латвию.

О.И. Ион окончил среднее учебное заведение. В анкете 1921 г. он указал род занятий — энтомолог, национальность — немецко-балтийская, вероисповедание — лютеранское. Петербургский почетный гражданин Карл Оскар Магнус Ион (John) 19.01.1900 сочетался бра-

ком в приходе немецкой церкви Св. Екатерины в Санкт-Петербурге с девицей Аделью Елизаветою Альвиною Тотин (Tottien), венчание совершил пастор д-р Вальтер⁴. Проживал в 1904–1907 гг. в Санкт-Петербурге, в 1907–1912 гг. — в Риге, с 1912 г. — в Санкт-Петербурге. Покидал родину по службе.

Согласно «Выписи из Метрической книги евангелической лютеранской церкви св. Екатерины, ч. 1. О родившихся за 1877 год», Адель Елизавета Альвина Тотин рождена в Санкт-Петербурге 14.09.1876, крещена 6.01.1877 (совершил таинство крещения пастор д-р Вальтер). Родители — купец Иоанн Юстус Тотин и его законная жена Иоанна Иозефина, урожд. Вирн, оба лютеранского вероисповедания; воспитанники — Елизавета Тотин, Альвина Зевиг, Джон Гампер, Теодор Нейланд⁵.

О.И. Ион и Рижский ликерный и водочный завод И. Иона в Санкт-Петербурге

Товарищество рижского ликерного и водочного завода «Ион и Ко.» основано в Санкт-Петербурге в 1863 г. рижским гражданином Иоганном Генрихом (Иоганном Ивановичем) Ионом. Помимо водок, наливок и ликеров, завод изготавливал черный «Рижский бальзам».

По легенде, в начале XVII в. рижский аптекарь Абрахам Кунце изобрел травяной ликер на основе 24 ингредиентов, и когда во время визита в Латвию у Екатерины II возникли проблемы с пищеварением, именно «Рижский бальзам» избавил императрицу от проблем.

Уже в 1865 г. черный «Рижский бальзам» фирмы Иона удостоился Большой серебряной медали на Мануфактурной выставке в Москве. На выставке в Париже в 1867 г. компания Иона представляла русскую винокуренную промышленность: экспонировались спирт очищенный, мятная водка, водка горькая, сладкая, полынная, очищенная, померанцевая, кюммель, рижский бальзам, киевская наливка и ликеры. Санкт-Петербургский завод И. Иона вырабатывал до 700 ведер продукции в день. Продукция продолжала получать почетные дипломы и похвальные отзывы на престижных выставках в Санкт-Петербурге (1871) и Москве (1882); черный «Рижский бальзам» удостоился почетного диплома и двух золотых медалей на Всемирной промышленной выставке в Новом Орлеане (1884–1885).

В 1870 г. Ион перевел производство в новое помещение на Невском проспекте, д. 88. Построен д. 88 в 1860 г. в стиле классицизма для купцов Меняевых.

В конце XIX в. завод производил до 900 ведер вина, водок и наливок. Компания «Рижский ликерный и водочный завод И. Иона» не имела ни агентов, ни комиссионеров, ни собственных магазинов, ограничиваясь оптовой продажей. Не прибегал И.И. Ион и к рекламе, считая лучшей рекламой достоинства своих изделий. Склады готовой продукции фирмы находились в Санкт-Петербурге и Москве (на ул. Маросейка). В Москве интересы И.И. Иона представлял немец из Риги Георг Карлсен. После смерти Иоганна Иона (1892) дело перешло к его малолетним наследникам, чьим опекуном и управляющим компанией, согласно завещанию, стал рижский немец Карл Бранденбург⁶.

С 1891 г. завод был переведен в собственный дом на Лиговке, 57. Товарищество рижского ликерного и водочного завода И. Иона⁷ располагалось на углу Лиговского пер. и Лиговской ул.

В 1896 г. изделия завода Иона были представлены на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде.

Фирма просуществовала вплоть до Первой мировой войны. На водочных заводах Иона трудилось 50 чел.⁸

Закупоренный в высокие керамические бутылки разной емкости горький напиток прекрасно сохранялся и пользовался спросом. На каждую бутылку навешивалась пломба. Изучение коллекционерами бальзамных пломб с круговой легендой XIX в. показало, что Товарищество Иона производило «Рижский бальзам» на заводах в Санкт-Петербурге, Москве и Липецке⁹. Менее популярную и более дешевую разновидность «Рижского бальзама» — «желтый» бальзам — в середине 1860-х годов производили Водочный завод Дедова Ивана Константиновича в Москве и Водочный завод Иона Йогана Генриховича в Санкт-Петербурге; завод фирмы «ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ» в Санкт-Петербурге также занимался исключительно производством «Рижского бальзама»: Цезарь Юлий Андреевич, 2-й гильдии купец, Дерптский п., д. 3, кв. 2, содержал фабрику «Рижского бальзама» в том же доме¹⁰.

Дома Товарищества водочного и ликерного завода И. Иона занимали участки Лиговский пер., д. 3, и Лиговский пр., д. 57—59. Участки современных домов № 57 и 59 (по адресной книге 1854 г. — д. 60 и 62) принадлежали отставному полковнику А.Г. Яковлеву; каменные постройки надстроил и расширил в 1840 г. архитектор В.Е. Морган. В период с 1865 по 1875 г. здесь жил купец 2-й гильдии Семен Никифорович Колесников (1808—1870), содержавший кладовую красного дерева в Гостином дворе и бывший с 1857 г. рядным старостой. В 1882—1885 гг. гражданский инженер А.А. Бертельс перестроил лице-

вой дом, выполнив пристройку по Лиговскому пер.; а в 1888 г. он же построил во дворе дома здание фабрики; в 1908 г. архитектор Э.А. Густавсон надстроил это здание.

После перестройки Э.А. Густавсоном в 1902 г. дом числился под номером № 57–59.

В 1891 г. дом приобрел Карл Оскар Магнус (Оскар Иванович) Ион для размещения Рижского ликерного и водочного завода И.И. Иона (перевел сюда производство с Невского пр., 88)¹¹. Здесь в 1895–1910 гг. жили: домовладельцы Александр Карлович фон Бранденбург, член Общества вспомоществования потерпевшим от пожарных бедствий в Санкт-Петербурге почетный гражданин купец Карл Карлович Бранденбург с женой Аделиной Егоровной (жила здесь до 1917 г.), владелец водочного завода, почетный гражданин Оскар Иванович Ион с женой Елизаветой Ивановной¹². К.К. Бранденбург владел домом № 57–59 вместе с О.И. Ионом и Иоганной Марией Маркевич.

На охотничьих угодьях О.И. Иона наблюдал и коллекционировал птиц В.П. Бианки. Он и его помощники занимались этой работой в 1897–1913 гг. в Петергофском уезде, в 20 верстах к западу от Ораниенбаума, между деревнями Лебяжья и Черная Лахта¹³.

Как указал в анкете О.И. Ион, он получил образование в среднем учебном заведении, занимался семейным бизнесом. Ему периодически приходилось уезжать по делам из Санкт-Петербурга в Ригу (он там жил, частности, в 1907–1912 гг.). О.И. Ион писал в Зоологический музей Н.Я. Кузнецову 7.07.1908: *«Мне совсем не везет. Вернулся мой помощник, но чувствует себя настолько слабым, что мне приходится исполнять его работу, и, кроме того, получил еще новую, вследствие того, что бухгалтер уехал на отдых»*¹⁴. 8.10.1925 он сообщил Н.Я. Кузнецову из Риги о своем тяжелом экономическом положении и о том, что *«появился на сцене Шеймессер, которого Вы немного знаете. Он затеял открыть ликеровый завод под моим флагом, но этот план провалился вследствие отказа в выдаче разрешения со стороны Департамента»*¹⁵. О.И. Ион зарабатывал на жизнь службой, но его любимым занятием была энтомология.

Экспедиции в Южную и Юго-Восточную Азию

Очевидно, далеко не сразу увлеченный энтомологией О.И. Ион позволил себе серьезно заняться любимым делом.

В 1907 г. О.И. Ион совершил поездку в Южную и Юго-Восточную Азию совместно с петербургским зоологом бароном Э.Э. фон дер

Брюггенем, который также сотрудничал с Зоологическим музеем Академии наук. Они изучали тропическую природу и собирали естественно-научные коллекции¹⁶.

Часть маршрута вместе с ними проделал немецкий врач, ботаник, этнолог Макс Мошковский. Публикации Мошковского в антропологических журналах в 1908—1910 гг. нередко называют единственным источником по народу сакаи Западной Суматры¹⁷. Но по возвращении в Санкт-Петербург О.И. Ион 7.03.1908 выступил на заседании Отделения этнографии с сообщением о поездке в султанат Сиак на о-ве Суматра. Текст его сообщения опубликован¹⁸. Там содержится описание двух групп местного населения — оранг-акет и оранг-батин, а собранные этнографические коллекции пополнили МАЭ.

О.И. Ион возил с собой громоздкую фотоаппаратуру и делал уникальные фотоснимки, 79 фотографий О.И. Иона с о-вов Суматра и Ява хранятся в МАЭ (коллекции МАЭ № 1421, 2813)¹⁹.

Историко-филологическое отделение ИАН 13.10.1907 выразило благодарность «барону Эрнесту Эдуардовичу фон дер Брюггену и Оскару Ивановичу Иону за присланную в дар Музею антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого коллекцию из быта народа сакаи (оранг-батин) султанства Сиак на о. Суматра»²⁰.

О.И. Ион изучал биологию термитов (*лат.* Isoptera, народное название — белые муравьи; инфраотряд общественных насекомых с неполным превращением, распространены в тропических и субтропических регионах).

В 1912 г. он совершил еще одно путешествие в Южную и Юго-Восточную Азию. Во время поездки О.И. Ион собирал энтомологические коллекции, изучал собрания местных музеев и научных учреждений. В трудах Музея Коломбо опубликована его статья о термитах (на английском языке)²¹. Позднее им была подготовлена общая статья о термитах Цейлона, Малайского п-ва, Суматры, Явы и о-вов Ару²².

На Малайском полуострове О.И. Ион посетил пещеры Бату. От г. Куала-Лумпур он добирался сначала по железной дороге до известняковых скал, покрытых густым лесом. Вел экспедицию английский зоолог, служащий Департамента земледелия. Туземные кули несли большой фонарь и снаряжение для зоологических сборов. По лестнице высотой 3—4 сотни футов он добрался до нескольких пещер. Фотографии иллюстрируют особенности этого путешествия. «Светлую пещеру» тамилы считали «храмом светлых духов, святой», в дни Тайпурам тысячи паломников совершали там молебствия. Соседняя

пещера — царство злых духов. Третья пещера для Иона была наиболее интересна, поскольку он собрал там наибольшее количество животных, препаратов²³.

В частности, О.И. Ион привез препараты белых муравьиных львов с прозрачными крыльями, которые снимались со стен и в тяжелом полете уносились в темноту; вот уже более 100 лет сафари на львов *Dendroleon vitripennis* (Nav.) никто не повторял; экземпляр из коллекции ЗИН РАН, пойманный Ионом, опубликован В.И. Кривохатским²⁴.

О.И. Ион передал в дар МАЭ более 160 этнографических предметов, привезенных с о-вов Суматра, Ява, Цейлон, из Сингапура (колл. МАЭ № 1138 в 1906 г., № 1150 в 1907 г., № 1422 в 1909 г., № 2340 в 1914 г., № 2655 в 1917 г.)²⁵. Информация о вещах была записана со слов собирателя; на предметах в последней коллекции уже имелись печатные этикетки с именем собирателя и местом сбора.

15.10.1914 ИФО ИАН по просьбе директора МАЭ академика В.В. Радлова вновь выразило благодарность от Академии Оскару Ивановичу Иону за щедрый дар — собранную им коллекцию «предметов быта примитивных племен о-ва Суматра и п-ва Малакки, 64 №, дополнение к пожертвованным Ионом в 1907 и 1909 гг.»²⁶

О.И. Ион и Зоологический музей

В 1907 г. О.И. Ион был избран действительным членом Русского энтомологического общества. Центральный его совет находился в Зоологическом музее. Это общество является первым научным натуралистическим обществом Санкт-Петербурга, одним из старейших в стране. Оно было основано в 1859 г., с 1861 г. издавало «Труды», с 1901 г. — журнал «Русское энтомологическое обозрение». В 1890—1914 гг. президентом Русского энтомологического общества был П.П. Семенов-Тянь-Шанский, в 1914—1931 гг. — А.П. Семенов-Тянь-Шанский. Почетным членом общества был великий князь Николай Михайлович, внук Николая I, лепидоптеролог-любитель. (Лепидоптерология — раздел энтомологии, изучающий представителей отряда чешуекрылых насекомых — бабочек.) Свою частную коллекцию бабочек (более 110 тыс. особей) в 1900 г. Н.М. Романов подарил Зоологическому музею.

О.И. Ион установил тесные связи с Зоологическим музеем Академии наук. 6.04.1905 О.И. Ион пригласил энтомолога-лепидоптеролога Николая Яковлевича Кузнецова (1873—1948) зайти к нему на

ул. Лиговская, д. 59, чтобы осмотреть энтомологические сборы «барышни с Алтая»²⁷.

Когда О.И. Ион начал писать научные статьи по энтомологии, он очень ценил помощь Н.Я. Кузнецова: *«Извиняюсь, что не прислал рукопись к обусловленному сроку, но, будучи очень занят, не мог приготовить ее раньше. Она и так носит отпечаток спешности и меня далеко не удовлетворяет. Был бы очень рад, если бы Вы забраковали эту статью и этим дали бы мне возможность исправить многочисленные недочеты. Если же этого сделать нельзя, то выберите из рисунков то, что Вам кажется желательным поместить, остальные же прошу мне отдать»*²⁸.

О.И. Ион делал препараты, систематизировал коллекции Зоологического музея по чешуекрылым, бабочкам (Abrahas) и др. Сообщал 1.12.1911 Н.Я. Кузнецову: *«В музее, в лепидоптерологическом отделении, сейчас хаос (С.Н. — Е.С.). Алфераки удалось убедить (директора Н.В. — Е.С.) Насонова, что непременно затопит музей (была очень высокая вода), и вот, когда вода спала, стали переносить все шкафы наверх, в выставочное отделение, так что у Вас вместо коллекций стоит какой-то эшафот, Бог весть для чего поставленный. Доступа к коллекциям нет никакого»*²⁹.

Академик Николай Викторович Насонов 28.11.1916 отправил О.И. Иону на определение коллекцию Isoptera в количестве 255 экз., которые Зоологический музей просил проверить и возвратить с пометкою, что означенная в списке коллекция Вами получена³⁰. О.И. Ион написал наставления по собиранию термитов³¹.

После революции 1917 г. лишенный собственности и средств к существованию О.И. Ион был спасен тем, что его приняли на работу в Зоологический музей. Председатель Совета Зоологического музея, И.О. директора Музея старший зоолог Н.Я. Кузнецов сообщал 23.08.1918: *«Милостивый государь Оскар Иванович, довожу до Вашего сведения, что совет Зоологического Музея Академии постановил вновь возложить на Вас поручение научной обработки коллекций Музея по термитам и чешуекрылым. Вместе с тем Совет Музея счел справедливым признать Вас и постоянным сотрудником Музея и просит вас озаботиться в первую очередь постановкой коллекций по термитам»*³².

О.И. Ион подсчитал, что на 26.06.1919 коллекция насчитывала около 13 тыс. экз., преимущественно Noctuid, отчасти Sphinxid's и некоторых других семейств. Наиболее полно представлены Plusia (в том числе 54 экзотических вида, всего около 1200 экз.); все виды Palpangula, Lucentis, все, кроме трех видов (в большом количестве экземпляров),

как некоторые недавно описанные виды, так и еще неописанные (напр., *Leucanitis*). Главнейшие сборы, вошедшие в коллекцию (отчасти еще в виде неразобранного материала), поступили с Южного Алтая, Семиреченской обл., Павлодара (сборы А. Якобсона), Нарына (В. Даценко), Дарвиза (Гольбека), Байгакума (Малышева, Никольского, Кожанчикова), Малых Барсуков (Выбросова), небольшой сбор с о-ва Мадейра, из Маньчжурии. Из личных сборов им были определены 24 вида термитов (в спирту и немного фиксированных) с Цейлона, Суматры и Малайского п-ва под № 400, количество экземпляров очень велико (за 30 тыс. экз. minimum). В коллекции много царских видов; коллекция термитов представляет хозяев с гнездами. Всего около 75 видов³³.

6.10.1919 О.И. Ион докладывал в Совет Зоологического музея АН о результатах работы:

«Порученная мне обработка материалов по термитам представляемая в настоящее время в следующем виде:

1) Закончена научная обработка всех африканских материалов, привезенных экспедицией профессора В.А. Догеля и И.И. Соколова, и всех южноамериканских сборов И.Д. Стрельникова и Г.Г. Манизера. Дублиеты этих сборов собирателями поручено мне отобрать и передать в собственность музея. Определен также сбор африканских термитов, сделанных Троицким.

*2) Продолжается обработка моих личных сборов с Цейлона, Малайского п-ва и Суматры, некоторые группы которых (по-видимому, *Rhinotermitidae*, *Hemitermitidae*, *Miso-capritermitidae* и *Microcerotermitidae*) уже закончены определением. Из них помечено также выделение дублетов в собственность музея.*

*3) Составлен подвижной каталог всемирной фауны термитов, насчитывающий 917 названий, то есть почти все число известных до настоящего времени видов, и содержит ссылки на литературу как по систематике, фаунистике, так и по биологии *Isoptera*.*

*4) Составлен подвижной каталог литературы по *Isoptera*, в который вошло 533 названия.*

5) Приготовлено до 100 тотальных залитых в канадский бальзам препаратов.

6) Определена часть термитных построек, относящихся к обработанному в п. 2 материалу.

Считая, что обработка материалов подвинулась вперед настолько, что представляется возможным сделать часть коллекций доступ-

ной для пользования и обозрения, я позволил бы себе предложить следующее:

а) Предоставить мне достаточное количество банок, пробирок и спирта для выделения дублетов коллекций, указанных в пп. 1 и 2.

б) Разрешить мне поставить в выставочном отделении наглядную систематическую коллекцию спиртовых и сухих экземпляров в соответствующей витринной шкапе, в которой имеется для этого достаточно свободного места, а также биологические препараты, недостающий материал для которых я согласен дать из моей личной коллекции.

в) Предоставить в отделение прямокрылых шкапы и, на первое время, 50 коробок различных размеров со стеклом для хранения мелких гнезд, грибных садов, царских камер и т.п. Разрешить монтировать в выставочном отделении термитные гнезда, имеющиеся в материалах Музея, и совершенно недоступные обозрению благодаря тому, что они хранятся в упакованном виде.

Для постановки этих гнезд могут быть использованы:

А) Витрина, в которой в настоящее время выставлено одно только гнездо из Австралии.

Б) Витрина за № 700 из орнитологического отделения, которая может быть освобождена ввиду незначительности хранящихся в ней экспонатов.

В) Несколько горизонтальных оконных витрин, также могущих быть опорожненными.

Г) Прошу разрешить распилку некоторых термитных гнезд для демонстрации их внутреннего строения.

О. John, Петроград, 6.10.1919»³⁴.

В трудовой книжке № 18/1268 указано, что зоолог Оскар Иванович Ион состоял на службе в Зоологическом музее с 1905 г., в 1923 г. — на должности ученого хранителя по 15-му разряду³⁵. Удостоверение личности № 727 от 26.05.1919. № 68/84 зарегистрирован по всеобщей трудовой повинности. Член союза работников просвещения. Также он работал ученым специалистом на Детскосельской энтомологической станции при Агрономическом институте (Детское Село, Леонтьевская ул., 36), с 1.05.1921 — и.о. зам. заведующего станцией³⁶. Руководил энтомологической станцией проф. Н.Н. Богданов-Катьков. Была написана серия практических инструкций по борьбе с насекомыми-вредителями³⁷.

Семья Карла Иогановича Иона с 23.01.1920 проживала в Петрограде по адресу: наб. р. Мойки, 28, с 15.10.1922 — наб. р. Мойки, 28, кв. 6,

прежнее место жительства — Комиссаровская, 4 (ныне — Гороховая ул.)³⁸.

Супруга, Ион Адель Ивановна, прописана как домашняя хозяйка, грамотная. Трудовая книжка № 18/7113 выдана гр. отделом 2-го гор. р-на на основании удостоверения 26.05.1919 № 728. Работала казначеем в трудовой артели «Виктория» (ул. Жуковского, 24), по болезни уволена 1.07.1920. С 20.05.1921 по 1.02.1922 — заведующая хозяйственной частью Детскосельской энтомологической станции при Агрономическом институте (Леонтьевская ул., 36)³⁹.

Выданное иностранным отделом Петрогубисполкома РСФСР удостоверение № 2434 *«дано гр. Ион Карл-Оскар-Магнус Иоганович в том, что согласно постановлению Наркомов внутренних и иностранных дел на основании ст. VIII мирного договора между РСФСР и Латвии, он 28.11.1922 с женой Адель-Елизаветой оптировал латвийское гражданство»*. Имущественные права оптанта исчерпывались правом вывоза пяти пуд на каждого члена семьи⁴⁰. Семья в 1921 г. состояла из 5 человек: Карл Оскар Магнус Ион (John), 46 лет; жена Адель, 45 лет; дочери Маргарита, Вера, 20 лет; сын Юрий, 18 лет⁴¹.

27.07.1923 О.И. Ион подал заявление в иностранный отдел Петрогубисполкома: *«Не имея средств на переезд в Латвию всей семьей, предполагаю выехать пока один, с тем чтобы при первой возможности перевести семье деньги на переезд. Ввиду этого прошу выдать жене моей Адели-Елизавете Ион отдельное удостоверение для пребывания в РСФСР до назначенного для выезда срока, то есть 15.03.1924»*. Резолюция — *«Отказать»*⁴².

28.02.1925 и.о. директора Зоологического музея, председатель Совета, старший зоолог А.А. Бялыницкий-Бируля, секретарь Совета А.М. Дьяконов, зав. делопроизводством музея С. Пергамент официально уведомили О.И. Иона, что *«Совет Зоологического музея РАН, принимая во внимание Ваши многолетние труды в отношении пополнения коллекций Зоологического музея ценными научными объектами, в своем заседании от 26.01.1925 избрал вас корреспондентом Зоологического музея РАН, в коем звании Вы утверждены Физико-Математическим отделением РАН в заседании Отделения 4.02. с.г. В качестве корреспондента Зоологического музея Вы имеете право на бесплатное получение «Ежегодника Зоологического музея»*⁴³.

В ответном письме 15.03.1925 О.И. Ион просил А.А. Бялыницкого-Бирулю *«передать Совету Зоологического музея мою искреннюю благодарность за избрание меня корреспондентом. Оказанная мне этим избра-*

нием честь особенно трогает меня потому, что в нем я не только усматриваю оценку некоторой пользы, принесенной мной Музею в смысле пополнения его коллекций, но и ввиду отражения исключительно добрых отношений, которые я встречал в среде бывших коллег. Благодаря этим отношениям и возможности отдавать себя излюбленному делу время моей службы в Музее остается одним из самых дорогих воспоминаний моей жизни. Эти воспоминания тесно связывают меня с Музеем и сейчас, несмотря на то что, в силу обстоятельств, я столь далек от него. Став корреспондентом Музея, я вновь буду значиться в его списках, чем я горжусь и чему я рад всей душой. Прошу Вас, глубокоуважаемый Алексей Андреевич, принять мою глубокую благодарность и передать коллегам сердечный мой привет. Уважающий вас О. John»⁴⁴.

Узнав из присланного ему выпуска журнала «Природа» о времени празднования 200-летнего юбилея Академии наук, который отмечался 5–9.09.1925, он отправил в Зоологический музей 21.09.1925 поздравление и пожелание «Академии и Зоологическому музею *vivant, crescent, floreat in aeternitatem* (лат. жить, расти, развиваться в вечности) во славу русской науке»⁴⁵.

О.И. Ион в Латвии

Отъезд в Латвию состоялся по плану. 13.04.1924 О.И. Ион написал Н.Я. Кузнецову: «Отыскал здесь, в Риге, рабочий стол и микроскоп, более, как Вы знаете, мне ничего не надо»⁴⁶.

В мае 1924 г. дирекция Музея поручила Ульмеру и Шмидту передать О.И. Иону официальное письмо в Таллин (Ревель), Лангштрассе, 10⁴⁷: «Зоологический музей РАН обращается к Вам с покорнейшей просьбой разыскать в Ревеле д-ра Макса Александровича фон Миддендорфа и обсудить с ним нижеследующий вопрос. Покойный брат г. Миддендорфа Эрнст Александрович вошел в 1912 г. в соглашение с ученым хранителем Зоологического музея Ф.Д. Плеске относительно обработки материалов прибалтийских орнитологических наблюдательных станций и издания «*Ornis Baltica*». Вследствие войны и кончины Эрнста Александровича эта работа, над которой Ф.Д. Плеске проработал 3 года, остановилась и у Плеске осталось на руках значительное количество оригинальных наблюдений станций, а также большой запас библиографических заметок. Все материалы переданы на хранение в Зоологический музей, который желал бы выяснить, какое им дать дальнейшее назначение. Музей уже обращался к вдове покойного в Гельсингфорс, но получил лишь ответ через ее поверенного, что коллекция покойного находится за гра-

ницей, о судьбе его рукописей в ответе никаких указаний не было. Так как в интересах сохранения и использования этих крайне ценных и богатых материалов совершенно необходимо, чтобы все материалы были сосредоточены в одном месте, то Зоологический музей просит д-ра фон Миддендорфа оказать содействие для выяснения вопросов:

1) пожелают ли наследники передать все материалы Зоологическому музею АН, где, быть может, найдется и обработчик этих материалов, или

2) куда направить материал из Зоологического музея, дабы его присоединить к материалам, оставшимся у покойного Эрнста Александровича фон Миддендорфа?».

В ответном письме из Риги (Кандовская ул., 8) О.И. Ион сообщил Н.Я. Кузнецову 9.05.1924 о встрече в Эстонии с энтомологом Wilhelm Petersen (1845–1933): «В Ревеле пробыл пять дней, из коих два провел у Петерсена в Nõtte (Alexander-str. 18). Он почти не изменился, несмотря на то, что им пережито много тяжелого. Он похоронил сына Эрнста Петерсена и дочь. У него осталась только одна дочь, после скарлатины почти совершенно оглохшая, и сестра, живущая у него в доме, вернувшаяся из Америки и страдающая психическим расстройством. Отчасти удары судьбы, отчасти все еще юношеское увлечение заставит Вильгельма Эрастовича работать еще интенсивнее прежнего. С энтузиазмом, хорошо вам известным, он рассказывал о своих заботах и изумил меня массой уже готовых для печати рукописей, рисунков и проч., которых у него целые кипы. Большинство работ посвящено Micro. К несчастью, надежды на напечатание всех этих работ почти нет. Увлекается он сейчас ледниковым периодом. Дал он мне, между прочим, оттиски его работы “Die Lep[idopteren]-Fau[na] d[er] arctisch[e] Geb[iete] v[on] Europa und die Eiszeit”, изданной АН еще в 1887 г., но мало кому известной. Почти те же мысли развиты в его большой двухтомной работе “Lepidopteren-Fauna von Estland (Eesti)”, появившейся в 1924 г.

Оказывается, что В.Э. получил все наши письма, то есть Ваше, письмо Николая Николаевича и мое, и всем ответил в свое время. Почему эти ответы не дошли — неизвестно. Нуммерс (энтомолог Georg Bertram Adolf von Numers, р. 1873. — Е.С.) совершенно поправился, живет в Дерпте, хорошо зарабатывает уроками музыки и летом посещает В.Э. Этим летом они собираются на совместную поездку на Ösel (о-в Сааремаа. — Е.С.), где, по словам В.Э., изумительная фауна. Живет старик, по нашим понятиям, очень хорошо. Дом у него прекрасный, и, хотя ему и приходится опять заниматься педагогикой, материально он не нужда-

ется. У него две рабочие комнаты, кабинет и лаборатория, по стенам расставлены библиотечные полки и шкафы с коллекциями, на столах препараты, под спиртовкой что-то вываривается, под бинокляром препараты — одним словом, все как полагается. *Hesperidae* обработаны (рукопись на немецком языке), и В.Э. хотел бы вернуть материал, но опасается, дойдет ли он. По той же причине он не возвращает книги, взятые из библиотеки Музея. Обо всем этом он после нашего разговора собирается написать непосредственно сам»⁴⁸.

О своем устройстве в Латвии О.И. Ион рассказывал Н.Я. Кузнецову не слишком оптимистично: «Уже больше месяца как мы в Риге. Устроились мы довольно хорошо в небольшой дачке с большим садом за недорогую плату. Хозяева — очень милые и предусмотрительные люди, что особенно ценно для нас, переселенцев. Знакомых и родных много, и мы бываем в гостях, и гости у нас, на мой вкус, слишком часто. Найти занятие нелегко, и пока мы все без дела. Сын и я бываем ежедневно в городе в поисках службы или дела, но помехой является незнание латышского языка, который Юра усиленно изучает. Меня далее поразило, какие он сделал успехи в это короткое время, и думаю, что месяца через 2–3 он уже довольно свободно будет говорить по-латышски. Завязал я знакомства с миром, прикосновенным к энтомологии, но там нет почти никакой надежды на поступление на службу. Энтомологов здесь собственно один, некто *Gailītis*. Он энтомолог при Министерстве земледелия (но лесной энтомолог), он же читает энтомологию при Университете. *Strand* совершенно не занимается энтомологией. Есть еще Институт защиты растений: там несколько фитопатологов, а энтомологией занимаются студенты-практиканты. Если позволит время, буду заниматься в лаборатории Университета — *Strand* обещал дать мне стол и микроскоп.

Сейчас нахожусь в плачевном состоянии: сильно простужен, щеки вздулись и глаз подбит. Простудился во время поездки в Ревель, а глаз мне подбила рейка, упавшая на меня в магазине, где я приобрел кой-какие энтомологические принадлежности. Не выхожу поэтому из дома, тем более что льет дождь после прошедшей прошлой ночью грозы»⁴⁹.

Латышский энтомолог Jānis Laimonis Gailītis (Иван Фомич Гайлит, 1885–1943) в 1933 г. стал директором Рижского зоопарка. Норвежец Эмбрик Странд (1876–1947), арахнолог, в 1923 г. занял должность профессора зоологии в Латвийском университете в Риге, руководил Институтом зоологии и гидробиологии.

8.10.1925 О.И. Ион констатировал: «Что касается нас, то все еще не могу пустить корней. Летом прошлого года (после долгих и бесплодных

поисков службы) я начал миниатюрное дело, которое, однако, не пошло, и его пришлось закрыть за полным отсутствием денег»⁵⁰. Речь идет о начале О.И. Ионом конферного дела, но вскоре он убедился в том, что и из этого ничего не получится, и вышел из торгового дома, но денег от Шеймессера получить так и не удалось. «Тем временем Юра поступил в солидную контору учеником с весьма скромным окладом в 30 лат (около 15 руб.), а затем и Маргарита получила место у Шеймессера. Вскоре после моего ухода из этого дела я получил предложение поступить на летний сезон в Институт защиты растений, которое я охотно принял, несмотря на мое отрицательное отношение к прикладной энтомологии и низкий оклад (80 лат в месяц). Наконец и Вера поступила на службу в большое аптекарское дело, принадлежащее двоюродному брату Адели Ивановны, а Маргарита перешла в контору, в которой служит Юра, где оба в настоящее время получают по 60 лат. Несмотря на такой скромный бюджет, мы ухитрились провести лето на даче, той же самой, в которой жили и в прошлом году»⁵¹. Это было особенно важно, так как зимняя квартира семьи была тесная и неприглядная. Иону удалось выиграть долгий судебный процесс с домовладельцем, который обязан был вычестить из квартплаты коэффициент за то, что квартира находилась в старом доме.

Заведующий Энтомологическим кабинетом Университета поручил О.И. Иону составить коллекцию Lepidopteren, но факультет этого не разрешил. 2.11.1925 О.И. Ион жаловался Н.Я. Кузнецову, что «уйма времени уходит на изготовление препаратов, а зарабатываю я ими сущие гроши, а между тем больше ни к чему приложить работу и не могу найти другого, более прибыльного занятия»⁵². Тем не менее летом он «много экскурсировал», по 1–2 дня был в Приекуле Лиепайского района, где размещалось отделение Института защиты растений (ныне — Государственный институт селекции растений). Задание О.И. Иона заключалось в выяснении вредности Thysanoptera (мелких насекомых — трипсов, или пузыреногих). Он ставил опыты в оранжерее: посеял рожь, пшеницу, ячмень; оставлял насекомых на расправилках, но их погубили ухвертки. Когда подвернулась служба в одной конторе на три часа в день за 60 лат (25 руб.), «выуживаю по 1–2 руб.», но служба тормозила работу в институте. О.И. Ион начал переговоры с самым крупным издательством о составлении определителя бабочек Латвии. Он хотел написать текст на немецком языке, который молодой энтомолог Озоль переведет на латышский язык. Современной литературы было не добыть, и О.И. Ион просил совета у коллег.

Одновременно он не забывал и о термитах — просил прислать диапозитивы термитников и пр. с Цейлона, Малайского полуострова, Суматры, виды и пр. оттуда же, а расходы на пересылку покрыть из гонорара за определитель пузыреногих, который намеревался составить для Николая Николаевича Богданова-Катькова (1894—1955), одного из ведущих специалистов в области защиты растений. *«Музейцам привет!»*⁵³

20.11.1925 О.И. Ион об этом же писал Михаилу Николаевичу Римскому-Корсакову, заведовавшему кафедрой энтомологии ЛГУ и кафедрой энтомологии и биологии лесных зверей и птиц Лесного института. Постоянные поиски заработка оставляли мало времени на науку. Летом О.И. Ион состоял на службе в Институте защиты растений (вакансии на постоянную должность не было), занимался трипсами. Нашел личинки в опавших листьях, но выкормить их сумел и намеревался повторить опыт в следующем году, поэтому нуждался в инструкции, как держать их в неволе. Литературы и энтомологов в Латвии мало, одна фирма занималась печатанием ходовых учебников — издан Н.А. Холодковский (зоология), И.П. Бородин и др. В Институте защиты растений И.О. Ион *«встретил полное содействие. Мне предоставлен стол, микроскоп и вообще все нужное для работы. Даже монографию IseI выписали для меня. Но за прочими делами приходится заниматься там лишь изредка»*⁵⁴.

10.01.1926 Н.Я. Кузнецову он сообщал, что издательство отказалось от печатания определителя, ссылаясь на несвоевременность подобного издания, хотя Rhopalosega уже были готовы. На смену явилась другая работа — определитель Thysanoptera для Н.Н. Богданова-Катькова. *«Деньги, которые перевел мне Вячеслав Михайлович, были a God-send [англ. находка]. Купил Адель Ивановне материал на платье, мне — на костюм, в чем мы оба очень нуждались, и отпраздновали елку. Остаток пошел на “квартирный фонд” на черный день»*⁵⁵.

25.01.1926 в письме Н.Я. Кузнецову сокрушался, что сложно получить работу во Франции, что оформление сложное, что не распутался с квартирой — *«не могу оставить семью, когда надо будет расплачиваться»*, просил выслать деньги за определитель, рукопись которого отправил Богданову-Катькову еще в апреле, и гонорар. *«Если оба перевода придут — уеду. Иначе потеряю место»*. Между тем *«получили в Озоле из Культурного фонда 500 латов (300 руб.) на обследование в энтомологическом отношении Синих гор Дондангонского уезда в Курляндии. Совершили 1 экспедицию туда, 2-я — через неделю. Там заповедный,*

почти первобытный лес; великоленные луга, богатая растительность. Прошли пешком до обрыва моря, обошли всю “подкову” — неделя ушла. В одиночку совершил несколько экскурсий, собрал много интересных и редких видов. «Между разъездами я в Институте защиты растений занимаюсь своими сборами, делаю препараты для университета и одного пчеловода. Не хватает литературы для “Практической энтомологии”»⁵⁶.

Тем не менее в начале 1926 г. О.И. Ион уехал на работу во Францию.

О.И. Ион во Франции

Переехав в Прибалтику, О.И. Ион искал работу. В первом же письме 9.05.1924 он писал Н.Я. Кузнецову: *«В Ревеле мне передавали, что оттуда многие эмигрировали в Бразилию и в Канаду и пишут оттуда восторженные письма. Я решил навести справки, как там живет. Надежды выбраться туда, конечно, почти никакой, но желания много, выбраться из отравленной атмосферы “цивилизации”»⁵⁷.*

10.01.1926 О.И. Ион советовался с Н.Я. Кузнецовым относительно намерения переселиться во Францию. В Латвии у него не было шансов найти место на каком-либо предприятии либо по энтомологической части за мин. требования, так как он не знал латышского языка и не служил, не имел аттестатов. Место можно было получить только по личной рекомендации, родственники и знакомые ничего сделать не смогли, а ходить по объявлениям бесполезно. *«Что касается энтомологии, то я совершенно вошел в круг, имеющий отношение к ней, так что если бы была возможность устроить меня, я уже был бы на месте. Беда в том, что нет и не предвидится никаких вакансий»⁵⁸.* Ждать нечего — не тот возраст, сидеть на шее у детей О.И. Ион не хотел и не мог: *«Дети пристроены, могут прокормить Адель Ивановну. Хочу рискнуть, не подвергая семью опасности».* Мечтой для О.И. Иона была Франция — большая страна, где много возможностей *«зарабатывать, а не вариться в собственном соку»*, там мало энтомологов, жизнь дешевле. Он был уверен, что быстро восстановит забытый французский язык, спрашивал, остались ли у коллег там связи. Или в другой стране, хотя бы экзотической, не отказался бы найти работу⁵⁹.

О.И. Ион написал Борису Петровичу Уварову (1888—1970), руководившему Международным центром изучения саранчи, тот посоветовал обратиться к Б.Н. Золотаревскому, служившему у Вермореля (1848—1927). Б.Н. Золотаревский получил должность на о-ве Мадагас-

кар и предложил в приемники О.И. Иона. В январе 1926 г. О.И. Ион получил приглашение на пост энтомолога на Station viticole et de phytopathologie в Villefranche-sur-Saône. Эту станцию политик и предприниматель Виктор Верморель основал недалеко от Лиона⁶⁰.

В начале 1926 г. он *«уехал не с легким сердцем. В Риге не было надежды устроиться. Предстояло восемь месяцев безработицы или дольше, если бы в мае Institute меня не принял. Жить на скудный заработок детей я не мыслил. Я здесь им не в тягость, помогаю им сотрудничеством в рижских журналах. Во Франции получаю 800 франков в месяц»*⁶¹.

По пути во Францию О.И. Ион побывал в Германии. В Берлине остановился на четыре дня у сестер Адели Ивановны. Посетил профильные учреждения.

Так, германский энтомолог Walther Horn (1871–1939) показал ему небольшой музей при Deutsches Entomologisches Institut, долго беседовали. Коллекции большие, шкафы хорошие, удобные, но используется система американских книжных шкафов, складывающихся из небольших отделений. Насекомые каталогизированы. Хорну было сложно без средств на музей, издает Entomologische Nachrichten (это его единственная служба). Хорн поразил своей осведомленностью о русских энтомологах. У него работали помощница и временный сотрудник Alex — Alexander Heyne (1869–1927), лепидоптеролог.

Отметим, что Вальтер Хорн в 1896–1902 гг. совершил ряд экспедиций в Северную Африку, на Цейлон и в Америку, опубликовал свои путевые заметки о Цейлоне, как и О.И. Ион.

Затем О.И. Ион посетил Biologische Reichsanstalt fuer Land- und Forstwirtschaft (Биологический научно-исследовательский центр для сельского и лесного хозяйства рейха) в Берлине (Далем), беседовал с помощником директора Martin Schwarz. Это крупное учреждение имело филиал в Naumburg, районном центре в земле Саксония-Анхальт. На виноградниках в Наумбурге О.И. Ион посетил отделение Biologische Reichsanstalt, его заведующий Carl Julius Bernhard Boerner (1880–1953), ботаник, лесовод и винодел, занимался проблемами борьбы с филлоксерой.

В Берне О.И. Ион читал в русских газетах, что *«Авчинов назначен директором Carnegie Institute»*, но тот не ответил на его письмо. Также О.И. Ион сообщал о судьбе энтомолога Григория Васильевича Олсуфьева, эмигрировавшего в Мюнхен, к которому О.И. Ион обращаться не стал: *«бесполезно, нет связей»*⁶². Ион писал, что Олсуфьев разошелся с Oberthür'ом со скандалом, судился. Французский энто-

молог Рене Обертюр (1852–1944) и его брат Шарль, владельцы успешного издательства “Imprimerie Oberthür”, издавали литературу для миссионеров, обменивали ее на коллекции насекомых, которые затем перепродавали. Г.В. Олсуфьев перешел в Le Moulт, откуда его также прогнали. Французский лепидоптеролог Эжен Ле Мульт (1882–1967) был одним из крупнейших дилеров по продаже насекомых для коллекций. По сведениям О.И. Иона, Г.В. Олсуфьев в то время находился в бельгийском Конго. История жизни Г.В. Олсуфьева плохо изучена. Известно только, что с 1925 по 1935 г. он собирал коллекции для французского энтомолога Charles Alluaud, в 1926–1928 гг. путешествовал и Р. Обертюром по Верхней Вольте, затем работал натуралистом на службе правительства Мадагаскара, где и скончался в 1957 г.

В Берлине О.И. Ион побывал у Макса Мошковского (1873–1939), своего спутника по первой экспедиции. «Он постарел, вспоминали Суматру»⁶³. М. Мошковский в 1907–1908 гг. работал на Цейлоне и о-ве Суматра, в 1910–1911 гг. — на западной Новой Гвинее. Он в 1913 г. проделал над собой эксперимент: чтобы проверить гипотезу о причинах болезни бери-бери, 138 дней ел только шлифованный рис и заболел тяжелой формой бери-бери. Одностороннее питание привело к упадку сил, судорогам, нервным болям и сердечной слабости. Последствия этого эксперимента давали о себе знать много лет спустя.

Перебравшись во Францию, О.И. Ион не избежал разочарований. Об этом он пишет 15.04.[1926] Н.Я. Кузнецову. Занятия на станции начинались в 8 утра, с 11 до 13 — обед, затем работа до 18.00. В ресторане ужин подают только после 7 ¹/₄, домой в этот промежуток заходить не стоило, и Ион оставался на станции до 19–19.30, чтобы использовать время и писать письма, а домой возвращался после 20.00.

В Вильфранше О.И. Ион застал Б.Н. Золотаревского, который затем уехал на о-в Мадагаскар. Директора — В. Вермореля — не было, он вернулся позже. На станции работала еще химичка-барышня. Станция размещалась в нижнем этаже большого здания: лаборатория — на одной половине, библиотека — на другой. В отделении — длинной узкой пристройке — помещался музей. Музей запущен, не обновлялся. Лаборатория приторна, энтомологическое оборудование плохо, хламу много — все старое. Библиотека — тоже: нет новых изданий, все на французском языке. Уже давно «сокращенная смета», и расходы просят неохотно. Верморель — невысокий тучный человек 80 лет, очень живой, постоянно торопился, уделял станции мало времени. Не дал директив для работы, бросил вскользь слово «парази-

ты», чтобы что-нибудь сказать. Мало сведущ: все статьи его написаны другими, но он ставит свое имя. При лаборатории небольшая комната, где висели портреты бывших служащих станции, которую химичка называет не без остроумия “Le chambre de Barbe Bleue” (комната Синей бороды). «У Вермореля сейчас конец “биологии”, “табло”, как он это называет. Моя работа — в их составлении. Рисую (плохо), но Верморель доволен. В общем, страшная ерунда, все напоказ делается, для рекламы <...> Как бы не разучиться работать по-настоящему»⁶⁴.

13.10.1927 Виктор Верморель скончался, очевидно, контракт О.И. Иона не был продлен.

Показательно, что в этот период жизни О.И. Ион не публиковал никаких научных работ.

Возвращение в Латвию

По возвращении в Латвию из-за границы О.И. Ион по-прежнему совмещал заработок на разного рода службах и хобби: «Занимаюсь энтомологией лишь изредка. Служба занимает весь день»⁶⁵.

В эти годы в Ленинграде вышли из печати его обзорные⁶⁶ и специальные⁶⁷ труды. Письма от бывших коллег после тяжелого для Академии наук 1929 г. О.И. Ион получал редко, переписка с большинством его корреспондентов прекратилась.

О.И. Ион писал из Риги (Riga, Gertrudas iela, 109, ds. 20) 13.01.1930 М.Н. Римскому-Корсакову: «Перебиваюсь кое-как, живу без службы. Надеюсь скоро завершить разборку материала, собранного мной во Франции, над которым сижу уже 4-й год!» Он получил предложение написать обзор о трипсах, или пузыреногих; большинство видов этих насекомых считаются вредителями сельскохозяйственных культур. Обработку материала по Thysanoptera О.И. Ион взял на себя, но просил необходимых материалы (например, о Thysanoptera Крыма) посылать бандеролью: «...это избавило бы меня от потери времени в та-можне»⁶⁸.

В 1930—1931 гг. в Риге вышли в свет заметки О.И. Иона о насекомых-вредителях Латвии⁶⁹. Он по-прежнему старался поддерживать деловые отношения между коллегами в разных странах. Сотрудник лепидоптерической секции Зоологического музея АН СССР Николай Николаевич Филиппьев (1895—1972) просил О.И. Иона помочь получить для исследований несколько экземпляров бабочек — самца и самку — из коллекции Тейха, поступившей в Рижское естественно-историческое общество, в обмен на интересные для них виды бабочек:

«Если это невозможно, то желательна присылка пары для просмотра с правом сделать препараты гениталий, если и это нельзя, то просто на просмотр. Если же и это окажется неудобным, то прошу Вас лично сравнить этот вид с обыкновенным *distinctellea*, которая также должна быть в коллекции, и если, по Вашему мнению, разница между ними есть, то я пришлю для сравнения с типом мой сомнительный экземпляр»⁷⁰. В ответ (28.01.1930) латвийский Институт защиты растений отправил на имя Зоологического музея АН СССР посылку с разными видами, которые он просил определить, но обратно не возвращать. В том числе муху, которая летом уничтожила весь урожай ягод барбариса, собранный в саду, где жил О.И. Ион, и о которой в литературе сведений не обнаружилось⁷¹. Ленинградские ученые определили виды присланных бабочек и муху (ответ 17.11.1930)⁷².

С профессором М.Н. Римским-Корсаковым О.И. Ион завязал переписку по теме лесной этимологии. 2.05.1930 он благодарил за присылку книги Гусева В.И., Римского-Корсакова М.Н. «Определитель повреждений лесных и декоративных деревьев и кустарников Европейской части СССР» (Гос. изд-во, 1927), «которая всех заинтересовала». На службе он был занят с 9 утра до 7 вечера и не мог заходить в Институт защиты растений, срочная работа поглощала все время. «Ныне меня сократили, так что через две недели освобожусь и примусь за трипсов»⁷³.

8.10.1930 О.И. Ион уведомил М.Н. Римского-Корсакова, что по лесной энтомологии в Латвии работают только двое — Laimons Gailitis из Латвийского университета и лесной инженер Leo Braman. Лев Эдуардович Браман был отправлен в командировку на год в Швецию и работал у д-ра лесных наук Павла Николаевича Спесивцева (1866—1939), энтомолога при Королевской лесной опытной станции в Стокгольме, напечатал работу по *Nylobius*⁷⁴.

Сам О.И. Ион продолжал работу о трипсах и намеревался отправить ценный материал известному thysanopterist Н. Priesner'у, жившему тогда в Египте; в 1931 г. Priesner подтвердил, что определения О.И. Иона оказались верными⁷⁵.

В 1931 г. О.И. Ион вновь способствовал поступлению в Латвию специальной литературы. Он просил М.Н. Римского-Корсакова выслать на свое имя два комплекта книг: А.В. Яцентковского, П.Г. Спесивцева, «Методику обследования лесов», «Лесную энтомологию» (вероятно, *Яцентковский А.В.* Определитель короедов по повреждениям. М.; Л., 1930; *Спесивцев П.Н.* Определитель короедов. Л.; М., 1925;

Римский-Корсаков М.Н. Лесная энтомология. Гостехиздат, 1930) и три экземпляра «Определителя по повреждениям» М.Н. Римского-Корсакова. Присланные книги О.И. Ион передал в энтомологические кабинеты Университета и местного департамента и Л. Гайлиту в личное собрание⁷⁶.

Также в Латвии вызывал интерес готовящийся Институтом прикладной зоологии и фитопатологии (директор — Н.Н. Богданов-Катьков) «Список вредных насекомых СССР и сопредельных стран»⁷⁷, который вышел в свет в 1932 г. и в котором О.И. Ион был автором раздела о термитах⁷⁸. Это была его последняя публикация на русском языке.

Оплата за заказанные книги предполагалась в начале апреля, после открытия нового годового бюджета, деньги предстояло перевести в Берлин книготорговой фирме “R. Friedlander & Sohn”⁷⁹. Половина денег (13 нем. марок) была переведена О.И. Иону 19.03.1931, остаток (13 марок) ему предстояло получить недели через 3—4⁸⁰, но из-за экономического кризиса уплата по счету Лесного департамента встретила значительные затруднения в связи с ограничением заграничного ввоза. Разрешения давались очень трудно. Гайлит не мог сказать, когда удастся перевести Friedländer’у остаток⁸¹. С осени 1931 г. О.И. Ион стал напоминать ему, но Гайлит просил задержать письмо о его слабой кредитоспособности. 11.04.1932 О.И. Ион получил деньги (28 латов 20 сантимов = 22 марки), остальные должны были прийти позже. Гайлит извинялся, что это дело затянулось более чем на год. «*Мне неприятно за задержку денег. О посылке других книг говорить не приходится*»⁸².

Видимо, из-за кризиса Институт защиты растений не принял собранный О.И. Ионом систематический зоологический материал, который остался в его распоряжении вместо денежного эквивалента. По косвенному заказу Энтомологического кабинета О.И. Ион составил определитель бабочек Латвии. Он долго работал над этим трудом, его помощник и переводчик — еще дольше, но затем они получили отказ в средствах на печать и в гонораре: «*Мой помощник издает этот определитель на свои средства, но гонорары никто из нас не увидит*»⁸³.

В Энтомологическом обществе в Риге О.И. Ион сделал сообщение о водных наездниках, которое было напечатано в журнале «Daba» («Природа») на латышском языке (оттиск не получил). Хотя в Латвии он обнаружил один вид *Agriotypus armatus*, у него не было времени собрать по нему материал⁸⁴.

22.03.1932 О.И. Ион писал Н.Я. Кузнецову, что он служит в одном учреждении с дочерью Маргаритой и сыном Юрием. Вторая дочь, Вера, пошла по педагогической части: занималась с Юриной дочкой (ей 3,5 года), основное время — с чужими детьми. Адель Ивановна была занята хозяйством. Юрий жил своим хозяйством в другом конце города, ближе к службе. «*Знакомых у нас немного, встречаемся с ними редко: я — два раза в месяц с энтомологами в кружке, 6–8 человек*»⁸⁵. Энтомологический кружок продолжал деятельность, хотя членов немного. Собрания всегда были очень оживленные, молодежь проявляла интерес и солидные познания.

Служба занимала весь день, О.И. Ион освобождался после 19.30, но к тому времени был измотан. 2.04 он признавался Н.Я. Кузнецову, что его сухое письмо — «*отражение моей теперешней жизни, серой и лишенной какого-либо содержания. Помните, Вы мне как-то сказали, что наука хороша тем, что не дает думать: перестал заниматься энтомологией, и мысль заработала в другом направлении*»⁸⁶.

О.И. Ион продолжал изучение семейства трипсов (Thysanoptera), но времени на опыты ему не хватало. По его данным, в 1920-е годы только в Ленинградской области обнаружено 37 видов трипсов. О.И. Ион собрал много литературы по бескрылости у других отрядов и видел причину бескрылости трипсов в токсическом воздействии влажности окружающей среды, что тормозит развитие крыльев (письмо М.Н. Римскому-Корсакову 22.09.1933)⁸⁷. Его интересовал вопрос о разных формах одного вида, меняющихся под влиянием среды (влаги, давление). Три года он ставил опыты, но до конца не довел — помешали болезни и пр.⁸⁸

Н.Я. Кузнецов в 1932 г. предложил О.И. Иону принять участие в коллективном труде Зоологического института АН СССР «Животный мир СССР». От термитов О.И. Ион отказывался по причине отсутствия литературы. «*Желания писать немного, но если вы настаиваете, <...> мог бы дать обзор Thysanoptera*», если ему будут отправлены новые труды российских коллег (И.И. Гавалова и др.)⁸⁹. Пять томов труда вышли в свет в 1937–1958 гг.

Для Н.Я. Кузнецова О.И. Ион собрал во Франции 450 экз. Microlepidoptera. В письме 22.03.1932 он осведомлялся: «*Дошли ли они и в каком виде? В обмен пришлите среднеазиатские и дальневосточные виды Cerambycidae. У меня собралась большая их коллекция — местные, бразильские, африканские виды*»⁹⁰. И позже он посылал Н.Я. Кузнецову

материалы: летом 1934 г. — экземпляр бескрылой бабочки, которую считал очень редкой⁹¹.

Тяжелый труд и моральное состояние не могли не сказаться на здоровье О.И. Иона. В январе 1935 г. Адель Ивановна Ион сообщила открыткой в Зоологический музей: «*Многоуважаемые Николай Яковлевич [Кузнецов] и Владимир Владимирович [Баровский?]. Так тяжело писать Вам о такой тяжелой потере — Оскара Ивановича больше нет между нами. Он заболел внезапно аппендицитом, сразу же была сделана операция, и через неделю, в ночь на 17 января, он спокойно уснул после тяжелых страданий. Сердечный привет, А.И. Ион*»⁹².

К сожалению, нам неизвестны письма российских зоологов, хотя на письмах О.И. Иона имеются пометки адресата с датой отправки ему ответа. Черновик письма Н.Я. Кузнецова Адели Ивановне Ион от 28.01.1935 сохранился: «*Глубокоуважаемая и дорогая Аделия Ивановна! Примите выражения моего душевного соболезнования по поводу постигшей Вас ужасной потери. Эта потеря велика и для меня. В лице дорогого Оскара Ивановича ушел мой добрый друг и редкий человек, которому можно было во всем верить и на которого можно было во всем положиться. Несмотря на то, что мы были здесь за последние годы разлучены с ним, мы не отвыкли от него и теперь очень горько чувствуем его утрату. Я, может быть, больше других чувствую потерю умного, доброго и глубоко честного друга. Я ему обязан в прошлом и жизненным примером, и дружеской поддержкой. У нас остается одно суровое утешение — мы все там будем. Это утешение я почувствовал, когда расстался со своей матерью уже пять лет тому назад. Душевно с Вами, глубокоуважаемая Аделия Ивановна, и крепко целую Ваши руки! Передайте мое сочувствие Маргарите Ивановне, Вере Ивановне и Георгию Ивановичу. Прошу Вас, располагайте мной, если я в чем-нибудь могу служить Вам. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы могли прислать мне биографические даты из жизни Оскара Ивановича для печального доклада о его кончине Русско-му энтомологическому обществу. Может быть, и фотографии*»⁹³.

Научные достижения О.И. Иона

О.И. Ион начиная с 1908 г. опубликовал более 30 научных работ на русском, немецком и английском языках. Анализ трудов по энтомологии оставим специалистам. Отметим только, что эта страница его жизни началась с путешествия в Южную и Юго-Восточную Азию.

Он брался за малоизвестные темы — первая его статья оказалась одной из первых российских работ по фауне чешуекрылых Маньчжу-

рии, собранных в местности, где в 1897–1903 гг. прокладывалась Китайская восточная железная дорога (КВЖД)⁹⁴.

Также отметим научную обработку О.И. Ионом материалов, привезенных И.Д. Стрельниковым и Г.Г. Манизером — участниками Второй русской экспедиции в Южную Америку в 1914–1915 гг., и введение их в научный оборот⁹⁵.

Статьи О.И. Иона опубликованы во многих солидных изданиях⁹⁶: «Известия Императорского Русского географического общества», «Русское энтомологическое обозрение», «Труды Русского энтомологического общества», «Ежегодник Зоологического музея Российской академии наук», «Любитель природы», «Защита растений от вредителей», “Entomologist” (London), “Entomologischen Zeitschrift” (Frankfurt-am-Main), “Spolia Zeylanica” (Colombo), “Annales and Magazine of Natural History” (London), “Treubia” (Batavia), “Entomologische Mitteilungen” (Berlin), “Bulletin et Annales de la Société Entomologique de Belgique”, “Folia Zoologica et Hydrobiologica” (Riga).

Сохранившиеся в архивах несколько писем О.И. Иона являются важным и информативным историческим источником. Переписка с российскими коллегами иллюстрирует отдельные эпизоды истории энтомологии в Латвии, Эстонии и других странах Европы в 1920–1930-е годы. Подробные письма О.И. Иона позволяют лучше понять обстановку, в которой развивалась теоретическая и прикладная наука. Особая страница — судьба российских ученых, оказавшихся в эмиграции и находивших любые возможности для работы по специальности, вплоть до отъезда в дальние страны (например, в Африку).

Письма О.И. Иона — документы большой эмоциональной силы, показывающие силу духа этого человека — предпринимателя и ученого, заботливого мужа и отца.

Как видим, начавшееся как хобби занятие энтомологией, а затем полученные в Академии наук специальные знания, навыки и опыт оказались востребованными и до определенной степени позволяли О.И. Иону зарабатывать на хлеб. К сожалению, во время мирового экономического кризиса возможности выбора места службы были ограничены. О.И. Ион был не только опытным бизнесменом. Он умел переключаться, осваивать другие области энтомологии, востребованные на практике. Он ездил в экспедиции и занимался сборами на территории Латвии, препарировал и систематизировал материалы, писал и публиковал научные статьи на русском, немецком, английском языках, занимался с молодежью в Энтомологическом кружке.

О.И. Ион поддерживал и всячески укреплял творческие связи и кооперацию между советскими и прибалтийскими учеными, и коллеги отвечали ему взаимностью.

Труды О.И. Иона по-прежнему цитируются специалистами. Его коллекции в музеях Санкт-Петербурга также постепенно вводятся в научный оборот.

1. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 80. Ед. хр. 756. Л. 7 об. — 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://earchive-estlatrus.eu/>

2. Там же. Л. 6.

3. Там же. Л. 2 об.

4. Там же. Л. 9.

5. Там же. Л. 10—10 об.

6. *Никишин А.* Лекция 5. Русская водка и иностранцы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nikishin-collections.ru/news/document241.php>

7. РГИА. 1915—1917 гг. Ф. 1144. Оп. 1. Д. 7.

8. *Шрамко С.* Иностранцы в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2013/11/26/1872>

9. ReviewDetector.ru: форум кладоискателей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reviewdetector.ru/lofiversion/index.php?t6309-150.html>

10. Citywalls: архитектурный сайт Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house16035.html>

11. *Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я.* Такая удивительная Лиговка. М.: Центрполиграф, 2013. С. 158—160.

12. Там же. С. 161.

13. *Бианки В.Л.* Список птиц, наблюдавшихся в теплый период 1897—1913 гг. в береговой полосе Петергофского уезда, между деревнями Лебяжья и Черная Лахта // Ежегодник Зоологического музея Академии наук. 1914. Т. 18, вып. 4. С. 545. Цит. по: Русский орнитологический журнал. 2012. Т. 21, экспресс-выпуск № 778. С. 1739 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/spisok-ptits-nablyudavshihya-v-tyoplyu-period-1897-1913-godov-v-beregovoy-polose-petergofskogo-uezda-mezhdu-derevnyami-lebyazhya-i>

14. СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Ед. хр. 284. Л. 2.

15. Там же. Л. 11.

16. *Гневусева Е.И.* В стране трех тысяч островов. М., 1962. С. 189—197, 217.

17. *Moszkowski M.* Über zwei nicht-malayische Stämme von Ost-Sumatra // Zeitschrift für Ethnologie. 1908. 40. Jahrg., Н. 2. S. 229—239.

18. *Ион О.И.* О султанате Сиак и его обитателях. Из поездки на остров Суматру в 1907 г. (читано на заседании Отделения этнографии 7 марта 1908 г.) // Известия ИРГО. СПб., 1908. Т. XLIV, вып. 6. С. 322—359.

19. Касаткина А. К. Иллюстративные материалы отдела Австралии, Океании и Индонезии по островам Юго-Восточной Азии // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 277–281.
20. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 56. Л. 228.
21. John O. Notes on some Termites from Ceylon // Spolia Zeylanica. 1913. Vol. 9, pt. 34. P. 102–116.
22. John O. Termiten von Ceylon, der Malayischen Halbinsel, Sumatra, Java und den Aru-Inseln. Batavia, 1925. P. 360–419. (Extr. de Treubia, vol. 6, libr. 3–4).
23. Ион О. И. Пещеры «Бату» Малайского полуострова // Любитель природы. 1914. Дек. № 12. Год IX. С. 353–376.
24. Кривохатский В. И. Муравьиный лев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecosystema.ru/01welcome/articles/lions/04.htm>
25. Соболева Е. С. Каталог коллекций МАЭ по островной части Юго-Восточной Азии // Культура народов Океании и Юго-Восточной Азии. СПб., 1995. С. 207–225. (Сборник МАЭ; Т. 46).
26. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1914 г.). Ед. хр. 161. Л. 451 об.
27. СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Ед. хр. 284. Л. 1.
28. Там же. Л. 2.
29. Там же. Л. 4.
30. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 5.
31. Ион О. И. Наставление к собиранию термитов. Пг.: Тип. АН, 1917. С. 1–23.
32. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 177.
33. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 231.
34. Там же. Л. 232–233.
35. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 80. Ед. хр. 756. Л. 16.
36. Там же. Л. 40 об. — 45.
37. Ион О. И. Как собирать и сохранять трипсов. Л.: Изд. Детской зоологической станции, 1921. 8 с.; *Он же*. Пузыреногие (Thysanoptera) Петроградской губернии. Пг.: Гос. изд-во, 1921. 16 с.; *Он же*. О развитии и образе жизни Megathrips Laliventris Naeger // Известия Станции защиты растений от вредителей. Пг., 1922. Т. 3. С. 108–122; *Он же*. «Сырная муха» (*Piophilidae casei* L.). Научный очерк. Пг.: Мир знаний, 1922. 15 с.; *Он же*. Новый род и 2 новых вида пузыреногих из Британской Восточной Африки // Ежегодник Зоологического музея Академии наук. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922. Т. 23, № 3–4. С. 289–554; *Он же*. Прикладная энтомология в Латвии // Защита растений от вредителей. Л., 1927. Т. 4 (1). С. 180–185; *Он же*. Отряд Isoptera. Термиты // Список вредных насекомых СССР и сопредельных стран. Л., 1932. Ч. 2: Вредители садовых, ягодных культур и винограда / под ред. А. А. Штакельберга. (Тр. по защите раст. Сер. энтомол., 5).
38. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 80. Ед. хр. 756. Л. 14.
39. Там же. Л. 24–37.

40. Там же. Л. 19.
41. Там же. Л. 1.
42. Там же. Л. 13.
43. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 204.
44. Там же. Л. 205.
45. Там же. Л. 206.
46. СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Ед. хр. 284. Л. 8.
47. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 28.
48. СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Ед. хр. 284. Л. 9 об. — 10.
49. Там же. Л. 9.
50. Там же. Л. 11.
51. Там же. Л. 11 об.
52. Там же. Л. 12.
53. Там же. Л. 12–13 об.
54. СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Ед. хр. 201. Л. 1–1 об.
55. СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Ед. хр. 284. Л. 14–15.
56. Там же. Л. 16–17.
57. Там же. Л. 9.
58. Там же. Л. 14 об.
59. Там же. Л. 15 об.
60. Там же. Л. 16.
61. Там же. Л. 23.
62. Там же. Л. 15 об.
63. Там же. Л. 23.
64. Там же. Л. 24–24 об.
65. СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Ед. хр. 201. Л. 8 об.
66. *Ион О.И.* Прикладная энтомология в Латвии // Защита растений от вредителей. Л., 1927. Т. 4 (1). С. 180–185.
67. *Тарбинский С.П., Ион О.И., Вагнер Ю.И.* Прямокрылые и уховертки европейской части СССР // Определитель насекомых. Прямокрылые, уховертки, трипсы, блохи. М.; Л.: Гос. изд., 1927. С. 1–71; *Ион О.И.* Пузыреногие (Thysanoptera) / под ред. Н.Н. Богданова-Катькова, С.П. Тарбинского. Л.: «Защита растений от вредителей», 1928. 72 с.
68. СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Ед. хр. 201. Л. 2.
69. *John O.* Notes on some Termites from Ceylon // *Spolia Zeylanica*. 1913. Vol. 9, pt. 34. P. 102–116; *John O.* Termiten von Ceylon, der Malayischen Halbinsel, Sumatra, Java und den Aru-Inseln. Batavia, 1925. P. 360–419. (Extr. de *Treubia*, vol. 6, libr. 3–4); *John O.* Material zur Insektenfauna Lettlands: 1. Zur Coccidenfauna Lettlands // *Folia Zoologica et Hydrobiologica*. Riga, 1930; *John O.* Material zur Insektenfauna Lettlands. IV–V // *Folia Zoologica et Hydrobiologica*. Riga, 1931. P. 271–273.
70. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 63.
71. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 201. Л. 160.

72. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 161.
73. СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Ед. хр. 201. Л. 3.
74. Там же. Л. 4.
75. Там же. Л. 7.
76. Там же. Л. 8.
77. Там же. Л. 5.
78. *Ион О.И.* Отряд Isoptera. Термиты // Список вредных насекомых СССР и сопредельных стран. Л., 1932. Ч. 2: Вредители садовод., ягоdn. культур и винограда / под ред. А.А. Штакельберга. (Тр. по защите раст. Сер. энтомол., 5).
79. СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Ед. хр. 201. Л. 5.
80. Там же. Л. 6.
81. Там же. Л. 7.
82. Там же. Л. 8–8 об.
83. Там же. Л. 8 об.
84. Там же. Л. 9.
85. СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Ед. хр. 284. Л. 18.
86. Там же. Л. 19.
87. СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Ед. хр. 201. Л. 9 об.
88. СПбФ АРАН. Ф. 793. Оп. 2. Ед. хр. 284. Л. 19.
89. Там же. Л. 18.
90. Там же. Л. 18.
91. Там же. Л. 21.
92. Там же. Л. 22.
93. Там же. Л. 26.
94. *Ион О.И.* К фауне чешуекрылых Маньчжурии // Русское энтомологическое обозрение. 1908. Т. 8, вып. 1. С. 16–24.
95. *John O.* A new Frankliniella (Thysanoptera) from Brasil // Bulletin et Annales de la Société Entomologique de Belgique. 1928. Т. LXVIII. P. 152–154.
96. Выражаю благодарность Д.А. Гудковой (библиотека ЗИН РАН) за помощь в выявлении публикаций О.И. Иона.

В. И. Ходанович

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ
ГЕНРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ НЕДДЕРМЕЙЕР
(1846–1920)**

Самая ранняя дата, найденная в архивных источниках, которая подтверждает пребывание Генриха Вильгельма Неддермейера (Neddermeyer) в России, — 1870 г.¹

На участке № 12 по Молвинской улице, находившейся на территории Екатерингофского парка², во второй половине 1860-х годов медно-котельный мастер А. М. Корчагин открыл мастерскую. Год спустя после смерти мужа вдова, Прасковья Степановна, владелица недвижимых строений на участке³, пригласила «*вести дело дальше*» ганноверского подданного Г. В. Неддермейера. Он не только принял предложение, но и через семь лет женился на старшей дочери Корчагиной, а еще через три года взял у тещи мастерскую в аренду⁴ и поселился в Екатерингофе. Вся дальнейшая жизнь Генриха Вильгельма и его семьи будет связана именно с этим местом.

Неизменным будет иностранное подданство Генриха Вильгельма Неддермейера на протяжении всей его жизни (ганноверское, затем прусское, наконец германское). Более того, из российского в германское подданство перешла его жена, что драматически сказалось на них с началом Первой мировой войны и более драматически и трагически — на их внуках в советский период.

Сведения из биографии Неддермейера до 1870 г. — рождение в нижнесаксонском городе Бонафорт, учеба в техническом училище Ганновера, последующая работа на местных металлургических предприятиях и Обуховском сталелитейном заводе (мастером) — переданы мне правнуками Генриха Вильгельма в 2016 г.⁵ Эти факты еще требуют документального подтверждения, как и установление дат переезда Неддермейера в Россию и покупки им в столице чугунолитейного завода.

Год рождения Г.В. Неддермейера вычислен по «Справочной книге о лицах С.-Петербургского купечества...»⁶ Генрих Вильгельм платил повинности купца 2-й гильдии с 1891 г.

Мастерская на Молвинской улице до 1881 г., пока на участке не появился одноэтажный каменный флигель, располагалась в деревянном строении.

Основной продукцией столичных медно-котельных мастерских 1870-х годов (и позднее) были чайники, кофейники, кастрюли, винокуренные кубы, кухонные котлы и ванны. Если в мастерской имелся пресс, изготавливали подносы.

Специализированные торговые лавки также предлагали петербуржцам медные рукомыльники, стаканы с крышками, кружки, сковородки, лохани, солонки, блюда, бочонки, чаши, ковши, тарелки и др. Покупатели отдавали предпочтение меди из-за ее высокой теплопроводности. Занимались мастерские и починкой медной кухонной утвари.

Сведения о мастерской Неддермейера можно найти в разных архивных источниках, в том числе в ежегодных «Журналах проверки торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий в 7-м податном участке» 3-го участка Нарвской части⁷.

На рубеже XIX–XX вв. для рабочих Неддермейер арендовал квартиру на первом и комнату на втором этажах деревянного дома и квартиру в две комнаты в каменном доме по Молвинской ул., 12–14. Согласно договору об аренде (1901), Генрих Вильгельм из собственных средств обязывался уплачивать «безнедоимочно» оценочный и земельный сборы, государственный налог и «страховую от огня премию» за дом 12. А также за свой счет производить внутренний ремонт во всех занимаемых помещениях, «набивать ледник льдом», содержать дворника, очищать дворы, дымовые трубы в обоих домах, часть прилегающей к участкам улицы, мусорные ямы и ретирадники.

Личные сбережения, вложенные Генрихом Вильгельмом «в производство медно-котельного и механического заведения» на Молвинской ул., составили только за 1916 г. 2700 руб.⁸

В 1880-е годы петербургская медно-котельная мастерская насчитывала в среднем 9–10 человек. В 1903 г. количество рабочих в мастерской Неддермейера составляло 20 человек, из них, по графе отчетного документа, «малолетних до 17 и стариков свыше 55 лет» — 6 человек. Содержание всех двадцати работников обходилось арендатору «*в натуре за год*» в 4815 руб.⁹ Медно-котельная мастерская в Екатерингофе просуществовала почти до конца 1917 г.

Главным же предпринимательским делом Генриха Вильгельма была не мастерская, а собственный чугунно-литейный завод. Первоначально предприятие располагалось на 2-м участке Нарвской части, в самом начале Лейхтенбергской улицы.

В 1875 г. жена петербургского купца 1-й гильдии Анна Густавовна Клейбер выделила из своего дворового места небольшой участок и получила разрешение на постройку на нем каменного одноэтажного строения «для помещения в оном чугунно-литейного завода» и деревянных одноэтажных служб¹⁰.

Завод представлял собой одноэтажное строение, отстоявшее от Обводного канала примерно на 140 м. Фундамент и стены были из бутовой плиты, а притолоки и перемычки — кирпичные. Внутри находилась сушильная печь для формовок. Крыша, крытая толем, покоилась на железных стропилах. Рядом с каменным зданием располагался рубленый деревянный одноэтажный сарай.

Предположительно, Г.В. Неддермейер купил этот завод в середине 1880-х годов.

К 1893 г. петербургские чугунно-литейные, машиностроительные заводы и заводы металлических изделий составляли 21 % от всех фабрик и заводов города, а по годовой производительности (в рублях) превосходили все остальные столичные предприятия в 15—40 раз. На втором месте по этому показателю, с отрывом в четыре раза, находилось производство резины.

27 сентября 1893 г. датировано прошение Г.В. Неддермейера в Строительное отделение Санкт-Петербургского губернского правления о переносе принадлежащего ему завода с Лейхтенбергской улицы на полверсты южнее, на Ново-Сивковскую улицу (ныне — Ивана Черных), с приложением «Плана местности» (участок № 33, площадь почти 1 гектар) и чертежей выстроенного заводского корпуса¹¹.

Одной из причин переноса Неддермейером завода было то, что дворовое место, на котором располагалось предприятие, находилось в залоге в Городском кредитном обществе; более того, залог был переступлен другому лицу, владельцу нескольких участков на Лейхтенбергской улице, начавшему на них в 1893 г. реконструировать свои фабричные строения. Им был мануфактур-советник, колонист Гродненской губернии Генрих Карлович Клейбер. В конце 1870-х он содержал шелковую фабрику в 1-м стане Петербургского уезда, в розницу торговал мануфактурными товарами в Гостином дворе, через фирму «Клейбер и К°» производил оптовые закупки.

Другая причина заключалась в необходимости расширения собственно заводской территории. Площадь, занимаемая старым каменным заводским строением, составляла 57,7 кв. саженей, новое здание имело площадь почти в пять раз больше¹².

Можно добавить, что во второй половине 1890-х годов Г.В. Неддермейера связывали также деловые отношения с красильной фабрикой-мастерской, располагавшейся на Лейхтенбергской ул., 15–17. Этими участками владели в том числе и прусские подданные.

Одноэтажное новое каменное заводское строение имело в плане прямоугольник. Длина здания — 56 м, высота от основания до конька двускатной крыши — 9 м. Внутри завод был разделен капитальной стеной на две почти равные части: в первой — обрубочная и «складочная», во второй — литейная и два помещения для парового котла и угля. В литейной — одна топливная вертикальная печь (вагранка) и пять грузоподъемных кранов.

В середине ноября 1893 г. Министерство финансов известило заявителя, что с его стороны препятствий к открытию завода «не встречается»¹³.

Первоначально единственным владельцем завода был сам Генрих Вильгельм. Он нанимал управленческий аппарат: заведующего (директора), литейного и механического мастеров, конторщика. Очень непродолжительное время экспедитором на заводе работал (по совместительству, конечно) Э.Л. Нобель (1899).

В первые годы завод именовался «Г. Неддермейер». Через несколько лет — чугунно-литейный и механический завод «Г. Неддермейер и К°». Компанию в совладении заводом (а также участком № 33 по Ново-Сивковской ул.) Генриху Вильгельму составил германский подданный Альберт (Альберт Васильевич) Гармут¹⁴.

По справочнику Министерства финансов (1903), чугунно-медно-литейный и механический завод Неддермейера и Гармута изготавливал чугунные части машин и медные и бронзовые отливки¹⁵. Через пять лет продукцию завода составляли чугунное машинное литье, медные отливки, еще через два года — литье чугунное, медное и свинцовое¹⁶.

К началу Первой мировой войны на заводе производились отливки из чугуна, стали и свинца, кислотоупорные отливки из чугуна для химических заводов, колосники, изделия из меди (змеевики, паропроводы, аппараты для дистилляции, детали для конденсаторов, вентиляторов и сушильных устройств). Годовая производительность

(«годовой прирост») предприятия в денежном выражении достигала 130–140 тыс. руб.

Об «удельном весе» завода Неддермейера среди столичных чугуно-литейных предприятий можно говорить только с относительностью. Ибо этот «вес» определялся не только (и не столько) количеством занятых на производстве рабочих, но и площадью «поверхности нагрева» (печей), исчисляемой в квадратных футах. На рубеже XIX–XX вв. численность рабочих на заводе Генриха Неддермейера варьировалась от 70 до 200 человек, с неизменной «площадью» 190 кв. футов. Тогда как, например, завод Карла-Эрнеста (Карла Карловича) Фрикке («Фрикке, К.») при 35–40 рабочих имел «площадь» до 900 кв. футов, завод Германа Гетца — 55 рабочих и 490 кв. футов соответственно.

Средним в группе чугуно-литейных, механических и машиностроительных заводов считался завод с числом рабочих около 200 человек.

Забастовки на заводе Неддермейера имели место. Но все они (официально зарегистрированные) произошли дважды на общей волне забастовок на других предприятиях Нарвской заставы: январских 1905 г. и июльских 1914-го (в связи с так называемыми «бакинскими событиями»). Итогом, например, январских забастовок на заводе Генриха Вильгельма стало то, что продолжительность рабочей недели в 67½ часа сокращалась до 59 часов, расценки повышались на 5–10 %¹⁷.

Известен завод Неддермейера был благодаря его участию в благоустройстве города в начале XX в. 18 марта 1899 г. городской садовник, потомственный почетный гражданин Владимир Иванович (Клаус Вольдемар Карл) Визе, в ведении которого находились все зеленые насаждения столицы, подписал смету на переустройство восточной части Александровского парка. По ней через парк намечалось проложить прямую шоссеиную дорогу длиной 150 погонных саженей¹⁸ — она начиналась от дамбы строящегося нового Троицкого моста и вливалась в Кронверкский и Каменноостровский проспекты. Окончательный проект тротуара (с асфальтовым покрытием) принадлежит архитектору 8-го строительного участка Иосифу Ивановичу Дитриху (1858–1909).

Новацией (для Петербурга) являлось оставление в асфальтированном тротуаре кругов диаметром примерно 1,3 м и посадка в них деревьев. У их основания укладывались металлические круглые решетки.

30 ноября 1902 г. датирован счет в городскую управу от завода «Г. Неддермейер» на поставку 120 чугунных решеток («нижних кругов») общим весом 707 пудов 26 фунтов по 240 руб. каждая¹⁹. В тротуарные круги посадили липы.

Следующее участие завода Генриха Неддермейера в садово-парковом благоустройстве относится к 1904 г. В середине июня столичный градоначальник генерал-лейтенант И.А. Фуллон обратился с отношением к городскому голове об устройстве в городе двух скверов: у Семеновского моста через Фонтанку и по 19-й линии Васильевского острова, между Малым и Средним проспектами, вблизи Смоленского кладбища.

Генрих Неддермейер решил принять участие в обоих садовых проектах. В первом случае его (как и Художественно-строительно-слесарный завод «Карл Винклер») постигла неудача: конкурс выиграл чугунно-медно-литейный и механический завод Н.Г. Петрова²⁰.

Для устройства «вновь городского сада» по 19-линии Васильевского острова была создана специальная комиссия. Из журнала ее заседаний от 24 сентября 1905 г.:

Пункт 8. «Предмет дела» — «О заказе чугунных для деревьев решеток/кругов». «Заключение»: *«Заказать заводу Неддермейер, как уже изготовлявшему ранее такая-же решетки для городского садового хозяйства»*²¹.

Новый городской сад по форме представлял собой вытянутый прямоугольник длиной 473 м и шириной 34 м. И автором проекта, и организатором работ был В.И. Визе. К осени 1906 г. мостовую по 19-й линии замостили булыжником. Вдоль трех сторон сада положили асфальтовый тротуар. Ближе к его краю посадили 86 деревьев. К нынешнему дню от тротуаров на Каменноостровском проспекте и по 19-й линии «времен Неддермейера» не осталось ничего.

О других фактах из биографии Г.В. Неддермейера. С 1900 по осень 1914 г. он являлся членом правления Немецкого общества «Пальма».

Следует уточнить, что в Петербурге к концу 1900-х годов было четыре *самостоятельных* немецких общества «Пальма»: общество, общественное собрание, гимнастическое общество и общество стрелковое, располагавшихся по одному и тому же адресу. В данном случае речь идет о петербургском обществе «Пальма», история которого началась 20 октября 1862 г., когда министр внутренних дел утвердил устав Дома для призрения подмастерьев под названием «Пальма»²².

В уставе перечислялись цели создания, а именно:

- «1. Доставлять приезжающим в столицу и не имеющим работы подмастерьям пристанище, где бы они были предохранены от вредных влияний в нравственном отношении.
2. Содействовать этим подмастерьям в приискании работы.
3. Доставлять посетителям “Пальмы” подмастерьям средства к развитию их образования посредством чтений, обучения и пения.
4. Устраивать для подмастерьев безвредные в нравственном отношении увеселения (театры, гимнастические игры и пр.).
5. Помогать неимущим подмастерьям в бедности, при посредстве учреждения касс: вспомогательной и сберегательной <...>».

В уставе «Пальмы» не оговаривалась национальная принадлежность его будущих членов или ограничение членства владением каким-либо языком.

Параграфами устава определялся состав и основное содержание деятельности правления. Оно избирало «распорядителя» и должно было состоять из шести членов, из которых один — обязательно евангелическо-лютеранский пастор и двое — ремесленные мастера. В некоторых случаях в правление могли входить от 12 до 24 мастеров, «но без права голоса». *«Правление изыскивает средства к поддержанию Дома; определяет количество взноса от пользующихся помещением в Доме; составляет смету на содержание, контролирует приход и расход денежных средств»*²³.

Дом для призрения обосновался в каменном двухэтажном строении с жилым флигелем в Глухом (позднее Максимилиановском, сейчас Пирогова) переулке²⁴. Там и заседало правление, прекратив свою деятельность (вместе с обществом) на третьем месяце Первой мировой войны.

В год торжественного открытия петербургской «Пальмы» автор «Русского вестника» писал: «Если иностранные ремесленники, особенно германские, были так привязаны к своим цехам, то это легко объясняется тем, что западноевропейские цехи, кроме материальных выгод, представляли членам корпорации верную гарантию на случай старости или болезни. Русские цехи, основанные волею правительства, не вытекшие из потребностей народа, отнимали у ремесленника часть его ежегодного дохода, не давая ему ничего в настоящем и не обещая ничего в будущем»²⁵.

Ежегодное количество постоянных членов «Пальмы» составляло в среднем двести человек. Они вносили небольшую ежемесячную

плату. И имели право приглашать на мероприятия в «Пальму» своих знакомых «как гостей» (на платной основе).

С самого начала при «Пальме» имелось общежитие с «нумерами» разной комфортности. Селили как подмастерьев, так и «бывших без всяких занятий». Некоторым постояльцам постель, стол и одежда предоставлялись бесплатно. «Чистота и опрятность в этом уютном уголке немецких подмастерьев С.-Петербурга невольно поражает каж-даго», — отмечалось в журнале «Русский ремесленник»²⁶.

Члены правления, помимо прямых обязанностей, также хлопотали «о приискании живущим у них места». Заявки поступали к назначенному правлением управляющему хозяйством.

Составлявшаяся правлением смета расходов охватывала различные сферы повседневной жизни «Пальмы». Имелись хор, библиотека, «кабинет для чтения» (правление закупало до двух десятков немецких текущих изданий)²⁷. В конце 1870-х годов обустроен зал для общих собраний и театральные вечера, кегельбан, «столовые комнаты». Члены общества имели возможность заниматься музыкой, черчением. Одно время предмет «Рисование по моделям» вел архитектор и художник В.А. Шретер. На средства от пожертвований открылась школа «для здешних мастеров». Для желающих организовывались «особья» занятия по русскому языку и «правилам счетоводства». Круглогодично проводились общедоступные воскресные лекции (в том числе «для ознакомления... с разными новыми открытиями в части ремесел») и т.д.

Коллегами Неддермейера в правлении «Пальмы» были известные в столичной предпринимательской среде люди. Например, купец 1-й гильдии Эвальд Иванович Тильманс, германские подданные Дмитрий Георгиевич Шелье и Карл Людвигович Винклер²⁸.

Именно в период участия Генриха Неддермейера в правлении «Пальмы» кружок ее гимнастов (существовавший к этому времени почти пять десятилетий) в апреле 1909 г., после утверждения устава и записи в городской реестр, стал юридически самостоятельным обществом. Уполномоченными от кружка при подаче прошения об утверждении устава выступили петербургский купец Эдуард Карлович Шуберт и почетный гражданин Рудольф Рудольфович Фурман.

Из устава гимнастической «Пальмы»:

«Общество, исходя из принципа “Здоровый дух в здоровом теле” (Mens sana in corpore sano) имеет целью содействовать физическому развитию и укреплению человеческого организма и созданию здоро-

вых телом и крепких духом людей, а также распространение словом и делом здравых понятий о пользе гимнастических упражнений...»²⁹

К 1917 г. из всех четырех «Пальм» продолжало существовать только гимнастическое общество. Казначеем в нем служил Адольф Иванович Визе, брат бывшего городского садовника. С обоими Генриха Вильгельма Неддермейера связывали личные и деловые отношения.

И в начале, и в конце Первой мировой войны чета Неддермейеров оставалась в Петрограде³⁰. Однако завод на Ново-Сивковской улице перешел в другие руки. Причин тому было несколько, в их числе и те, что укладывались в русло двух развязанных и углублявшихся кампаний — борьбы с немецким засильем и шпиономанией. Вопрос в другом: *насколько* вынужденной была продажа завода? Пока более или менее определенного ответа нет.

24 сентября 1915 г. германские подданные Г.В. Неддермейер и А.В. Гармут заключили договор купли-продажи с инженером-технологом Рудольфом Брунсом³¹ и сыном потомственного почетного гражданина Карлом Петровичем Виттом. Завод продавался *«со всем оборудованием, инвентарем <...> активом и пассивом, торговыми правами, словом, всем без исключения, что только относится до означенного заведения, ничего не оставляя за собою...»*³²

К моменту продажи предприятие Неддермейера, помимо изделий из меди, поставляло детали для машин и станков на Гентелевский химический завод, химический завод «С.М. Кросновский», на завод, основанный Эммануилом Людвиговичем Посселем (подковы, шипы, винты, гвозди) — будущий Петроградский военно-подковный завод и акционерному обществу «Артур Коппель» (железнодорожные вагоны, платформы, цистерны, вагонетки). Названные предприятия выполняли *«казенные заказы для нужд действующей армии»*³³.

Завод на Ново-Сивковской был продан за 100 664 руб. 32 коп.³⁴ Однако договор предусматривал рассрочку платежа. Окончательно рассчитаться с Неддермейером и Гармутом новые владельцы должны были к 25 сентября 1924 г.

13 мая 1916 г. Николай II утвердил положения Совета министров об образовании «Особого комитета для учета убытков, понесенных в связи с войною русскими подданными вне России» и об обязательной заявке имуществ, принадлежащих «неприятельским подданным, товариществам, обществам и установлениям». Из заявления, подписанного Г. Неддермейером в августе в указанный Комитет, узнаем, что в его медно-котельной мастерской на Молвинской улице *«работы*

производятся для государственной обороны при посредничестве разных фабрик и заводов», к самому заведению приставлен «правительственный инспектор»³⁵.

Жена Генриха Вильгельма в своем заявлении в Комитет добавила: «Арендная же плата за мастерскую покрывает лишь расходы, дохода тоже не приносит»³⁶.

Кратко о судьбе бывшего завода Неддермейера. Производивший «чугунные и свинцовые отливки» в годы войны, насчитывавший на 1 января 1917 г. 105 рабочих, завод закрылся 29 декабря того же года. К 1 апреля следующего года официально на предприятии числились три человека³⁷. В середине 1920-х годов в доме 33 по Ново-Сивковской расположилось предприятие пищевой промышленности, а с 1927 г. и поныне каменное здание бывшего завода Неддермейера, надстроенное и расширенное, используется под складские помещения различными предприятиями и учреждениями.

Скончался Генрих Вильгельм Неддермейер 16 декабря 1920 г. О его последних годах жизни ничего выяснить не удалось. В архивных документах тех лет не найдено пока даже упоминания фамилии. А.М. Неддермейер пережила мужа на восемь лет.

У Генриха Вильгельма и Анны Михайловны было двое сыновей и две дочери. Меньше всего сведений удалось найти о старшем сыне Георге. Инженер работал и проживал (примерно с 1910 г.) на Ново-Сивковской улице, 16а, где располагалось предприятие Фридриха Тейхмана³⁸. Младший сын Николаус (Николай) родился в 1900 г., окончил гимназию. В первые годы нэпа торговал «в ларе в Екатерингофе». Около 1924 г. завербовался на Волховстрой³⁹. Далее его следы теряются. Дочь Неддермейеров Елена родилась в 1890 г., Маргарита — четыре года спустя. Старшая дочь окончила полный курс женской гимназии Е.М. Гедды, позднее работала в ней классной наставницей.

Примерно в 1910 г. соседями Неддермейеров по Молвинской ул., 13, стали братья Мартвихи⁴⁰. В документах, хранящихся в РГИА (Ф. 1284. Оп. 94, 95), есть сведения, в частности, о нескольких Мартвихах. В том числе об Артуре Робертовиче и Эдуарде-Роберте Ивановиче, немцах, прусских подданных, перешедших в русское подданство в середине 1890-х годов в двух небольших городках Волынской губернии и переехавших в Петербург.

В 1913 г. Елена Генриховна вышла замуж за Болеслава Ивановича Мартвиха. В годы Первой мировой войны он воевал на Западном

фронте в составе 87-й пешей Вологодской дружины Государственно-го ополчения в чине прапорщика⁴¹. В конце 1923 г. устроилась конторщицей на прядельно-ниточную фабрику «Советская звезда» (на Лифляндской ул.). Через десять лет экономист Елена Мартвих была лишена избирательных прав как «*бывшая германская подданная*»⁴². В марте 1942-го выслана из Ленинграда. После ссылки в Казахстан жила у сына (он был эвакуирован в годы блокады) в Новосибирске, где и скончалась в 1987 г.

Младшая дочь Неддермейеров вышла замуж за Виктора Артуровича Клавинга⁴³, годом ранее, в 1914-м, поступившего на юридический факультет Петербургского университета (однако не окончившего его по разным причинам). Проживала с мужем и детьми на Молвинской ул., не работала (в документах указывалось: «была на иждивении»). 30 декабря 1941 г. Маргариту Генриховну с мужем перевезли к дочери с Молвинской улицы на Лиговскую. Весной от истощения М.Г. Клавинг поместили в больницу им. Коняшина на Московском проспекте, тем самым она избежала высылки. Скончалась в больнице 19 июня 1942 г. Похоронил ее на Волковом православном кладбище зять, воевавший на Ленинградском фронте и оказавшийся в это время в городе.

1. РГИА. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 327. Л. 18.

2. Переименованная в 1948 г. в Сивашскую, улица была официально упразднена в 1964 г.

3. По городскому законодательству (1840), владеть (продавать, передавать по наследству и т.д.) можно было только недвижимое имущество, а собственно земля дач (участков) в Екатерингофском парке оставалась в собственности города: за нее платили установленную ежегодную арендную плату.

4. До начала 1901 г. — заключения письменного договора, нотариально заверенного, — аренда мастерской Неддермейером осуществлялась на основе устной договоренности между ним и П.С. Корчагиной. Текст договора 1901 г. см.: РГИА. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 327. Л. 21–22 об.

5. Проживающими ныне в Санкт-Петербурге Светланой Яковлевной Годиной и Александром Валерьевичем Клавингом.

6. Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1892 г. по 1 февраля 1893 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов. СПб., 1893. С. 746. Возраст Г.В. Неддермейера указывается и в аналогичных справочных книгах других лет издания.

7. ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 23. Д. 2563. Л. 83 об.

8. РГИА. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 327. Л. 19–20.

9. ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 23. Д. 2908. Л. 571 об. — 572.
10. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5632. Л. 23 об.
11. ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 20. Д. 95. Л. 1.
12. В 1911 г. в старом здании завода на ул. Лейхтенбергской вновь возобновилось чугунно-литейное производство (при новом владельце), на предприятии работало всего до 20 человек. Владелец завода стал Э.Т. Пальт (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 38. Д. 52. Л. 4—8).
13. Там же. Л. 10.
14. Скорее всего, участок № 33 по Ново-Сивковской ул. был куплен на паях. Средства у А. Гармута, судя по всему, имелись: в самом конце 1890-х годов владельцем механической мастерской («Ф.В. Михаэль, наследники») числилась София Гармут. Последние по датам изученные архивные документы с упоминанием А.В. Гармута датированы 1916 г.
15. Список фабрик и заводов Европейской России / Министерство финансов. СПб.: Типогр. В. Киришаума, 1903. С. 314.
16. Список фабрик и заводов Европейской России. М.: Л. и Э. Метцль и К°, 1910. С. 337.
17. ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 2. Д. 2. Л. 181.
18. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 123. Д. 154. Л. 5, 6.
19. Там же. Л. 153—154.
20. Там же. Л. 137, 138.
21. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 123. Д. 270. Л. 38—38 об. Решетки для сада изготовила мастерская Г.А. Гейдерриха.
22. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1917. Л. 2—5. Торжественное открытие «Пальмы» состоялось 24 марта 1863 г.
23. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1917. Л. 2—4.
24. Там же. Л. 10—15.
25. Рычков Н. О цехах в России и Западной Европе // Русский вестник. 1863. Т. 47. С. 819.
26. Полный текст с описанием начальной деятельности немецкого общества см.: «Пальма». Клуб ремесленников в Петербурге // Русский ремесленник. 1863. № 12. С. 12—15.
27. Например, “St.-Petersburgische Zeitung”, берлинский “Bundesbote”, лейпцигский “Illustrite Zeitung”, гессенский “Gewerbeblatt aus Grossherzogthum”. Имелись подшивки «Русского ремесленника» и эстляндской газеты “Perno-Postimees”.
28. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1917. Л. 131.
29. ЦГИА СПб. Ф. 287. Оп. 1. Д. 101. Л. 9.
30. Решением Совета министров от 3 декабря 1914 г. разрешалось оставлять на прежнем месте жительства германских и австрийских подданных, родившихся в России и проживших в ней свыше 25 лет либо такой же срок занимавшихся «личным трудом». А.М. Неддермейер получала справки из Управления градоначальника, в которых значилось: «Разрешено жительство

в Петрограде как бывшей до замужества русской подданной» (РГИА. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 329. Л. 8).

Германские подданные Г. Неддермейер и А. Гармут были (цитата из документа) «оставлены с разрешения властей на жительство в Петрограде» (ЦГИА СПб. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 227. Л. 48).

31. Полное имя Брунса: Рудольф Эймен Бенедикт Вильгельмович Александрович Брунс.

32. РГИА. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 328. Л. 2. О покупателях завода достоверных сведений очень немного. В конце 1900-х на Васильевском острове существовала фирма «Витт и К°» (экспорт льна, клея, семян и москательных товаров), а Р. Брунс указывался проживающим в одном доме с А.В. Гармутом в Химическом переулке, 5.

33. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 15. Д. 1914. Л. 15.

34. РГИА. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 328. Л. 2.

35. РГИА. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 327. Л. 18 об.

36. РГИА. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 329. Л. 7. Возможно, в связи с полным военным «перепрофилированием» мастерской она не показана в перечне 43 медно-котельных мастерских Петрограда на 1917 г. Добавлю, что А.М. Неддермейер на осень 1916 г. владела 19 паями Товарищества Тентелевского химического завода (РГИА. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 329. Л. 8; Д. 374. Л. 105–106).

37. Список фабрично-заводских предприятий Петрограда. По данным на апрель 1918 г. / СНХ Северного района. Пг., 1918. С. 21.

38. Это всё, что подтверждается опубликованными источниками. По сведениям В.В. Клавинга и А.В. Клавинга, Георг как германский подданный в 1905 г. был призван на службу в кайзеровскую армию, во флот, где прослужил два года. После 1918 г. переехал в Москву. Был директором фанерной фабрики. Умер в 1933 г. в возрасте 44 лет.

39. ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Д. 6301. Л. 6.

40. В документах, хранящихся в РГИА (Ф. 1284. Оп. 94, 95), есть сведения, в частности, о нескольких Мартвихах, в том числе об Артуре Робертовиче и Эдуарде-Роберте Ивановиче, немцах, прусских подданных, перешедших в русское подданство в середине 1890-х годов.

41. Согласно сохранившимся у потомков Б.И. и Е.Г. Мартвих, ныне проживающих в Новосибирске, документам (копии которых мне были предоставлены), в годы Гражданской войны Б.И. Мартвих воевал в Красной армии. Погиб, предположительно, после марта 1920 г., находясь на должности высшего командного состава 9-й Кубанской армии.

42. Выписка из решения народного суда 2-го отделения 1-го городского района Ленинграда // ЦГА СПб. Ф. 246. Оп. 1. Д. 12.

43. Отец тестя Генриха Неддермейера происходил из Старо-Розенской волости Веросского уезда Лифляндской губернии. Латыш. Его избранницей стала дочь немецкого ремесленника Елена Ивановна Бутлер (Helene Iohannis Buttler). Венчались в 1892 г.

Н.И. Иванова

З Ф ИЛИ Ф В КУБЕ

З Ф или Ф в кубе — так называли Федора Федоровича Фидлера в Петербурге. Его знал весь литературный город. Статья в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, написанная хорошо знавшим Фидлера С.А. Венгеровым, гласила: «...даровитый переводчик русских поэтов на немецкий язык». Венгеров написал также, что Фидлер «помещал отчеты о русском театре» в газете «St. Peterburger Herold»¹. Но он ни словом не обмолвился о литературном музее потомка поволжских немцев из Екатеринштадта (Самарская губерния), родившегося в Петербурге в 1859 г. и ставшего «рыцарем русской литературы». Это был первый в России частный музей, посвященный русским литераторам.

Фидлер окончил училище при Реформатской церкви, затем поступил на историко-филологический факультет Университета. Еще учась в училище, он увлекся русской литературой и начал собирать портреты писателей. Первая книжка переводов молодого автора на немецкий язык произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова была написана им в возрасте 20 лет и издана, но по каким-то причинам в продажу не поступила. В университете он продолжил покупать портреты и гравюры. «Только благодаря необычайной энергии и усидчивости коллекция достигла поистине громадных размеров и насчитывает теперь целые тысячи номеров», — писал Либрович². Но самым ценным, «своей святыней» Фидлер считал автограф Г. Гейне.

Фидлер преподавал немецкий язык в 1888 г. в пансионе Князевой-Шуйской. В дальнейшем он работал одновременно в гимназиях Гуревича и княгини Оболенской.

Этот человек обладал разносторонними талантами — переводчик и театральным критик, коллекционер и создатель музея. В газете «St. Peterburger Herold» появлялись серьезные критические статьи о новых постановках в петербургских театрах. Он издавал свои работы

не только в России. Практически ежегодно публиковались его произведения русских поэтов и писателей в Германии издательством «Реклама» (Reclam): Puschkin. Boris Godunow (1886); Vonwisin. Der Landjunker (1888); Puschkin. Der geistige Ritter. Mozart und Salleri. Der Steinerne Gast. Die Roussalka (1891); Ogarew. Waldwildniss (1892); Lermontow. Gedichte (1893); Gogol. Revisor (1894); Alexei Tolstoj. Gedichte (1895); Nikitin. Gedichte (1896); Puschkin. Gedichte (1897); Nadson. Gedichte (1898); Potapenko. Alt und Jung (1899); Fofanow. Gedichte (1900); Maikow. Gedichte (1901); Nekrasow. Gedichte (1902). Фидлер печатался в журнале «Nordische Rundschau». Так, под названием «Аллегорическая сказка» он публиковал рассказ В. Гаршина «Attalea princeps»³.

Сбор различных свидетельств жизни и деятельности русских писателей и поэтов стал смыслом «великого коллекционера»⁴ Фидлера. Как писал в неизвестной широкому кругу читателей книге журналист, писатель, историк Сигизмунд Либрович: «Вы напрасно будете искать учреждение с таким названием в списке петербургских музеев»⁵.

В музее Фидлера хранились портреты с дарственными надписями создателю этого уникального учреждения, письма писателей, карика-

Ф. Фидлер (справа) с К. Чуковским

туры, артефакты, групповые фотографии. В его коллекции находились книги с автографами Л. Толстого, Полонского, Майкова, Григоровича, Фета, Лескова, Данилевского, В. Гаршина, Надсона, Чехова, М. Горького и многих других менее известных литераторов. Без преувеличения можно сказать, что Фидлера знал весь литературный Петербург. Он общался с известными профессорами Петербургского университета О. Миллером и переводчиком на немецкий язык А. фон Видертом, знал немецкого поэта Боденштедта. В свой дневник Фидлер заносил данные о знакомстве с писателем и давал его краткую характеристику. Он бывал на премьерах Боборыкина в Александринском театре, печатался в журнале «Неделя» П. Гайдебурова.

Многих он приглашал домой⁶, с другими встречался на литературных встречах⁷, юбилеях, похоронах и т. д. Либрович указывал: «Чтобы собрать такую коллекцию, надо быть <...> немцем. Славянской натуре вообще, а русской в особенности не по нутру кропотливая работа по собиранию такой коллекции»⁸. 18 марта 1895 г. Фидлер впервые участвовал во встрече писателей в ресторане «Додон» — «обедах беллетристов». Как описывал встречу сам автор дневника: «Шутки и остроты так и порхали взад-вперед, один подтрунивал над другим»⁹. Принимал он участие и в «товарищеских обедах», начавшихся в 1858 г., в поэтических вечерах. В своем дневнике Фидлер упоминает многих писателей, поэтов, издателей, критиков. С некоторыми из них он состоял в длительных дружеских отношениях (Мамин-Сибиряк, Венгеров, Фофанов). Мамин-Сибиряк подчас оставался ночевать в квартире Фидлера. Его описание того или иного литератора четко и ясно, причем дается не только портрет, но и внутренняя характеристика. Так, о Владимире Соловьеве он написал: «У него вытянутое интеллигентное удивительное лицо, поражающее своей бледностью, густая шевелюра: черные, зачесанные назад волосы. Он выглядит как Христос или А. Доде, и один его внешний вид вызывает жгучий интерес <...> Его идеи самостоятельны, оригинальны и кажутся настолько фантастическими, что вызывают желание вступить с ним в спор»¹⁰. О писателе Шуфе сообщалось, что предки литератора происходили из Штутгарта. По приводимому свидетельству, его прадеда пригласила в качестве библиотекаря императрица Анна Иоанновна¹¹.

О том, насколько трепетно относился Фидлер к этой работе, говорит его запись от 22 июня 1898 г.: «...излишек аккуратности и мелочности здесь не повредит <...> по которым, возможно, история

литературы будет однажды вершить свой суд <...> я неизменно придерживаюсь строжайшей объективности»¹².

Среди артефактов в коллекции Фидлера находились бутылки и коробки от конфет с портретами писателей, а также «стакан, из которого пил известный писатель», и «толстая черная суковатая палка с прикрепленным к ней ярлыком — некий писатель отколотил одного критика»¹³. В его собрании хранились портреты с дарственными надписями Я. Полонского. В своем дневнике Фидлер не только давал портреты писателей, но и указывал их адреса, если встречи происходили на журфиксах, юбилеях, то адреса ресторанов и мест проживания того или иного писателя. Так, квартира И.И. Ясинского (литератор поселился в квартире дома по Бассейной ул.) состояла из кухни и двух комнат и была «крайне неприятна своей старомодностью: кресло и диван конца прошлого века, принадлежавших каким-то аристократам, а рядом с ними — современные стул и стол, бывшая собственность небогатого мещанина, во всем какая-то трухлявая жизнь, все асимметрично, пустынно и холодно»¹⁴.

Сам Ф.Ф. Фидлер проживал в 1915 г. на 9-й Рождественской ул., 22¹⁵.

Накануне смерти Фидлер обозначил отделы своего детища — «Литературного музея». Наименования подразделений:

1. Письма русских и иностранных писателей к самому Фидлеру.
2. Письма к другим лицам, переданные в полную собственность Фидлера.
3. Портреты русских и иностранных писателей.
4. Собрание карикатур на русских писателей.
5. Книги редкие в библиографическом отношении.
6. Книги русских и иностранных писателей с автографами.
7. Мемуары, озаглавленные «Из мира литераторов. Характеры и суждения».
8. Наклеенные в тетрадки вырезки из газет и журналов, касающиеся русских и иностранных писателей.
11. Альбомы открытых писем с портретами русских и иностранных писателей.
12. Предметы разного рода, являющиеся воспоминаниями о писателях¹⁶.

Ф.Ф. Фидлер скончался 24 февраля 1917 г. Федор Федорович Фидлер похоронен в семейном гранитном саркофаге «Литераторских мостков» Волковского кладбища вместе с женой Любовью Михайлов-

ной Соколовой-Фидлер (1869–1915) и дочерью Маргаритой Федоровной Фидлер (1888–1970).

Потрясения Октябрьской революции 1917 г. заставили его дочь Маргариту, преподавательницу музыки в музыкальной школе Пролеткульта, распродать богатейший архив отца. Часть материалов была продана известному коллекционеру, публицисту Александру Евгеньевичу Бурцеву (1863–1938). О знакомстве с Бурцевым Фидлер упоминает в своем дневнике.

Известно, что в настоящее время материалы также хранятся в петербургском Пушкинском Доме и РГАЛИ в Москве. В Российском государственном архиве литературы и искусства находится около 500 единиц хранения исторически ценных документов. «Во владельце и основателе коллекции соединились две счастливые противоположности, как раз подходящие для собрания русской литературской коллекции: он по происхождению немец, но любит от всей души русскую литературу, русскую литературную семью, постоянно возвращается в этой семье, знаком буквально со всем русским литературным миром, который, в свою очередь, ценит его и уважает как высокодаровитого переводчика Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина, Ал. Толстого, Майкова, Некрасова, Гоголя, Надсона, Фофанова, как составителя антологии русских поэтов п.з. «Der russische Parnass», как театрального рецензента петербургской немецкой газеты «Herold» и пр.»¹⁷

В 2008 г. в Пушкинском Доме прошли выставка и презентация 30-летнего труда К.М. Азадовского, посвященные Ф.Ф. Фидлеру.

Выставка материалов Ф.Ф. Фидлера в Пушкинском Доме.
Санкт-Петербург, 2008 г.

1. «St. Petersburger Herold» — немецкоязычная газета, выходившая в 1876–1914 гг.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1902. Т. 70. 658 с.; Busch Margarete. Deutsche in St. Petersburg 1865–1914. Essen, 1995. S. 175.

2. *Либрович С.Ф.* Фидлеровский музей русских литераторов. СПб.: книгопеч. «Труд и польза», б.г. 22 с.
3. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов. Характеры и суждения / вступ. ст. К.М. Азадовского. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 864 с.
4. Мое наименование.
5. *Либрович С.Ф.* Указ. соч. С. 1.
6. В 1915 г. *Ф.Ф. Фидлер* жил на 9-й Рождественской, 22. Как указывалось, статский советник, товарищ председателя кружка «Вечера Случевского», писатель, служил в училище ордена Св. Екатерины (Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1915 г. Пг., 1915. 711 с.)
7. Организатором литературных «пятниц» был Случевский, по смерти Случевского встречи стали называться «Вечера Случевского».
8. *Либрович С.Ф.* Указ. соч. С. 21.
9. Там же. С. 154.
10. Там же. С. 39.
11. Там же. С. 345.
12. Там же.
13. *Либрович С.Ф.* Указ. соч. С. 14.
14. *Фидлер Ф.Ф.* Указ. соч. С. 51.
15. Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1915 г. Пг., 1915.
16. *Азадовский К.М.* «Рыцарь русской литературы» (вступительная статья) // *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов. Характеры и суждения. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 7.
17. *Либрович С.Ф.* Указ. соч. С. 21.

О.А. Кривдина

**«ПРОСВЕТИТЕЛИ РОССИИ»
А.А. БИЛЬДЕРЛИНГА**

Рис. 1. Александр Александрович фон Бильдерлинг

Публикация статьи, посвященной обзору художественной деятельности генерала А.А. Бильдерлинга (рис. 1), в сборнике «Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв.» в 2013 г.¹ не исчерпала интереса к изучению его наследия. Ряд архивных материалов остался еще невыявленным. Без особого внимания исследователей хранятся в музейных собраниях рисунки Бильдерлинга, пока они не систематизированы, а часть зарисовок еще не обнаружена. На данном этапе не представляется возможным более детально проследить факты работы Бильдерлинга над проектами памятников и монументов, созданных по его рисункам скульптором И.Н. Шредером.

Деятельность Бильдерлинга, связанная с изданием книг, в его творческой биографии занимала значительное место. Ей предшествовало создание зарисовок во время военных действий, в которых

участвовал генерал, и выполнение отдельных листов акварелей и рисунков, экспонировавшихся с 1880 г. на выставках Императорской Академии художеств и Общества русских акварелистов. Графические работы Бильдерлинга были опубликованы в журналах «Нива», «Всемирная иллюстрация» и газете «Новое время»².

В коллекции рисунков Государственного Русского музея хранятся пять рисунков, имеющих подписи Бильдерлинга. Представлены два варианта подписи: «А. Бильдерлингъ» и «А. Bilderling». Акварель «В атаку» создана в 1885 г., в 1887 г. выполнен карандашный рисунок «Донской казак верхом». К 1897 г. относятся карандашные наброски «Всадники» на бумаге голубого цвета с использованием акварели. Рисунок «Портрет Анны Ивановны Киреевой» и акварель «Матрос» не датированы. Говоря о перечисленных работах, можно заметить тщательность выполнения рисунков и профессионализм, присущий Бильдерлингу-рисовальщику.

Прежде всего интересы генерала Бильдерлинга относились к военной проблематике, что было закономерно и проявлено им при издании книг: «Германия. Вооруженные силы» (СПб., 1875); «Пособие для военных разведок» (СПб., три издания: 1875, 1883, 1896); «Стародубские драгуны в рущукском отряде. Из воспоминаний о турецкой войне 1877–1878 гг.» (СПб., 1879); «Иппологический атлас для наглядного изучения верховой лошади» (СПб., 1889).

Помимо книг, имеющих прямое отношение к военному делу, Бильдерлинг подготовил художественное издание «Просветители России» (рис. 2), вышедшее в свет в 1894 г. Кратко мы касались этой темы в предыдущей публикации о Бильдерлинге, но значимость самой книги определила более пристальное к ней внимание.

Основной текст распределен на разделы: 1) «Духовно-нравственные просветители России»; 2) «Представители литературы»; 3) «Представители науки»; 4) «Представители искусств»; 5) «Общественные деятели»; 6) «Полководцы»; 7) «Представители казаков»; 8) «Представители флота». Все они, как писал Бильдерлинг, «наглядно знакомят с отечественной историей, вдохновляют юношество к служению родине, направляют все помыслы к прекрасному, к добру, зарождают высшие идеалы, создают достойных подражателей»³. Биографические тексты о знаменитых деятелях России сопровождаются рисунками, выполненными тщательно, с ориентацией на известные художественные произведения. Например, статуи М.М. Антокольского «Нестор-летописец», «Ермак» и «Петр I», статуэтка «Кузнец» Н. Жака, а фигура

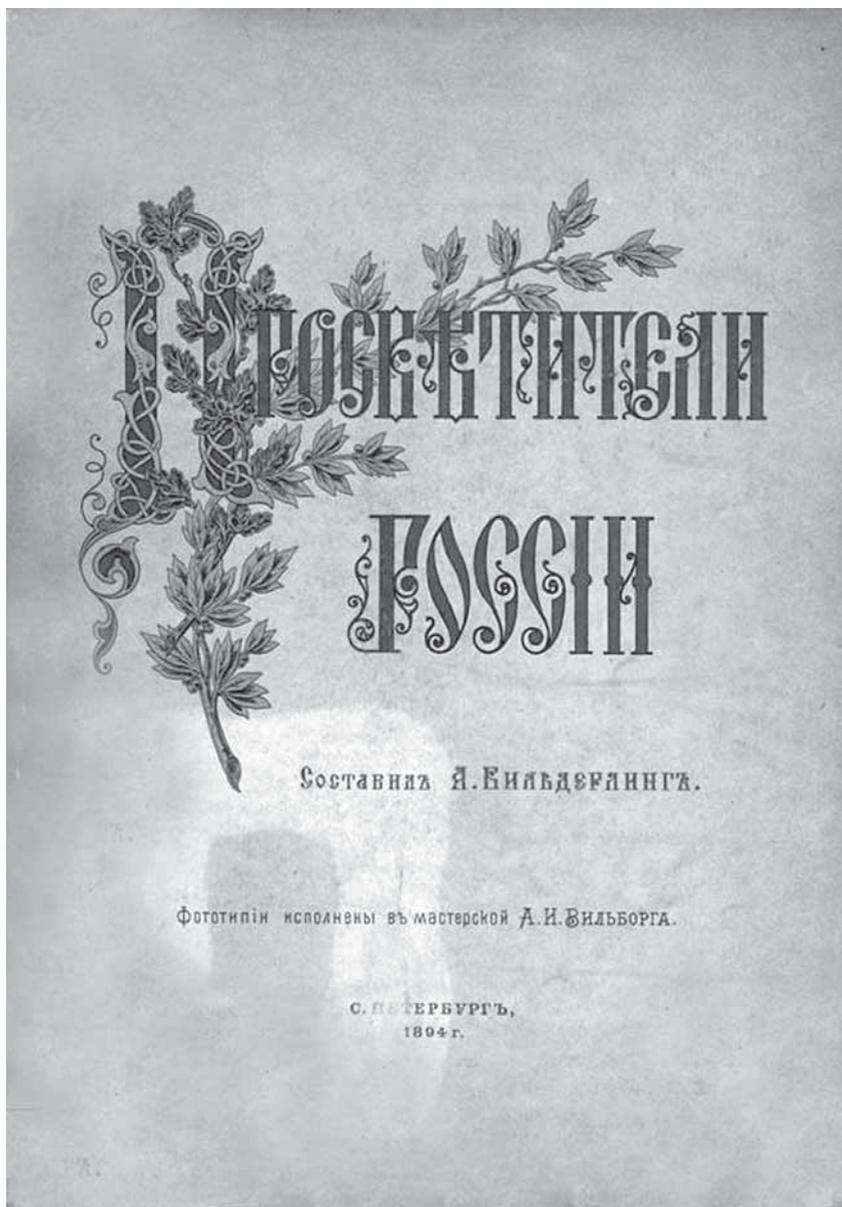

Рис. 2. Обложка книги «Просветители России»

сидящего в кресле Минина напоминает одновременно образы Ивана Грозного В.Г. Шварца и М.М. Антокольского.

Судя по рисункам, персональная выставка М.М. Антокольского в залах Императорской Академии художеств, проходившая в 1893 г., произвела на Бильдерлинга сильное впечатление. Для ряда рисунков он использовал воспроизведение статуй «Петр I» (рис. 3), «Нестор-летописец» и «Ермак» из «Альбома русской скульптуры. Произведения профессора М.М. Антокольского», изданного Ф.И. Булгаковым в 1893 г. в Петербурге. Зарисовки произведений скульптуры помещены на нейтральные фоны, только Петр I представлен на фоне набережной с видом на корабли.

Во вступлении к этому изданию сказано, что «в самых народных нравах хранится историческое чувство, которое спешит выразиться в своем поклонении национальным героям, воздвигая им достойные памятники, таков завет предков потомству»⁴. К выполнению этого завета прямое отношение имел А.А. Бильдерлинг. Говоря об этом, мы имеем в виду его многолетний труд по созданию проектов целого ряда известных памятников для российских городов.

Бильдерлинг писал: «Чем глубже национальное самосознание, чем выше развитие народа, тем сильнее проявляется в нем поклонение знаменитым просветителям родины, тем многочисленнее и величественнее памятники искусства, вещающие об их заслугах»⁵. О Сергии Радонежском написано: «Преподобный Сергий Радонежский <...> положил основание знаменитой Троице-Сергиевой лавры; был миротворцем среди князей в их спорах и несогласиях; вдохновил своим благословением Дмитрия Донского и русское воинство на борьбу с Мамаем»⁶. Например, об историке Н.И. Костомарове отмечено: «...как ученый историк, археограф и археолог может быть поставлен наряду с известнейшими европейскими историками. Главная заслуга Костомарова на поприще исследователя и бытописателя русского народа заключается в том, что он своими талантливыми историческими трудами поднял в русском обществе интерес к историческим судьбам русского народа, к изучению отечественной истории»⁷. Справедливость данной оценки не вызывает сомнения.

О знаменитом скульпторе и литейщике П.К. Клодте фон Юргенсбурге читаем: «П.К. Клодт как скульптор приобрел всемирную известность. Его славу составили группы коней на Аничковом мосту, копии с которых стоят в Берлине и в Неаполе. Кроме многих конных фигур, исполнил памятники Св. Владимира в Киеве, Николая I

Рис. 3. Изображение Петра I в книге «Просветители России»

в Петербурге и Крылова в Летнем саду. Клодт был членом Римской, Парижской и Берлинской академий. Большая заслуга его как профессора в том, что он первый указал на важность изучения живой природы в скульптуре и в этом направлении вел своих учеников»⁸.

Обратим внимание, что характеристики избранных героев при их краткости отличаются емкостью и объективностью оценок.

Кроме отмеченных иллюстраций, в содержании размещены изображения памятников-бюстов известным российским деятелям Сергию Радонежскому, А.С. Пушкину, М.В. Ломоносову, М.И. Глинке, Е.Р. Дашковой, А.В. Суворову, Богдану Хмельницкому, В.Я. Чичагову.

Завершая вступление, Бильдерлинг отметил: «Такое собрание изображений всех великих русских людей, устроенное в национальном музее при содействии лучших наших художников — зодчих, ваятелей и живописцев, представит величественный памятник отечественного просвещения»⁹.

Исключительное значение и актуальность описываемого труда побудили предпринять переиздание фрагментов книги А.А. Бильдерлинга в публикации О.А. Кривдиной и Б.Б. Тычинина «Очерки о скульптуре. Избранное» в 2017 г.¹⁰

1. *Кривдина О.А.* Художественная деятельность генерала А.А. Бильдерлинга // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII—XX вв. / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2013. Вып. 7. С. 137—144.

2. Бильдерлинг А.А. // Художники народов СССР: биобиблиографический словарь: в 6 т. М., 1970. Т. 1. С. 398—399.

3. Просветители России / Сост. А. Бильдерлинг. СПб., 1894. Вступление [без указ. стр.].

4. Там же. См. публикацию фрагментов книги «Просветители России» в кн.: *Кривдина О.А., Тычинин Б.Б.* Очерки о скульптуре. Избранное. СПб., 2017. С. 288.

5. *Кривдина О.А., Тычинин Б.Б.* Указ. соч. С. 289.

6. Там же. С. 300.

7. Там же. С. 316.

8. Там же. С. 332.

9. Там же. С. 293.

10. «Просветители России» в кн.: *Кривдина О.А., Тычинин Б.Б.* Очерки о скульптуре. Избранное. СПб., 2017. С. 284—347.

С.Е. Ивлева

**ПЕТР РОМАНОВИЧ ФУРМАН (1816–1856) —
ХУДОЖНИК, РЕДАКТОР, ПИСАТЕЛЬ**

Имя Петра Романовича Фурмана сейчас практически забыто. Между тем в 1840–1850-х годах в литературно-художественных кругах Петербурга он был чрезвычайно востребован как человек разносторонний, одинаково успешно занимавшийся несколькими направлениями художественной деятельности. Живописец, выпускник Академии художеств, он создавал рисунки для собственных литературных сочинений, был автором популярных самоучителей по рисованию и чрезвычайно востребованной энциклопедии усадебной архитектуры. Как редактор популярных изданий «Сын Отечества», «Иллюстрация», «Репертуар и Пантеон» он постоянно искал молодых и талантливых авторов, стараясь дать им дорогу в большую литературу. Став одним из основоположников детской исторической беллетристики, Фурман обосновал принципы педагогически верного изложения исторического материала для детской аудитории и сделал историческую книгу доступной юным читателям.

В кратких биографических статьях справочных изданий Фурман — прежде всего автор детских книг. Другие области его деятельности — художника и журнального редактора — практически неизвестны, но, несомненно, заслуживают внимания. Ведь среди людей, причастных к выпуску иллюстрированных журналов, именно Петр Фурман первым интуитивно почувствовал необходимость максимального взаимодействия редактора-издателя и художника. Можно сказать, что он предвосхитил появление такой важной для облика иллюстрированной книги фигуры, как художественный редактор.

Петр Романович Фурман родился 8 октября 1816 г. Его отец, потомок лифляндских немцев, землемер по профессии, определил мальчика на обучение в Петришуле. В октябре 1827 г. Петр Фурман

был принят «в воспитанники Императорской Академии художеств»¹. Далее он последовательно прошел все этапы академического обучения, выказывал достижения не только в художественных дисциплинах, но и получал «награды за успехи в науках», особенно в изучении иностранных языков².

В сентябре 1836 г. Фурман был отмечен серебряной медалью II степени за живопись³, представив «виды Екатерининского канала, 5 видов Ладожского озера и несколько копий»⁴. В том же 1836 г. при распределении по живописным классам Петр Фурман был зачислен к профессору Максиму Никифоровичу Воробьеву, художнику-романтику, тонко чувствовавшему взаимосвязь природы и архитектуры. Класс ландшафтной и перспективной живописи, которым руководил Воробьев, не был главным в академической иерархии, но он более всего отвечал художественным интересам Фурмана. Трепетную любовь к природе отмечали все знавшие художника. Кроме того, руководитель класса всячески поощрял стремление к расширению знаний у учеников. Так, с одобрения Воробьева, Фурман начал серьезно изучать теорию архитектуры, что, несомненно, способствовало успехам в перспективной живописи.

В конце 1838 г. Фурман получил звание «некласного» (свободно-го) художника за «Вид с природы от Круглого рынка»⁵. Он показал себя достойным учеником Воробьева, удостоившись похвалы критиков за завидное умение счастливо соединять природу и архитектуру. Наконец в июне 1842 г. профессионализм Фурмана был подтвержден высоким авторитетом Совета Академии, когда «некласный» художник Петр Фурман «по известным его познаниям по части живописи пейзажной» был признан «назначенным в академики»⁶.

В 1839 г. Фурман благодаря помощи друзей отца получил место учителя рисования в Удельном земледельческом училище. Училище подчинялось Департаменту уделов и располагалось на подведомственной департаменту территории — в Удельном парке. Специфика работы землеустроителей требовала умения изобразить на листе бумаги возможные проекты облагораживаемой территории, а навыков рисования ученики в основном не имели. Фурман с энтузиазмом принялся разрабатывать систему обучения основам рисунка для людей без специальной подготовки. В деле обучения землемеров рисованию он достиг больших успехов, был отмечен руководством департамента, «обратил на себя высочайшее внимание императора Николая Павловича, удостоившись получить от него в подарок золотые часы»⁷.

По семейным обстоятельствам (болезнь жены) в 1841 г. Фурман вынужден был покинуть училище. Но почти трехлетний опыт преподавания в специальном учебном заведении натолкнул его на мысль составить справочное издание для любителей загородного строительства и землеустройства. Так родилась «Энциклопедия русского городского и сельского хозяина — архитектора, садовода и землемера» с двумя отдельными альбомами рисунков⁸. Фурман сам написал текст для «Энциклопедии», выполнил иллюстрации (архитектурные и декоративные детали) и альбом рисунков — образцы усадебных приспособлений и машин. «Энциклопедия» вышла в 1842 г. и, кроме практической помощи сельским хозяевам и дачникам, привлекла заинтересованную публику удачным сочетанием литературных достоинств текста и его иллюстративного сопровождения. И хотя книга не принесла автору материальной выгоды, имя Петра Фурмана стало известно широкому кругу любителей сельской и дачной жизни.

Ободренный успехом «Энциклопедии» Фурман в 1843 и 1845 гг. выпустил два самоучителя по рисованию⁹, написанных и оформленных им самим. Он подытожил в этих книгах свой опыт преподавания рисунка, стараясь максимально доступно объяснить читателям, как можно научиться рисовать практически с нулевого уровня. Самоучители не обогатили Фурмана (немалая прибыль от их продаж досталась издателям), но об успехе «Школы рисования» и «Первоначального курса рисования» говорило то, что они были рекомендованы для ознакомления в гимназиях и военно-учебных заведениях как «отличающиеся четкостью и простотой изложения предмета»¹⁰.

В 1843 г. Фурману удалось получить место чиновника в Министерстве государственных имуществ. В его обязанности входило составление переводов для Ученого комитета. Свободное владение несколькими европейскими языками и превосходная литературная обработка переведенных текстов снискали ему в министерстве славу мастера-виртуоза, умеющего выразить чужую мысль точно, правильно и в изысканной форме. В издательских кругах Петербурга Фурмана ценили как переводчика французской беллетристики, особенно романов популярного Альфонса Карра.

Вдохновленный первыми литературными успехами, Фурман решил приступить к осуществлению давно задуманного плана — написанию цикла исторических повестей для детей. В 1843 г. вышла его повесть «Записки Петра Ивановича»¹¹, которую он сопроводил собственными рисунками. В следующем 1844 г. он опубликовал книгу

«Сын рыбака. Михайло Ломоносов»¹², где также сам выполнил рисунки к тексту. Далее каждый год (до 1850 г.) выходила новая книга для детей, где Фурман рассказывал о знаменитых исторических личностях: Петре I¹³, его сподвижнике Александре Даниловиче Меншикове, князе Григории Потемкине, Александре Васильевиче Суворове. Детская историческая повесть была, по сути, создана Петром Фурманом и стала частью культурного быта не одного поколения юных читателей.

Круг литературных связей Фурмана постоянно расширялся, он отдавал все больше предпочтения писательскому труду, но еще старался совместить литературу и изобразительное искусство. В 1844 г. известный писатель, издатель «Художественной газеты» Нестор Васильевич Кукольник пригласил Фурмана в новое масштабное предприятие. Кукольник задумал издавать еженедельный энциклопедический иллюстрированный журнал «Иллюстрация» и сделать его художественной хроникой жизни России и Европы. Работа в журнале «Иллюстрация», хотя по времени и была непродолжительной (чуть больше года), стала одним из самых важных этапов биографии Фурмана. Именно в этом журнале Петр Романович смог соединить свой опыт писателя и художника. Фурман не просто разделил с Кукольником «все труды и занятия по редакции»¹⁴. Он стал одним из главных создателей художественного облика «Иллюстрации», автором структуры его графического построения и, кроме того, нескольких статей и рисунков к ним. Тема путешествий по России, по замыслу Кукольника, должна была стать ведущей и выполнять в журнале просветительские функции. Программный раздел «Путешествие по всей России» открывал очерк Фурмана о Нарве, ее истории, жителях, их быте. Рассказ был написан на основе личных впечатлений. Незадолго до выхода номера редакция отправила Фурмана ознакомиться с Нарвой и Ревелем, изучить городские предания, сделать зарисовки с архитектурных памятников. Очерк печатался в двух номерах и сопровождался иллюстрациями: «Вид двух крепостей на Нарве» (рис. 1), «Дом Петра Великого в Нарве» (рис. 2), «Нарвский водопад» (рис. 3)¹⁵. Для журнала их с рисунков Фурмана гравировали на дереве Карл Клодт и Георгий Линк. Ксилографии-политипажи были эффектно расположены в тексте, состоявшем из трех столбцов набора, каждая из иллюстраций занимала треть страницы. Такое расположение иллюстративного материала, ставшее характерной особенностью оформления журнала, его особым стилем, было придумано Фурманом и сохранялось все годы существования

Рис. 1. Вид двух крепостей в Нарве (источник: Иллюстрация. 1845. № 3)

Рис. 2. Дом Петра Великого в Нарве (источник: Иллюстрация. 1845. № 3)

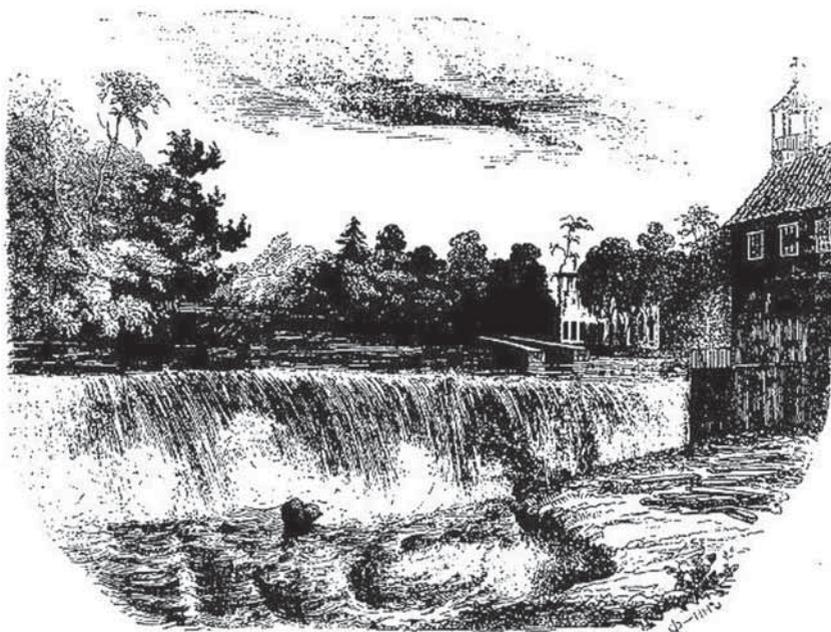

Рис. 3. Нарвский водопад (источник: Иллюстрация. 1845. № 4)

журнала (до начала 1849 г.). Очерк о Нарве впоследствии даже вышел отдельной книгой с фурмановскими иллюстрациями¹⁶. Весь 1845 г., помимо написания очерков, Петр Романович следил за художественным качеством издания, соединял текст с иллюстрациями, делая их слияние органичным, и был, по сути, художественным редактором журнала «Иллюстрация». И во многом благодаря его стараниям номера за 1845 г. стали образцовыми и навсегда остались примером художественного качества.

В 1846 г. Фурман покинул журнал и отправился на лечение за границу. После возвращения он посвятил себя детской книге и всецело занялся литературой. Показательно, что большая часть художественного наследия Фурмана осталась только иллюстрациями в его книгах и журнале Нестора Кукольника.

В 1890-х — начале 1900-х годов почти все литературные произведения Фурмана переиздал известный петербургский книгопродавец Николай Гаврилович Мартынов¹⁷ в многотомной серии «Детская

историческая библиотека» и отдельными книгами. Скорее всего, именно мартыновское издание повести «Саардамский плотник» упоминалось в «Белой гвардии» М. Булгакова как «символ домашнего очага». Переиздавались повести Фурмана (в основном «Саардамский плотник») и в советское время¹⁸.

Умер Петр Романович Фурман в январе 1856 г. от чахотки, не дожив до 40 лет, был похоронен на Смоленском кладбище Петербурга.

1. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П.Н. Петрова. СПб., 1865. Ч. II: 1811–1843. С. 226.

2. Там же. С. 248.

3. Там же. С. 345.

4. Русский биографический словарь. Фабер–Цявловский. СПб., 1901. С. 253.

5. Там же.

6. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской академии художеств. Ч. II. С. 431.

7. Стоюнин В. Несколько слов о П.Р. Фурмане. // Северная пчела. 1856. № 39. С. 208.

8. Энциклопедия русского городского и сельского хозяина — архитектора, землемера и т.д. / Сост. П. Фурман. СПб.: изд. книгопродавца В. Полякова, [1842]. Ч. 1–2.

9. Фурман П. Школа рисования с объяснением правил перспективы и теории эффекта. Самоучитель с 27 раскрашенными гравюрами и 30 поли-типажами / Сост. П. Фурман. СПб.: в тип. И.П. Бочарова, 1843; [Фурман П.Р.] Первоначальный курс рисования, содержащий простое и ясное руководство к изучению этого искусства без помощи учителя с рисунками / Сост. П. Фурман. СПб.: изд. книгопродавца В. Полякова, 1845.

В 1845 г. «Школа рисования...» была повторно напечатана у типографа М.Д. Ольхина.

10. Стоюнин В. Указ. соч. С. 208.

11. Фурман П.Р. Записки Петра Ивановича. СПб.: тип. М.Д. Ольхина, 1843.

12. Фурман П.Р. Сын рыбака. Михаил Васильевич Ломоносов. Повесть для детей / Сочинил и украсил 8 картинами П. Фурман. СПб.: [тип. М.Д. Ольхина], 1844.

13. Фурман П.Р. Саардамский плотник. Повесть для детей / Сочинил П. Фурман. СПб.: в тип. Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1847.

14. От редакции // Иллюстрация. 1845. № 12. С. 177.

15. Фурман П.Р. Нарва // Иллюстрация. 1845. № 3. С. 37–40; № 4. С. 49–52.

16. *Фурман П.Р.* Нарва. Нарвская легенда. Исторический рассказ. СПб.: изд. Н.Г. Мартынова, 1899.

17. Мартынов Николай Гаврилович (1843–1915) — петербургский книго-торговец и издатель.

18. *Фурман П.Р.* Саардамский плотник // Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX в. М., 1989.

Н.В. Кольшницына

ЛУКИАН АДАМОВИЧ МИЛЛЕР

Во второй половине 1860-х годов в связи с проведением реформы средней школы становится очевидным недостаток учителей гимназий, и в первую очередь по гуманитарным предметам. Существовавшие при Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском, Киевском и Дерптском университетах педагогические курсы этой проблемы не решали, а уровень подготовки их выпускников не соответствовал требованиям времени. По мнению Министерства народного просвещения, лучшим средством устранения этой проблемы могло стать учреждение специального института, целью которого была бы подготовка учителей историко-филологического направления.

27 июня 1867 г. именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, в Петербурге был учрежден «особый императорский Историко-филологический институт», специально предназначенный для подготовки учителей по гуманитарным предметам для средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения¹. Однако далеко не сразу удалось укомплектовать штат преподавателей этого института, своих специалистов по многим дисциплинам еще не хватало, приходилось приглашать преподавателей из других стран, в первую очередь Германии, университеты которой были ведущими центрами подготовки филологов-классиков.

В 1870 г. начались активные поиски преподавателя кафедры латинского языка. Вследствие нехватки специалистов в России руководство Историко-филологического института обратилось к зарубежным коллегам. Активную помощь в поиске подходящей кандидатуры оказал профессор Лейпцигского университета Фридрих-Август Экштейн². Первоначально он рекомендовал обратиться с подобным предложением к Адольфу Кисслингу³, но профессор Гамбургского

университета отказался от переезда в Россию. Тогда директор института И.Б. Штейнман, по совету все того же Ф.-А. Экштейна, обратил свое внимание на подающего надежды доцента Боннского университета Луциана Миллера (Lucian Müller). После их личной встречи осенью 1870 г. Л. Миллер дал принципиальное согласие, и в октябре 1870 г. на заседании Конференции Историко-филологического института была проведена его баллотировка на должность ординарного профессора римской словесности института. Он был избран девятью голосами против одного⁴.

Луциан (в России — Лукиан Адамович) Миллер родился 5 (17) марта 1836 г. в немецком городе Мерзебурге в семье врача Фридриха Миллера. В трехлетнем возрасте лишился отца, а затем и матери. Первоначальное образование Л. Миллер получил в гимназии св. Иоахимма в Берлине. Он активно занимался у Августа Майнеке⁵ и получил основательные знания по грамматике, стилистике, просодии и метрике латинского языка⁶. По воспоминаниям Б.В. Варнеке⁷, несмотря на то что его первые шаги в латыни были не очень удачны (в первом своем латинском extemporale он сделал 10 ошибок), вскоре ситуация изменилась. «Ему попала под руки большая грамматика Цумпта, по которой учились в старших классах. Множество примеров, собранных в этой книге, заинтересовало Лукиана Адамовича, и много раз перечитывал он ее с начала до конца; поэтому латинский язык Миллер основательно изучил гораздо раньше своих товарищей, а постоянное чтение римских классиков сделало то, что латынь чуть не на школьной скамье стала для Миллера родной речью»⁸.

В 1854—1861 гг. Л.А. Миллер завершил свое образование в Берлинском университете⁹, где обратил на себя внимание Августа Бека¹⁰. Кроме того, в 1855 г., уже будучи студентом, он прослушал курс в Халле у Готфрида Бернхарда. Тем не менее на его взгляды в области филологической критики большее влияние оказал не Август Бек, а Август Майнеке и Карл Лахманн¹¹. Свои взгляды на критический анализ античных текстов Л.А. Миллер изложил в 1861 г. в работе «De re metrica poetarum Latinorum praeter Plautum et Terentium libri septem».

После окончания университета Л.А. Миллер некоторое время прослужил преподавателем классической гимназии, а в 1862 г. переехал в Нидерланды, где зарабатывал на жизнь в качестве домашнего учителя. В это время он начал составление обзора по истории филологии Нидерландов «Geschichte der klassischen Philologie in den Niederlanden», который был окончен уже в Бонне в 1869 г.¹², куда в 1867 г.

Лукиан Миллер был приглашен на должность доцента Боннского университета¹³. Осенью 1870 г., как уже упоминалось, его пригласили в Петербург. Однако сразу приехать он не смог и написал И.Б. Штейнману, что в данный момент у него еще остаются лекции в Боннском университете, которые необходимо закончить, и если предлагаемое место останется вакантным до начала декабря, он согласен занять кафедру¹⁴. 25 ноября 1870 г. Л.А. Миллер получил от Министерства народного просвещения 250 руб. на путевые издержки и перебрался в Петербург¹⁵.

Вся дальнейшая жизнь, с конца 1870 г. до смерти в 1898 г., Л.А. Миллера связана с Историко-филологическим институтом. Все свои силы и энергию он отдавал педагогической деятельности, которая всегда привлекала его, поскольку Лукиан Адамович считал подготовку учителей для гимназий первостепенной задачей любого филолога-классика¹⁶. Помимо преподавания в Историко-филологическом институте, в начале сентября 1873 г. правление Римско-католической духовной академии пригласило Л.А. Миллера занять должность профессора латинской словесности и греческого языка. Профессор выразил свое согласие и 15 сентября 1873 г. был утвержден в этой должности¹⁷.

По прибытии в Россию Л.А. Миллер получил чин статского советника, затем — действительного статского советника¹⁸. Имел ордена св. Владимира 3-й степени, св. Анны 2-й степени и св. Станислава 2-й степени, св. Станислава 1-й степени, св. Анны 1-й степени.

Среди документов фонда Петроградского историко-филологического института (Ф. 53 в ЦГИА СПб.) сохранились записки о курсах Л.А. Миллера. За разные годы они отличаются различной полнотой информации, но в целом дают отчетливое представление о читаемых курсах по истории римской литературы. На младших курсах он занимался со студентами переводами с греческого языка на латинский «Анабасиса» и «Меморabilia» Ксенофонта, а также переводами с русского на латинский по учебнику Фохта «Материалы для упражнений в переводах с русского языка на латинский». Для студентов старших курсов разряда древних языков читался курс истории римской литературы с древнейших времен, в рамках которого речь шла о происхождении и свойствах латинского языка, древнейших латинских памятников, а также рассматривались биографии и произведения Ливия, Андроника, Невия, Плавта, Энния, Цецилия, Теренция, М. Цицерона и его брата, Цезаря, Корнелия Непота, Саллюстия,

Лукреция, Катулла, Вергилия, Горация, Овидия, Тибулла, Проперция, Флакка, Тита Ливия¹⁹. Из авторов особое внимание обращалось на различия между современниками Цезаря и Августа, из произведений в первую очередь рассматривались те, которые изучались в курсе средней школы. Все лекции он читал на латинском языке, и, как вспоминал Б.В. Варнеке, «малейшая попытка студента воспользоваться русской речью встречала отпор в добродушном «не понимаю по-русску»²⁰.

Готовясь к лекциям, Лукиан Адамович всегда придерживался правила, что профессор-классик должен ориентироваться главным образом на тех студентов, которые впоследствии станут преподавателями гимназий: «Лектор всегда применялся к познаниям своей аудитории, стараясь, чтобы ничто не осталось невыясненным для студента; сообщались главным образом те сведения, которые необходимы для будущего гимназического учителя, и никогда нельзя было заподозрить Л.А. в желании поразить глубиной своих познаний. Слушатели не утопали в море непереваренных цитат, и их внимание не отвлекалось от объясняемого текста пространными экскурсами». В то же время «лекции были очень сжаты и носили строго фактический характер, но Л.А. любил на них иногда по поводу того или иного вопроса пускаться в подробности, подчас крайне интересные. Такое отступление всегда предвещалось фразой: *ut obiter dicam*²¹, и тут-то всякий интересующийся предметом студент настораживал уши. Эти отступления обыкновенно посвящались сообщению результатов собственных, иногда еще не опубликованных, изысканий лектора или же представляли отклик на существовавший в науке спор. Это придавало лекциям Л.А. значительный интерес, усиливаемый еще тем, что слушателям сообщались не выдержки из чужих книг, а плоды самостоятельных наблюдений человека громадной опытности»²².

Для домашнего чтения чаще всего использовались такие произведения, как «*De amicitia*» («Лелий, или О дружбе») и «*De officiis*» («Об обязанностях») Цицерона, оды Горация, «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» Вергилия, «Анналы» Тацита²³. Помимо обязательных лекций для студентов, Л.А. Миллер проводил и так называемые лекции *privatissime*, на которых читал два раза в неделю комедию Плавта «*Miles gloriosus*» («Хвастливый воин»)»²⁴.

Начав преподавание в Историко-филологическом институте, Л.А. Миллер обратил внимание на отсутствие серьезных учебных пособий и постарался по мере сил исправить это. В первое десятилетие

его пребывания в России он выпустил несколько учебных пособий для гимназистов и начинающих филологов, в первую очередь по метрике (они получили очень высокие оценки специалистов)²⁵. Сам Лукиан Адамович отмечал: «Преподавание в гимназии древних языков имеет целью развить умственные способности учеников, а также их фантазию и внушить им любовь к классической древности, особенно к поэтическим произведениям древних». И далее: «...вследствие частото пренебрежения метрикой для учеников утрачивается значительная часть прелести поэзии древних. Всякий педагог знает, что скандовка стихов для учеников даже старших классов представляет много затруднений и что эта трудность зачастую развивает и поддерживает в учениках нерасположенность к чтению древних авторов, между тем как размеры читаемых в гимназии классиков суть самое изящное создание гения древних языков. Вселить в учеников любовь и знание метрического искусства древних так, чтобы молодые люди, и оставив школу, сохранили понимание его красоты, — вот цель моего учебника»²⁶. Такую же цель он ставил и в работе со студентами, считая основным методом изучения объяснение явлений древней метрики и просодии с точки зрения языка²⁷.

В начале 1870-х годов в институте обсуждался вопрос о курсовых сочинениях студентов двух старших курсов. Профессора и преподаватели по русской и всемирной истории и русской словесности однозначно высказались за написание курсовых работ, а вот А.К. Наук²⁸ и Л.А. Миллер считали, что для студентов будет достаточно сложно справляться с филологическими темами, что такие работы для них преждевременны и лучше заменить курсовые усиленным чтением авторов. Однако Л.А. Миллер в виде исключения все же разрешил лучшим студентам написать такие курсовые работы²⁹. Это были сочинения по истории римской словесности, составленные на латинском языке. Так, в 1878/79 уч. г. были рассмотрены три сочинения: Льва Соколова «Aeneidos Vergilii libri XII partis prioris elisionum exemplo et rationes inter se comparantur» (дается разбор законов элизии, ее употребление у разных авторов), Михаила Ивановского «In Sallustii Catilinae archaism demonstrantur» (рассматривает архаизмы флексий и орфографии, синтаксис и лексику Саллюстия) и Шмидта фон дер Лауница «Taciti annalium libri primi elocutionis poeticae exemplo colligantur et collecta illustrentur ratione habita maxima Vergilii» (рассматривает словообразование и лексику, обращая в первую очередь внимание на те слова, которые или не встречаются у прозаиков до Тацита или встре-

чаются очень редко)³⁰. Все три работы были достаточно высоко оценены членами Конференции, отмечалось, что они написаны «чистым и исправным», а порой и «изысканным» латинским языком, было указано только на мелкие, незначительные их недочеты.

К сожалению, сохранилось чрезвычайно мало сведений о практике преподавания Л.А. Миллера. Один из его воспитанников, Б.В. Варнеке, впоследствии в своих воспоминаниях о студенческих годах так писал о нем: «...что особенно привлекало студентов в Л.А., так это его с ними обращение, проникнутое замечательным благодушием и доброжелательством. Беспощадный судья и злой критик других ученых умел быть чрезвычайно мягким по отношению к студентам, несмотря на всю строгость своих требований. Не было случая, чтобы профессор позволил себе задеть личность студента; никогда не гнался он за эффектами безнаказанного остроумничанья, и если шутил иногда над промахами студента, то всегда умел облекать свои шутки в такую невинную форму, что первым смеялся тот, в чей огород летел камень. На лекциях не было ни глумления над студентами, ни заискивания перед ними путем разных комплиментов и громких фраз; в аудитории всегда происходила тихая, скромная, но зато серьезная работа. И за порогом аудитории Л.А. был так же внимателен к студенческим нуждам: студент смело шел к нему со всякой просьбой, зная, что встретит самое сердечное отношение»³¹.

Преподавание в институте Л.А. Миллер вел на латинском языке, при этом «латынь его — а другого языка он просто не мог допустить (по-русски научиться не смог за 30 лет ничему, кроме “уличных” слов, а по-немецки из студентов говорило ничтожное меньшинство) — лилась свободно, и это мне лично послужило на великую пользу в зарубежных семинарах, участники которых на этот счет были куда слабее институтцев»³². При этом Б.В. Варнеке считал, что незнание Л.А. Миллером русского языка было проблемой: «На чужом языке поневоле стараешься спастись в привычных рамках готовых фраз, чтоб мысль свободно работала над содержанием, но оно роковым образом как раз из-за этого лишается глубины, пропадают все тонкости и оттенки, в каких и сказывается ум преподавателя. Л.А., конечно, владел латинской речью неизмеримо выше, чем я и мои коллеги украинским³³, все же слушателям-то его латынь была плохо доступна, и из-за этого они были неспособны при всем желании схватить глубокое содержание его лекций. За границей — то же самое. Но там латынь в ходу только в семинарах, участники которых на немецких лекциях общего характера

имеют полную возможность вполне оценить высоту изложения своего профессора»³⁴. Порой это приводило к конфликтам. Так, в 1874 г. Лукиан Адамович отказался принимать экзамен по латинским авторам на русском языке у славянских стипендиатов, предложив им на выбор в качестве языка общения немецкий, французский или итальянский. Это было расценено экзаменуемым как оскорбление³⁵.

Лукиан Адамович Миллер обращал большое внимание на необходимость для преподавателя классической древности постоянного «контакта» с латинскими и греческими авторами. При этом профессор считал, что научное домашнее чтение филолога должно быть двоякого рода: курсорное и «non multa, sed multum»³⁶. Своим ученикам и читателям он советовал некоторых авторов читать целиком, внимательно и педантично, чтобы «вполне ознакомиться не только с содержанием авторов, с их духом и мирозерцанием, с материальными и формальными особенностями, с эстетическими преимуществами и недостатками, но и с научными вопросами и исследованиями, которых они были предметом, и с главной ученой литературой, касающейся их. Только таким образом можно приобрести ту точность и тонкость, которая особенно необходима для филологических исследований. Вместе с тем такое внимательное чтение способствует приобретению филологического метода и упражнению в нем»³⁷. Но он отмечал и необходимость курсорного чтения многих и самых разнообразных классических авторов, чтобы «не потерять светлости и эластичности духа и чтобы ознакомиться с духом целой древности»³⁸. При этом заниматься, по его мнению, следовало такими авторами, которые отличаются либо эстетическими достоинствами, либо важностью содержания и способствуют правильной оценке и основательному пониманию древности. Такое чтение, как и чтение книг новых авторов, должно быть «без критических замыслов», поскольку «только таким образом можно добиться необходимой для филолога начитанности, без чего нельзя представить себе живой и обширной картины древнего мира»³⁹. И опять же упор делался на латинских авторов. Б.В. Варнеке отмечал у Л.А. Миллера равнодушие ко всему греческому, кроме Гомера. По мнению Б.В. Варнеке, в результате этого пренебрежения сильно потерял комментарий Л.А. Миллера к одам Горация. Кроме того, Л.А. Миллер не любил, когда греческих авторов читали другие. В воспоминаниях Б.В. Варнеке рассказывается о том, что, когда он, навещая больного Миллера, рассказал ему, что ежедневно читает древних авторов, чередуя греков и римлян, последний

заметил, что такая смесь станет только мешать, и советовал придер- живаться латинских авторов⁴⁰.

В 1884 г. Л.А. Миллер высказал на заседании Конференции инсти- тута предложение о введении для студентов специального курса ар- хеологии искусства. Однако в 1884 г. это предложение не было реали- зовано за отсутствием преподавателя и средств на его оплату⁴¹.

В 1879 г. Л.А. Миллер был приглашен и для чтения лекций по палеографии в Археологический институт⁴². Слушателям этого инсти- тута в течение ряда лет Л.А. Миллер читал курс латинской палеогра- фии, в ходе которого он излагал ее приемы, рассказывая подробно о форме букв, сокращениях слов или частей слов, разделении слогов или частей слов, знаках препинания и ударениях. Подробно разъяс- нялось при этом, как следует сличать или списывать рукописи. Сам Л.А. Миллер считал палеографию одной из важнейших дисциплин для историка: «Умение разбирать памятники письменности не пред- ставляет ничего таинственного или случайного. Надо ему выучиться методически, и при этом мы нуждаемся в знаниях разного рода. Надо вполне владеть языком, на котором составлен найденный памятник; потом нужно основательное знание исторических отношений и дан- ных, изучение слога и вместе с тем образа мыслей и мирозерцания автора, наконец, научный метод, пользуясь которым мы можем в сом- нительных случаях отличать ложное от верного или вероятного. Но всего это недостаточно без знания палеографии. Часто знание палеографии служит единственным средством для определения века и происхождения письменного памятника»⁴³.

Будучи сам вдумчивым и весьма дотошным издателем памятников древней письменности, Л.А. Миллер не просто делился собственным опытом и предостерегал от характерных ошибок, он старался наце- лить на методичный и скрупулезный труд и постоянно повторял: зна- ние палеографии необходимо для того, чтобы быть в состоянии верно издать текст памятника. Он указывал: «Изданию текста должно, ко- нечно, предшествовать обстоятельное описание рукописи относи- тельно ее содержания, времени и палеографических особенностей. Не следует скрывать от читателя, если в перечне вариантов маловаж- ные подробности, как, например, отступление от орфографии руко- писи или знаков препинания, пропущены», нужно помнить, что «древние рукописи редко копировались обычными писцами без оши- бок», «соображения издателя должны помогать передаче источников. Он должен испорченные места исправлять, пробелы дополнять, и то

и другое по законам критики», «когда текст документа надлежащим образом восстановлен, то под ним следует понимать все варианты рукописей, чтобы читатель всегда был в состоянии знать, что каждая рукопись содержит в себе и чего нет», и сразу предостерегает, что нельзя, «не разобрав того или другого места в тексте, не упоминая даже о вариантах, просто ставить в тексте догадку, даже в том случае, даже если она не имеет за собой ни малейшей палеографической вероятности и при том не соответствует ни смыслу, ни законам языка. Иногда смысл целого документа искажается ложным чтением или даже разделением одного слова»⁴⁴.

После знакомства с биографией Лукиана Адамовича, его научными работами и отзывами современников поражает редкое сочетание целеустремленности, продуктивности и духовной глубины его личности. Обладая от природы неиссякаемым запасом энергии и трудолюбия, он с равным успехом сумел реализовать себя как в педагогической, так и в научной сферах деятельности. Центральной, направляющей идеей здесь было неукротимое стремление к истине. В своих научных трудах он исключительно сосредоточился на критике и исправлении текстов древних латинских авторов. К этому разряду работ относятся, в частности, публикации произведений Федра и Горация. Подготовка текстов рукописей проводилась на основе принципов, которые были изложены им на лекциях в Археологическом институте, восходящих к учению К. Лахмана: вначале собрать все разночтения (варианты) имеющихся рукописей, затем исключить из рассмотрения те рукописи, которые, судя по разночтениям, переписаны с других. Затем таким же образом объединить в семьи рукописи, восходящие к одному промежуточному архетипу, а после этого методом ступенчатой реконструкции восстановить архетип, то есть исходную рукопись, к которой восходят все имеющиеся. Только после этого издатель может предлагать свои конъектуры и другие исправления, которые не базируются непосредственно на документальных свидетельствах.

В 1875 г. Л.А. Миллер активно занимался подготовкой издания басен Федра. Будучи весьма скрупулезным и дотошным ученым, при подготовке этого издания он слыхал различные сохранившиеся тексты римского поэта. Как известно, басни Федра дошли до нас в двух изводах, один из которых (более полный) хранится во Франции и представлен двумя рукописями IX–X вв. — Пифеевской и Реймской, тексты которых совпадают почти полностью и списаны с общего оригинала. Всего в этом изводе 103 басни, текст записан без разде-

ления на стихи под названием «*Fedri Augusti liberti liber fabularum*». Второй извод представлен Неаполитанской и Ватиканской (вторая копия первой) рукописями и содержит 64 басни (новых 33). Текст Федра переписан довольно небрежно. Ознакомиться с Ватиканским кодексом в Риме Л.А. Миллеру помог доктор Мендельсон, а летом 1875 г. Лукиан Адамович посетил Францию, где в Парижской библиотеке занимался сличением рукописей Федра, грамматика Нопия и Порфирия Октациана⁴⁵. Эта работа потребовала существенных финансовых вложений, которыми семья профессора не располагала, и ему пришлось через посредство директора института К.В. Кедрова обратиться к министру народного просвещения с прошением о компенсации ему хотя бы части расходов, связанных с подготовкой издания. По распоряжению министра Д.А. Толстого ему было выдано единовременное пособие в размере 400 руб.⁴⁶

Завершив работу над баснями Федра и составлением учебных пособий для старшеклассников по древней метрике, Л.А. Миллер принял публикацию сочинений Горация, которые также были направлены в первую очередь на помощь преподавателям гимназий по древним языкам. По мнению профессора Л. Миллера, в старших классах гимназий более целесообразным было бы читать лирические стихотворения Горация, однако программа предполагала чтение и его сатирических произведений. При подготовке данного издания Л.А. Миллер выпустил несколько од (14) и большую часть эподов, которые редко разбирались в гимназиях, однако оставшиеся произведения латинского поэта прокомментированы чрезвычайно подробно: приведены время написания оды или эпода, его посвящение, размер, краткое содержание, подробный разбор и толкование отдельных слов и выражений⁴⁷. Сам Л.А. Миллер считал, что Гораций весьма сложен: «В нем так много затрудненных и испорченных мест, что преодолеть все невозможно ни одному человеку, ни даже веку»⁴⁸. Все дошедшие до нас рукописи Горация достаточно поздние, поскольку в Средние века он не пользовался большой популярностью, поэтому в них так много разночтений; следует опираться на более древние рукописи и исторический контекст. Это издание Горация было признано одним из лучших и в 1890 г. награждено Петровской премией.

В 1894 г. началась подготовка издания произведений римских поэтов «*poetae minores*» (малые поэты) с критическим аппаратом, для чего Л.А. Миллер отправился в длительную заграничную командировку, растянувшуюся почти на 6 месяцев⁴⁹.

Помимо этих двух значительных изданий, Лукиан Адамович Миллер регулярно издавал либо монографии на немецком, русском (переводные) и латинском языках, либо большие научные статьи, публиковавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения». Все крупные печатные труды, в первую очередь те, которые выходили за границей, Л.А. Миллер преподносил в дар библиотеке института⁵⁰, а некоторые из них приобретались Конференцией института в качестве учебных пособий для студентов. При этом автор всегда стремился поддерживать высокий научный уровень своих трудов, соединяя их с практической необходимостью. Сам Л.А. Миллер отмечал: «Никогда общество не предъявляло ученым столь строгих требований, как в наше время. Это в значительной степени касается и представителей классической филологии, на которых лежит обязанность трудами своими сделать достойный отпор многочисленным врагам этой науки. Конечно, не подлежит сомнению, что всякая наука уже сама в себе заключает свое значение, свое достоинство, которое не приходится приносить в жертву неосновательным притязаниям дилетантов, изменчивым требованиям непросвещенной массы. Но, отстаивая неприкосновенность основ науки, представители ее вместе с тем обязаны всеми силами стараться ученые труды свои сообразовать с действительными потребностями практической жизни, прислушиваясь к ним без лени и высокомерия»⁵¹.

Приходилось Лукиану Адамовичу писать и торжественные поэтические опусы для императорских особ. Так, в феврале 1875 г. с разрешения Министерства Императорского двора был опубликован написанный им на латинском языке акrostих под заглавием «Alexandri Secundi Nicolai Filii Imperatoris Augustissimi Vicennalia Feliciter Agenda» с русским переводом⁵².

Лукиан Адамович был женат на Юлии Фридриховне Мейер, свадьба состоялась в Петербурге в немецкой реформатской церкви 27 декабря 1875 г. 17 мая 1878 г. у супружеской четы родилась единственная дочь Эрна, которая прожила очень недолгую жизнь и скончалась 21 марта 1884 г. от воспаления мозга⁵³.

Материальное положение семьи всегда было чрезвычайно затруднительным. Получая только жалование за чтение лекций, Л.А. Миллер чаще всего печатал научные труды за свой счет. В 1883 г. он вынужден был несколько раз обращаться за материальной помощью к министру народного просвещения И.Д. Делянову, просил о выдаче ему ежегодного денежного пособия в течение 3–4 лет «для заверше-

ния ученых трудов и разработки новых курсов». Собственных средств у Министерства народного просвещения не оказалось, и И.Д. Делянов обратился к министру финансов Н.Х. Бунге: «Отнесясь с полным сочувствием к ходатайству столь заслуженного ученого, принесшего несомненную пользу науке». И даже после этого вместо регулярного пособия Л.А. Миллер получил в 1883 г. только два единовременных пособия на сумму 1300 руб.⁵⁴

В последние годы жизни Л.А. Миллер сильно болел. В январе 1898 г. он подал прошение на имя директора Историко-Филологического института В.В. Латышева об освобождении его от чтения лекций в институте. В 1898 г. Конференция института признала просьбу профессора заслуживающей уважения и приняла решение распределить его лекции по римской словесности между Ф.Ф. Зелинским, И.И. Холодняком, Н.К. Гельвихом и А.И. Малеиным⁵⁵. Но, даже будучи практически прикованным к постели (он умирал от рака), Лукиан Адамович продолжал работу над очередным изданием Горация, которая оказалась незавершенной. Скончался профессор 12 апреля 1898 г. и был похоронен на Смоленском евангелическо-лютеранском кладбище.

Миллер был одним из лучших знатоков языка латинской поэзии. Но его резкость в полемике вызывала антипатию к ученому и явно тормозила карьеру. Тем не менее его труды имеют большое значение для исследований по ранней латыни. Будучи одним из выдающихся авторитетов в области древней метрики, Лукиан Адамович оказал большое влияние на последующие поколения специалистов-метриков. Его переводы и исправления текстов значимы и сегодня: «Теперь, через 36 лет, когда я за границей слушал лекции его врагов, я повторил бы то же самое и опять назвал бы его и очень крупным ученым, и очень хорошим преподавателем. Недаром американцы и англичане так ценят его издания. Римскую литературу от сатурниев до Рутилия он знал великолепно, Горация и Вергилия держал в памяти целиком, наизусть цитируя и Сервия, и Акрона, а я, проверяя по изданиям, ни разу не подметил неточности», — писал Б.В. Варнеке⁵⁶.

Список печатных трудов Л.А. Миллера

1. Milleri L. De re metrica poetarum latinorum libri. Lipsiae, 1861.
2. Geschichte der klassischen Philologie in den Niederlander von L.M. Leipzig. 1869.
3. Oden und Epoden des Horaz. Mit Anmerkungen von L. Miller. Diessen, 1. Pricker.

4. C. Lucili. Saturarum reliquia. Lipsial. 1872.
5. Rei metricae poetarum Latinorum.
6. Orthographiae et prosodiae Latinae summarium.
7. Gedanken ubre das stadium der dassischen Philologie. Berlin, 1878.
8. Publii Optatiani Porfyrii carmina.
9. Phaedri fabularum Aesopicarum libri quinque.
10. Vitruviide architectura libri decem, ediderunt Valentinus Rose et Herman Muller. Strubing. Lipsiae, 1867.
11. Friedrich Ritsche, eine wissenschaftliche. Biographie. Berlin, 1877.
12. Rei metricae poetarum Latinorum praeter Plautum et Terentium summarium.
13. Миллер Л.А. О пользе изучения палеографии для будущего архивиста и библиотекаря // Сборник Археологического института. 1880. Кн. IV. Прилож. С. 13–18.
14. Избранные оды и эподы Горация с прим. Л. Миллера. СПб., 1881.
15. Миллер Л. Греческая и римская метрика для старших классов гимназий и начинающих филологов.
16. Livi Andronici et Cn. Naeri fabularum reliquarum. Berlin, 1885.
17. Der saturnische Vers. Berlin, 1885.
18. Q. Horatii Flacii carmina. 1879.
19. Summarium rei metricae poetarum Latinorum.
20. Summarium ortographiae et prosodiae Latinae.
21. Q. Horatii Flacii carmina. Избранные оды и эподы Горация с примечаниями. СПб., 1881.

Статьи Л.А. Миллера в «Журнале Министерства народного просвещения»

1. De Publii optatiani Porfyrii carminibus 1876. № 183. С. 98–170.
2. Phaedri (Ut videtur) Fabulae XX. Ex pedesti sermone transtatae in versus. 1875. № 178.
3. De emendandis Phaedri fabulis. 1876. № 184.
4. De Phaedri et Aviani fabulis. 1874. № 173.
5. Филологические заметки.
 - I. Hor. Ep. I, 20, 19–28.
 - II. Mart. Epigr. VI, 19.
 - III. О формах “mihī”, “nihīl”, и “vehemens” “prehendo”.
 - IV. Virg. Aen. II, 407–424. 1876. № 2. С. 22–38.
6. De Ph. et Aviani fabulis. 1874. № 5.
7. Ph. fabulae XX. 1875. № 4.
8. О разрешении арзиса у Федра. 1876. № 4.

9. De emendandis Ph. fabulis. 1876. № 4.
 10. Indeces lectionum quae in Akademia Marburgensi per semester hibernum a. 1875—1876 habendae proponuntur. Vitae Cotonis fragmenta Marburgensia nuper repertu praemisit Henricus Nissen. Ч. CLXXXIV. С. 46.
 11. De Vergilii Aeneidas. I, 390—401. Ч. CLXXXV. С. 3.
 12. О nomen gentile автора Энеиды. Ч. CLXXXIX. С. 1.
 13. Фридрих Ритчль. Ч. CLXXXX. С. 197.
 14. Claudii Claudianin Carmini. Ч. CLXXXXI. С. 49.
 15. Quaeritur de eo quod est “nauci facere” et sin. Ч. CLXXXXI. С. 76.
 16. Краткая просодия и элементарные сведения из метрики латинского языка. Состав. Н. Кувшинский. Ч. CLXXXXIII. С. 58.
 17. P. Virgilii Maronis opera. Oeuvres de Virgile. Texte latin, publié les plus récents de la philologie avec un commentaire critique et explicative, une introduction et une notice par E. Benoist. Ч. CLXXXXIV. С. 90.
 18. По поводу Энеиды Вергилия VI, 882—887. Ч. CLXXXXIV. С. 49.
 19. Petreis. Ч. CC. С. 147.
 20. Отрывок из истории литературы позднейшего периода римской империи. Ч. CC. С. 177.
 21. Этюды о древней метрике. 1879. Октябрь. С. 335—353.
 22. О количестве и качестве необходимой филологу начитанности. 1879. Июль. С. 227—235.
 23. Об основах критики стихов Горация. 1879. Февраль. С. 65.
 24. Жизнь и сочинения Горация. 1880. Март. С. 61—142.
 25. De Varronis loco quodam. 1880. Июль. С. 349—350.
 26. De primo et gravissimo professoris litterarum antiquarum officio. 1881. CCXIII. С. 170—176.
 27. Philologische Wochenschrift. Unter Mitwirkung von Georg Andresen und Herman Heller herausgegeben von Wilhelm Airschfelder. 1882. CCXIV. С. 458—460.
 28. De Q. Ennii Annalibus. 1883. Август. С. 27—43.
 29. Gelliana. 1884. Май. С. 16—17.
 30. Questionum Naevianarum capita tria. 1884. Январь. С. 1—26.
 31. De Livi Andronici et Cn. Naevi fabulis. 1885. Май. С. 227—296.
-
1. ПСЗ. Собр. II. Т. XLII. Ст. 44767.
 2. Экштейн Фридрих-Август (1810—1885) — немецкий педагог, филолог, лексикограф, профессор классической филологии Лейпцигского университета, доктор филологии (с 1831 г.), ректор школы св. Фомы в Лейпциге (1863—

1881). По ходатайству министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого был награжден русским орденом св. Станислава 2-й степени.

3. Кисслинг Адольф (1837–1893) — немецкий филолог-классик. Окончил Боннский университет в 1860 г. В 1863–1869 гг. — профессор классической филологии Базельского университета, в 1869–1872 гг. — Гамбургского университета, с 1872 г. — профессор университета в Грайфсвальде. Совместно с Ульрихом фон Вилламовиц-Меллендорфом издавал «Филологическое обозрение».

4. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 2 об.

5. Август Майнеке (1790–1870) — немецкий педагог и филолог-классик. Возглавлял Иоахимстальскую гимназию. Специалист по греческим комедиям-драмам.

6. Neue Deutsche biographie. Berlin, 1997. С. 453.

7. Варнеке Борис Васильевич (1874–1944) — русский и советский филолог-классик, историк театра, один из учеников Л.А. Миллера.

8. *Варнеке Б.В.* Лукиан Адамович Мюллер (некролог) // Филологическое обозрение. 1898. № 14. С. 174.

9. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 3–4 (диплом Берлинского университета подписан доктором А. Брауном).

10. Бек Август (1785–1867) — немецкий филолог-классик, основоположник греческой эпиграфики. Составитель первого научного критического издания «Свод греческих надписей» (1824–1859).

11. Лахман Карл Конрад Фридрих (1793–1851) — немецкий филолог-классик, основоположник современной практики критического издания античных текстов.

12. Neue Deutsche biographie.

13. ЦГИА СПб. Ф. 46. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.

14. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 262. Л. 26–27.

15. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 309. Л. 92 об. — 93.

16. *Варнеке Б.В.* Лукиан Адамович Мюллер. С. 180.

17. ЦГИА СПб. Ф. 46. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.

18. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2380. Л. 1.

19. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1083. Л. 31.

20. *Варнеке Б.В.* Лукиан Адамович Мюллер. С. 182.

21. ut obiter dicam (лат.) — как я говорю.

22. *Варнеке Б.В.* Лукиан Адамович Мюллер. С. 182–183.

23. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 936. Л. 2, 13; Д. 1181; Ф. 46. Оп. 1. Д. 914. Л. 11; Д. 902. Л. 20–20 об.

24. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1083. Л. 4 об. — 5.

25. См.: *Корш Ф.* Рец. на: L. Muelleri. De re metric. Petropoli et Lipsiae. MDCCCLXXXIV // Филологическое обозрение. 1895. Т. 8. С. 168–170.

26. Греческая и римская метрика для старших классов гимназий и для начинающих филологов, обработанная Л. Миллером. СПб., 1880. С. 3–5.

27. Миллер Л.А. Этюды о древней метрике // ЖМНП. 1879. Октябрь. С. 335–353.
28. Наук Август Карлович (1822–1892) — немецкий и российский филолог-классик, академик. В 1869–1883 гг. — ординарный профессор греческого языка и литературы в Историко-филологическом институте.
29. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 425. Л. 131 об. — 132 об.
30. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1083. Л. 16, 24 об. — 25.
31. Варнеке Б.В. Лукиан Адамович Мюллер. С. 184.
32. Варнеке Б.В. Старые филологи / Вступ. ст., подгот. текста, публик. и коммент. И.В. Тункиной // Вестник древней истории. 2013. № 4. С. 146.
33. Б.В. Варнеке в 1910–1944 гг. работал профессором Новороссийского университета (Одесса). В 1927–1933 гг. нарком просвещения УССР Н.А. Скрыпник проводил политику насильственной украинизации, которая проявлялась в том числе и в запрете русского языка для преподавания в вузах.
34. Варнеке Б.В. Лукиан Адамович Мюллер. С. 147.
35. РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 501. Л. 1–2.
36. non multa, sed multum (лат.) — не много, но много.
37. Миллер Л.А. О количестве и качестве необходимой для филолога начитанности // ЖМНП. 1879. Июль. С. 227–228.
38. Там же. С. 228.
39. Там же. С. 231.
40. Варнеке Б.В. Лукиан Адамович Мюллер. С. 146–147.
41. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1640. Л. 19–19 об.
42. ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 498. Л. 2.
43. Миллер Л.А. О пользе изучения палеографии для будущего архивиста и библиотекаря // Сборник Археологического института. 1880. Кн. IV. Прилож. С. 14.
44. Там же. С. 13–18.
45. РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 145. Л. 143–144.
46. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 29–29 об.
47. Избранные оды и эподы Горация с примеч. Л. Миллера. СПб., 1881.
48. Миллер Л.А. Об основах критики стихов Горация // ЖМНП. 1879. Февраль. С. 65.
49. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2302. Л. 1–1 об.
50. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 519. Л. 156 об.; Д. 1181. Л. 54.
51. Избранные оды и эподы Горация с примеч. Л. Миллера. СПб., 1881. С. 1.
52. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 26.
53. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 343. Л. 31, 33.
54. РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 302. Л. 5–6, 14, 15.
55. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2597. Л. 2.
56. Варнеке Б.В. Старые филологи. С. 146.

С.В. Шевчук

**ФРАНЦ ИВАНОВИЧ РУПРЕХТ (1814–1870) —
РАЗНОСТОРОННИЙ БОТАНИК**

В современном научном мире настало время узкой специализации. Так, в ботанике одни занимаются изучением семейства крестоцветных, другие — семейства бобовых, третьи могут вообще ограничиться исследованием одного рода, например лютиков. А ученым прошлых веков был свойствен энциклопедизм. Трудно себе представить, но, помимо ботаники, они могли изучать вопросы, связанные с геологией, медициной, зоологией. Их называли порой более емким словом — естествоиспытатели. Но даже на их фоне были личности, которые проявляли не только интерес и участие, но смогли продвинуться в разных направлениях науки. Безусловно, к таким людям можно отнести и Франца Ивановича Рупрехта, немца по происхождению, всю жизнь посвятившего процветанию российской науки, а именно ботаники.

Рупрехт Франц Иванович (Ruprecht Franz Joseph) родился в австрийском (в тот момент) городе Фрайбург-им-Брайсгау (Freiburg im Breisgau). В настоящее время этот город входит в состав ФРГ. Дата его рождения — 1 ноября 1814 г. — говорит о том, что он появился на свет в очень беспокойное время. Шла война коалиции, в которую входила и Австрия, воевавшая против Наполеона. Он был старшим сыном Иоганна Рупрехта, австрийского интендантского офицера. В походах против французов еще совсем ребенком Франц со своей матерью, братом и сестрой должен был следовать за армией, в которой служил его отец. Трудности походной жизни не повлияли бы на здоровье мальчика, наделенного крепким телосложением, если бы не одно обстоятельство, случившееся с ним, когда он с семьей находился в Риме. Здесь замыслили отравить его отца, но жертвою стал не отец, а его жена, и отчасти сын Франц, который медленно смог оправиться от пагубного воздействия отравы. После заключения мира овдове-

вший отец Рупрехта окончательно поселился в Праге. Женившись здесь во второй раз, он снова создал для своего сына семейную обстановку. Кроме Франца, старшего сына, семейство состояло еще из четырех детей: Антона и Антонии от первого брака и Мартина и Магдалины от второго. Антон впоследствии стал горным инженером и работал директором крупного чугунного завода в Австрийской Силезии, принадлежавшего эрцгерцогу Альбрехту. Антония вышла замуж за венгерского инженера фон Зайтца, проживавшего в семиградском городе Клаузенбург. Мартин, ставший доктором медицины и практикующим врачом, и его сестра Магдалина избрали себе местом жительства Пресбург.

Молодой Рупрехт, окончив гимназический курс в Праге, поступил в местный университет на медицинский факультет, где учился с 1830 по 1836 г. Медицина обеспечивала ему материальное благополучие, с большим рвением он изучал ботанику. В местах своих путешествий (Тироль, Богемия) он собрал много редких растений для гербария, который издавался тогда Рейхенбахом (Heinrich Gottlieb Ludwig Reichenbach (1793–1879)) под названием “*Flora Germanica exiccata*”, и составил довольно богатый гербарий, который впоследствии он уступил Казанскому университету. Уже тогда он занимался изучением злаков. Результатом продолжительной работы стал его труд “*Tentamen agrostographiae universalis*” — замечательное сочинение, несущее в себе зачатки всех качеств, которыми отличаются позднейшие труды Рупрехта. Везде встречается самостоятельное исследование предмета, старание группировать виды, роды и группы родов по немногим, но строго отличительным и натуральным признакам, краткая сжатость характеристики каждого вида и прекрасные пояснительные таблицы. Группы *Paniciae* и *Rottboelliae* послужили автору материалом для докторской диссертации, которую он защитил 1 августа 1838 г. и был удостоен степени доктора медицины. Любопытно, что окончить полностью свой труд Рупрехту помешало одно обстоятельство, которое, тем не менее, имело положительное значение для российской науки. В 1837 г. на пражском Съезде немецких естествоиспытателей и медиков Рупрехт познакомился со знаменитым российским академиком Триниусом, пребывавшим тогда в Германии для поправления здоровья. Триниус оценил достоинства молодого ученого и вскоре выхлопотал ему место консерватора Ботанического музея Академии наук. Рупрехт отказался от надежного медицинского поприща и отправился в неведомую Россию, в Петербург.

В те годы в Ботаническом музее Академии наук сложилась непроясненная ситуация. Был накоплен большой объем поступлений, но все это, образно говоря, лежало в одной большой куче. Нужен был человек, который бы все это разложил по местам. И такой человек в лице Рупрехта наконец появился. Причем, как оказалось, вся тяжесть работы легла на его плечи. Рупрехт был молод и не боялся трудностей. При этом он не только занимался музейными делами, но и продолжал исследовательскую деятельность. В 1839 г. он представил Академии наук подробную монографию о бамбуковых, украшенную 18-ю таблицами, а через год был окончен более обширный труд — «Водоросли Тихого океана». В дальнейшем Рупрехт продолжит работу со злаками, выпуская все новые работы, посвященные бамбуковым, ковылям, злакам Мексики. Так, в 1850 г. он опишет единственный во флоре России вид бамбуковых, самый северный, известный под современным названием *Sasa kurilensis* (Rupr.) Mak. et Shib. (бамбук курильский). В дальнейшем он также уделял пристальное внимание водорослям. В связи с изучением этих двух крупных и весьма трудных для исследования групп растений Рупрехт был признан современниками одним из наиболее авторитетных ученых. Это обуславливалось и тем, что к изучению растений Рупрехт подходил системно, уделяя внимание не только морфологическому описанию, но и таким свойствам, как внутреннее строение, химический состав и польза. За крупное сочинение по водорослям «*Historia fucorum*» Рупрехт получил 5000 рублей ассигнациями в виде Демидовской премии. Музей обязан ему увеличением или даже основанием коллекции семян, плодов и окаменелостей, восковых моделей, микроскопических препаратов, дендрологических собраний и т.д.

В то же время Рупрехт не был кабинетным ученым. В 1841 г. он (на свои деньги) отправился в неисследованную северо-западную часть Малоземельской тундры самоедов. Ученый проследовал из Архангельска морским путем и посетил полуостров Канин, Индежский залив и остров Калгуев, высаживался на берег, проникая далеко в глубь материка, при этом не только собирал растения, но и с помощью своего спутника Соловьева делал географические, топографические и метеорологические наблюдения. Плодом его поездки стало сочинение «*Flores Samaedogum Ciguralensis*», вошедшее в один из первых выпусков «Материалов к ближайшему познанию прозябаемости Российской империи».

В 1847 г. Рупрехт женился на Каролине Федоровне Мейннгаузен (Karolina (Carolina) Luisa Charlotta Meinshausen (1820—1900)), урожен-

ке г. Риги, с которой познакомился в доме ее сестры, жены ботаника К.А. Мейера. Этот брак еще более привязал его к России, он принял русское подданство с выходом из австрийского.

Впоследствии Рупрехт, помимо водорослей, изучал некоторые группы споровых растений, или, как их называли ранее, тайнобрачных. В круг его интересов, в частности, входили мхи и лишайники.

Женился Рупрехт на небогатой невесте, и поэтому избрание его в 1848 г. Академией наук своим адъюнктом было весьма кстати. Его материальное положение улучшилось. Но появилось и больше работы. Пришлось отказывать себе во всяком развлечении и предаваться усидчивому труду.

Богатый материал для исследования любимых водорослей предоставил вернувшийся из Сибири Миддендорф. Рупрехт изучал водоросли, привезенные из разных географических точек, в различных аспектах. Он опубликовал ряд работ, среди которых были посвященные определению возраста растения, открытию сосудов с правильно утолщенными волокнами. При этом делались превосходные рисунки. Одно из наиболее важных сочинений о водорослях — “*Algae ochotensis*” — представляет собой полную альгологическую флору Охотского моря, до тех пор совершенно не исследованного.

Не все научные взгляды Рупрехта находили одобрение среди коллег. Ученые того времени упрекали его в том, что он не признавал бинарную номенклатуру Карла Линнея, а продолжал использовать старые долиннеевские названия растений. Однако все же это было его право как ученого выбирать, какой номенклатуры придерживаться. В 1851 г. Ф.И. Рупрехт поднялся на еще одну ступень карьерной лестницы. Он стал помощником директора Императорского Ботанического сада К.А. Мейера. В этой должности он оставался до 1855 г., когда обстоятельства вынудили его отказаться от нее. Отметим, что его уход с должности совпал с десятилетним периодом «угнетения» науки в Ботаническом саду. (Тогда оказался не у дел не только Рупрехт, но и другие живущие наукой сотрудники. Как отмечают современники, положение тогда в какой-то мере спасал новый директор Эдуард Регель, но и он не в силах был коренным образом изменить ситуацию, улучшившуюся лишь в 1864 г.) В целом 1850-е годы ознаменовались быстрым карьерным ростом Рупрехта. В 1853 г. он становится экстраординарным академиком. В 1855 г. с уходом из жизни Карла Мейера занимает должность директора Ботанического музея. Наконец в 1857 г. Рупрехт становится ординарным академиком.

Рупрехта всегда манили новые горизонты науки. Со временем у него созрело желание написать капитальный труд о флоре Петербургской губернии. К этому его побуждали другие ученые, верящие в его талант, помноженный на исключительное трудолюбие. Им была составлена обширная программа исследовательских работ. В 1853 г. Рупрехт предпринял путешествие по Петербургской губернии. Полученные результаты он представил в бюллетене Академии наук. Потом были другие поездки, в результате которых произошло значительное приращение общей суммы местных видов. Было много другой работы. Честь представить законченный труд по флоре Петербургской губернии, изданный в 1878 г., — “*Flora Ingrica oder Aufzählung und Beschreibung der Blüthenpflanzen und Gefäss — Cryptogamen des Gouvernements St. Petersburg*”¹ — будет принадлежать брату жены Рупрехта Карлу Мейсхаузену.

Сам Рупрехт опубликовал в 1860 г. лишь первую часть своей “*Flora Ingrica*”. Ученому помешала дописать труд возможность съездить в экспедицию на Кавказ. Тяга к путешествию в неисследованные земли взяла вверх. Все же следует отметить, что труд Рупрехта, хотя и незавершенный, был весьма полезен для ученых-ботаников. Так, известный российский ботаник Карл Максимович говорил, что брался читать труд Рупрехта «с наслаждением».

В 1854 г., незадолго до окончания службы в Ботаническом саду, Рупрехту была предложена профессорская кафедра в Педагогическом институте. Рупрехт принял это предложение, видимо, вынужденно, так как увеличивающееся семейство требовало все больше расходов. В этом институте Рупрехт, немец по национальности, составил руководство на русском языке. Этот факт и некоторые другие стороны жизни ученого характеризуют его как человека, с уважением относящегося к русскому языку, культуре и русским людям. Он преподавал до самого закрытия института в 1859 г. и оставил благодарную память в своих учениках, разъехавшихся по всей стране.

В 1860 г. Академия наук предложила Рупрехту отправиться в экспедицию на Кавказ вскоре после покорения Россией в 1859 г. восточной части Кавказского хребта (Дагестан). Эта экспедиция длилась полтора года. По сведениям Ф.Б. Бухгольца², зиму 1860/61 г. Рупрехт провел с семьей в Тифлисе и приготовился к путешествию в Дагестан, недавно покоренный русскими войсками и неисследованный еще в ботаническом отношении. Перевалив через главный хребет с северо-востока на юго-запад, он по окончании своего дагестанского путе-

шестивия вернулся в Тифлис, а оттуда вместе с семьей перебрался осенью того же года в Петербург. Там ученый 6 и 20 декабря 1861 г. доложил Академии наук о своем путешествии.

Рупрехт в летнее время обследовал Восточный Кавказ, а также вел наблюдения за акклиматизацией экзотических растений. Из экспедиции были привезены ботанические коллекции и рукописные заметки. С помощью барометра Рупрехт установил, что растительность на Восточном Кавказе простирается на 13 тыс. футов, то есть гораздо выше, чем на Западном Кавказе (достигает 10 тыс. футов). Он сделал выводы, которые доложил в Тифлисе, о возможности и выгоде возделывания в больших масштабах чайного куста, камфорного дерева и других полезных растений.

По материалам было подготовлено обширное сочинение «Кавказская флора». Первая часть вышла в 1867 г. В 1869 г. Рупрехт прибавил к ней дополнения. Но так получилось, что лавры достались другому ботанику. Именно в это время вышел монументальный труд Э. Боасье (Boissier) “*Flora orientalis*”. «Флора» Рупрехта становится, по его собственному мнению, частным дополнением труда Боасье. Отметим, что Рупрехт подробнейшим образом описывает те растения, которых нет в труде Боасье. Причем труд Рупрехта был построен так, что читатель видел еще не решенные проблемы. Таким образом, это сочинение стало своеобразным руководством к действию для дальнейших исследователей флоры Кавказа. Полностью свой капитальный труд Рупрехт так и не смог закончить, так как его жизнь оборвалась раньше. Мешало работе над трудом и вынужденное отвлечение на другие дела (одни из них носили административный характер). Кроме того, внимание Рупрехта занимали и другие направления научных изысканий.

Рупрехта увлекла идея исследовать процессы образования чернозема. Подобные мысли зародились еще в 1861 г., когда ученый проезжал через черноземную полосу России. Они не ограничились простым любопытством, как у многих других любителей природы, а вылились в серьезные исследования. Идея охватила его настолько, что он даже объездил в 1864 г. все северные границы черноземной полосы. Отдельные статьи, вышедшие в 1863, 1864 и 1866 гг., впоследствии были изданы отдельно под заглавием «О происхождении и научном значении чернозема в России». В 1867 г. выходит еще одна статья — «Новые исследования о черноземе». Как считал Рупрехт, «чернозем представляет вопрос ботанический», но еще почти не исследовавшийся с этой точки зрения, и задачу такого исследования

Рупрехт взял на себя. Рассматривая особенности черноземной почвы, Рупрехт пришел к выводу, что чернозем не является ни морским илом, как считал Паллас, ни лесной почвой, ни продуктом гниения торфа или водных растений (как полагало большинство ученых того времени), а образовался на месте своего нахождения «сухопутным» путем в результате гниения травянистой степной растительности. Рупрехт при этом сделал ряд важных и широких обобщений:

1) свойства почвы целиком обусловлены характером покрывающей ее растительности;

2) черноземная полоса тесно совпадает с областью степной растительности, а северные границы той и другой — с южным пределом лесной полосы;

3) лес, растущий на черноземе, изменяет его, причем тем сильнее, чем дольше он растет на данном месте (по мнению проф. М.Е. Ткаченко (1939), этим заключением Рупрехт предвосхитил идею деградации черноземов под влиянием лесной растительности);

4) характерной чертой степных местностей является их малая лесистость, причем к северу от черноземной области «начинается внезапное увеличение количества лесов, между тем как внутри черноземной области леса уменьшаются постепенно, и здесь нет возможности провести какую-либо границу». Рупрехт называл эту зону перехода полустепью (теперь эта зона имеет привычное название — лесостепь);

5) область распространения чернозема значительно древнее, чем расположенные к северу пространства (еще недавно, по мнению Рупрехта, покрытые водами обширного внутреннего моря);

6) большое разнообразие флоры степей и крайняя бедность цветковой флоры еловых лесов объясняются древностью «черноземного материка» и в то же время геологической молодостью области распространения ели.

Следует подробнее остановиться на предположении, которое впервые высказал Рупрехт, что ныне живущая растительность неодинаковой древности, что ее распределение в различных областях произошло в разное время. Рупрехт впервые в науке предложил классифицировать наземную флору России по их относительной древности:

А — первобытная флора или «область творения», к которой Рупрехт относил флору азиатских горных хребтов;

Б — область растительности первичного переселения, включающая растительную область Урала, леса восточного и западного склонов Урала и черноземные степи России;

В — области растительности вторичного переселения, к которым он относил Финляндию, возвышенность и террасы к югу от Невы, Карельский перешеек, Валдай и т.д.

Главная ценность этих обобщений — установление определенных закономерностей. Правильно оценить первопричины ему удавалось не всегда, прежде всего в силу ограниченности накопленных к тому времени наукой знаний.

Однако верными и принятыми современным научным сообществом являются следующие положения Рупрехта: происхождение чернозема сухопутным путем из перегной степной растительности, зависимость почвы от характера растительного покрова, неодинаковый возраст современных флор и некоторые другие.

В ученом Рупрехте сочетались, казалось бы, несовместимые качества, порой мешающие друг другу. С одной стороны, проявлялась многогранность его интереса к разным областям растительного царства, а с другой — Рупрехт отличался серьезным, кропотливым подходом к интересовавшим вопросам. Незавершенность некоторых его работ — прямое следствие этого противоречия.

Знаком интереса и глубокого уважения к культуре России является значительный труд, который Рупрехт успел завершить в последние годы своей жизни, — это фундаментальный свод русских (!) названий растений.

В своих исследованиях Рупрехт, по мнению К. Максимовича³, «...вполне руководствовался программой Академии: обогащать науку, имея постоянно в виду исследования в пользу России».

Говоря о личной жизни, современники отмечали, что Рупрехт вел уединенную жизнь ученого. Он не гордился своими познаниями, но при этом относился с величайшей добросовестностью к служебным обязанностям. Он был строг к себе, но снисходителен к другим.

Иногда на досуге он посещал театр или проводил несколько часов в кругу семьи и знакомых.

Рупрехтом с 1834 по 1870 г. было написано 78 научных работ на латыни, немецком и русском языках. Кроме того, к литературному наследию могут быть отнесены и письма ученого. Так, благодаря проф. Ф. Бухгольцу сохранилось несколько писем Рупрехта к жене Каролине. Эти письма относятся ко времени путешествия Рупрехта на Кавказ в 1860–1861 гг. В них описываются трудности, с которыми ученому приходилось сталкиваться во время путешествия по Кавказу, просматриваются доброта (в начале письма Рупрехт уважительно

обращается к жене “*Liebe Caroline!*”), юмор, некоторая бережливость и аккуратность. Эти сведения являются ценным дополнением к биографическим данным, позволяющим лучше представить личность ученого.

По сведениям Ф. Бухгольца, некоторые письма спасла дочь ученого — Мария Францевна Рупрехт [см. примеч. 2]. После смерти ученого переписка была предназначена для продажи, но Академия наук от их покупки отказалась, будто бы по настоянию академика (тогда адъюнкта) К. Максимовича. Именно Мария Францевна, придя однажды в кабинет покойного отца, застала свою мать и Максимовича за сжиганием рукописей в камине. Она воспротивилась этому, но ей удалось спасти лишь малую часть рукописей, которые впоследствии, за исключением более частных писем, купил ученик Рупрехта М.С. Воронин. А уже из наследия Воронина эти рукописи попали в Академию наук.

Рупрехт передавал знания ученикам. Одним из них являлся известный ботаник Карл Максимович — один из первооткрывателей богатейшей флоры Японии.

Свое имя Рупрехт оставил не только в памяти учеников. Оно присутствует и в названиях описанных им растений. Среди них есть и широко известные виды:

— *Phellodendron amurense* Rupr. — бархат амурский (толщина пробкового слоя коры достигает 4 см, перспективен как пробконос — заменяет пробку пробкового дуба);

— *Vitis amurense* Rupr. — виноград амурский (перспективен для выведения зимостойких сортов винограда);

— *Eleutherococcus senticosus* (Rupr. et Maxim.) Maxim. — свободноягодник колючий (источник лекарственного сырья для получения тонизирующих препаратов);

— *Tilia mandshurica* Rupr. — липа маньчжурская (благодаря понижающим соцветиям нектар не смывается дождем и пчелы берут его даже во время дождя);

— *Tilia caucasica* Rupr. — липа кавказская;

— *Larix gmelinii* (Rupr.) — лиственница Гмелина (порода, занимающая огромный естественный ареал, древесина отличается высокими механическими свойствами);

— *Alnus fruticosa* Rupr. — ольха кустарниковая;

— *Berberis amurense* Rupr. — барбарис амурский (плоды отличаются крупными размерами и круглой формой и могут быть использованы в кулинарии);

— *Celastris flagellaris* Rupr. — древогубец плетенообразный (очень неприхотливая лиана, можно использовать для декорирования бетонных опор);

— *Cerasus maximowiczii* (Rupr.) Kom. — вишня Максимовича (одна из красиво цветущих вишен);

— *Fraxinus mandshurica* Rupr. — ясень маньчжурский (высота до 35 м, древесина высокого качества);

— *Lonicera gibbiflora* (Rupr.) Dipp. — жимолость горбатая;

— *Lonicera maackii* (Rupr.) Herd. — жимолость Маака (имеет ароматные цветки);

— *Lonicera maximowiczii* (Rupr.) Regel — жимолость Максимовича;

— *Maackia amurensis* Rupr. et Maxim. — маакия амурская (достигает до 25 м высоты, древесина отличается крепостью и биостойкостью);

— *Padus maackii* (Rupr.) Kom. — черемуха Маака (отличается необычной отслаивающейся желтоватой корой, что делает породу перспективной в озеленении, кроме того, этот вид перспективен для выведения зимостойких гибридных вишен с целью получения плодов, И.В. Мичурин скрещивал черемуху Маака с вишней «Идеал» и получил выносливый гибрид — церападус сладкий);

— *Philadelphus tenuifolius* Rupr. et Maxim. — чубушник тонколистный;

— *Syringa amurensis* Rupr. — сирень амурская (отличается выраженным медовым запахом во время цветения);

— *Syringa pekinensis* Rupr. — сирень пекинская.

У него была большая семья: два сына и две дочери. Помимо Марии, о которой уже шла речь, известно, что одного из сыновей звали Александром. Он был полковником и проживал с сестрой Марией в г. Белёве (по-видимому, этот город в настоящее время находится на западе Тульской области).

Рупрехт состоял членом-корреспондентом Баварского ботанического общества в Регенсбурге с 1841 г., Общества испытателей в Праге с 1849 г., членом Королевского общества наук в Упсале с 1856 г., Императорского Русского географического общества с 1857 г., Комитета, основанного для акклиматизации растений, при Земледельческом обществе в Москве с 1857 г., Вольного экономического общества с 1859 г., почетным членом Совета земледельческого училища в Горы Горецка с 1861 г., Эстляндского общества садоводства в Ревеле с 1863 г., членом Императорского общества естествоиспытателей в Москве

с 1868 г., почетным членом Петербургского общества естествоиспытателей с 1869 г., Общества естествоиспытателей в Харькове с 1870 г.

Рупрехт ушел из жизни 23 июля (по ст. ст.) 1870 г. в Петербурге в расцвете творческих сил. По словам известного дендролога Н.В. Дылиса⁴, в лице Рупрехта отечественная ботаническая наука потеряла не только прекрасного знатока флоры России, но и прежде всего крупнейшего ученого-мыслителя, смело ставившего и решавшего первостепенные вопросы русской науки.

Похоронен Франц Иванович Рупрехт на Волковом лютеранском кладбище, недалеко от Карла Мейера. Конкретное место указано в справочнике Венедикта Бема⁵. Вдове с детьми была назначена достаточная пенсия.

Не так давно (в 2014 г.) отмечался 200-летний юбилей со дня рождения Ф.И. Рупрехта. Хотелось бы, чтобы память о нем сохранялась и впредь. Своим самоотверженным трудом он, безусловно, это заслужил.

Примечание: при подготовке статьи, помимо литературных источников, были использованы электронные данные, подготовленные Эриком Амбургером⁶.

1. *Meinshausen K.Fr.* Flora Ingrica oder Aufzählung und Beschreibung der Blütenpflanzen und Gefäss — Cryptogamen des Gouvernements St. Petersburg. St. Petersburg, 1878. 512 S.

2. *Бухгольц Ф.Б.* Личные известия. Письма академика Франца Ивановича Рупрехта к жене во время его путешествия на Кавказе // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1914. Т. XIV. С. 183–199, 256–266.

3. *Максимович К.И.* Очерк жизни и трудов Франца Ивановича Рупрехта. СПб., 1871. 49 с.

4. *Дылис Н.В.* Франц Иванович Рупрехт (1814–1870) (о нем) // Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959. С. 229–235.

5. *Бем В.* Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга: справочник-путеводитель на немецком и русском языках. (*Dr. Benedict Böhm. Wolkowo lutherischer friedhof in St. Petersburg. Handbuch Deutsch un Russisch.*) СПб., 1998. 178 с.

6. Erik-Amburger-Datenbak [Электрон. ресурс].

Н.И. Иванова

НЕМЕЦКИЕ БИБЛИОТЕКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В 2001 г. был опубликован 8-й том (всего 47 томов) собрания «Исторически ценные немецкоязычные книги» профессора из Мюнстера Б. Фабиана. Я принимала участие в обработке книг и написала две статьи. В настоящее время государственные петербургские библиотеки обладают значительными фондами немецкоязычной литературы.

Столица Российской империи Санкт-Петербург, основанная императором Петром I, с момента создания являлась интернациональным городом. Приезду иностранцев способствовал указ о свободе вероисповедания 1721 г., который привлек значительное количество выходцев из Европы в Санкт-Петербург. На протяжении исторического периода развития города бóльшую их часть составляли немцы.

В Петербурге были государственные, частные и личные библиотеки. Первая государственная библиотека была открыта в 1714 г. — Библиотека Академии наук (БАН). В том же году по приглашению Петра I в Россию приехал Иоганн Даниэль Шумахер (1690—1761). В 1714 г. Петр I передал в БАН свою личную коллекцию, сюда же поступили книги из Посольского приказа (Москва). К 1719 г. здесь находилось 10 тыс. экземпляров. Затем в библиотеку прибыли книги из прибалтийских провинций. В 1728 г. библиотека переехала в новое здание.

В 1756 г. основана репертуарная библиотека драматических театров, в 1764 г. — библиотека Академии художеств, в 1773 г. — Горной школы. Кроме того, появлялись частные коммерческие собрания, которые открывали немцы. Образцом становились «Библиотеки для чтения», создаваемые любителями чтения. Это были популярные

в Германии библиотеки, состоящие из брошюр, изданий небольшого формата и периодических изданий. Первые коммерческие частные библиотеки открылись в Петербурге в 1770 г. по инициативе издателя, доктора медицины, профессора физиологии академической гимназии Иоганна Вейтбрехта (1744–1803). Затем он объединился с И. Шнором, и пять лет они работали вместе в типографии и библиотеке. Спустя еще пять лет они разделились, Шнор стал арендовать помещение в доме Петрикирхе.

Из 111 действительных членов Российской академии наук 67 являлись немцами. Среди них были профессора, которые, помимо своей основной деятельности, открыли частные библиотеки, — профессор естественной истории Н. Гильденштедт (1745–1781), профессор греческой и римской словесности Ф. Грефе, профессор физики Иоганн Альбрехт Эйлер (1734–1800), историк, пастор церкви Св. Екатерины Иоганн Буссе (1763–1835).

Центрами, где петербургские немцы могли встречаться и общаться на родном языке, в первую очередь были кирхи. В Санкт-Петербурге находился целый ряд евангелическо-лютеранских, католических кирх и реформатская церковь. При каждой церкви имелись школы, а при кирхах и школах функционировали библиотеки с изданиями на немецком языке.

Среди работавших наиболее известны библиотека евангелических общин (имеется два вида штампов: BIBLIOTHEK DER EVANGEL. GEMEINDEN; BIBLIOTHEK DER EVANGEL. GEMEINDEN ST. PETERSBURG) и библиотека немецкого образовательного и общества помощи («вспомоществления») (BIBLIOTHEK DES DEUTSCHEN BILDUNGS- U. HILFS VEREINS ST. PETERSBURG). Книжные коллекции имелись также в учебных заведениях, популярны были собрания и библиотеки при книжных магазинах.

Библиотека евангелических общин, располагавшаяся в церковном доме финской церкви на Большой Конюшенной ул., 6, существовала с 60-х годов XIX в.

В 1852 г. в Санкт-Петербурге опубликовали первый каталог этой библиотеки. По его данным, собрание насчитывало 9400 томов. Библиотека работала с 10 до 17 часов. На абонементе разрешалось брать домой до шести изданий, за пользование книгами устанавливалась такса и брался залог (табл. 1).

По обнаруженным в книгах штампам можно сделать предположение о наличии в XX в. в коллекции более 40 тыс. томов. Книги

Наклейка в книге «Из библиотеки евангелических приходов»

Штамп библиотеки евангелических общин

Таблица 1

Кол-во взятых книг	На 1 год (руб.)	На 6 месяцев (руб.)	На 3 месяца (руб.)	Залог (руб.)
Одна	3	2	1	2
Две	4	2,50	1,50	4
Три	6	3,50	2,25	6
Пять	8	4,50	3	8
Шесть	10	5,50	4	10

библиотеки немецких евангелических общин были рассчитаны на все социальные круги немецкого населения Санкт-Петербурга¹. В библиотеке широко представлена классическая литература Германии. Среди немецких классиков имелось огромное количество томов сочинений известных немецких поэтов: И. Гёте (Goethe J.W. Stuttgart: Gottasche Buchhandlung, Rachfolger, 1903²), раннего романтика Л. фон Арнима (Arnim L., von. Novellen. Grunberg und Leipzig: bei W. Levysohn, 1842). Особо можно выделить книги о жизни и творчестве И. Гёте и Ф. Шиллера (например, Ekermann P. Beyträgen zur Poesie mit besonderer Hinweitung auf Goethe. Stuttgart: in der Gottschen Buchhandlung, 1824; Schwab G. Schillers Leben in 3. Büchern. Stuttgart: Liefding, 1841). Книги издавались в известных издательских центрах — Лейпциге и Штутгарте.

В собрании имелись переводные издания, в том числе с русского языка — И.С. Тургенева (Turgenew I. Erzählungen. Deutsch von Friedrich Bodenstedt. München: Riegersche Uni. Buchhandlung, 1864), А.С. Грибоедова (Gribojedoff A. Vorstand schafft Leiden. Übertr. von Dr. Bertram. Leipzig: In Commission bei F. Brockhaus, 1853), И.А. Гончарова (Gontscharow I.A. Oblomow. Übertr. von Gustav Reuchel. Sonderhausen: Otto Kirchhoff, 1887), Л.Н. Толстого (Tolstoi L. Geld. Soziale Betrachtungen. Berlin: Fischer Verlag, 1891), В. Короленко (Korolenko W. Der blinde Musiker. Übertr. Markow. Halle: Otto Heidel, [1886]), с датского — Г.-Х. Андерсена (Andersen H.Ch. Sämmtliche Werke. Leipzig: L. Wiedemann, [1846]) и др.

В библиотеке имелись тома по различным отраслям знаний и направлениям литературы, например:

- биология (Brems Tierleben und Pflanzen Leben. Leipzig und Wien: Bibliographisches Institut³, 1898);
- искусствоведение (Anton Springer. Bilder aus der neueren Kunstgeschichte. Bonn: bei Adolph Marcus, 1867);
- история (Bezold Fr. Geschichte der deutschen Reformation. Berlin: Gottische Verlagsbuchhandlung, 1890);
- литературоведение (Döring A. Shakspeares Hamlet. Hamm: Grotische Verlagsbuchhandlung, 1865; Engel E. Geschichte der französischen Literatur. Leipzig: Verlag von Bedeker, 1897);
- периодические издания (Goethe-Jahrbuch. Frankfurt am Main, 1888, 1889, 1890);
- путешествия (Jung Carl Emil, Dr. Australien. Leipzig: Druck und Verlag von Oswald Wuze, 1879);

- словари (Vollständiges Wörterbuch italienischen und deutschen Sprache. Leipzig: Brockhaus, 1886);
- театроведение (Weber E.-W. Zur Geschichte des Weimarischen Theaters. Weimar: Hermann Böhlau, 1865);
- филология (Kluge F. Ethnologisches Wörterbuch der deutscher Sprache. Strasburg: Karl Grübner, 1889);
- философия (Auerbach B. Schwarzwälder Dorfgeschichten. Mannheim: Verlag Wassermann und Mothy, 1854).

Можно отметить значительное количество немецких саг и сказок, представленных в разных сериях, таких как «Золотая классическая библиотека», «Немецкие классики» (Deutsche Classiker): Gudrun (heraus. Karl Bartsch). Leipzig: F.A. Brockhaus, 1865; «Книга героев» (Das Heldenbuch) — Gudrun (heraus. Karl Simroch. Stuttgart und Tübingen: Gottaschen Verlag, 1843); «Немецкая национальная литература» (Deutsche National Literatur). Вполне вероятно, что библиотекой пользовались школьники и изучающие немецкий язык, так как в собрании представлены учебники: Grimm J. Geschichte der Deutschen Sprache. Leipzig: Wiedmannschen Buchhandlung, 1848 (куплена в магазине А. Излера); Grimm J. Deutsche Grammatik. Göttingen: bei Dieterich. 1. Th. 1822, 2. Th. 1826.

Издания покупались в магазинах А. Излера, Г. Шмицдорфа, которые пользовались наибольшей популярностью в Санкт-Петербурге. Книги, приобретаемые в этих магазинах, издавались как в Германии, так и в России. В Германии — в таких издательских центрах, как Лейпциг, Берлин, Бонн, Мюнхен, Йена, Констанц и др. В столице Российской империи выпускались книги в издательстве Г. Шмицдорфа (Ein Tag in St. Petersburg 1770. St. Petersburg: Verlag der kaiserlichen Hoffbuchhandlung H. Schmitzdorf (Karl Röttger), 1870), в прибалтийских городах — Риге (Giber F. von. Bürger in Riga. Riga: Lummels Buchhandlung, 1868), Ревеле (Neumann W. Grundriss einer Geschichte der bildenden Kunste und des Kunstgewerbes in Liv-, Est- und Kurland. Reval: Verlag von Franz Kluge, 1887).

Книжная коллекция «Bibliothek des Deutschen Bildungs -und Hilfs Verein» (Немецкого образовательного и общества помощи) находилась сначала на Большой Конюшенной ул., 8, в доме финской церкви, затем — на Забалканском пр., 112. В Уставе общества указывались следующие направления деятельности: «охранение и развитие учебно-образовательных интересов и удовлетворение благотворительных потребностей немецких классов населения, проживающих в районах

деятельности общества путем поддержки существующих или создания новых немецких учреждений и образовательных и вспомогательных заведений, а также открытия отделов общества». Общество распространяло свою деятельность на территории Санкт-Петербурга и его пригородов. В ведении общества находились начальное училище 3-го разряда (Старо-Петергофский пр., 11, кв. 3) и частное учебное заведение⁴.

В библиотеке Санкт-Петербургского немецкого образовательного и общества помощи были, к примеру, переводы изданий Ф.М. Достоевского (Dostojewskij F.M. *Memorien einem Gotenhaus. Über. von Hans Moser*), Казановы (Casanova J. *Aus den Memoiren des Venetianers Jacob Casanova der seingalt oder sein Leben, wie er es zu Dir in Böhmen niederschrieben. Nach dem Original-Manuscript bearbeitet von W. von Schütz. 1.–12. Vde. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1822*⁵). Все книги имеют владельческие штампы.

Предположительно абонемент, выдававший книги на дом, начал работать 1 сентября 1890 г. (по другим данным, с 1907 г.). Библиотека действовала круглогодично. Весной, зимой, осенью она работала с 10 до 19 часов, летом — с 10 до 17 часов. За пользование абонементом читатели платили от 1 до 10 руб. в зависимости от длительности пользования книгой. Один рубль выплачивали за чтение одной книги в течение трех месяцев, десять рублей — за шесть книг в течение года.

Выше приведена стоимость пользования книгами в магазин-читальне швейцарского подданного Андреаса Излера. Многие издания на немецком языке для различных библиотек города приобретались у А. Излера. Его магазин в разное время находился на Невском пр., 20, на набережной реки Мойки, 13, и др. Библиотека в отделении на Мойке, 13, работала с 10 до 17.30. В библиотеке Излера были установлены следующие условия абонемента (табл. 2).

Штамп библиотеки при церковной школе св. Анны (Bibliothek der St. Annen Schule)

Среди штампов, по которым мною определены немецкие библиотеки, встречаются трафареты учебных заведений, школ при кирхе св. Анны (Фурштадтская, 8), реформатской церкви (набережная реки Мойки, 38), немецкой частной гимназии Шаффе (Васильевский остров, 1-я линия), частного коммерческого училища пастора И.А. Мазинга.

Книжный магазин-библиотека Андреаса Излера на Невском пр., 20
(источник: Адреса Петербурга. 2004. № 15/27)

Таблица 2

Количество книг	На 1 год (руб.)	На 6 мес. (руб.)	На 3 мес. (руб.)	На 1 мес. (руб.)	Залог
2 книги или 1 издание, состоящее из нескольких книг	6	3,75	2,50	1,25	3
3 книги	9	5,75	3,75	1,75	3
4 книги	10	6	4	2	4
5 книг	11	7	4,75	2,25	5
6 книг или 2 законченных издания, состоящих из нескольких книг	13	8	5	2,75	6

Штамп книжного магазина-библиотеки Карла Бамберга с № 522 (Geschäfts-Bibliothek von Carl Bamberg, Nr 522)

Книги, поступавшие в перечисленные немецкие библиотеки, покупались, помимо магазинов-библиотек А. Излера (Andreas Isler) и Генриха Шмицдорфа⁶ (Heinrich Schmizdorf) на Невском пр., 5, в магазинах Августа Дейбнера⁷ (A. Deubner): Невский пр., 10, 13, 28, Литейный пр., 25, Б. Морская, 12, угол Невского; Карла Круга (Carl Krug): В. О., Кадетская линия, 7; Эггерса (Eggers&C°): Невский пр. между Б. и М. Морскими; К. Риккера (K. Ricker): Невский пр., 14; Оскара Кранца (Buchhandlung Oscar Kranz St. Petersburg Luteinyj prospect 25): Литейный пр., 25; Карла Бамберга (Carl Bamberg).

Книготорговец, книго- и нотоиздатель, литограф и основатель немецкой (заемной) читальной библиотеки Г. Шмицдорф (1789, Гамбург — 1845, Санкт-Петербург) приехал в Санкт-Петербург в 1819 г. В 1820-х годах на нижнем этаже дома Чаплиных он открыл книжный магазин, в 1827 г. переехал на Невский пр., 5, и основал заемный книжный магазин. Через 4 года Г. Шмицдорф оставил свою деятельность, но фирма сохранила прежнее наименование. В 1856 г. она получила возможность именоваться поставщиком императорского двора и просуществовала до 1897 г.

С 1907 г. начало функционировать Санкт-Петербургское немецкое образовательное общество. Оно не преследовало политических целей и было направлено на повышение культурного уровня российских немцев. К 1910 г. немецкое население Санкт-Петербурга составляло значительную часть жителей, которые пользовались книжными коллекциями. Кроме того, русская интеллигенция, знавшая иностранные языки, могла брать книги из немецких библиотек.

Первая мировая война сделала петербургских немцев «чуждым элементом». В школах сократили преподавание на немецком языке. В городе в общественных местах и по телефону запретили разговаривать на немецком языке.

После революции 1917 г., изменившей государственный строй Российской империи, вначале правительство предполагало развитие национальных культур. На базе школьной библиотеки Петришуле

Штамп библиотеки Немецкого образовательного и общества помощи
(Bibliothek des Deutschen Bildungs- u. Hilfs Vereins St. Petersburg)

20–30 сентября 1917 г. было создано Санкт-Петербургское общество русских подданных немецкой национальности, с 1918 г. переименованное в Немецкое общество. Оно стало наследником Санкт-Петербургского немецкого образовательного и общества помощи, существовавшего до 1914 г.

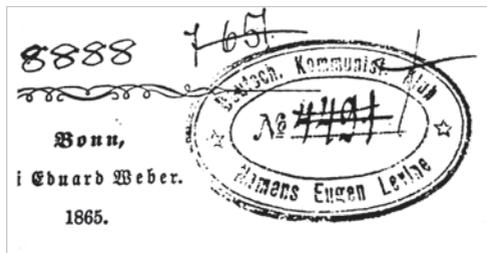
22 октября 1917 г. швейцарский подданный Андреас Излер основал и стал руководителем Санкт-Петербургского библиотечного общества «Светоч» (St. Petersburger Bibliotheksverein «Die Leuchte»). Общество проводило культурно-просветительские мероприятия, там проходили различные дискуссии, организовывались доклады.

Сначала все собирались на Невском пр., 13, затем Общество переместилось в д. 13 на Мойке. С 1920 г. местом встреч стало помещение в доходном доме Петрикирхе на Малой Конюшенной ул., 9. Летом большинство людей выезжали на дачи, но по воскресеньям после обеда некоторые жители приезжали в город и собирались в актовом зале Петришуле. Как правило, Общество организовывало здесь танцы.

В середине 1920-х годов в Ленинграде немцев проживало около 1 % от всех иностранцев города. На волне поддержки национальных обществ в Ленинграде в том числе открыли новые немецкие общества. Так, основали Немецкий коммунистический клуб им. Евгения

Левине. Клуб находился в ведении Ленинградского ГубОНО Губполитпросвета. Немецкий коммунистический клуб получил имя Евгения Левине (Eugen Levine) — участника революции в Баварии в 1918 г., в период установления республики. Книги немецких учреждений и так называемое «вымороченное имущество» покинувших пределы страны передали в библиотеку Немецкого коммунистического клуба. Книги, переместившиеся из различных немецких учреждений и собиравшиеся в библиотеке клуба, имели дополнительно к прежним штампы «Deutscher Klub Eugen Levine» или «Deutsch kommunist. Klub Namens Eugen Levine». На сохранившихся пригласительных билетах указываются различные мероприятия, проводимые клубом: концерты, дискуссии. Вечер заканчивался танцами и буфетом.

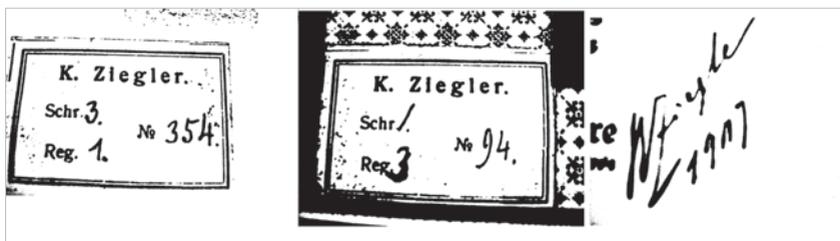
Немецкий коммунистический клуб имел поочередно различные адреса: наб. Тучкова, 2а, 26 (1925–1933 гг.); наб. р. Мойки, 76 (с 1926 г.); ул. Якубовича, 4 (с 1929 г.); пр. Маклина, 10 (с 1931 г.); ул. Володарского, 42 (с 1932 г.); наб. Красного Флота, 34 (с 1934 г.); ул. Красная, 33 (с 1936 г.). В период основания клуб, возглавляемый Краузе, размещался в помещении «Международной книги» на наб. Тучкова, 2а⁸.

Штамп библиотеки Немецкого коммунистического клуба им. Евгения Левине (Deutsch. Kommunist. Klub Namens Eugen Levine)

Исходя из проставленных штампов, в клуб попали книги из евангелических общин, Санкт-Петербургского немецкого образовательного и общества помощи и других немецких библиотек города. Например, книга, купленная в магазине Излера и находившаяся прежде в библиотеке Реформатской школы, вошла в библиотечную коллекцию клуба. Так, книга Witkowski Georg «Goethe» (Leipzig, Berlin und Wien: Verlag Seemann und Gessellschaft für graph. Industrie, 1899) имеет штамп «REFORMIERTE BIBLIOTHEK KIRCHENSCHULE». Из книг «вымороченного имущества» — частные собрания как петер-

бургских немцев, так и русских библиофилов города. В библиотеку, в частности, попали тома служащего Министерства иностранных дел Карла Циглера (K. Ziegler), имевшие владельческие наклейки с указанием имени владельца, номера шкафа и полки, где размещались книги (Lewes G.H. Goethes Leben und Werke. Berlin: Verlag von J. Jolowicz, 1888. K. Ziegler Schr. 2 Reg. 3 № 207).

Владельческие штампы К. Циглера с указанием номеров шкафов, полок и порядкового номера книги, его автограф 1907 г. (K. Ziegler Schr. 3 Reg. 1 Nr. 354, K. Ziegler Schr. 1 Reg. 3 Nr. 94, Autogramm K. Ziegler, 1907)

Помимо Коммунистического клуба в городе открыли национальный Дом просвещения (Домпросвет), в котором также имелась библиотека. Домпросветы подчинялись отделу национальных домов просвещения при Горполитпросветцентре. Немецкий Домпросвет также носил имя Евгения Левине и работал с 1933 г. по 15.09.1937. Он размещался на ул. Красной, 33. Его заведующим был Нейбауэр. В составе Домпросвета функционировали 10 различных кружков. В 1935 г. была проведена цензура книжных собраний, о чем свидетельствуют штампы на книгах. После 1937 г. и закрытия Немецкого коммунистического клуба книжные коллекции были распределены по различным организациям Ленинграда. Закрыли и все национальные объединения. Часть книжных коллекций немецких организаций передали в Ленинградскую центральную библиотеку, разместившуюся на площади Лассаля, 3 (сейчас пл. Искусств).

В советское время прежние учебные заведения, такие как гимназии, реальные училища, становятся едиными трудовыми школами. Прежние книжные собрания получили новый штамп.

В настоящее время ввиду изменившихся приоритетов читателей книги бывших немецких библиотек спросом не пользуются. Этому способствует и малоизвестный русскому читателю шрифт. Исторический обзор деятельности библиотек немецких объединений не прово-

Приглашение на вечер, посвященный памяти Ленина,
в Немецком коммунистическом клубе (пр. Володарского, 42).
В программе: 1. Доклад о Ленине. 2. Концерт

дился. Первая попытка исследования была предпринята мною и представлена в докладе «От Циммермана до Набокова» на международном семинаре 25 сентября 1998 г. в Санкт-Петербурге⁹, организованном при содействии Фонда им. К. Аденауэра.

1. *Pantenius H., Grosberg O.* Deutsches Leben im alten St. Petersburg. Riga, 1930.

2. Книга имеет книготорговую наклейку магазина А. Эггера.

3. Библиографический институт — немецкое издательство, в настоящее время расположено в Берлине. Было основано в 1826 г. Йозефом Мейером (Joseph Meyer, 1796—1856) как издательство и книжный магазин в Готе, позднее переведено в Хилдбургхаузен. С 1874 г. находилось в Лейпциге. С 1880 г. Конрад Дюден (Konrad Duden) стал издавать «Орфографический лексикон» (Ortographische Wörterbuch), устанавливающий правописание. В течение 15 лет издательство опубликовало 52-томный классический «Большой лексикон» (1840—1855) и «Мейерс лексикон», путеводители Брема. С 1915 г. издательство становится АО. В настоящее время руководит издательская группа «Корнельсен» (Cornelsen). Из известных изданий — «Meyers-Lexicon»

[Мейерс (Майерс) лексикон], «Duden» (Дюден). С 2013 г. издательство переехало из Манхайма в Берлин-Альт-Трептов. После разделения Германии в 1946 г. и образования ГДР издательство стало называться VEB Bibliographisches Institut Leipzig, с 1 июля 1948 г. оно становится государственным. Помимо классической, стала издаваться туристическая литература.

4. Национальные культурно-просветительные учреждения Санкт-Петербурга (XVIII–XX вв.). Адресная книга. СПб., 1993. Вып. 4. С. 23.

5. Книга имеет книготорговую марку А. Излера, в дальнейшем переместилась в Немецкий коммунистический клуб.

6. Деятельность книжной фирмы Г. Шмицдорфа в Петербурге (1860–1880 гг.) // Торгово-издательская фирма Г. Шмицдорфа. Библиографический указатель книг и периодических изданий на русском, немецком и французском языках / сост. и автор предисловия Н.В. Бекжанова, Н.А. Гринченко. СПб., 2000.

7. Магазин Августа Дейбнера был основан в 1859 г.

8. Национальные культурно-просветительные учреждения Санкт-Петербурга (XVIII–XX вв.). Адресная книга. СПб., 1993. Вып. 4. С. 23.

9. *Иванова Н.И.* От Циммермана до Набокова // Немецкоязычные издания в собраниях Санкт-Петербурга: материалы международного семинара, 25 сентября 1998 г. СПб., 1999. С. 48–52.

Г.А. Копытов

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ У ИСТОКОВ СТОЛИЧНОЙ ПЕДИАТРИИ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Принято считать, что педиатрия в Санкт-Петербурге, а значит, и во всей России началась с деятельности **Нестора Максимовича Максимовича-Амбодика** (1744–1812), **Степана Фомича Хотовицкого** (1796–1885), **Василия Марковича Флоринского** (1834–1899) и **Николая Ивановича Быстрова** (1841–1906). Все четверо — профессора Императорской Медико-хирургической академии, врачи-акушеры по своей основной медицинской специальности. Они обосновали необходимость выделения педиатрии в самостоятельную медицинскую дисциплину. Затянувшиеся более чем на сто лет усилия первопроходцев увенчались успехом, когда в 1870 г. была организована первая в России кафедра с клиникой детских болезней под руководством профессора Быстрова. Считается, что именно с этого времени педиатрия в России стала развиваться не только как учебная дисциплина, но и как наука, а кафедра оказалась центром формирования петербургской педиатрической школы. В немалой степени этому способствовало и Общество детских врачей Петербурга, учрежденное почти одновременно с кафедрой тем же профессором Быстровым.

То, что пионеры-педиатры из Медико-хирургической академии по своей базовой подготовке оказались акушерами, отнюдь не случайное совпадение. До недавнего прошлого это была одна из самых драматичных врачебных специальностей. Жизнь часто ставила акушера перед выбором, кого спасти — мать или дитя? В подавляющем большинстве случаев спасали мать. Для этого придумывались различные приемы, самым безобидным из которых было наложение акушерских щипцов, что нередко приводило к фатальной травматизации плода.

Бывали случаи, когда для спасения роженицы врачам приходилось расчленять живой плод внутриутробно и извлекать его по частям. Пренебречь жизнью новорожденного даже ради благородной цели спасения жизни матери был способен далеко не каждый врач. По этой причине многие из них психологически не были готовы заниматься родовспоможением. Те же, кто избирал в качестве своей врачебной специальности повивальное дело, далеко не всегда были готовы лечить детей, хотя именно им неизбежно приходилось иметь дело с новорожденными. Возможно, поэтому отказался от карьеры педиатра профессор Флоринский, добившийся выделения курса по детским болезням из состава своей кафедры в самостоятельную. Профессор Быстров, возглавивший эту кафедру, хотя и был его учеником, как акушер не состоялся, но стал известным педиатром-клиницистом. Все это объясняет тот факт, что научная педиатрия, хотя и возникла благодаря усилиям выдающихся акушеров прошлого, очень быстро приобрела полную независимость.

К моменту организации кафедры в столице на правах благотворительности уже существовали три детские больницы, одна из которых,

К.А. Раухфус

открытая в 1834 г., вошла в историю как первое в России и второе в Европе детское лечебное учреждение. В не очень длинной галерее практикующих врачей той поры, связавших свою профессиональную судьбу с педиатрией, к акушерству никто отношения не имел. Сегодня в Санкт-Петербурге на слуху имя лишь одного из них — это педиатр немецкого происхождения **Карл Андреевич Раухфус** (1835—1915). Биография его хорошо известна, а имя знаменитого доктора и поныне носит одна из крупнейших детских больниц города. Она была построена при непосредственном участии Карла Андреевича, после чего он возглавлял ее на протяжении 50 лет. Специалистам Раух-

фус известен еще и как выдающийся клиницист, ученый, основоположник детской оториноларингологии, крупный организатор детского здравоохранения.

Оказалось, что Раухфус был не единственным педиатром. В процессе восстановления имен забытых педиатров Петербурга была обнаружена целая плеяда врачей, имевших немецкие корни. Никто из них не был пришельцем из Европы. Все родились и получили образование в России, однако традиционно сохраняли свою принадлежность к лютеранской вере. Трех из них, как и Карла Андреевича, можно смело назвать первыми столичными педиатрами-клиницистами. К тому же двое оказались современниками профессора Хотовицкого, хотя в педиатрию пришли совершенно иным, не «академическим» путем.

Филипп Филиппович фон Депп (1793–1855). Именно по отношению к нему впервые в России прозвучало слово «педиатр», хотя его имя неизвестно даже знатокам истории педиатрии. Филипп Филиппович родился в немецкой семье в Везенберге Эстляндской губернии, где его отец Филипп Иоганн Депп был верховным адвокатом земельного суда. В юном возрасте будущий врач был привезен в Петербург и помещен в Воспитательный дом. Это необычное учреждение было открыто по инициативе Бецкого еще в 1763 г. для «призрения незаконнорожденных, сирот и детей бедняков» и находилось под неусыпным наблюдением императрицы Марии Федоровны. Почему здесь оказался сын адвоката из Эстляндии, история умалчивает, но для этого потребовалось особое распоряжение Ее Императорского Величества.

При Воспитательном доме была своя гимназия, которая не уступала ведущим гимназиям столицы. В 1805 г. Мария Федоровна повелела выбрать 20 мальчиков и обучать их латыни для подготовки к поступлению в Медико-хирургическую академию.

Ф.Ф. фон Депп

Филипп Дедп оказался самым способным учеником этого класса, и Мария Федоровна до конца своих дней гордилась им, считая Дедпа наглядным примером справедливости своих педагогических взглядов. Окончив гимназию, но оставаясь под патронажем Воспитательного дома, Дедп поступил в Медико-хирургическую академию. Он окончил ее в 1814 г. в звании лекаря 1-го отделения (сегодня сказали бы «с отличием»). Дальше была недолгая служба в Мариинской больнице для бедных, заграничный поход во Францию лекарем при штабе Барклая-де-Толли, работа в гатчинском филиале Воспитательного дома и гатчинском госпитале.

В 1829 г. в ранге штаб-лекаря Дедп вернулся в свой родной Воспитательный дом, где в качестве главного доктора возглавил медицинскую часть этого учреждения. Фактически с него здесь началась медицина. Понятно, что там, где много детей, особенно первого года жизни, много болезней. По существу, именно здесь была создана первая в России детская больница, правда, пока только для нужд самого Воспитательного дома. Бичом Воспитательного дома были детские инфекции. Изучению их эпидемиологии и течения Дедп уделял особое внимание. Здесь, в Воспитательном доме, эмпирическим путем Дедп определял длительность заразного и инкубационного периодов при кори, скарлатине, дифтерии и многих других детских инфекциях. На эти сроки опираются педиатры и эпидемиологи сегодняшнего дня.

При Воспитательном доме Дедп открыл первую детскую амбулаторию «для приходящих детей», где независимо от сословий ежедневно вел прием всех тех, кто обращался за помощью. Еще не существовало понятия «лейб-педиатр», но Дедпа нередко приглашали ко двору для лечения детей августейших особ. Главным помощником Филиппа Филипповича долгие годы оставался его однокашник по Воспитательному дому и Медико-хирургической академии, детский врач Александр Никитич Никитин (1793–1858). Он возглавил так называемую «деревенскую экспедицию».

Это был уникальный опыт, когда детей Воспитательного дома до достижения ими семилетнего возраста за плату размещали в специально подобранные крестьянские семьи Петербургской губернии. «Деревенская экспедиция» обладала приличным штатом чиновников и врачей. Тщательно отбирались семьи, их обучали уходу и воспитанию, а затем постоянно контролировали состояние здоровья и развитие малышей. Для заболевших детишек, находящихся под опекой

«деревенской экспедиции», по всей губернии была создана сеть лазаретов. К сожалению, вся эта система после смерти Деппа была разрушена. Позже ее восстанавливали вновь.

За особые заслуги на посту главного доктора Императорского Воспитательного дома, масштабную научную и просветительскую деятельность, в 1835 г. Медицинский совет Медико-хирургической академии присудил Деппу высшее ученое звание «доктор медицины и хирургии». Он был возведен в ранг придворного доктора, ему было пожаловано имение Муромницы в Ямбургском уезде Петербургской губернии. В 1841 г. действительный статский советник Филипп Филиппович Депп был утвержден в потомственном дворянстве. Скончался Депп в 1855 г. и был похоронен в своем имении. Место его захоронения известно, но склеп не сохранился.

Интересный факт: героем другой статьи настоящего сборника («Служили два товарища») является внук Ф.Ф. Деппа, один из первых морских летчиков России П.Е. Депп.

Федор Иванович фон Вейссе (1792–1869). В отличие от Деппа, имя этого доктора иногда упоминается в литературе, но только в общем списке главных врачей руководимой им старейшей детской больницы. На самом деле Федор Иванович был одним из самых востребованных детских врачей столицы, крупным ученым, тайным советником, лейб-медиком Двора Его Императорского Величества. Он единственный педиатр в истории царской России, избранный членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

Его настоящее имя — Иоганн Фридрих, родился он в Ревеле в семье торговца мехами Иоганна Вейссе. После завершения в 1810 г. среднего образования в Ревельской гимназии Густова Адольфа он поступил в Дерптский университет, медицинский факультет которого окончил в 1815 г. защитой диссертации на звание доктора медицины. В годы учебы в течение нескольких

Ф.И. фон Вейссе

месяцев Вейссе принимал участие в войне с Наполеоном, оказывая помощь раненым в осажденной Риге.

Среди высших учебных учреждений императорской России Дерптский университет стоял особняком. Прежде всего он отличался тем, что преподавание здесь велось на немецком языке. Это позволяло приглашать для чтения курсов профессоров из Европы. Существовала в университете и другая практика, которой удалось воспользоваться Вейссе. Сразу после окончания университета «с ученой целью» и за казенный счет он был направлен в Европу, где до 1819 г. стажировался в ведущих университетских клиниках Германии, Австрии, Франции и Великобритании. Ему выпала удача поработать в первой в Европе детской клинике венского профессора Голиса.

В 1820 г. Иоганн Вейссе решил искать счастья в Санкт-Петербурге. Здесь он стал именоваться Федором Ивановичем и сначала занялся частной практикой, затем поступил на государственную службу тюремным врачом и врачом 1-й, 2-й и 3-й городских гимназий.

6 декабря 1834 г. по инициативе графа Бенкендорфа, графа Апраксина и лейб-медика Арендта на Английском проспекте у Аларчина моста, в помещении дома 36, был открыта первая в России детская больница на 60 коек. Возглавил ее военный доктор Карл Иванович Фридебург, герой войны 1812 г., хотя и далекий от педиатрии. Карл Иванович много болел и скончался менее чем через год, поэтому все тяготы по организации больницы пали на его заместителя, а затем и преемника Федора Ивановича Вейссе.

В те годы терапевтическая медицина не располагала такими технологиями, которые не могли бы применяться в домашних условиях, поэтому люди состоятельные лечились дома. Больницы были ориентированы на оказание помощи бедным — тем, уход за которыми не могли обеспечить их близкие. Основным действующим лицом в таких больницах был младший и средний медицинский персонал, воспитанием которого занимался Вейссе.

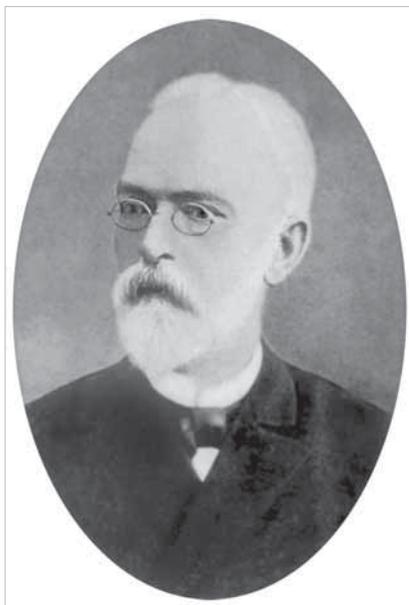
Усилиями Вейссе авторитет больницы стремительно рос. В 1842 г. она переехала в новое здание на Большой Подъяческой ул., д. 30. Здесь число коек было доведено до 100, появилась возможность раздельного содержания детей с различными инфекциями. Кроме того, в больнице были открыты собственная аптека и амбулатория для приема проходящих больных, расширился врачебный штат.

Очень скоро Вейссе приобрел репутацию превосходного педиатра. Его деятельность была отмечена многими наградами. В 1843 г. Федор Иванович был утвержден в потомственном дворянстве.

В дополнение к своей обширной практике Вейссе занимался научной деятельностью. Им написана серия трактатов по детским болезням. Его любимой темой было изучение простейших паразитов человека. Одним из первых он увлекся исследованием «животного магнетизма», издав несколько работ на эту тему и тем самым оказавшись у истоков такого направления в науке, как электрофизиология. 29 декабря 1855 г. Вейссе был избран членом-корреспондентом Академии наук и назначен лейб-медиком Двора Его Императорского Величества с присвоением чина тайного советника.

В 1859 г., в день, когда больнице исполнилось 25 лет, она стала именоваться Николаевской. Тремя годами позже Вейссе оставил свою должность. Он скончался в 1869 г. в Ревеле и был похоронен на уничтоженном в советские годы кладбище Копли. Больница, созданная Федором Ивановичем, существует и в наши дни. Она великолепно оборудована, располагает комплексом современных зданий, но почему-то носит имя знаменитого московского педиатра Нила Федоровича Филатова.

Владимир Николаевич фон Рейтц (1838—1904). Ровесник Карла Андреевича Раухфуса, он родился, когда Филипп Филиппович Депп уже достиг широкой известности в Петербурге, а Федор Иванович Вейссе три года как возглавлял свою детскую больницу. Сведений о семье и даже месте рождения Рейтца обнаружить не удалось. Известно лишь, что гимназию он окончил в 1856 г. в Казани. В 1860 г. Владимир Николаевич с серебряной медалью окончил Медико-хирургическую академию и был оставлен в ней для дальнейшего совершенствования. Через три

В.Н. фон Рейтц

года Рейтц защитил диссертацию на звание доктора медицины. Она оказалась первой в истории академии и России, выполненной по детским болезням, хотя даже кафедры с таким названием еще не существовало. Сразу после этого Рейтц на три года отправился в Европу, где стажировался в ведущих клиниках Австрии и Германии.

Вернувшись в Россию, вскоре он был назначен главным врачом Елизаветинской больницы для малолетних детей. Хотя она и была открыта еще в 1844 г., но ютилась в приспособленном помещении и была рассчитана на малое число коек. На посту главного доктора больницы (с отставанием всего в два года) Рейтцу практически полностью пришлось повторить путь Карла Андреевича Раухфуса. Он принял деятельное участие в проектировании нового здания больницы, контролировал весь ход строительства, а затем руководил ею до самой смерти. Владимир Николаевич воспитал уникальный коллектив единомышленников, давший медицинской науке много замечательных имен. В советское время детская больница на набережной реки Фонтанки, д. 152, которая стала носить имя Луи Пастера, просуществовала до начала 1990-х годов. Сейчас в этом здании находится противотуберкулезный диспансер.

Еще одной заслугой Рейтца стала организация им курса, а затем кафедры детских болезней при Еленинском институте для усовершенствования врачей. Рейтц оказался одним из учредителей этого института. Как и в случае с больницей, он участвовал в проектировании института, контролировал возведение, а затем был избран его почетным профессором. Таким образом, Рейтц оказался организатором второй в Петербурге педиатрической кафедры. Правда, из-за болезни и скорой смерти возглавить ее он так и не смог.

Из всех петербургских педиатров конца XIX в. только Раухфус и Рейтц имели чин тайного советника. Хотя Рейтц и не был лейб-педиатром, есть все основания считать, что в конце жизни он привлекался к лечению цесаревича Алексея. В связи с возникновением у новорожденного пупочного кровотечения, обусловленного гемофилией, Рейтц срочно выехал в Петергоф, где летом 1904 г. находилась венценосная семья. Там он скоропостижно скончался через месяц после рождения наследника.

Имя Рейтца практически забыто. Была утрачена и его могила на Смоленском лютеранском кладбище. Лишь в 2015 г. ее удалось обнаружить в самом плачевном состоянии. К сожалению, нынешнее руководство кафедры педиатрии при Санкт-Петербургской государ-

ственной медицинской академии им. И. И. Мечникова не обратило внимания на этот факт.

Преемником профессора Рейтца на посту главного врача Елизаветинской детской больницы, затем доктора Раухфуса на посту главного врача больницы принца Ольденбургского, а также первым руководителем кафедры детских болезней, созданной Рейтцем в Еленинском институте для усовершенствования врачей, был профессор **Александр Андреевич Руссов** (1846–1911). Выпускник Медико-хирургической академии 1870 г., он оказался одним из первых воспитанников кафедры детских болезней профессора Н.И. Быстрова. Свою практическую деятельность педиатра Руссов начал в академической клинике детских болезней и по приглашению Раухфуса — сверхштатным врачом в детской больнице принца Петра Ольденбургского. В 1879 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины «Сравнительные наблюдения над влиянием кормления грудью и искусственного кормления на вес и рост детей». Почти сразу Александру Александровичу было поручено чтение лекций по детским болезням перед слушательницами Высших женских медицинских курсов, открытых в 1872 г. при Медико-хирургической академии. В 1905 г. Руссов возглавил Елизаветинскую больницу для малолетних детей, которой руководил до назначения главным доктором больницы принца Ольденбургского. Помимо перечисленного, в его послужном списке руководство первой в столице Петролюбовской лечебницей для хронически больных детей в Дегтярном переулке, должность приват-доцента на кафедре детских болезней в Медико-хирургической академии в годы, когда ею руководил профессор Н.П. Гундобин, работа в Институте ордена святой Екатерины для благородных девиц, а также в составе Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императ-

А.А. Руссов

В.К. Арнгейм

рицы Марии. Александр Александрович скоропостижно скончался на даче в Териоках (Зеленогорске), где и был похоронен. После Великой Отечественной войны кладбище не сохранилось.

Одним из первых широко практикующих педиатров Санкт-Петербурга стал **Фридрих (Федор) Карлович Арнгейм** (1845–1893). Спустя 10 лет после того, как здесь учился К.А. Раухфус, в той же немецкой гимназии Петришule среднее образование получил и Арнгейм. Вслед за тем он поступил в Медико-хирургическую академию, которую успешно окончил в 1868 г. Вра-

чебную деятельность Федор Карлович начал в Максимилиановской лечебнице, а через три года получил приглашение младшим ординатором в детскую Елизаветинскую больницу для бедных детей, где работал под руководством В.Н. Рейтца. В 1876 г. Арнгейм защитил диссертацию на звание доктора медицины. Она была посвящена актуальной проблеме — крупу у детей первых лет жизни. Постепенно Федор Карлович вырос до должности старшего врача и заместителя Рейтца, а в 1891 г. возглавил Максимилиановскую лечебницу. Блестящая карьера Арнгейма оборвалась в возрасте 47 лет.

Популярным петербургским педиатром-клиницистом был и главный врач петербургского Воспитательного дома, приват-доцент кафедры детских болезней Императорской Военно-медицинской академии, вице-председатель Общества детских врачей Санкт-Петербурга **Михаил Дмитриевич Ван-Путерен** (1853–1908).

Выпускник Медико-хирургической академии, первые 10 лет своей врачебной деятельности он работал на родине в Нижнем Новгороде. Только в 1887 году он вернулся в Санкт-Петербург, где с блеском защитил диссертацию на степень доктора медицины «Материалы для физиологии желудочного пищеварения у грудных детей в первые два месяца жизни» и был принят врачом Воспитательного дома, который

возглавил в 1896 г. Михаил Дмитриевич — автор многочисленных трудов по педиатрии. У себя в Воспитательном доме одним из первых в мире он стал применять кормление ослабленных новорожденных через зонд.

Заметный след в истории становления петербургской педиатрии оставили двое друзей: **Юлий Петрович Серк** (1849–1919) и **Ричард Александрович Петерс** (1850–1908). Оба — уроженцы Санкт-Петербурга, учились в частной столичной гимназии Карла Мая, но медицинское образование получили в Дерптском университете. После защиты диссертаций на звание доктора

М.Д. Ван-Путерен

Ю.П. Серк

Р.А. Петерс

медицины вернулись (сначала Серк, а затем Петерс) в Петербург, где Карл Раухфус пригласил их в свою больницу принца Ольденбургского. Здесь Серк прошел путь от ассистента, заведующего отделением для приходящих больных до главного врача. Именно он, став преемником А.А. Руссова, возглавлял больницу в переломный период Октябрьской революции, Гражданской войны и разрухи. Его усилиями больница пережила это страшное время. Что касается Петерса, то помимо больницы он был избран приват-доцентом кафедры детских болезней Военно-медицинской академии. Вскоре Раухфус сделал его своим заместителем и, собравшись в 1908 г. уйти на покой, готовил его на место главного доктора. Скоропостижная смерть Ричарда Александровича расстроила эти планы. Следует отметить, что, имея обширную частную практику, и Серк, и Петерс пользовались в столице авторитетом выдающихся педиатров.

Преемником Ван-Путерена на посту главного врача петербургского Воспитательного дома оказался **Владислав Осипович Губерт** (1863–1941). После окончания медицинского факультета Казанского университета он переехал в Петербург, где на кафедре детских болезней Медико-хирургической академии под руководством профессора Н.П. Гундобина выполнил диссертационное исследование «Клиническое течение вакцинного процесса и его главнейшие отклонения

В.О. Губерт

у человека». Получив звание доктора медицины, он был избран на должность приват-доцента своей кафедры и одновременно принят врачом Воспитательного дома, который возглавил в 1908 г. В те же годы Владислав Осипович принял на себя руководство городским Оспопрививальным институтом, рядом с которым организовал первый приют для вскармливания недоносков. С началом Первой мировой войны Губерт оказался в действующей армии. Он пережил Октябрьскую революцию и Гражданскую войну, но новой власти как врач уже не понадобился и был вынужден

оставить медицину. Владислав Осипович погиб от голода в блокадном Ленинграде.

Несправедливо забытым столичным педиатром оказался и **Эдуард Эдуардович Гартье** (1872–1959). Родившись в Лифляндской губернии, он в детском возрасте был привезен в Петербург, где после окончания немецкой гимназии Петришule поступил в Военно-медицинскую академию. В годы учебы работал под руководством профессора Н.И. Быстрова в клинике детских болезней и профессора В.М. Бехтерева на кафедре нервных и душевных болезней. Получив звание лекаря, служил в Александровском госпитале лейб-гвардии Семеновского полка. Одновременно под руководством Н.П. Гундобина подготовил и в 1900 г. защитил диссертацию «Поджелудочная железа плодов и новорожденных человека» на звание доктора медицины. В 1906 г. Гартье был принят ассистентом в клинику детских болезней Военно-медицинской академии, где после смерти в 1908 г. профессора Гундобина баллотировался на его должность. Уступив профессору А.Н. Шкарину, был избран приват-доцентом той же кафедры. Позже занял должность старшего врача Елизаветинской больницы для малолетних детей, основал и возглавил кафедру педиатрии в Психоневрологическом институте В.М. Бехтерева. В 1920 г. Эдуард Эдуардович эмигрировал из Советской России. Оказавшись в Риге, он занял должность профессора медицинского факультета Латвийского университета, одновременно преподавал в Русском институте университетских знаний. С вхождением в 1940 г. Латвии в состав СССР Гартье продолжил работу в университете, но в период Великой Отечественной войны, в 1944 г., при подходе к Риге Красной армии покинул Латвию. Последние годы жил в Шотландии, но медицинской деятельностью уже не занимался.

В 1898 г., то есть двумя годами позже Гартье, с отличием окончил Военно-медицинскую академию **Эммануил Бернгардович Фурман**

Э.Э. Гартье

Э.Б. Фурман

(1874–1942). Среднее образование он получил в петербургской немецкой гимназии Анненшуле, после чего поступил в академию. В студенческие годы, работая под руководством профессоров Н.П. Гундобина и М.В. Яновского, за два научных исследования Фурман был удостоен премии им. С.П. Боткина. Службу начал младшим врачом в Ревельском 7-м пехотном полку. После возвращения в 1900 г. в Петербург Эммануил Бернгардович был принят врачом в Елизаветинский женский дворянский институт и евангелический родовспомогательный Александровский приют. Одновременно на кафедре детских болезней Военно-медицинской академии под руководством профессора Н.П. Гундобина он выполнил диссертационное исследование, посвященное рефлексам грудных детей. Звание доктора медицины Фурман получил в 1903 г. В эти же годы он прошел стажировку в детских клиниках Германии, Австрии, Швейцарии. Вернувшись в Россию, Эммануил Бернгардович принял участие в Русско-японской войне. С ее окончанием был назначен ординатором петербургской Елизаветинской больницы для малолетних детей, где проработал до Октябрьской революции. В годы Гражданской войны он служил врачом сначала в Белой, затем в Красной армии. В 1922 г. в ранге профессора Фурман организовал и возглавил кафедру детских болезней Государственного института медицинских знаний (ГИМЗ) — будущего Санитарно-гигиенического медицинского института (первоначально это было поручено Э.Э. Гартъе, но тот покинул Россию). В 1930 г. Эммануил Бернгардович был арестован и осужден по 58-й статье. До 1934 г. находился на Соловках, затем на строительстве Беломорско-Балтийского канала, где работал по специальности. После освобождения переехал в Ижевск, где организовал кафедру в местном медицинском институте. Когда началась Великая Отечественная война, местному НКВД нужно было обяза-

тельно иметь собственных шпионов. Немец по национальности, бывший участник Белого движения, недавно осужденный за вредительство враг народа, Фурман как никто другой подходил на эту роль. То, что он мог шпионить лишь за больными детьми, роли не играло... Эммануил Бернгардович Фурман был осужден и расстрелян 7 января 1942 г.

Вильгельм (Василий) Адольфович Шаак (1880–1957) не собирался становиться детским врачом. Он родился в Курляндии, учился в гимназии Митавы, где его отец был управляющим, но завершил среднее образование уже в Кронштадте. В подростковом возрасте проходил лечение в академической хирургической клинике И.Э. Гаген-Торна, что и повлияло на выбор им будущей профессии.

Учась в Военно-медицинской академии, Шаак специализировался по хирургии в клинике лейб-хирурга профессора Н.А. Вельяминова и у своего дальнего родственника, почетного лейб-хирурга К.П. Домбровского. В 1903 г. Шаак с отличием окончил академию и был выпущен лекарем в Царскосельский лазарет Ее Императорского Величества. С 1907 г. в течение трех лет Вильгельм Адольфович стажировался в клиниках профессоров хирургии Э. Лексера в Кенигсберге и А. Эйзельсберга в Вене, а также у профессора А. Бира в Берлине. В 1912 г. В.А. Шаак был принят на должность ассистента факультетской клиники петербургского Женского медицинского института (с 1924 г. — 1-го Ленинградского медицинского института), хирургом Обуховской больницы и Биржевой барачной больницы в память императора Александра II. В 1914 г. в Военно-медицинской академии он защитил диссертацию «Изменения крови и кроветворных органов после ампутаций и экзартикуляций. Экспериментальное исследование» на звание доктора медицины. После Октябрьской революции Вильгельм Адольфович был

В.А. Шаак

избран приват-доцентом своей кафедры, которую вскоре возглавил в связи с эмиграцией профессора Г.Ф. Цейдлера. В 1921 г. Шаак был избран профессором, а в 1924 г. возглавил впервые созданное хирургическое отделение в детской больнице им. Н.Ф. Филатова (той самой, которой почти веком раньше руководил Ф.И. фон Вейссе). В 1931 г. именно Шаак организовал первую в СССР кафедру детской хирургии при 1-м Ленинградском медицинском институте, а в 1935 г. — кафедру детской хирургии в Ленинградском педиатрическом медицинском институте.

Весной 1942 г. часть института была эвакуирована из блокадного Ленинграда на Кавказ с целью организации там филиала 1-го медицинского института. Шаак оказался в Кисловодске, где возглавил кафедру хирургии. После занятия Кисловодска фашистами новая администрация сохранила институт, но ректором назначила именно немца Вильгельма Адольфовича Шаака. В своей речи по случаю вступления в должность в присутствии оккупантов он произнес следующие слова: «Друзья, мы открываем Русский медицинский институт. Мы — русские и должны готовить хороших русских врачей, чтобы было кому лечить русских людей». В 1943 г., оставляя Кисловодск, фашисты насильственно увезли Шаака в Германию. В Берлине благодаря покровительству своего учителя А. Бира он занимался медицинской практикой. После войны Шаак вернулся в Ленинград. Пройдя тщательную проверку в одном из фильтрационных лагерей, Вильгельм Адольфович был признан невиновным. В последующие годы он руководил радиохирургическим отделением Рентгенорадиологического института.

Настоящий список петербургских (ленинградских) педиатров немецкого происхождения далеко не полный, но и он демонстрирует их особую склонность к лечебной деятельности. Вместе с тем в разные годы они возглавляли ведущие детские больницы города, организовывали и руководили кафедрами, занимались исследовательской деятельностью. И главное — все были отменными врачами, причастными к становлению клинической педиатрии в России.

Примечание: под логином GtorgeK в русскоязычной Википедии автором настоящей статьи подготовлены и опубликованы или полностью переработаны подробные биографии всех ее героев.

1. *Абельман М.Л.* Памяти В.Н. Рейтца. СПб.: Электротпечатания Я. Кровицкого, 1904. 16 с. (Доклад, читанный в заседании Общества детских врачей в С.-Петербурге 13 октября 1904 г.).

2. Двадцатипятилетие деятельности врачей, окончивших курс в Императорской Медико-хирургической академии в 1868 г. 1868—XXV—1893 / Сост. А. Кривский, В. Чemezov. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1893. 151 с.

3. *Иванова Н.И.* «С факелом в руках, с ногами, обогранными кровью...» («Медицинский род» профессора по детским болезням Эммануила Фурмана) // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII—XX вв.) / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2008. Вып. 4. С. 143—147.

4. *Мельникова И.Ю.* Профессор Александр Андреевич Руссов — основатель кафедры детских болезней. К 160-летию со дня рождения // Вестник МАПО. 2006, март. № 3 (51). С. 5.

5. *Никитин А.Н.* Некролог доктора медицины и хирургии Филиппа Филипповича Делпа. СПб.: Тип. Н. Греча, 1855. 4 с.

6. *Околов В.Л.* В.А. Шаак (1880—1957). М.: Медицина, 1984. 56 с. (Выдающиеся деятели отечественной медицины и здравоохранения).

7. *Патракова А.Л.* Голландцы ван (фон) Путерены — династия русских врачей // Доклад на Тринадцатой ежегодной научной конференции «Выходцы из Нидерландов и их российские потомки» (8 сентября 2011 г.).

8. *Петров Ю.Н.* В.О. Губерт — забытый деятель здравоохранения дореволюционного Петербурга // История Петербурга. 2006. № 4.

9. *Фейгмане Т.* Русские в довоенной Латвии: на пути к интеграции. Рига, 2000.

10. *Шабанова А.Н.* Карл Андреевич Раухфус. Харьков: Науч. мысль, 1926. 9 с.

11. Weisse Johann Friedrich // Lexicon. 1834.

XX век

А.И. Новиков, Г.А. Копытов

СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА — СУДЬБЫ ДРУЗЕЙ ГЛАЗАМИ ИХ ПОТОМКОВ

В течение многих десятилетий независимо друг от друга в двух петербургских семьях бережно хранились отрывочные записи воспоминаний, дневники и фотографии, отражающие жизнь и историю недолгой дружбы двух товарищей. Лишь недавно, по счастливому стечению обстоятельств, архивы семей удалось соединить, что позволило провести увлекательное расследование.

Речь идет о выпускниках Санкт-Петербургской немецкой гимназии Карла Мая, одних из первых российских морских летчиков — Викторе Кербере и Павле Дeppe. Выходцы из двух старинных родов остзейских немцев, они родились в 1894 г. с разницей всего в 5 месяцев. Оба мальчика воспитывались в состоятельных петербургских семьях, но почти без участия отцов. Землевладелец, член Дворянского собрания Санкт-Петербурга, почетный мировой судья Ямбургского уезда Евгений Николаевич фон Дeпп умер, когда сыну было всего 6 лет. Отец Виктора Кербера был боевым морским офицером и постоянно находился в морских походах или в длительных заграничных командировках. Из детских лет Виктору запомнился лишь один неполный год, когда, будучи слушателем Военно-морской академии, Людвиг Бернгардович фон Кербер жил дома.

Виктор и Павел учились в гимназии Карла Мая, но в разное время. Если Виктор начал в ней обучение с подготовительного класса, то Павел, иногда с весьма продолжительными перерывами, довольно долго учился в 5-й Аларчинской гимназии и лишь в 1910 г., когда Виктор уже находился в 7-м классе, поступил сюда в 4-й класс. Познакомились они не сразу. В сохранившемся дневнике Павла, который он вел в 1912 г., имя Виктора не упоминается ни разу.

По-видимому, уже в школьные годы мальчики стали интересоваться зарождающейся авиацией. Так, из воспоминаний Виктора стало известно, что в их гимназии был организован первый в России школьный кружок Общества любителей авиационного спорта (ОЛАС), в котором близкий друг Виктора Николай Фаусек построил первую действующую модель самолета. По записям Виктора можно судить, что именно тогда у него проснулся интерес к авиации. Он не пропустил ни одной авианедели, которые стали устраиваться в столице.

Есть свидетельства, что в школьные годы авиацией стал увлекаться и Павел. Его сестра Александра в своих воспоминаниях писала: *«Авиация очень интересовала Павла и его друга Вику Кербера, настолько, что за год до поступления на курсы (речь идет об Офицерской школе морской авиации, куда Павел поступил в 1916 г. — А.Н., Г.К.) в сарае дома, где жил Виктор в Новой Деревне, они построили настоящий самолет...»* Правда, Виктор жил в Новой Деревне гораздо позже, начиная с 1926 г., и самолет в квартире он строил в 1929 г. Тем не менее нет дыма без огня. Журнал «Огонек» за 21 августа 1910 г. сообщал, что гимназист школы Карла Мая Григорий Векшин летом, находясь в Гапсале (Эстония), *«...ухитрился собственными силами построить планер типа Вуазен, на котором совершил ряд удачных полетов».*

В гимназии К. Мая

Интересно, что в Гапсале находилась и летняя резиденция семьи Деппов. Возможно, Павел принимал участие в строительстве именно этого летательного аппарата. Просто по прошествии многих десятилетий некоторые события в памяти сестры Павла могли поменяться местами. Вместе с тем тот факт, что сестра Павла знала о жизни Виктора в Новой Деревне (что он построил дома самолет), является едва ли не единственным свидетельством того, что они не потеряли связи спустя много лет после гибели Павла.

В 1912 г. Виктор окончил гимназию и успешно сдал экзамены сразу в два института — Политехнический и инженеров путей сообщения. Как раз в эти годы в них стали читаться лекции по аэродинамике и основам воздухоплавания. Из двух вузов Виктор выбрал второй.

Что касается Павла, то до окончания школы ему оставалось еще целых три года. Тем не менее именно с 1912 г. началась дружба юношей. А сблизили их занятия в школе фигурного катания, которую в Юсуповском саду впервые в России организовал знаменитый фигурист, первый российский олимпийский чемпион Николай Александрович Панин-Коломенкин. Особенно преуспел в этом виде спорта Павел, который, по свидетельству Виктора, вскоре выполнил норматив 4-го разряда.

Охотник флота П. Депп
1916 г.

Лейб-ерерь В. Кербер
1915 г.

Но наступил 1914 г. С началом войны Виктор прервал учебу в институте и поступил на ускоренный курс Пажеского кадетского корпуса. Даже в годы войны сюда принимались только дети высших офицеров. Привилегия была одна — возможность служить после окончания корпуса в одном из полков императорской гвардии, которая традиционно использовалась на самых опасных направлениях. Уже в мае 1915 г. Виктор был выпущен в запасный батальон лейб-гвардии Егерского полка, но до февраля следующего года оставался в Петрограде и лишь с получением чина подпрапорщика с маршевой ротой убыл в действующую армию.

Что касается Павла, то после окончания школы Карла Мая в 1916 г. он поступил охотником флота в Офицерскую школу морской авиации.

Много лет спустя в письме Виктору бывший летчик морской авиации Людвиг Иванович Гикса писал: «...набор охотников флота в Школу морской авиации осуществлялся в феврале 1916 г. отделом воздушного флота Общества по усилению флота на добровольные пожертвования». В монографии историка морской авиации А.О. Александрова можно

Теоретические авиационные курсы при Политехническом институте.
1915 г. Архив П. Деппа (на переднем плане слева у винта)

прочитать: «...курсы морской авиации стали комплектовать из лиц, имеющих незаконченное высшее образование, главным образом из студентов высших технических учебных заведений. Курсанты — охотники флота, проходили сначала строевую подготовку во 2-м Балтийском флотском экипаже, а затем переводились на теоретические курсы морской авиации, где находились на казарменном положении в здании студенческого общежития Политехнического института...

Для теоретических занятий использовались аудитории Кораблестроительного отделения Политехнического института, а для практических — его мастерские и метеостанция». Важными условиями для зачисления были абсолютная добровольность, возраст до 27 лет и отменное здоровье, подтвержденное строгой медицинской комиссией. Благодаря усилиям заместителя директора музея школы Карла Мая М.Т. Валиева достоверно установлено, что, вопреки воспоминаниям Виктора, Павел никогда не был студентом, а следовательно, был зачислен в Школу морской авиации в виде исключения.

После успешной сдачи теоретических экзаменов и присвоения ему унтер-офицерского звания осенью 1916 г. Павел был направлен на

В. Кербер (крайний справа) после тяжелых боев в Галиции.
Сентябрь 1916 г. Брусиловский прорыв

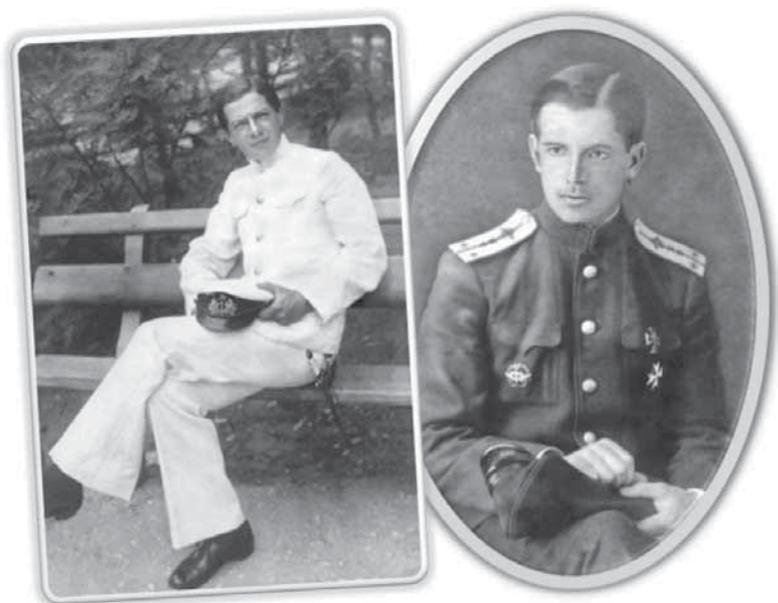
практику в Ревель авиамехаником на 3-ю воздушную станцию «Бригитовка».

Тем временем Виктор находился в окопах. Летом 1916 г. войска гвардии были спешно переброшены с Западного на Юго-Западный фронт, где поначалу весьма успешное наступление генерала Брусилова в Галиции стало выдыхаться. Боевое крещение гвардейцы получили в кровопролитных июльских боях на реке Стоход. Прорвать оборону немцев тогда так и не удалось. Вторая — сентябрьская — попытка наступления уже на Владимир-Волыньском направлении оказалась не более успешной. Для тех, кто помнит «Тихий Дон» Шолохова или «Красное колесо» Солженицына, знакомы названия галицийских деревень Свинюхи и Корытницы. Именно здесь, так и не добившись успеха, императорская гвардия фактически перестала существовать. В этих боях Виктор потерял двоюродного брата, сам был контужен, но остался в строю. В его батальоне живыми остались всего три офицера. Всех их можно видеть на снимке, сделанном после доукомплектования полка офицерами-кавалергардами. В те дни однополчанин и друг Виктора, тоже выпускник гимназии Карла Мая, Михаил Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский, который после ранения находился в обозе, писал жене: *«У нас все то же — полк по-прежнему на позиции. Каждый день обещают его снять, и каждый день он по-прежнему остается. Все это уже не так весело. К нам в обоз прибавился Кербер, который страшно изменился нравственно. Как-то ужасно постарел, жаль его очень...»*

Из писем Михаила Дмитриевича стала известна и дата возвращения Виктора в Петроград. 3 декабря 1916 г. он убыл в отпуск и в свой полк уже не вернулся. По личному рапорту он был командирован для учебы в Офицерскую школу морской авиации. Оказалось, что помимо охотников флота в школу принимались и боевые офицеры, причем не только флотские. При этом они официально оставались в составе своих полков и к школе считались прикомандированными. Офицеры, имевшие высшее или незаконченное высшее техническое образование, на теоретические курсы не направлялись. Следует отметить, что 30 октября 1916 г. в связи с назначением отца Виктора вице-адмирала Кербера командующим флотилии Северного Ледовитого океана ему по Высочайшему повелению «вместе с семейством» была изменена фамилия на Корвин. Фраза «вместе с семейством» имела прямое отношение к Виктору, который с этого времени свою прежнюю фамилию обычно указывал в скобках или после дефиса. В Школе морской авиации он уже был известен как Корвин.

В начале 1917 г. из Бригитовки в Петроград возвратился и Павел. Друзья встретились вновь и уже 2 февраля 1917 г. для приобретения навыков пилотирования морских самолетов выехали в Баку, где на незамерзающем Каспии находилась Бакинская офицерская школа морской авиации (коротко БОШМА).

Школа разместилась на набережной в самом центре города и занимала две пристани: Староатаможенную и Каменную, где силами личного состава были построены 7 ангаров. Курсанты обучались пилотированию на летающих лодках различных конструкций. Самым многочисленным и вместе с тем популярным среди летчиков был гидросамолет «М-5» российского авиаконструктора Д.П. Григоровича. Все курсанты были поделены между 13 отрядами, которые возглавлялись опытными инструкторами. Летали курсанты очень много, но еще больше времени уходило на обслуживание и ремонт техники. Случались и аварии, обычно из-за неисправностей. Нередко летчики и курсанты погибали. В те годы профессия морского летчика справедливо считалась одной из самых рискованных.

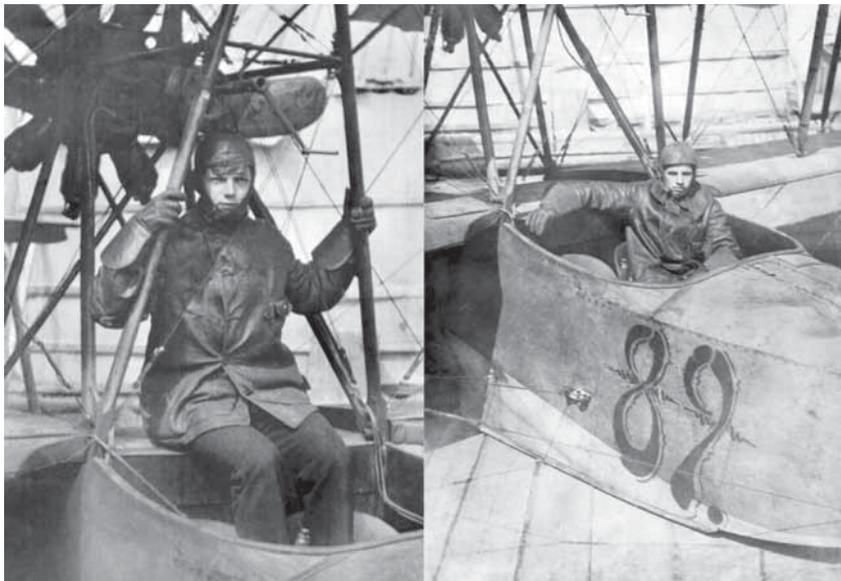

Морские летчики: мичман П. Десп и штабс-капитан В. Корвин (Кербер).
Баку, август 1917 г.

17 августа 1917 г. Виктор успешно сдал экзамен на звание морского летчика с одновременным присвоением чина штабс-капитана гвардии. Он был оставлен в школе инструктором, возглавив один из учебных отрядов под названием «Веди». Чуть позже экзамен сдал и Павел. В первом офицерском чине прапорщика по Адмиралтейству он был оставлен инструктором в том же отряде.

Уже через неделю после Октябрьского переворота к власти в Баку пришли большевики, однако до подписания 3 марта 1918 г. Брестского мира для личного состава БОШМА мало что поменялось, а учебный процесс не прерывался. Да и после подписания мирного соглашения школа не была расформирована, поскольку надо было противостоять наступающим туркам. В нарушение всех договоренностей Турция не вышла из войны с Россией. Напротив, военная активность Османской империи только усилилась. Когда весной 1918 г. турки стали приближаться к Баку, большевистское правительство Шаумяна было вынуждено даже обратиться за помощью к англичанам.

В мае 1918 г. Виктор с Павлом были командированы в Петроград, в Управление морской авиацией, для согласования вопроса об органи-

П. Депп и В. Корвин (Кербер) в кабине гидросамолета «М-5». Баку. 1917 г.

зации авиаотряда в Астрахани. Для Павла это была последняя встреча с близкими. Оказалось, что, пока друзья добирались домой, Управление вместе с правительством республики перебралось в Москву. Там Виктору и Павлу было предписано вернуться в Баку для организации взаимодействия с направляемым туда Кубанским дивизионом самолетов аэродромного базирования.

Тем временем в Баку наступили тяжелые времена. Город с большим трудом оборонялся от турецкой армии Нури-паши. Вернувшись в БОШМА, Виктор и Павел немедленно включились в боевые действия, причем Павел летал на одном из двух имевшихся в школе колесных самолетов «Фарман–30». Ежедневно летчики делали по 2–3 вылета на позиции с целью разведки или нанесения бомбовых ударов по вражеским укреплениям.

Только в июле из Москвы прибыл дивизион сухопутных самолетов. 13 новых «Ньюпоров» были собраны и вошли в состав боевой авиации Закавказья. Сразу выяснилось, что прибывшие летчики подготовлены очень слабо. В первый же вылет командир дивизиона С.П. Девель умышленно или случайно перелетел к туркам, а оставшиеся летчики совершили сразу несколько серьезных аварий при посадке. Во время одной из них значительно пострадал «Фарман» Павла — на него «приземлился» один из «Ньюпоров».

В конце концов, большинство летчиков Кубанского отряда были отправлены обратно в Москву, а за штурвалы их самолетов усадили морских летчиков. Среди них оказался и Виктор, который вскоре возглавил этот дивизион. В состав Кубанского дивизиона вошли и оба «Фармана», на одном из которых после его восстановления вновь летал Павел.

1 августа 1918 г. правительство Шаумяна было низложено, а власть в Баку перешла к меньшевистскому Центрокаспию. Оборону города возглавил полковник Лазарь Федорович Бичерахов. Уже через три дня для защиты Баку в город вошел английский корпус.

Интересная деталь: 19 августа приказом № 9 по Кавказской авиации были присвоены звания военных летчиков морским летчикам «Корвину (Керберу) Виктору, Каменскому Константину, Делпу Павлу, Огородникову Ивану и звание летчика-наблюдателя Котлярову Александру». Для российской армии это был редкий случай, когда офицеры имели одновременно сразу две летные специальности.

Оборона Баку продолжалась до 15 сентября. В тот день англичане покинули город, а возглавлявший оборону полковник Бичерахов го-

Фарман П. Деппа после аварии. На нем он погибнет 15 сентября 1918 г.
Архив В. Корвина (Кербера)

товился к неизбежной его сдаче туркам. Приступили к эвакуации и летчики Кубанского дивизиона. Все «Ньюпоры» пришлось уничтожить, а два «Фармана», обладавших значительной дальностью беспосадочного перелета, решено было перегнать на противоположный берег Каспия в Красноводск, где власть принадлежала меньшевикам. Маршрут в 250 км должны были преодолеть летчики Иван Огородников и Павел Депп в паре с летчиком-наблюдателем Александром Котляровым.

Много лет спустя Виктор описывал эти события следующим образом: *«15 сентября при активном наступлении турецких войск на Баку, личный состав был погружен на пароход. Все самолеты, кроме двух Фарманов—30, и ангары были подожжены. Летчик П. Депп и Котляров дали свое согласие перелететь в Красноводск, чтобы сохранить самолет. Такое же согласие лететь на втором Фармане изъявил летчик, фамилию которого я не помню. Был ли это Огородников, я не уверен, и один из механиков. Я наблюдал за вылетом обоих самолетов с пристани, где грузился личный состав дивизиона. Не долетев до мыса Апшеронского полуострова, один самолет вернулся на аэродром. Затем он вновь поднялся и улетел направлением на Красноводск. Как позже рассказал летчик второго самолета, он вернулся из-за какой-то неисправности. В море он*

не видел никаких следов первого самолета. Таким образом, первый самолет погиб при перелете из Баку в Красноводек. По заявлению летчика второго самолета, пехота вела интенсивный ружейный огонь по пролетавшим самолетам. Возможно, что на самолете Деппа был прострелен бак. П. Девп был прекрасным пловцом. К сожалению, командование отступавших войск не дало мне права как командиру дивизиона следовать по курсу улетевших самолетов на Красноводек, а заставило, угрожая оружием, следовать в Петровск-Порт (Махачкала). Когда же я там добился разрешения проследовать к самолетам дивизиона в Красноводек, искать в море погибший самолет было уже поздно».

К сказанному следует добавить, что, прибыв в Красноводек, Виктор нашел там лишь «Фарман» И. Огородникова, правда, без летчика. Вскоре Виктор был арестован, переправлен в Ашхабад, где оказался в соседней камере с известными 26-ю бакинскими комиссарами во главе с Шаумяном. Только чудом он не стал 27-м. Правда, вскоре меньшевики разобрались, и Виктор был отпущен.

Интересно, что о героической гибели Павла Девппа в 1920 г. поведала советская газета «Вестник воздушного флота». Статья могла появиться лишь потому, что в неразберихе тех лет, которая существовала на Кавказе, автор и редакторы так и не поняли, что подвиг совершил не красный военлет, а летчик, находившийся под командованием белогвардейского полковника Бичерахова. Много подобных искажений можно обнаружить и в воспоминаниях Виктора, но у него в условиях советской действительности они, вероятно, допускались умышленно.

Но вернемся к Виктору. На «Фармане» Огородникова в составе английского корпуса он в ноябре вернулся в Баку. Здесь Виктор оставался на службе в английском флоте, до тех пор пока после подписания Версальского мира коммодор Д. Норрис в августе 1919 г. не передал в Петровск-Порте все свои корабли Деникину. Тогда на службу в Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) перешли практически все русские офицеры, служившие с англичанами. Оказался у Деникина и Виктор. Летчиков во ВСЮР было достаточно, а вот самолетов явно не хватало. Прежде чем летать, пришлось восстанавливать старые изношенные машины на авиазаводе в Таганроге.

В январе 1920 г. под ударом Буденного Деникин был вынужден спешно оставить Таганрог. Виктор не смог уйти вместе с белыми, поскольку его жена в ближайшие дни должна была родить. Он долго скрывался и легализовался лишь благодаря поручительству известного в последующем полярного летчика Б.Г. Чухновского.

В Таганроге началась деятельность Виктора как авиаконструктора. Вместе с единомышленниками Н.Г. Михельсоном и М.М. Шишмаревым он выиграл конкурс на создание первого советского истребителя. Этот самолет так и остался в виде одного опытного образца, но позволил Виктору вскоре стать одним из ближайших сотрудников легендарного авиаконструктора Д.П. Григоровича, на самолетах которого он летал в Баку. Виктор оказался одним из ключевых участников всех проектов Д.П. Григоровича советского времени. В 1929 г. по инициативе Б.Г. Чухновского в содружестве с начинающим конструктором В.Б. Шавровым у себя в квартире Виктор построил собственный гидросамолет, предназначенный для полярной авиации. Уникальность заключалась в том, что кустарно построенный самолет, оказавшийся первой советской амфибией, на протяжении почти трех десятилетий выпускался серийно.

Уже почти закончив проект, в 1929 г. Виктор был арестован и осужден. Амфибию В.Б. Шавров завершил самостоятельно, что и определило название самолета — «Ш-1» (в серии «Ш-2»).

Оказавшись в заключении до начала Большого террора и удачно скрыв свое белогвардейское прошлое, Виктор попал в первую сталинскую шарагу — ЦКБ-39 ОГПУ при авиазаводе им. Менжинского. Вместе с Д.П. Григоровичем и королем истребителей Н.Н. Поликарповым он участвовал в создании самого передового для своего времени истребителя «И-5».

Парадокс сталинской эпохи заключался в том, что шарага спасла Виктора от верной гибели. Пока он в Москве трудился в качестве «вредителя», в Ленинграде по так называемому «гвардейскому делу» были арестованы почти все оставшиеся в России бывшие офицеры гвардейских полков. Из числа офицеров его лейб-гвардии Егерского полка чекисты расстреляли всех, кого нашли, — 27 человек. Кроме Виктора, чудесным образом избежал ареста лишь вышеупомянутый Михаил Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский. Он погиб в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

После освобождения Виктор несколько лет проработал главным инженером Воронежского авиационного завода, затем вернулся в Ленинград, где на авиазаводе № 23 продолжил конструкторскую деятельность. Он пережил блокаду, во время которой потерял мать и сына, названного им Павлом в память о друге.

Виктор оставил свой завод в 1960-е годы, после того как тот был перепрофилирован на выпуск ракетной техники. В последние годы

жизни занялся историей морской авиации, был частым гостем в школе, где когда-то учился и которая в годы его юности носила славное имя своего основателя — Карла Мая.

Виктор Людвигович Корвин (Кебрер) пережил друга своей юности более чем на полвека, и все эти годы его не покидала мысль, что именно он, отправив Павла в тот роковой полет, повинен в гибели товарища.

Примечание: в русскоязычной Википедии авторами настоящей статьи подготовлены и опубликованы подробные биографии ее героев, история Офицерской школы морской авиации и обширный фотоархив.

Т.А. Шрадер

ВОПРОС О «ЛИКВИДАЦИИ НЕМЕЦКОГО ЗАСИЛЬЯ» В ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В августе 1915 г. вопрос аграрной политики царского правительства России обсуждался на заседаниях Государственной думы. Представители различных фракций высказывали свое мнение и сомнения относительно «немецкого засилья». Не стоял в стороне и император Николай II, который 2 мая 1915 г. писал о «ликвидации немецкого засилья»: «Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в широкой скупке Крестьянским банком колонистских земель. Приступить к ней немедленно, а для пополнения образуемого запаса наладить теперь же подготовку земель казенных»¹. В Особом журнале Совета министров в том же году указано, «что осевшие на надельных землях немецкие колонии, несомненно, представляют серьезную угрозу государственной безопасности», а земли эти составляли 1 931 227 десятин². Правительство рассчитывало на то, что скупку земель, подлежащих отчуждению, будет проводить Крестьянский поземельный банк. Положение об этом банке было утверждено императором и Государственным советом в 1882 г. Согласно этому документу, банк представлял собой государственное учреждение и находился в ведении правительства³. В начале Первой мировой войны размеры и стоимость Крестьянского банка снижались, после февральских событий 1917 г. операции банка декретом Временного правительства были приостановлены, а с октября 1917 г. Крестьянский банк был ликвидирован⁴.

В задачу автора не входит раскрытие деятельности указанного банка, в данной работе будут использованы факты, касающиеся операций 1915–1916 гг., то есть скупки земель, принадлежавших подданным воевавших с Россией государств. Это право было предоставлено

решением Совета министров от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. В первую очередь эти законы касались тех, кто проживал в стоверстной полосе Западной Двины вдоль Балтийского моря, с его заливами до реки Торнео. В законе говорилось, что австрийские, венгерские, турецкие и германские подданные и выходцы не имели права владеть и пользоваться недвижимым имуществом. После года опубликования закона все лишались недвижимого имущества. Представляет интерес мнение министра внутренних дел Н. Маклакова о «немецком засилье», в котором давалась историческая справка о мерах, предпринимаемых российским правительством к сокращению немецкого землепользования с середины 1880-х годов до начала Первой мировой войны⁵. В докладе указывалось, что российское правительство уже на протяжении 30 лет проводило политику по упорядочению иностранного землевладения, сокращению его дальнейшего роста. В 1892 г. вступили в силу первые ограничения прав колонистов, которым ставилось в вину «отсутствие стремления слиться с окружающим населением, сохранение своей собственности, отчуждение от русского народа». Схема отчуждения проводилась следующим образом: в губернских областях публиковались списки владельцев земель, подлежащих отчуждению, далее сведения о количестве владений, представленных на торги, а затем данные о покупке Крестьянским банком, тут же могли быть и частные сделки. Все сведения направлялись в Особый комитет по борьбе с немецким засильем. Он был создан как вспомогательный орган при Кабинете министров, и его положение утверждено Николаем II⁶. За год существования Комитетом было рассмотрено 630 прошений частного порядка, в большинстве меннонитов, о возможности сохранения имущества. Всего было отклонено 613 прошений, принято — 177. В марте 1917 г. вышло постановление Временного правительства о приостановлении законов по землепользованию. 14 июня того же года постановлением Временного правительства Комитет по борьбе с немецким засильем был упразднен⁸. В посланиях на имя императора было раскрыто немало судеб немецких семей. Российское правительство рассчитывало, что к весне 1917 г. все немецкие владения перейдут во владение Крестьянского банка и в руках государства сосредоточится два миллиона десятин земель немецких колонистов⁹. В результате на 1 января 1917 г. Крестьянским банком было куплено 431 владение площадью 144 984 дес. 726 владений банком было отклонено по причине маломерности, несостоятельности целям землеустройства, задолженности и др.¹⁰ Основной удар отчуждения при-

шелся на немецких колонистов, представители других сословий немцев получали ряд привилегий. Но борьба с «германизмом» не только не увенчалась успехом, но и нанесла вред сельскому хозяйству России. Уже весной 1916 г. на ликвидируемых колонистских землях местные власти отмечали недосев. Основная деятельность правительственных кругов в деле отчуждения была направлена на южные губернии России, где располагались прекрасно разработанные сельскохозяйственные угодья колонистов. На этих землях правительство предполагало разместить пришедших с фронта крестьян¹¹. Что же касается районов, которые не были житницами страны, то вниманием они тоже не были обделены.

Документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), дают возможность раскрыть ход отчуждения земель в Петроградской губернии. В циркулярном письме из Министерства внутренних дел России в земский отдел Петроградского губернского управления от февраля 1915 г. указывалось на необходимость местной власти особо бдительно относиться к внутренней жизни обособленных союзов, населенных лицами немецкого происхождения. Во главе общественного управления немцев-колонистов должны стоять люди, в лояльности которых не было сомнения, или представители русской национальности¹². Предлагалось обратить особое внимание на жизнь и деятельность колонистских обществ, их управление. По заданию МВД и губернатора в уездных полицейских участках были собраны подробнейшие сведения обо всех колониях Петроградской губернии. При подсчете общего числа статистических данных о количестве немецких колонистов в губернии их общая численность составляла около 11 тыс. человек. В донесении уездного исправника Царского Села читаем: «Колонисты живут замкнуто, одни, среди них нет русских, в браки вступают со своими же немецкими колонистами. Народ предупредительный, грамотный, хотя они до сего времени ничего вредного не проявляли, но нельзя положиться, чтобы они могли не допустить чего-либо предосудительного, заранее обдуманно, тайно, поэтому поселение их здесь, в Царскосельском уезде, вблизи резиденции государя императора едва ли желательно <...> Наблюдение за ними имеется»¹³.

По запросу Министерства внутренних дел от 11 февраля 1915 г. и генерал-квартирмейстера штаба VI армии, отдела разведки местное управление предоставило сведения о количестве немцев и размерах

каждой усадьбы в колонии немцев, а также о том, на каком расстоянии от Петрограда находилась каждая колония.

В качестве примера приведу данные по крупнейшим колониям.

Новосаратовская волость занимала земельную площадь в 30 кв. верст, состояла из одного сельского общества «Новосаратовская колония», владеющего надельной землей в 2222 $\frac{3}{4}$ десятин, отведенных владенной записью, укрепленных в личную собственность.

В пределы данной волости входили колонии, образованные выселившимися из Новосаратовской колонии поселянами на приобретенных ими личных землях: Уткина заводь, Веселый поселок, Сосновка. За пределами волости не только в границах Первого земского участка, но и Второго выселившиеся из Новосаратовской колонии образовали колонии: «Ново-Александровская», «Фарфоровская», «Гражданка», «Ново-Парголовская», «Каменка», «Ковалево», «Приютино», «Янино», «Овцино» — все они были особого устройства и управления.

Среднерогатская волость (864 десятин, 1577 кв. сажен) состояла из Среднерогатского сельского общества. Выселявшиеся из этого общества поселяне образовали частично на арендованных, частично на приобретенных землях колонии «Букегедено», «Малая колония», «Пискаревка», колонии по Петергофскому шоссе.

В Новосаратовской волости проживали 2544 человек, в Среднерогатской — 1259. Губернским правлением были предоставлены сведения по всем 38 большим и малым колониям, занимавшим 10 300 десятин¹⁴. И все же показания губернского землемера и уездных полицейских в ряде случаев не совпадали.

Каким образом осуществлялся процесс отчуждения земель в Петроградской губернии? В местной печати, как и по всей России, публиковались списки неприятельских подданных, то есть немцев, не принявших российского подданства, и неприятельских выходцев, то есть колонистов. Все указанные в списках могли продавать свои земли или Крестьянскому поземельному банку, или в частные руки. Все данные об отчуждении земли в Петроградской губернии включались в документы «О ходе ликвидации немецких земельвладений»¹⁵ и в дела Особого комитета по борьбе с немецким засильем¹⁶, в которых отражена деятельность местных властей, государственного аппарата, Крестьянского поземельного банка. На основании этих данных вырисовывалась картина общего числа немецких колонистов южных, северо-западных, в том числе Петроградской, губерний, а также ничтожный результат «антигерманской кампании».

В местной печати Петроградской губернии отмечались следующие данные:

1916 г. 1 апреля — неприятельских подданных — 329 владений (2410 дес.);

неприятельских выходцев — 434 владения (6726 дес.)¹⁷;

30 мая — неприятельских подданных — 252 владения (23 963 дес.);

неприятельских выходцев — 254 владения (2410 дес.);

1 августа — неприятельских подданных — 256 владений (23 064 дес.);

неприятельских выходцев — 408 владений (15 292 дес.)¹⁸.

Итак, в 1916 г. в Петрограде было оглашено к отчуждению 837 владений неприятельских подданных и 1096 владений неприятельских выходцев.

На 1 января 1917 г. Крестьянский банк выбрал к покупке 256 владений неприятельских подданных, 408 владений неприятельских выходцев, всего 664 владения, поставлено на торги было 24 владения, продано 16 владений по средней цене за десятину 60 руб.¹⁹

Что же касается добровольного отчуждения, результаты также были очень низкими. Ни в одном документе не было отмечено данных о выселении немецких колонистов из Петроградской губернии.

Приведенные выше цифры свидетельствуют о незначительном количестве немецких владений, подвергнутых отчуждению. Этот процесс проходил практически в течение 1916 г., но задел судьбы многих семей. В 1917 г. в связи со сменой власти в России, приходом к власти Временного правительства система отчуждения была отменена.

В качестве примера приведу два прошения об отмене отчуждения. Все бумаги направлялись на имя императора, а затем передавались в Особый комитет.

В «Петроградских губернских ведомостях» от 17 декабря 1915 г. подверглось отчуждению владение № 104 площадью 1 дес. 14 кв. саж. Располагалось оно под № 10 по дороге на Полюстрово в Лесное и принадлежало Федору Якову Леттеру, бывшему крестьянину Новосаратовской волости, унтер-офицеру, отставному старшему подмастерью лаборатории Петроградского окружного артиллерийского склада. Его предки прибыли в Россию в 1765 г., поселились в Ново-

саратовской колонии, приняли российское подданство и были зачислены в крестьянское сословие. Члены семьи несли все повинности, в 1812 г. родной брат прадеда просителя, Яков Михаил Леттер, вступил в ополчение и участвовал в войне с французами. В 1865 г. император Александр II поздравил всех жителей Новосаратовской колонии со столетним юбилеем основания поселения. В 1915 г. Федору Якову Леттеру было 60 лет. С 1872 г. он служил пиротехником в Петербургской окружной артиллерийской лаборатории, в 1887 г. купил вышеуказанный участок. Ф.Я. Леттер изобрел пиротехническое устройство, и его пригласили с этим устройством на празднование 300-летия Дома Романовых для украшения праздника фейерверком. За участие в юбилейном праздновании он получил звание почетного гражданина города и право ношения бронзовой медали, выпущенной в честь торжества. Два его сына были освобождены от военной службы, выполняли заказы для обороны. К прошению Ф.Я. Леттера относительно отчуждения владения были приложены 20 документов и схемы пиротехнического изобретения. Просьба Ф.Я. Леттера об освобождении от отчуждения была удовлетворена²⁰.

Другой немецкий выходец, Роберт Вапплер, имел участок размером 81 дес. на станции Чудово. Имение было куплено его отцом в 1881 г., по дарственной владение перешло просителю в 1904 г. Занимался Р. Вапплер в основном пчеловодством по причине деформирующего артрита. Родился Р. Вапплер в 1873 г., российское подданство получил в 1904 г. На обеспечении владельца были 82-летний отец, 75-летняя мать, русская по национальности, и двое детей. В прошении автор указал, что при лишении владения его семье будет не на что жить. В просьбе его было отказано²¹.

В материалах архивов имеется большое количество прошений от крестьян-немцев. Привести их все нет возможности. Но по вышеназванным фактам можно понять, что 1915–1916 гг. были чрезвычайно сложными для всех граждан России, в том числе немецкой национальности, проживавших и работавших на русской земле на протяжении почти полтора столетий.

1. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 5. Л. 104.

2. Там же. Л. 113 об., 114.

3. *Батурицкий Д.А.* Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М.: Новая деревня, 1925. С. 28.

4. Там же. С. 102.

5. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310. Л. 1–4.
6. *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров, 1914–1917). Л.: ЛГУ, 1988. С. 94.
7. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 4. Л. 11–12.
8. Там же. Л. 52–52 об.
9. *Соболев И.Г.* Крестьянский поземельный банк и борьба с «немецким засильем» в аграрной сфере (1915–1917) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1992. Вып. 16. С. 25.
10. Там же. С. 28.
11. *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1917. М.: Наука, 1968. С. 228.
12. ЦГА СПб. Ф. 258. Оп. 23. Д. 149. Л. 1–1 об.
13. ЦГА СПб. Ф. 258. Оп. 23. Д. 326. Л. 14 об.
14. ЦГА СПб. Ф. 258. Оп. 23. Д. 149. Л. 7–64.
15. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310.
16. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 16.
17. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310. Л. 297–298.
18. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 16. Л. 25.
19. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 16. Л. 384–386, 389, 390.
20. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 17. Л. 58–59.
21. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.

М.В. Шкаровский

ПАСТОР ОКТАВ СИМОН И ЕГО СЛУЖЕНИЕ В СТРЕЛЬНЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

Биография и самоотверженная пасторская деятельность Октава Вильгельмовича Симона была связана с окормлением прихода святых апостолов Петра и Павла в Стрельне и общины русских лютеран в Северной столице России. Он родился 19 апреля 1894 г. в Риге в семье лифляндского немца, работавшего бухгалтером, детство провел в Москве, где в 1913 г. окончил частную гимназию. Юноша посещал лютеранскую церковь свв. Петра и Павла (Старосадский пер., 7/10), в которой был конфирмирован в 1911 г. В 1914–1918 гг. он учился на богословском факультете Юрьевского (Дерптского) университета, но не успел закончить его из-за революционных событий. В начале 1918 г. Октав Симон вернулся из Юрьева в Москву, работал делопроизводителем Московского пролетарского университета и Московского общества потребителей, в 1919–1920 гг. около года трудился в кооперации в Самаре, а в 1920–1922 гг. вновь проживал в столице, не имея определенных занятий.

Еще в 1915 г. будущий пастор примкнул к Московскому христианскому студенческому кружку под руководством В.Ф. Марцинковского, своего преподавателя литературы в гимназии. В 1921 г. он впервые был арестован Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем по делу Христианского студенческого кружка, заключен в московскую тюрьму, но через две недели освобожден. С 1922 г. он учился на открытых в тот период в Петрограде Лютеранских курсах проповедников, которые успешно окончил в 1925 г. Весной 1924 г. Октав Симон был ординирован и с этого времени до своего ареста в мае 1935 г. непрерывно служил пастором в церкви святых апостолов Петра и Павла в Стрельне под Ленинградом¹.

Следует подробнее остановиться на истории этого храма. В 1812 г. великим князем Константином Павловичем была основана немецкая Стрельнинская колония и в том же году образован приход. В 1813 г. в течение нескольких месяцев была построена деревянная церковь, освященная 13 ноября. В 1818 г. в трех верстах от кирхи были построены пасторат и здание школы. Вместо обветшавшего храма в 1874–1875 гг. под руководством пастора А. Локкенберга была сооружена новая кирха, освященная 23 августа 1875 г. В 1896 г. построили новую школу, а в 1905 г. каменный дом для учителя. В Стрельне также находились лютеранский приют Магдалиниум и богадельня Бетезда с домовою церковью (закрытой в 1922 г.). К кирхе был приписан молитвенный дом в немецкой колонии Кипень. В 1904 г. в общине насчитывалось 1100 прихожан, в подавляющем большинстве немцев, но в том числе и 110 эстонцев. Пастором церкви с 1916 г. служил Гельмут Ганзен, ставший в дальнейшем настоятелем Петрикирхе и арестованный 17 декабря 1929 г. Октав Симон несколько лет служил вместе с Ганзеном, с которым его связывали дружеские отношения. Так, в списках священнослужителей Стрельнинской волости Троцкого (Гатчинского) уезда за 1924 г. имеются сведения о службе обоих пасторов. В списке церковей Урицкого района от 10 июля 1928 г. говорится, что в приходе церкви святых апостолов Петра и Павла имеется 400 прихожан, а священнослужителем является Октав Симон².

Октав Симон также был тесно связан с общиной русских лютеран Иисуса Христа, которую возглавляли пасторы Курт Мусс и Гельмут Ганзен. Еще в апреле 1924 г. Октав Симон стал приглашенным пастором в ней. В 1929 г. община Иисуса Христа получила в свое единоличное пользование большую церковь св. Михаила на Васильевском острове. К этому времени русский приход стал заметным явлением в религиозной жизни огромного города. Он вырос в несколько раз за счет лютеран и православных. Так, в детских кружках общины занималось примерно столько же учащихся — около 100, сколько и в крупнейшем лютеранском приходе св. Петра (во всех других церквях, как правило, имелись лишь одна-две группы из нескольких детей)³. Летом члены детских кружков выезжали в Стрельну, где жили в приходских домах под наблюдением Октава Симона.

В конце 1929 г. органы ОГПУ сфабриковали крупномасштабное дело Ганзена–Мусса, по которому было привлечено 86 человек, причем 72 из них осудили. Значительную часть арестованных составляли члены русской общины Иисуса Христа, в том числе все 19 руководи-

телей детских групп. Пастора Курта Мусса обвинили в том, что он «являлся активнейшим руководителем и вдохновителем организованной им контрреволюционной подпольной организации, обрабатывающей молодежь в шовинистическом антисоветском духе, систематически занимался агитацией, направленной против советской власти. Под его руководством члены организации преподавали несовершеннолетним религиозные вероучения в организованных для этой цели подпольных кружках молодежи»⁴.

Для советской власти безбожие и религия не имели равных прав на существование, и пастор вместе с прихожанами был признан виновным во всех предъявленных ему обвинениях. 17 сентября 1930 г. тройка Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорила К. Мусса к 10 годам лагерей, а большинство руководителей детских кружков — к 3 годам лагерей и 3 годам ссылки⁵.

Репрессии нанесли тяжелый удар, однако не прекратили существования общины Иисуса Христа. Всю первую половину 1930-х годов она продолжала оставаться в церкви св. Михаила, приглашая для службы пастора Октава Симона. Традиции, заложенные Куртом Муссом, сохранялись. Конфирманты по-прежнему устраивали дружеские встречи, регулярно посещали богослужения и выполняли церковные обязанности. В период массового закрытия храмов и репрессий верующих это казалось необычным даже некоторым лютеранским пасторам. Так, латышский священник Юлий Залит на допросе в ОГПУ 3 февраля 1934 г. показал: «...молодые конфирманты обыкновенно после конфирмации расходятся и теряются, только редко кто посещает церковь. Исключение составляет молодежь в церкви св. Михаила на Васильевском острове, где службы на русском языке. Там все держатся вместе, руководимые органистом, на праздниках выступают хором, несут работу по обслуживанию церкви, сами вывозят снег и собирают деньги для уплаты, если нужно, извозчику. Церковь обслуживается переменным составом пасторов, ибо ждет возвращения своего осужденного пастора Мусса»⁶.

Постепенно тучи над общиной сгустились. В июле 1933 г. был запрещен колокольный звон, а через несколько месяцев власти наметили снять и переплавить «на нужды индустриализации» единственный колокол весом 640 кг. К счастью, он уцелел и после войны, в 1946 г., был передан православной церкви на Смоленском кладбище. Из года в год возрастал налоговый гнет, чтобы несколько смягчить его, при-

ходской совет разрешил пользоваться церковными помещениями общинам евангельских христиан и адвентистов седьмого дня, взявшим на себя часть расходов. Но это был лишь временный выход⁷.

Новая массовая волна репрессий захлестнула лютеранские общины в 1935 г. Убийство в декабре 1934 г. первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирова было использовано для нагнетания ширококомасштабной кампании террора. Она затронула все слои населения, но особенно пострадали духовенство и верующие. Гонения на церковь в 1935–1938 гг. шли по нарастающей. В 1937 г. председатель Центрального совета Союза воинствующих безбожников Е. Ярославский заявил, что «религиозные организации — единственные легальные реакционные вражеские организации», а другой член руководства союза Ф. Олешук писал: «Реакционные церковники действуют в одном направлении с троцкистско-бухаринскими шпионами и диверсантами, буржуазными националистами и прочей агентурой фашизма»⁸. Естественно, немцев было легче всего обвинить в фашистской деятельности.

Весной 1935 г. в Ленинграде произошло массовое выселение «чуждого населения» — так называемый «Кировский поток», в число жертв которого вошло много активных прихожан и священнослужителей. В апреле-мае были арестованы сразу шесть пасторов, причем четверо из них — Симон, Воль, Приб, Ассмус, а также прихожанка Евгения Витолин были осуждены по одному делу. Из них наиболее значительную роль играл пастор Октав Симон, который в 1930–1935 гг. из-за нехватки священников, помимо церквей св. Михаила и свв. Петра и Павла, обслуживал также ленинградские кирхи св. Екатерины, св. Анны и общины в Урицке (Лигово) и Кипени.

Арестованного 17 мая Октава Симона обвинили в передаче в 1930 г. германскому консулу через епископа Артура Мальмгрена письма проповедника-менонита Генриха Тевса. Последний приезжал в Ленинград из Самары и описал в своем послании бедственное положение подвергаемых раскулачиванию немецких колонистов Поволжья. Другим обвинением явилось получение материальной помощи из-за границы — от Мартин-Лютер-Союза, Международного Красного Креста, пастора Фастена из Риги и т.д.⁹ Письма пастора заграничным церковным организациям об оказании материальной помощи нуждавшимся священникам и прихожанам были приравнены к шпионажу.

В подобных «преступлениях» обвиняли и других священников, в частности Самуила Воля, служившего в церкви св. Анны и аресто-

ванного 23 апреля 1935 г. На допросе Воль говорил: «Церковь св. Анны являлась одной из привилегированных, так называемой аристократической церковью, поэтому Германское консульство теснее всего связано с церковью св. Анны <...> Когда производилась чистка Ленинграда от бывших людей, особенно это отразилось на церкви св. Анны, из прихода которой выслали много людей, а двадцатка почти совсем разгромлена <...> Когда же становилось известно о высылке того или иного прихожанина, я во время богослужения в церкви с кафедры объявлял, что помолимся за такую-то семью, которая должна была оставить Ленинград»¹⁰.

Еще один обвиняемый по данному делу — Альфред Приб — служил пастором-адьюнктом в кирхах св. Михаила, св. Екатерины и св. Анны. Еще в 1931 г. он хотел выехать в Германию к проживавшему в Лейпциге родному брату, но не получил разрешения властей. Именно заграничные контакты священника привлекли внимание органов ОГПУ. Наконец, последним арестованным был пастор Вольдемар Ассмус, который служил в церквях колоний Овцыно и Ново-Парголово (Шувалово), но затем был призван в тыловое ополчение в Мурманскую область. Во время кратковременного приезда в Ленинград священник посетил Артура Мальмгрена и после беседы с епископом 22 мая 1935 г. был арестован. Приговор по делу был вынесен 1 ноября 1935 г. Специальная коллегия Ленинградского областного суда приговорила Симона к 6 годам лишения свободы, Ассмуса и Воля — к 4 годам лагерей, а Приба — к 4 годам ссылки¹¹.

Вскоре после ареста пастора Октава Симона были закрыты обе церкви, в которых он в основном служил. Кирха свв. Петра и Павла в Стрельне оказалась закрыта 23 октября 1935 г. Ее здание передали под колхозный клуб, и оно не сохранилось¹². В Государственном архиве РФ хранится дело о закрытии церкви, где имеется план кирхи с описанием помещения¹³.

1 августа 1935 г. президиум Леноблисполкома принял решение о закрытии церкви св. Михаила и передаче ее здания под библиотеку, но из-за сопротивления верующих, написавших жалобы в различные правительственные инстанции, богослужения в храме продолжались еще полмесяца. Наконец, 15 августа председатель приходского совета А. Сцитник, не видя возможности уплатить непомерные налоги, был вынужден сдать ключи от церкви представителю районного совета. Заметно поредевшая от репрессий община русских лютеран прекратила существование¹⁴.

На допросах Октав Симон вел себя мужественно и отрицал предъявленные обвинения в контрреволюционной деятельности (по ст. 58-6 и 58-10 Уголовного кодекса РСФСР). После вынесения приговора он подал кассационную жалобу, но определением Специальной коллегии Верховного Суда РСФСР от 2 января 1936 г. приговор был оставлен в силе. Пастор отбывал срок в Беломорско-Балтийском лагере, в декабре 1939 г. был переведен в Сегежский лагерь (Карелия). Предположительно здесь, отбывая заключение, Октав Вильгельмович Симон и скончался. Место его захоронения неизвестно. Пастор был реабилитирован в 1992 г.

1. АУФСБ СПб ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-80626.
2. ЦГА СПб. Ф. 491. Оп. 26. Д. 10. Л. 56, 58; Оп. 35. Д. 31. Л. 1–2, 82–83; Оп. 38. Д. 1. Л. 22; Д. 2. Л. 24–25; Ф. 512. Оп. 1. Д. 338. Л. 3; Ф. 5386. Оп. 10. Д. 4. Л. 254; Оп. 37. Д. 15. Л. 501; Ф. 6737. Оп. 1. Д. 41. Л. 15; Ф. 6830. Оп. 223. Л. 120, 121, 235.
3. *Luther G. Herdaminke for Ingermanland*. Helsingfors, 2000. S. 217; *Шкаровский М., Бовкало А.* Пастор Курт Мусс // *Der Bote*. 1996. № 314. С. 15.
4. АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-35162. Т. 1. Л. 628.
5. Там же. Т. 2. Л. 636–640; Архив Научно-информационного центра «Мемориал» (СПб.).
6. Там же. Т. 1. Л. 55.
7. Там же. Д. П-80626; ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 2. Д. 3. Л. 210; Д. 4. Л. 93.
8. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 112. Л. 2–34; *Алексеев В.* Цели разные, участь общая // *Агитатор*. 1989. № 21. С. 39–40.
9. АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-80626. Л. 10–26.
10. Там же. Л. 71–118.
11. Там же. Л. 13, 41–61, 121–127, 140.
12. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 60. Л. 19; Д. 232. Л. 8.
13. ГА РФ. Ф. Р-5213. Оп. 1. Д. 1107.
14. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 51. Л. 5.

ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ СЕМЕЙ И РОДОВ

М. Т. Валиев

ЧЕТЫРЕ ФРАГМЕНТА ИЗ ФАМИЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЕМЬИ ПОСТЕЛЬС

Предлагаемая вниманию читателя статья полностью соответствует заявленной тематике сборника — немцы Петербурга, биографический аспект. В публикациях, изданных ранее, достаточно хорошо описаны профессиональные биографии наиболее известных представителей семьи Постельс. Однако нигде ранее не было уделено внимания истории рода. Предлагаемой работой мы восполняем этот пробел. Особое внимание автор традиционно уделяет бывшим педагогам и ученикам школы К. Мая¹ — в конкретном случае речь идет о педагоге Федоре Александровиче и выпускнике школы архитекторе Федоре Федоровиче Постельсах.

Первым представителем семьи Постельс, поселившимся в пределах Российской империи, был лютеранский пастор Готфрид Людвиг Филипп Постельс (Gottfried Ludwig Philipp Postels, 15.08.1757–15.08.1814)² родом из Штеттина (*нем.* Stettin)³. В 1778 г. после окончания гимназии в Любеке будущий пастор продолжил образование в Университете г. Киля⁴. Пастор начал свое служение в 1785 г. в Лифляндии в церкви Марии Магдалины (Maarja Magdaleena)⁵ в районе Дерпта (рис. 1), а в 1797 г. перешел в пасторат одноименной церкви в местечке Хельмет⁶ близ города Валга⁷ (рис. 2).

В браке пастора с Антуанеттой Августой Милиус (Antuanette Auguste, ур. Mylius, 21.12.1769, Laiuse, Jõgeva County, Estonia — ?) родились десять сыновей и три дочери.

— **Карл Людвиг Филипп (Karl Ludwig Philipp Postels, 12.11.1787, близ Дерпта — 1813)**⁸ — избрал профессию медика, в 1807–1812 гг. изучал философию и медицину в Дерптском университете⁹, получил звание доктора медицины и был назначен уездным врачом в Лемзале¹⁰ (1812–1813), скончался в возрасте 26 лет, не успев проявить заложенные таланты;

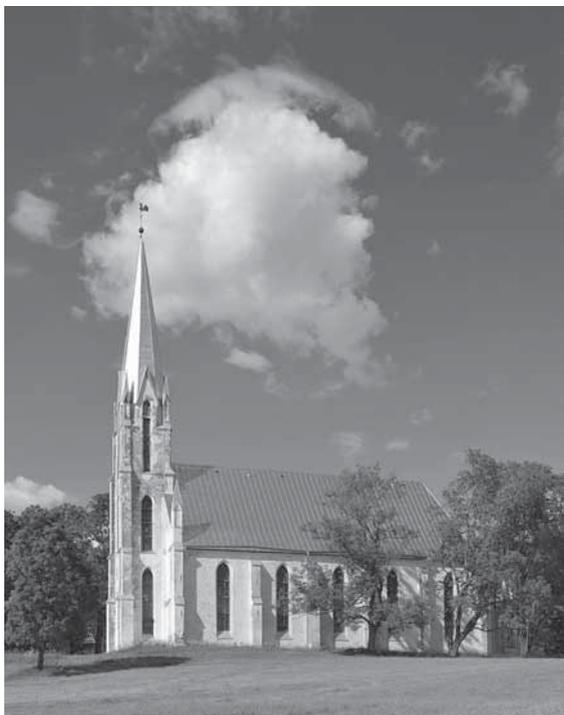

Рис. 1. Церковь Марии Магдалины. Лифляндия, Дерптский уезд

Рис. 2. Церковь Марии Магдалины. Лифляндия, Хельмет

— **Эммануил Франц Постельс (Emanuel Franz Postels, 04.10.1788, близ Дерпта — 1812, Белосток)**¹¹ — пошел по стопам старшего брата, после окончания Дерптского университета в 1812 г.¹² начал службу хирургом в Белостоке, скончался в возрасте 24 лет почти сразу после переезда к месту службы;

— **Август Сигизмунд (August Sigismund Postels, 01.08.1791, близ Дерпта — 1847)**¹³ — получил военное образование в Дерпте¹⁴, служил полицмейстером в Гродно и Гдове, в 1817 г. женился на дворянке **Корнелии Амалии фон Вильде (Cornelia Amalie von Wilde, 25.06.1799, Дерпт — ?)**¹⁵;

— **Иоганн Генрих (Johann Heinrich Postels, 1792, близ Дерпта — ?)** — скончался в юном возрасте;

— **София Доротея Вильгельмина (Sophia Dorothea Wilhelmina Postels, 1794, близ Дерпта — ?)**;

— **Элизабет Доротея (Elisabeth Dorothea Wilde, ур. Postels, ?–21.08.1844, Дерпт)** — с 08.02.1816 замужем за коллежским регистратором Peter Wilhelm Wilde (1785–1873);

— **Эмиль Конрад Христоф (Эмиль Филиппович, Emil Konrad Christoph Postels, 10.03.1796, близ Дерпта — 01.01.1851, СПб.)**¹⁶ — полковник, кавалер ордена Св. Георгия IV ст. (подробная биография приведена ниже);

— **Карл Генрих Мориц (Мориц Филиппович, Karl Heinrich Moritz Postels, 14.09.1799, Хельмет — 24.09.1838, СПб.)** — учитель, гофрат¹⁷. После окончания Дерптской гимназии в 1817 г. поступил в число казеннокоштных воспитанников Главного педагогического института. В 1823 г. по окончании С.-Петербургского университета был удостоен звания кандидата физ.-мат. наук и звания старшего учителя и оставлен при Университете для исполнения должности магистра по ботанике (1823–1828). Позднее служил секретарем и библиотекарем при С.-Петербургском коммерческом училище (1827–1833), старшим учителем при 3-й С.-Петербургской гимназии (1828–1833), старшим учителем и инспектором Псковской гимназии (1833–1838). В 1838 г. был назначен инспектором 1-й С.-Петербургской гимназии, но остался в Пскове для исполнения должности инспектора и директора Псковской гимназии. Скончался от продолжительной чахотки 24 сентября 1838 г. В браке с **Сельмой фон Людвиг (Selma von Ludwig, 1811–10.01.1789, СПб.)** родились Леонид (1835–?), Владимир (1837–?) и Матильда (1834–?);

— **Александр Иоганн Густав (Александр Филиппович Alexander Johann Gustav Postels, 24.08.1801, Хельмет — 28.06.1871, Выборг)**¹⁸ —

естествоиспытатель, тайный советник, член Совета министра народного просвещения, директор 2-й С.-Петербургской гимназии, путешественник и член Русского географического общества, естествоиспытатель, член Московского общества естествоиспытателей и почетный член Императорской Академии наук, автор учебников по естественной истории. Жена — **Елизавета, урожд. Витте (Elisabeth Witte, 1810?–1877, СПб.)**. В этом браке родились сын Федор и дочь Вильгельмина;

— **Карл Рудольф (Карл Филиппович, Karl Rudolph Postels, 23.08.1803, Хельмет — 25.12.1854, СПб.)** — генерал-майор (подробная биография приведена ниже);

— **София Постельс (31.12.1805–09.04.1887, Павловск)** — в замужестве Шперер;

— **Адольф Роберт (Роман Филиппович, Adolf Robert Postels, 07.01.1811, Talkhof¹⁹ — 05.12.1869, СПб.)²⁰** — статский советник, врач. С 1829 по 1836 г. изучал медицину в Дерптском университете²¹. В 1841 г. там же защитил диссертацию и получил звание врача (аттестат № 5 от 23.01.1842)²². В 1843 г. поступил на службу ординатором в Мариинскую больницу для бедных, по совместительству в 1845–1846 гг. служил младшим врачом при Лесном институте. В 1850 г., продолжая служить ординатором в Мариинской больнице, был определен врачом в Департамент Народного просвещения²³. В браке не состоял. Скончался в С.-Петербурге, был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище на одном участке с братом Александром²⁴;

— **Христоф Филипп Эммануэль (Филипп Филиппович, Christoph Philipp Immanuel Postels, 09.01.1814, Дерпт — 03.01.1862, СПб.)²⁵** — служил в гусарском полку, в 1847 г. вышел в отставку в чине майора [см. примеч. 24].

После ухода на пенсию отец многочисленного семейства пастор Готфрид Людвиг Филипп Постельс переехал в Дерпт, где почил в бозе в окружении детей и внуков в день своего 57-летия, 15 августа 1814 г. Его последний сын появился на свет всего за восемь месяцев до кончины отца.

Удивительно, но ни один из сыновей пастора не избрал служение на духовном поприще. Три врача, четыре офицера и два педагога — вот профессии сыновей пастора Постельса. Три старших и самый младший сын пастора учились в Дерптском университете. И хотя основное внимание мы уделяем прямой восходящей линии Федора

Федоровича Постельса, сделаем исключение для биографий двух офицеров — Карла Филипповича и Эмиля Филипповича Постельсов.

Карл Филиппович Постельс — выдающийся военный инженер, получил военно-инженерное образование в Главном инженерном училище²⁶ в С.-Петербурге. После окончания училища в 1819 г. за особые успехи был оставлен для продолжения обучения. В 1821 г. окончил Офицерские классы Главного инженерного училища и был выпущен подпоручиком в С.-Петербургскую инженерную команду. Позднее служил в Севастополе и на Кавказе. В 1840 г. был награжден за выслугу орденом Св. Георгия IV ст. До 1843 г. был начальником инженеров I отделения Черноморской береговой линии. Под руководством инженера-подполковника Постельса был выполнен проект *укреплений черноморской береговой линии, который произвел благоприятное впечатление на командира — генерала Раевского*²⁷. *Генерал силой задержал у себя талантливого инженера*²⁸, *и разлучила их только кончина командира в 1843 г.* В 1844 г. последовал перевод на Кавказ, в 1845 г. полковник Постельс был назначен начальником инженеров Отдельного Кавказского корпуса, позднее — командиром Грузинского инженерного округа. В 1848 г. получил звание генерал-майора. За время службы на Кавказе также был отмечен отличными отзывами командира Отдельного Кавказского корпуса генерала Воронцова²⁹. Скончался 25 декабря 1854 г. в С.-Петербурге, был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище, могила не сохранилась.

Практически одновременно с Карлом Филипповичем Постельсом на Кавказе служил и его старший брат Эмиль Филиппович Постельс, отзывы о котором, к сожалению, не столь положительны... Эмиль Филиппович Постельс поступил на кафедру военных наук физико-математического факультета Дерптского университета во втором семестре 1810 г.³⁰ В конце 1811 г. покинул университет и в 1812 г. начал военную службу под знаменами наполеоновских войск³¹. Еще до окончательного поражения Франции перешел в Российско-германский легион и по окончании войны был принят в русскую службу корнетом в Ольвиопольский гусарский полк, отличился во время подавления Польского восстания 1830—1831 гг. В 1834 г. Ольвиопольский полк был расформирован, и Постельс перешел в клястицкие гусары, где к своей боевой известности прибавил еще репутацию отличного фронтового офицера. 29 августа 1842 г. подполковник Эмилий Павлович Постельс принял под свое командование 44-й драгунский Нижегородский полк. В это время полк уже несколько лет находился на Кавказе и отличился

в нескольких акциях против неприятеля. Всем казалось, что лучшего полкового командира нельзя было и желать, но Эмилий Павлович не смог наладить отношения с офицерами и рядовыми полка.

Вот как описывает эти события автор полковой хроники **Василий Александрович Потто**³²: «...Причина была в характере нового командира — штаб-офицера, достойного во многих отношениях, но отличавшегося некоторою мелочностью характера и педантизмом, доведенным до крайности. Кавказская же армия могла примириться со всем и могла простить все, кроме педантизма <...> Постельс, воспитанный в строгих своеобразных понятиях военной субординации, никак не мог примириться с окружающей его действительностью. Кавказские порядки ему не нравились. <...> к сожалению, Постельс не сохранял ни должного хладнокровия, ни благоразумной снисходительности. Это был доктринер, не хотевший делать уступок окружавшей его среде; а среда эта предъявляла свои права настойчиво и, в свою очередь, не шла на уступки. <...> При отсутствии с его <Постельса> стороны известного такта и выдержки, он обратился к мелкой придирчивости и даже к репрессалиям <...> Между ним и обществом возникла глухая борьба. Постельс начал искать опоры в Тифлисе и нашел ее в лице тогдашнего командира Кавказского корпуса генерала Нейдгарта, человека почти одинаковых с ним убеждений. <...> Особенно тяжело досталась зима с 1844 на 1845 г., когда Постельс поставил себе задачей сделать из полка образцовую кавалерийскую часть и перешел границы благоразумия <...> За каждую ошибку или оплошность нижние чины немедленно подвергались наказаниям или жестоким, или унижительным. <...> Неудовольствие стало расти. Офицеры отправили в Тифлис тайных гонцов и бросили в знаменитый желтый ящик, куда опускались все жалобы, прошения и письма, свой конверт с жалобой на Постельса. Анонимное письмо попало в руки заместника. Постельс был вызван в Тифлис на совещание, а в это время в штаб-квартиру Нижегородского полка прибыл жандармский генерал Викторов, который провел расследование».

По результатам расследования было решено не придавать делу огласку, но полковник Постельс был отстранен от командования полком и вскоре подал в отставку. Эмиль Филиппович Постельс скончался 1 января 1851 г. в С.-Петербурге и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище, могила сохранилась³³ (рис. 3) [см. примеч. 24].

Возвращаясь к прямой восходящей мужской линии ученика школы К. Мая Фридриха Постельса, переходим к рассказу о его знамени-

Рис. 3. Могила Э.Ф. Постельса. Смоленское лютеранское кладбище.
Фото автора

том дедушке-естествоиспытателе, почетном члене Императорской Академии наук, тайном советнике, члене Совета министра народного просвещения Александре Филипповиче Постельсе³⁴ (рис. 4). Достаточно подробное изложение биографии А.Ф. Постельса приведено в ранее изданных публикациях³⁵, поэтому мы остановимся только на основных фактах.

Александр Филиппович родился 24 августа 1801 г. в небольшом поселении Хельмет (Helme, совр. г. Тырва, Эстония) и был седьмым ребенком в семье пастора. В 1816 г. поступил казеннокоштным студентом в Главный педагогический институт³⁶, позднее переименованный в С.-Петербургский университет. В 1823 г. окончил курс университета по физико-математическому факультету со степенью кандидата, званием старшего учителя гимназии и серебряной медалью. Был оставлен при Университете для исправления должности

Рис. 4. Александр Филиппович
Постельс (1801–1871)

магистра по минералогии и геогнозии. В 1826–1829 гг. принял участие в кругосветном путешествии на шлюпе «Синявин» под командованием капитана Литке. По признанию исключительной полезности трудов по результатам экспедиции в 1829 г. был пожалован орденом Св. Владимира IV ст. В 1831 г. был утвержден в звании адъюнкт-профессора С.-Петербургского университета и назначен хранителем Минералогического «музеума» при Академии наук (1831–1837).

В 1832 г. был откомандирован в Варшаву для приема и укладки Кабинета монет и медалей Варшавского университета, за эти труды в 1834 г. был удостоен ордена Св. Станислава II ст. В 1833 г. был определен адъюнктом минералогии при Главном педагогическом институте, в 1835 г. — инспектором частных пансионатов и школ в С.-Петербурге. Недолгое время преподавал естественные науки в Императорском училище правоведения и в начале 1836 г. был утвержден экстраординарным профессором минералогии при Главном педагогическом институте (с 1839 г. — ординарный профессор)³⁷.

В мае 1837 г. был назначен директором 2-й С.-Петербургской гимназии (1837–1856). «Приняв гимназию в запущенном виде, с присущей ему энергией и трудолюбием»³⁸, за короткое время сумел наладить работу учебного заведения, пользовался заслуженным уважением начальства и любовью учеников и педагогического коллектива³⁹.

Кроме того, преподавал естественные науки великим княжнам Марии Михайловне (09.03.1825, Москва — 19.11.1846, Вена) и Екатерине Михайловне (16.08.1827, СПб. — 30.04.1894, СПб.), а с 1855 г. руководил воспитанием детей принца Петра Ольденбургского (1812, Ярославль — 1881, СПб.). В 1856 г. был назначен членом Главного правления училищ, в 1863 г. — членом Совета министра народного просвещения, в 1866 г. — товарищем министра народного просвещения.

Перечень трудов Александра Филипповича содержит около 50 наименований. Заслуженное признание путешественнику и члену

лезный, но неполный. Для полноты карта должна быть непременно иллюминирована, чтобы можно было показать разные геологические различия: горные кряжи, слои, породы, пласты, мрамор, металлы и тому подобные предметы, где цвет иногда важнее формы. Но при всем том труд г. Постельса все-таки полезен, и мы должны быть благодарны ему за доброе начало доброго дела, которое, вероятно, найдет продолжателей».

Александр Филиппович завершил свой жизненный путь в Выборге 28 июня 1871 г. в высоком чине тайного советника (1862). Был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище, могила не сохранилась [см. примеч. 24].

Полезная деятельность Александра Филипповича, кроме указанных выше орденов Св. Владимира IV ст. (1829) и Св. Станислава II ст. (1834), была отмечена орденами Св. Станислава III ст. (1834), Св. Анны II ст. (1840) с императорской короной (1842), Св. Владимира III ст. (1845) и Св. Станислава I ст.⁴³ Его именем названы гора и мыс на Чукотке, растение *Piper Postelsianum* Max.

В браке с **Елизаветой Постельс (ур. Витте, Elisabeth Witte, 1810?–13.01.1877)**⁴⁴ родились сыновья Федор (Friedrich Christian Alexander Postels 10.08.1832–07.06.1894, СПб.)⁴⁵ и Андрей (Andreas, 22.04.1838–02.04.1881)⁴⁶ и дочь Вильгельмина (1833–?)⁴⁷.

Младший сын профессора, Андрей Александрович Постельс, ничем примечательным не отметился, служил на скромной должности цензора почтового ведомства, имел чин титулярного советника, в 1871 г. женился на Матильде Доротее Агнес Норманн (Mathilde Dorothee Agnes Normann).

Во всех отношениях для нас более интересна биография старшего сына профессора — известного педагога, директора С.-Петербургского лесного института (1874–1881), действительного статского советника Федора Александровича Постельса (рис. 6). Федор Александрович принадлежал к третьему поколению семьи Постельсов в России — родился в С.-Петербурге 10 августа 1832 г. [см. примеч. 24].

Среднее образование Федор Александрович Постельс получил во 2-й С.-Петербургской гимназии⁴⁸, которую в это время возглавлял его отец. В 1849 г., сразу после окончания школы, поступил в С.-Петербургский университет и в 1854 г. вышел оттуда кандидатом физико-математического факультета по разряду математических наук (диплом от 11.12.1854 за № 1678)⁴⁹. Продолжая заложенные отцом педагогические традиции, в мае 1857 г. начал службу в должности старшего учителя математики в 4-й (Ларинской) С.-Петербургской

гимназии. С 1862 г. по совместительству выполнял обязанности секретаря Педагогического совета и с 1866 г. — библиотекаря Ларинской гимназии. В 1867 г. перешел на должность инспектора той же гимназии. В августе 1869 г. был перемещен инспектором в 6-ю С.-Петербургскую гимназию. В июне 1871 г. вернулся на должность инспектора в родную 2-ю гимназию. В 1860—1870-х годах преподавал математику в школе К. Мая⁵⁰. В 1874 г. Ф.А. Постельс был приглашен министром государственных имуществ графом Валуевым на пост директора С.-Петербургского земледельческого института (с 4 марта 1874 г. — Лесного института)⁵¹.

Рис. 6. Федор Александрович Постельс (1832—1894)

На новом для себя поприще директора высшего учебного заведения сразу столкнулся с иными требованиями, но педагогическая опытность, честная и прямая натура и любовь к юношеству помогли ему блистательно справиться с трудностями. С первых шагов он сумел построить дружественные, откровенные отношения со студентами. *«Чуждый всякого начальнического тона и малейшей тени заискивания перед молодежью, <Федор Александрович> скоро приобрел себе любовь и уважение. При оставлении места директора, к чему вынудило Постельса болезненное состояние, студенты со слезами провожали своего начальника-воспитателя, напутствуя его самыми искренними пожеланиями выздоровления»*⁵².

Оставив пост директора Лесного института в 1881 г., действительный статский советник Ф.А. Постельс около пяти лет приводил в порядок пошатнувшееся здоровье и в 1886 г. вернулся на любимое поприще — занял должность инспектора и учителя математики в гимназии К. Мая⁵³ (рис. 7). В этой должности оставался до апреля 1894 г.⁵⁴

Педагог Ф.А. Постельс, кавалер орденов Св. Анны III ст. (1862) и II ст. (1873), Св. Станислава II ст. (1865), умер в С.-Петербурге 7 июня 1894 г., похоронен на Смоленском лютеранском кладбище вместе с отцом и братьями отца, могила не сохранилась [см. примеч. 24].

Рис. 7. Ф.А. Постельс с учениками гимназии К. Мая. 1880-е годы.
Музей истории школы К. Мая

В браке Федора Александровича и Анны Ивановны Постельс (ур. Анна София Вильгельмина Иверсен, ?–29.12.1908) родились сын Фридрих (Фридрих Август, 05.04.1873–06.05.1960)⁵⁵ и две дочери; Магдалина (12.06.1866–1937) и Анна (11.08.1875–?)⁵⁶.

Будущий известный архитектор Федор Федорович Постельс (рис. 8), к сожалению, стал последним представителем исследуемой линии Постельсов в России. В начале 1880-х годов семья Постельс проживала на Васильевском острове по адресу: 4-я линия, д. 19, кв. 6, в непосредственной близости от частной немецкой школы Карла Ивановича Мая (1820–1895). Отец мальчика хорошо знал директора школы — как уже говорилось выше, в 1860–1870-х годах Федор Александрович состоял внештатным преподавателем математики в «майской» школе. Ничего удивительного, что в 1883 г., когда Федору Постельсу-младшему исполнилось десять лет, мальчика отдали в первый класс гимназии К. Мая. В скором времени, в 1885 г., Федор Постельс-старший занял пост учителя математики и инспектора гимназии К. Мая. В одном классе с Федором Постельсом-младшим учились будущий знаменитый художник и философ Николай Рерих (1874–1947)⁵⁷, будущий известный врач Густав Цейдлер (1874–1959)⁵⁸, известный гидротехник Иван Петрашень (1875–1937)⁵⁹, инженер путей

сообщения Освальд Парланд (1876–1956), юрист Евгений Нофаль (1868–?), будущий врач, золотой медалист Александр Боговский (1876–?), будущий предприниматель Лев Грубе (1874–?), лекарь Виктор Рудзский (1873–?) и др.

Федор Федорович Постельс окончил гимназию в 1893 г. со средним баллом 3,7. Отличными оценками были отмечены закон Божий, география и французский язык. Удивительно, но знание математики у будущего архитектора и знатока перспективы было оценено только удовлетворительно. В характеристике Федора (Фридриха) Постельса, подписанной директором школы В. Кракау, было сказано:

Рис. 8. Федор Федорович Постельс (1873–1960) [см. примеч. 60]

«Постельс Фридрих <...> юноша вполне выдержанный, скромный, работающий всегда чрезвычайно усердно и крайне добросовестно исполняющий свои обязанности. Политически вполне благонадежен»⁶⁰.

Интересный и малоизвестный факт: выпускники одного года Ф.Ф. Постельс и Н.К. Рерих подали документы параллельно в два высших учебных заведения, в Академию художеств⁶¹ и С.-Петербургский университет⁶². И оба юноши после недолгого колебания выбрали в качестве основной профессии искусство.

В Академии художеств Ф.Ф. Постельс учился в мастерской профессора архитектуры Л.Н. Бенуа (1856–1928). 2 августа 1899 г. Федор Федорович Постельс венчался первым браком с гражданкой города Везенберга⁶³ Меланиею Еленой Вильгельминою Тромберг⁶⁴. В этом браке родились дочь Елена (Эллен Магдалина, 1902–?) и три сына — Герберт Оскар Александр (?), Роберт Николай Ганс (1909–06.01.1964) и Леопольд Георгий Сидней Фридрих (1910–?)⁶⁵.

В 1900 г. Фридрих закончил Академию художеств⁶⁶ и был удостоен звания художника-архитектора и права на ношение серебряного академического значка.

В начале XX в. Фридрих фон Постельс приобрел известность как видный мастер архитектуры модерна, в 1904–1905 гг. построил один

из лучших домов в этом стиле — доходный дом герцога Лейхтенбергского на Большой Зелениной улице. Привлекают также внимание построенные им жилые дома (Басков пер., 5; 2-я линия, 29; 3-я линия, 18; 1905—1907), крупные промышленные здания (ул. Шкапина, 43—45; Выборгская наб., 41; 1908—1914), деревянные постройки в Сестрорецке (Заречная ул., 14) и собственный дом на Каменном острове (Театральная аллея, 3). Среди лучших построек зодчего — дворовые корпуса высокого художественного уровня (ул. Чехова, 4; 1911—1915). Профессиональная деятельность архитектора Постельса в России исчерпывающе описана в работах Б.М. Кирикова, М.С. Штиглиц и С.С. Левашко⁶⁷.

Кроме успешных занятий архитектурой, Ф. Постельс работал как живописец и график, увлекался фотографией. Малоизвестна благотворительная деятельность Ф. Постельса. 8 ноября 1903 г. в прошении, поданном в С.-Петербургский Совет детских приютов, Ф. Постельс просил определить его *«почетным членом Совета с обещанием безвозмездно исполнять строительные и ремонтные работы»*⁶⁸. Ф. Постельсу был поручен технический надзор Охтенского приюта. За усердие и особые труды на нужды Совета детских приютов 1 января 1907 г. Ф. Постельсу был пожалован орден Св. Станислава III ст., 1 января 1910 г. — орден Св. Анны III ст., 1 января 1912 г. — орден Св. Станислава II ст. (в том числе за постройку служб Удельного детского приюта-санатория). 19 января 1916 г. Министерством Императорского двора Ф.Ф. Постельс был утвержден в звании *«почетного попечителя Богаделенных заведений в г. Петергофе»*.

Кроме того, Ф. Постельс был деятельным участником развития воздухоплавания в России и с 1913 г. состоял членом правления Императорского всероссийского аэроклуба. *«Обладая выдающейся энергией и проявляя значительный интерес к делу, Ф. Постельс способствовал развитию воздухоплавания в России. Помимо возложенных на него и требующих большого опыта обязанностей, он посвятил много времени и труда, состояя в различных комитетах и технических комиссиях Аэроклуба. Обладая обширными познаниями в строительном деле, Ф. Постельс способствовал своим личным руководством успешному возведению ангаров Императорского Всероссийского Аэроклуба на Комendantском аэродроме»*⁶⁹. 14 февраля 1917 г. приказом по войскам 5-й армии за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, коллежский советник Федор Постельс был награжден орденом Св. Анны II ст.

В 1918 г. семья Ф. Постельса уехала из Петрограда. Жена архитектора Мелания Иосифовна с дочерью Еленой и двумя сыновьями эмигрировала в Швейцарию, где с 1893 г. жила сестра Ф. Постельса — Магдалина (скончалась в 1937 г.). Ф. Постельс со старшим сыном некоторое время оставался в Крыму, где пытался работать над проектами курортов.

Однако уже в 1920 г., когда надежда на восстановление законной власти была утрачена, Ф. Постельс с сыном перебрался в Швейцарию и затем в США. Ф. Постельс был деятельным участником общественной и культурной жизни русского зарубежья⁷⁰, много лет возглавлял II отделение Союза ревнителей памяти императора Николая II, был представителем в Америке Общества охранения русских культурных ценностей, которое организовал в Париже в 1946 г. Дмитрий Павлович Рябушинский (1882—1962)⁷¹, занимал пост председателя Комитета содействия организации русских разведчиков в США. Вполне естественно, что имя Ф. Постельса практически не упоминалось на родине в советский период.

Ф. Постельс является автором уникального очерка об архитекторах из России, работавших в США⁷² (рис. 9). В 1923 г. Ф. Постельсу удалось открыть собственную студию «*Studio of Theodore A. De Postels*», которая успешно работала до начала депрессии в 1931 г. В 1925 г. получил диплом архитектора Университета штата Нью-Йорк, 17 января 1927 г. стал гражданином США.

В 1931 г. после закрытия студии перешел на преподавательскую работу. До 1945 г. преподавал черчение и перспективу, работал в общественных городских учреждениях в качестве рисовальщика и архитектора-консультанта. Известны несколько изданий, в которых Ф. Постельс пробовал свои силы как художник-иллюстратор⁷³ (рис. 10).

Только после окончания войны ему удалось вновь открыть студию. Ф. Постельсом было подготовлено и издано уникальное пособие по основам перспективы⁷⁴, которое выдержало три переиздания и было переведено на несколько языков, получено нескольких патентов по перспектографии (рис. 11). В 1952 г. архитектор получил звание заслуженного члена общества «Американский институт архитекторов» (рис. 12).

Однако в целом жизнь и творчество архитектора в отрыве от России проходили достаточно сложно. Как пишет в своем очерке Ф. Постельс: «...зодчим старого закала с закореневшими нравами, понятиями и обычным применением их опыта, знаний и способностей школа новая

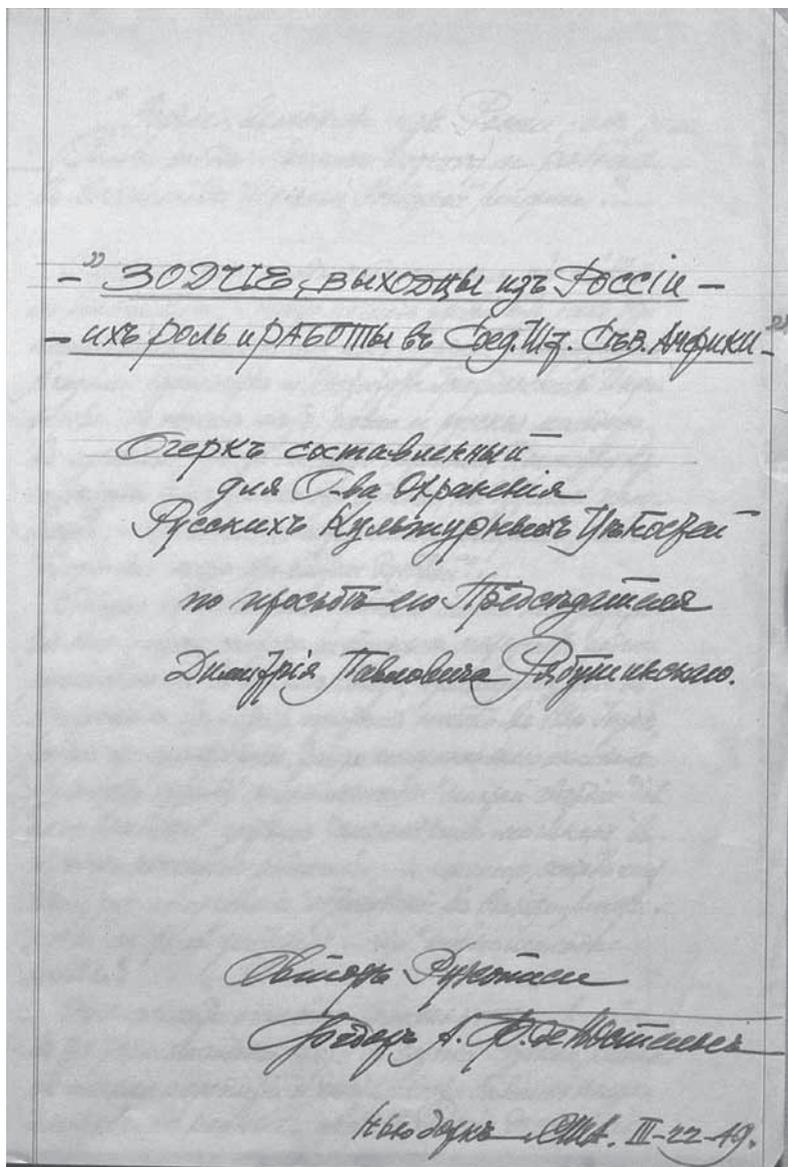

Рис. 9. Постель Ф.Ф. Титульный лист очерка
 «Зодчие — выходцы из России» [см. примеч. 77]

Рис. 12. Ф.Ф. Постельс.
 Нью-Йорк, ~1955 г.
 Публикуется впервые
 [см. примеч. 77]

являлась задачей очень сложной и подчас, несмотря на все гостеприимство и приятное отношение милых, иногда влиятельных американцев, казалась не под силу, нерешимой. <...> Несмотря на множество препятствий на пути и затруднений, большинство пробило себе дорогу, а что спасло и обвенчало успехами — это русская природожденная выносливость, приспособляемость, ревнивое и честное отношение к изучению новых отраслей и к служебным обязанностям, дисциплина духа». Последние слова в полной мере можно отнести к Фридриху Постельсу. Особо отметим, что до конца своей жизни архитектор уверенно относил себя именно к русской школе, русской нации, русским традициям.

Один из последних ревнителей памяти российской монархии, талантливый российский архитектор с немецкой фамилией Фридрих фон Постельс скончался 6 мая 1960 г. в так и не ставших ему родными Соединенных Штатах Америки⁷⁵. Похоронен 9 мая 1960 г. на кладбище г. Валхалла под Нью-Йорком. В некрологе на смерть Ф. Постельса, написанном Александром Кирилловым, звучат такие слова: «Хотя Ф.Ф. жил в Америке с 1920 г. и многим ей обязан, однако

полный расцвет таланта и духовного развития он получил в старой императорской России»⁷⁶.

В 2017 г. автору посчастливилось ознакомиться с фондом Федора Федоровича Постельса в архиве Института социальной истории в Амстердаме⁷⁷. В настоящее время мы располагаем почти полной копией

документов, хранящихся в этом фонде. Особый интерес представляет переписка Ф. Постельса с Союзом ревнителей памяти императора Николая II, с президентом Общества охранения русских культурных ценностей Д.П. Рябушинским, а также оригинал уже упомянутой рукописи очерка об архитекторах из России, работавших в США, и личные фотографии архитектора.

Сын архитектора Роберт де Постельс получил известность в США в качестве художника и иллюстратора. Попытка установить с ним контакт не увенчалась успехом.

Традиционно приношу свою искреннюю благодарность моим друзьям и сподвижникам И.Л. Лейнонен (Лауша, Германия), Н.Б. Валиевой (С.-Петербург) и В. Каганеру (США) за помощь в подготовке этой работы.

1. *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб.: Наука, 2005. Ч. 1.

2. Ф.А. Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74828&mode=1>

3. Штеттин (*нем.* Stettin) — город в прусской провинции Померания, на обоих берегах Одера. С конца XIII в. — член Ганзейского союза. В 1648 г. перешел к Швеции, в 1720 г. — к Пруссии. С 1945 г. в составе Польши.

4. Die evangelischen Prediger Livlands bis 1918. Wien: Böhlau Verlag Köln, 1977.

5. Дерпт (совр. Тарту, Эстония) — с 1783 г. уездный город Лифляндской губернии. Церковь Маарја Magdaleena расположена севернее Тарту в одноименной деревне Маарја-Magdaleena (совр. деревня Маарья-Магдалена, уезд Йыгева, волость Табивере). Церковь сохранилась.

6. Хельм, Гельмет, Хельмет — замок Ливонского ордена близ городка Тырва в Лифляндской губернии. Город в Валгаском уезде Эстонии. Недалеко от Тырва находится Хелметский орденский замок. В настоящее время пасторат Вильянди в южной Эстонии. Церковь не сохранилась.

7. Die evangelischen Prediger Livlands bis 1918. Wien: Böhlau Verlag Köln, 1977; *Amburger Erik.* Die Pastoren der evangelischen Kirchen Rußlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937. Ein biographisches Lexikon Institut Nordostdeutsches Kulturwerk Martin Luther Verlag, 1998.

8. Карл Филиппович Постельс. URL: <https://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74832>

9. Album Academicum der kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von Arnold Hasselblatt, Dorpat, und Dr. Gustav Otto, Mitau. Тартуский государственный университет. Тарту. Ülikooli üliopilaskonna Teatmik. Album Academicum Universitatis Tartuensis / Red. R. Kleis. Dorpat, 1889. S. 23, Nr. 326.

10. Lemsal — ныне город Лимбажи на севере Латвии, административный центр Лимбажского края.
11. Эммануил Франц Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74831>
12. Album Academicum... S. 23, Nr. 327.
13. Фридрих Август Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74836>.
14. Album Academicum... S. 23, Nr. 328.
15. Сигизмунд Филиппович Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74830>
16. Эмиль Филиппович Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74839>
17. ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 537. Л. 4 об. — 5.
18. Александр Филиппович Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74829&mode=1>; ЦГИА СПб. Ф. 365. Оп. 1. Д. 4010.
19. Талькхоф. URL: <http://mois.ee/tartu/puurmani.shtml>. Усадьба была перестроена во второй половине XIX в. Это замок (Schloss) Талькхох. А пасторат Талькхов — рядом, в местечке Курси, где стоит церковь. Соответственно это центр церковного округа Курси, и в фонде под этим названием я нашел метрику о рождении на сайте Эстонского исторического архива.
20. Роман Филиппович Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74835&mode=1>; Саитов В.И. Петербургский некрополь. СПб., 1914. Т. 3. С. 485.
21. Album Academicum... S. 192, Nr. 2684.
22. Ibid. S. 23, Nr. 327.
23. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1797. Л. 95.
24. Саитов В.И. Петербургский некрополь. СПб., 1914. Т. 3. С. 485.
25. Филипп Филиппович Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74834&mode=1>.
26. Волков С.В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М.: Центрполиграф, 2010. Т. 2 (Л–Я). С. 340.
27. Николай Николаевич Раевский (1801–1843) — русский генерал из рода Раевских, командир Черноморской береговой линии, основатель ряда северокавказских крепостей, в том числе Новороссийска.
28. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 5–6; 1884. № 1–2.
29. Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) — русский государственный деятель из рода Воронцовых, генерал-фельдмаршал (1856), герой войны 1812 г. В 1844–1854 гг. — наместник на Кавказе (Записки М.Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. Ч. 1. Гл. VII–IX // Русская старина. 1893. № 8. С. 287–319).

30. Album Academicum... S. 40, Nr. 589.

31. Потто Василий Александрович. История 44-го драгунского Нижегородского полка / сост. В. Потто. СПб.: Тип.-лит. Р. Голике, 1892–1908. 11 т.

32. Там же.

33. *Leinonen Robert, Voigt Erika*. Deutsche in St. Petersburg. Ein Blick auf den Deutschen evangelisch-lutherischen Smolenski-Friedhof und in die europäische Kulturgeschichte. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998. Band I, II. (*Лейнонен Роберт, Фогт Эрика*. Немцы в С.-Петербурге. Смоленское лютеранское кладбище в истории культуры. Люнебург: Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998. Т. 2. С. 278).

34. ЦГИА СПб. Ф. 365. Оп. 1. Д. 4010; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1797. Л. 85–94.

35. Русский биографический словарь / Издан под наблюдением А.А. Половцева. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. Т. 15. С. 626–627; Немцы России: энциклопедия. М.: ЭРН, 2006. Т. 3. С. 124–125; Пятидесятилетие 2-й СПб. гимназии. Воспоминания. Вып. I. 1832–1848 гг. СПб., 1880; *Гохнадель В.И.* Ученые-естественники немецкого происхождения. СПб.: Гуманистика, 2014. Кн. 2. С. 198–200.

36. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1797. Л. 85–94.

37. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4600.

38. Русский биографический словарь. С. 626–627.

39. *Курганович А.В., Круглый А.О.* Историческая записка 75-летия СПб. 2-й гимназии. СПб., 1894. Ч. 2. С. 323, 394.

40. Некоторые сочинения А.Ф. Постельса: Геогностические наблюдения, произведенные в путешествии вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826–1829 г. СПб., 1836; Изображения и описания морских растений, собранных в Северном Тихом Океане, у берегов российских владений в Азии и Америке в путешествие вокруг света, совершенном в 1826, 1827, 1828 и 1829 гг. под командою флота капитана Литке. СПб., 1840; Естественная история. Зоология с атласом / в соавт. с В. Далем и А. Сапожниковым. 2-е изд. СПб., 1852.

41. Некоторые учебные пособия, написанные А.Ф. Постельсом: Картина земли, для наглядности при преподавании физической географии составленная А.Ф. Постельсом. СПб., 1846; Учебное руководство для военно-учебных заведений: Естественная история, содержащая естественную историю птиц, гадов и беспозвоночных животных (1849); Естественная история. Зоология с атласом / совместно с Далем и А. Сапожниковым. 2-е изд. СПб., 1852; Список учебным пособиям по естественной истории для гимназий СПб. учебного округа / совместно с Ю. Симашко. СПб., 1855.

42. *Белинский В.Г.* Картина земли для наглядности при преподавании физической географии, составленная А.Ф. Постельсом // Современник. 1847. Т. II, № 3. Отд. III. С. 85–86.

43. ЦГИА СПб. Ф. 365. Оп. 1. Д. 4010.

44. Саитов В.И. Петербургский некрополь. СПб., 1914. Т. 3. С. 484; С.-Петербургский евангелический воскресный листок. 16 января 1877 г. № 24. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=81249&mode=1>
45. Александр Александрович Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74828>
46. Андрей Александрович Постельс. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74838>
47. ЦГИА СПб. Ф. 365. Оп. 1. Д. 4010.
48. Курганович А.В., Круглый А.О. Указ. соч. С. 323, 394.
49. ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 2. Д. 918. Л. 24 об.
50. ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 86. Л. 18; Благово Н.В. Школа... С. 422.
51. ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 2. Д. 918. Л. 28.
52. Русский биографический словарь. С. 628.
53. ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 86. Л. 18; Пятидесятилетие школы К.И. Мая. 1856–1906. СПб., 1907. С. 50; И.В. Петрашень и его семья: страницы прошлого / Сост. Е.М. Ледовская. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2011. С. 55.
54. Благово Н.В. Школа... С. 422.
55. URL: <https://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74836>;
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 30317.
56. ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 2. Д. 918.
57. Благово Н.В. Семья Рерихов в гимназии К.И. Мая. СПб.: Наука, 2006.
58. Валиев М.Т., Клебанов А.Ф. «Русский клуб» Цейдлеров // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. СПб.: МАЭ РАН, 2011. Вып. 6. С. 190–211.
59. И.В. Петрашень и его семья.
60. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 30317.
61. РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. 69. 1893.
62. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 30317.
63. Везенберг (Wesenberg) — в настоящее время г. Раквере, Эстония.
64. РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. 69. 1893. Л. 31 об.
65. ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 3. Д. 2965.
66. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств 1764–1914 / Сост. С.Н. Кондаков. СПб., 1915. С. 374.
67. Кириков Б.М., Штиглиц М.С. Петербург немецких архитекторов от барокко до авангарда. СПб., 2002. С. 346–350; Леошко С.С. К проблеме изучения русской архитектурной эмиграции и ее наследия в США в первой половине XX в. // Деятели американской культуры из Российской империи. СПб., 2009. С. 190–191.
68. ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 3. Д. 2965. Л. 1.
69. Там же. Л. 52.
70. Русские таланты в зарубежье: Федор Федорович де Постельс // The Russian review. Русский журнал. Нью-Йорк, 1956. № 1. С. 80–84.

71. Дмитрий Павлович Рябушинский (1882–1962) — русский и французский ученый в области гидроаэродинамики, президент Русского философского общества и Общества по сохранению русских культурных ценностей за рубежом. Член-корреспондент Французской академии наук (1935), доктор наук (Сорбонна, 1920), профессор Русского высшего технического училища во Франции.

72. International Institute of Social History (IISH), Международный институт социальной истории. Амстердам, Нидерланды. Association pour la Conservation des Valeurs Culturelles Russes Archives, Fedor F. Postel's (Theodore De Postels); Ф.Ф. де Постельс. Зодчие — выходцы из России: их роль и работы в Соединенных Штатах Северной Америки / Публикация, предисловие и приложения Б.М. Кирикова и Н.П. Копаневой // Краеведческие записки. Исследования и материалы. СПб., 1995. Вып. 3. С. 55–86.

73. *Kirkland Henry Burnham*. The soul of the City / With illustration by T. de Postels. New York, 1936.

74. Theodore de Postels. Fundamentals of Perspective. New York, 1942.

75. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: в 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 2004. Т. 5. С. 633; Новое русское слово. Нью-Йорк, 1950. 10 мая. № 17218; 12 мая. № 17220; Русская мысль. Париж, 1961. 15 июля. № 1708. С. 5.

76. Русская мысль. Париж, 1961. 15 июля. № 1708. С. 5.

77. International Institute of Social History (IISH), Международный институт социальной истории. Амстердам, Нидерланды. Association pour la Conservation des Valeurs Culturelles Russes Archives. Fedor F. Postel's (Theodore De Postels).

М.Т. Валиев

ШМИ(Д)ТЫ — СЕМЕЙНАЯ САГА

Рис. 1. Дворянский герб рода Шмидтов

Традиционные трудности работы по истории немецкой диаспоры России в случае семьи Шмидт (рис. 1) усугубляются высокой вариативностью написания фамилии — в разных источниках нами обнаружены следующие трактовки: Schmidt, Schmid, Шмидт, Шмит, Шмид. Известны и русифицированные варианты от той же основы — Шмидтов, Шмитов. Ситуация усложняется еще и тем, что ребенок при крещении по лютеранскому обряду получал 3–4 имени и впоследствии мог вольно выбирать одно из имен как основное. Отчество также выбиралось из 2–3 имен отца, например сын Конрада Вильгельма Фридриха Шмидта (Шмит, Шмитт, Шмид) мог именоваться Конрадович, Коратович, Кондратьевич, Вильгельмович, Васильевич, Фридрихович, Федорович. Нередко в разных документах использовались разные имена человека. Дополнительные трудности возникают при русификации немецких имен, отчеств, а впоследствии и фамилий в диаспоре.

Кроме этого, проблемы возрастают в связи с высокой распространенностью фамилии. По утверждению филолога-русиста Б.Г. Унбегауна¹, исследовавшего частотность фамилий у жителей Петербурга на основе адресной книги «Весь Петербург» за 1910 г., фамилия Шмидт/Шмид вошла в сотню наиболее частотных фамилий города (67-е место, 178 носителей)².

В процессе поиска мы неоднократно встречались с ситуацией полного совпадения фамилии, имени и отчества и даже года рождения совершенно разных Шмидтов. Таким образом, совершенно неожиданно возникали потенциальные «бессарабские» родственники и иркутские губернаторы Шмидты, которые при более тщательной проработке оказывались, увы, только однофамильцами. С другой стороны, мы многократно убеждались, что мир тесен и никто не может однозначно утверждать, что упомянутые Шмидты не являются выходцами из одного далекого корня.

Следует отметить, что в архивных и фамильных документах, в публикациях и метрических книгах при написании фамилий членов исследуемой семьи с одинаковой частотой использовались варианты Шмит и Шмидт.

Родословная роспись Шми(д)тов и их потомков

1-е поколение

1. Якоб Иоганн Шмит (?—15.02.1775, мыза Пигагаст, Лифляндия). Подполковник. 1-я жена: Маргарета Элеонора фон Каутч (?—?). За Шмидтом в третьем браке; 2-я жена Христина (Кристина) Маргарита фон Буксгевден (Christina Marg. von Vuxhoeveden, 16.06.1739, Алленкюль (Allenküll) — 04.12.1808, Крюднерсгоф (Krüdnershof), Лифляндия). Брак заключен 30.07.1758, приход Рауге Дерптского уезда, Лифляндия.

2-е поколение

1.1. Иоганна Элизабет Якобина фон Шмидт (около 1762 — 11.03.1818, Крюднерсгоф, Лифляндия). От второго брака. Муж: барон Генрих Валентин Эмануэль фон Шульц (05.01.1782, Крюднерсгоф — ?).

1.2. Марта Хелена Ловиза фон Шмидт (10.11.1763, Фиренгоф, Лифляндия — 11.06.1767, Фиренгоф, Лифляндия). От второго брака.

1.3. Карл Яковлевич Шми(д)т (1768—17.02.1823, С.-Петербург). Кол. сов. От второго брака. 1-я жена: Анна Ивановна Шмидт [Брита Елизавета ур. Бергштрем?] (? — до 1800 [1796]). 2-я жена: Мария Осиповна Шмидт (ур. Фрейер, 1784, С.-Петербург — 26.08.1858). Брак заключен в 1800 г., расторгнут в 1806 г.

3-е поколение

1.3.1. Екатерина Карловна Петровская (ур. Шмидт, 1789, С.-Петербург — ?). От первого брака. Муж: Павел Андреевич Петровский

(1762–?), чиновник Военного министерства, впоследствии Министерства финансов.

1.3.2. Амалия-Каролина Карловна Шмидт (15.04.1801–12.12.1844, С.-Петербург). От второго брака. Муж: титулярный советник Василий Гаврилович Ефремов (02.03.1783–16.03.1836, С.-Петербург).

1.3.3. Карл Карлович Шмидт (1802–?), полковник Павловского л.-гв. полка. От второго брака.

1.3.4. Александр Карлович Шмидт (27.05.1803, С.-Петербург — 01.01.1872, С.-Петербург). От второго брака. Жена: Анна Кирилловна Шмидт (ур. Михайловская). Дворянка. Брак заключен 17.10.1826.

1.3.5. Конрад Карлович Шмидт (1804?–16.01.1887, С.-Петербург). Подпоручик. От второго брака. Жена: Елена Никитична Шмидт (ур. Арсеньева, ?–1883). Дворянка.

1.3.6. Мария-Аделаида Карловна Дометти (ур. Шмидт, 06.09.1805, С.-Петербург — 28.11.1846, С.-Петербург). От второго брака. Муж: Александр Карлович Дометти (01.06.1794, С.-Петербург — 13.11.1877, С.-Петербург). Генерал от инфантерии.

4-е поколение

1.3.2.1. Марья Васильевна Ефремова (?–?).

1.3.4.1. Кирилл Александрович Шмидт (12.12.1827, С.-Петербург — ?).

1.3.4.2. Зинаида Александровна Шмидт (29.11.1829, С.-Петербург — ?).

1.3.4.3. Анна Александровна Шмидт (11.03.1831, С.-Петербург — ?).

1.3.4.4. Александра Александровна Шмидт (11.08.1832, С.-Петербург — ?).

1.3.4.5. Елена Александровна Шмидт (08.04.1835, С.-Петербург — ?).

1.3.4.6. Антонина Александровна Шмидт (26.07.1840, С.-Петербург — ?).

1.3.4.7. Ольга Александровна Шмидт (31.12.1845, С.-Петербург — ?).

1.3.4.8. Евгений Александрович Шмидт (10.03.1848, С.-Петербург — 1913, Павлодар). Жена: Ирина Ивановна Шмидт (ур. Галкова, 18.05.1878, Иркутск — 31.05.1951, Таллин).

1.3.5.1. Никита Конрадович Шмидт (29.10.1833, С.-Петербург — 19.05.1898, С.-Петербург). Тайный советник, сенатор. Жена: Мария Николаевна Шмидт (ур. Харламова, 1846–16.05.1916), дворянка.

1.3.5.2. Константин Конрадович Шмидт (12.05.1835, С.-Петербург — 26.03.1894, Берлин). Генерал-лейтенант. Жена: Мария Яков-

левна Шмидт (ур. Головнина, ? — 03.12.1867, С.-Петербург). Дворянка.

1.3.5.3. Александр Конрадович Шмидт (24.08.1839, С.-Петербург — ?).

1.3.5.4. Лидия Конрадовна Шмидт (22.02.1843, С.-Петербург — ?).

1.3.5.5. Клавдия Конрадовна Шмидт (21.03.1845, С.-Петербург — 02.03.1909, С.-Петербург). Муж: Веселаго Владимир Иосифович. Капитан 1-го ранга (?—30.12.1886, С.-Петербург).

1.3.6.1. Аделаида Александровна Дометти (01.01.1821, С.-Петербург — 23.03.1904, Ст. Удельная Финляндской ж/д).

1.3.6.2. Дарья Александровна Дометти (27.04.1823, С.-Петербург — 19.04.1904). Муж: Дмитрий Иванович Свицкой (02.09.1815, Москва — 08.02.1872, С.-Петербург). Управляющий Гербовым казначейством Департамента неокладных сборов.

1.3.6.3. Александр Александрович Дометти (05.04.1824, С.-Петербург — 02.09.1872, С.-Петербург). Чиновник канцелярии С.-Петербургского опекунского совета глухонемых.

1.3.6.4. Николай Александрович Дометти (26.08.1828, Бессарабская губ. — 03.07.1905, Витебская губ.). Генерал-майор. Жена: Мария Петровна Устинова (?—?).

1.3.6.5. Константин Александрович Дометти (15.02.1831—25.08.1876, Вильно). Статский советник. Жена: Анна Егоровна Белова (около 1837—?). Купчиха.

1.3.6.6. Вера Александровна Дометти (02.1833, Киев — после 1904?). Муж: Александр Иванович Ватаци (03.04.1810, Смоленск — 27.02.1886, С.-Петербург). Генерал от артиллерии.

1.3.6.7. Михаил Александрович Дометти (01.12.1835—02.04.1897, Казань). Статский советник.

1.3.6.8. Платон Александрович Дометти (19.08.1839, Киев — 14.07.1891). Генерал-майор. 1-я жена: Софья Менандровна Сушинская (?—?). Дочь тайного советника. Развод 14.06.1879. 2-я жена: Вера Васильевна Гут (?—?).

5-е поколение

1.3.4.8.1. Евгения Евгеньевна Гурова (ур. Шмидт, 22.03.1906, Иркутск — 11.03.1992, Луганск). Муж: Михаил Иванович Гуров (11.02.1902—14.07.1961, Луганск).

1.3.5.1.1. Елена Никитична Шмидт (13.10.1863—?).

1.3.5.1.2. Лидия Никитична Шмидт (1864—?). Муж: фон Майдель (1856—1917).

1.3.5.1.3. Николай Никитич Шмидт (23.07.1865—23.08.1889, С.-Петербург).

1.3.5.1.4. Римма Никитична Браиловская (ур. Шмидт, 14.04.1868, Дерпт, Эстония — 28.09.1959, Рим). Художница. 1-й муж: Федор Карлович Мейер. Брак заключен в 1890 г. Расторгнут в июне 1893 г. 2-й муж: Леонид Михайлович Браиловский (23.05.1867, Харьков — 07.07.1937, Рим).

1.3.5.2.1. Яков Константинович Шмидт (09.01.1867—?).

1.3.5.5.1. Александр Владимирович Веселаго (?—?).

1.3.5.5.2. Иосиф Владимирович Веселаго (?—?). Статский советник; член консультации и юрисконсульт Министерства юстиции.

1.3.6.2.1. Дмитрий Дмитриевич Свицкой (17.01.1846, Москва — 02.1911, Осташковский у. Тверская губ.). Инженер-технолог. Жена: Вера Сергеевна N (? — после 1919).

1.3.6.2.2. Александр Дмитриевич Свицкой (28.04.1848, Москва — 16.09.1897, С.-Петербург). Губернский секретарь. Жена: Елизавета Тарасьева Васильева (04.08.1850, С.-Петербург — около 1932, Лосиноостровская, Московская обл.).

1.3.6.2.3. Иван Дмитриевич Свицкой (23.12.1850, С.-Петербург — 23.10.1887, Владимир). Надворный советник. Жена: Надежда Валентиновна Шумилова (1863—1943).

1.3.6.2.4. Андрей Дмитриевич Свицкой (07.02.1852, С.-Петербург — ?).

1.3.6.2.5. Петр Дмитриевич Свицкой (14.04.1853, С.-Петербург — ?).

1.3.6.2.6. Наталья Дмитриевна Свицкая (29.06.1854, С.-Петербург — 17.01.1929, Неаполь, Италия). Муж: Владимир Иванович Савин (?—?). Статский советник, директор Первого российского страхового общества.

1.3.6.2.7. Анастасия Дмитриевна Свицкая (07.09.1859, С.-Петербург — ?). Муж: Гуарини Эдуардо (?—?).

1.3.6.4.1. Екатерина Николаевна Дометти (24.09.1863—1937).

1.3.6.4.2. Ольга Николаевна Дометти (11.05.1866—06.05.1902, Витебская губ.).

1.3.6.5.1. Антонина Константиновна Дометти (12.07.1858, С.-Петербург — после 1917).

1.3.6.5.2. Константин Константинович Дометти (27.03.1863, Киев — 11.02.1904, Москва). Полковник. Жена: Вера Петровна Васильева (?—?). Купчиха.

1.3.6.6.1. Александр Александрович Ватаци (16.11.1852—16.09.1933, Сент-Женевьев-де-Буа, Франция). Генерал-лейтенант. Костромской губернатор. Жена: Екатерина Петровна Зуева (?—?).

1.3.6.6.2. Эммануил Александрович Ватаци (19.05.1856—1920). Тайный советник. Харьковский губернатор. Товарищ министра внутренних дел. Жена: Мария Петровна Мертваго (29.04.1860—22.10.1836, Сент-Женевьев-де-Буа, Франция). Дворянка.

1.3.6.6.3. Михаил Александрович Ватаци (06.09.1858, Воронеж — после 1916). Действительный статский советник. Жена: Анна Александровна.

1.3.6.6.4. Владимир Александрович Ватаци (20.04.1860, Воронеж — после 1920?). Генерал-лейтенант. Жена: Ольга Александровна Зерни-на (1960—?).

1.3.6.6.5. Вера Александровна Ватаци (31.10.1861—?).

1.3.6.6.6. Ольга Александровна Ватаци (24.01.1863—?).

1.3.6.6.7. Евгения Александровна Ватаци (24.08.1864—31.01.1910, Минск).

1.3.6.6.8. Наталья Александровна Ватаци (24.08.1864—?).

1.3.6.6.9. Татьяна Александровна Ватаци (29.04.1870, С.-Петербург — 08.09.1953, Москва). 1-й муж: Владимир Карпович Дмитриев (24.11.1868—30.09.1913); 2-й муж: Николай Федосеевич Горбачев (23.07.1875, Смоленская губ. — 12.01.1950, Москва).

1.3.6.8.1. Вера Платоновна Дометти (29.06.1880—?).

1.3.6.8.2. Платон Платонович Дометти (28.05.1881 — до 1890?).

1.3.6.8.3. Любовь Платоновна Дометти (31.08.1883 — 1950-е?).

1.3.6.8.4. Яков Платонович Дометти (21.01.1885, С.-Петербург — после 1917?).

Благодаря сотрудничеству с потомками семьи Шми(д)т и проведенным архивным поискам можно предположить, что первым документально зафиксированным представителем «нашей» линии Шми(д)тов является представитель остзейского дворянства, подполковник Капорского пехотного полка Якоб Иоганн фон Шмидт³ (Johann Jacob von Schmidt, ?—15.02.1775). В конце своего жизненного пути Якоб Иоганн был состоятельным человеком, владел имениями Тильзит⁴ и Рауге⁵ в Дерптском округе Лифляндии. Кроме того, в приданое за первой женой Маргарет Элеонорой фон Каутч получил имение Фиренгоф⁶ в том же округе⁷. Последние годы службы Якова Шмита пришлись на славные времена правления императрицы Екатерины II.

Сын подполковника Шмита Карл Яковлевич Шми(д)т (1768—1823) в возрасте 17 лет 25 ноября 1786 г. подал прошение на Высокое имя, в котором писал: «...грамоте и читать по-российски и по-немецки умею, а в службу Вашего Императорского Величества определен еще никуда не был, которую мне есть усердное желание продолжать лейб-гвардии в конном полку»⁸.

Просьба юного Карла была удовлетворена, и сын штаб-офицера поступил на службу в «Ея Императорского Величества Лейб-Гвардии Конный полк Рейтаром в 1786 г.»⁹ Один из старейших полков российской армии¹⁰ относился к элитным частям Императорской российской армии. Манеж Конногвардейского полка¹¹ располагался на Исаакиевской площади Санкт-Петербурга, казармы — на Конногвардейском бульваре. Со времен императрицы Анны полк комплектовался преимущественно остзейскими немцами. С 28 июня 1762 г. по 6 ноября 1796 г. Екатерина II числилась шефом лейб-гвардии конного полка.

За добропорядочную службу Карл был повышен в звании сначала до капрала, позднее до унтер-офицера. Однако службу продолжал только до января 1788 г., когда «во исполнение Высочайшего Ея Императорского Величества указа с болезнями его от воинской службы отставлен к штатским делам из Вице-Вахмистров с награждением за добропорядочную службу от армии Поручичьего ранга»¹².

Вся дальнейшая история семьи Шми(д)тов тесно связана с Санкт-Петербургом. После выхода в отставку Карл Яковлевич Шми(д)т несколько лет (1804—1808) избирался депутатом дворянства Шлиссельбургского уезда, депутатом дворянства Санкт-Петербургского уезда (1813—1823), баллотировался в предводители уездного дворянства¹³. Неоднократно избирался депутатом дворянства для составления родословной книги. За труды на штатском поприще был награжден орденами Св. Владимира IV ст. и Св. Анны II ст. К 1795 г. имел чин титулярного советника, окончил службу в чине коллежского советника. Скончался Карл Яковлевич в Санкт-Петербурге в 1823 г.¹⁴ Похоронен на Волковом лютеранском кладбище, могила не сохранилась¹⁵.

Главной заслугой Карла Яковлевича перед семейной историей является настойчивая деятельность по сопричислению семьи к дворянскому сословию. Именно его стараниями род Шми(д)тов 4 ноября 1794 г. был внесен в III часть Дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии, чему в подтверждение была выдана грамота за № 299 от 18 декабря 1794 г.¹⁶ (рис. 2).

Франции.	Доказательствъ.	имя и прозвание дворянина въ сей чужбинн ильни-слъ не въ имен-лихъ въ доро-щине и въ ильни-	жестокости и на-конов или вдов
Шредеръ.	По патенту зависоайшимъ Ея Имте-раторскаго величества подпавшимъ пожалованъ онъ въ 1785 году Января 31 дня за оказанную имъ къ величьей голыноствъ и тримяжностъ въ кн.теневскіе ассесоры	Въорудъ Фридерикъ Чолмтвъ	жестокъ на купеческой дороге
Шмитъ.	Въ данной слъ въ 1788 году февраля 4 дня лейтъ скардіи коннаго полку изъдъ полковнй канцелярїи транспортъ написано: стъ онъ въ слъжбъ вступилъ изъ штатъ въ Офицрскіе дѣтей и въ паломитомъ году воступилъ въ высочайшавъ знада, отъ вимслій величьей отставленъ въ нагоръ жденіемъ поруттеевъ сына Арміи, ко-опредѣленію къ штатскимъ Дѣламъ.	Куръ Яковъ вичъ 26. лѣтъ	жестокъ на вдовъ и вдовъ и вдовъ и вдовъ

Рис. 2. Запись о внесении рода Шми(д)тов
в Дворянскую родословную книгу¹⁷

Нельзя сказать, что семейная жизнь Карла Шми(д)та складывалась удачно. В первом коротком браке с вдовой-прапорщицей Анной Ивановной (?–1794?)¹⁸ родилась единственная дочь Катерина (1789–?), которая впоследствии вышла замуж за титулярного советника Павла Андреевича Петровского¹⁹. Второй брак Карла Шмита с уроженкой Санкт-Петербурга Марией Осиповной (ур. Фрейер, 1784?–26.08.1858) был заключен около 1800 г. Дочь иностранного купца Осипа Осиповича и Анны Ивановны Фрейер вышла замуж 16 лет от роду и в последующее шесть лет родила Карлу пятерых (!) детей: сыновей Карла (1802–?), Александра (1803–1872), Конрада (1804–1887) и дочерей Амалию (1801–1844) и Марию-Аделаиду (1805–1846)²⁰. Точные даты рождения всех детей не известны, но можно уверенно сказать, что все они родились в диапазоне 1800–1805 гг., так как брак этот был расторгнут 26 января 1806 г. по «обоюдной ненависти»!²¹ Из дела о разводе следует, что «*между супружниками не имеется никакой более брачной привязанности и согласия, но, напротив, взаимная их друг к другу ненависть достигла такой степени, что учиненные сей коллегией попытки к примирению остались тщетны. Почему они чувствуют несовмести-*

мость брака и просили единогласно оный вовсе уничтожить <...> Прижитые в сем браке пятеро детей предоставляются в отеческое его попечение». К этому моменту Карлу исполнилось всего 38 лет. Следует отметить, что в том же году, 8 июля 1806 г., Мария вышла замуж за коллежского советника Василия Романовича Марченко²², и истинные причины разрыва становятся ясными из его воспоминаний: «В 1804 г. нанята была квартира в доме надворного советника Шмита (в Почтамтской улице, напротив дома Безбородко). Меня особенно ласкала хозяйка, молодая, умная, веселая и прекрасная собою женщина. Они люди были богатые, и мне отменно нравилось видеть хозяйку: вечером в бриллиантах, разряженную для благородного собрания, а поутру идущую в погреб или приезжающую в карете с рынка. Русские барыни не знают сего: им надобно или заниматься вовсе хозяйством или, отказавшись, как они называют, от света, ходить ежеминутно с ключами, браниться и кричать. У Шмитов, напротив, чистота в доме и порядок были удивительные. Один человек прислуживал 20 гостям, одевал хозяина и ездил за каретою. Прельщаясь такою жизнью, я говаривал товарищам моим, что или я буду иметь такую жену, как Марья Осиповна Шмит, или останусь холостым. Судьба подслушала, видно, меня и подиутила.

Марья Осиповна начала находить во мне добрые качества; самая застенчивость моя ей нравилась. Я влюбился, она также и потребовала развода. Право ея состояло в том, что Шмит в малолетстве принудил ее за себя выйти, что она ему падчерица и что в день свадьбы торжественно объявила ему, что будет жить с ним дотоле, пока не влюбится в другого. Шмит, опасаясь, чтобы насилие его не было открыто, согласился на развод в 1805 г., зимою, и через три месяца женился на ключнице, жившей у него же в доме. Но мое положение было ужасное. Мысль, что я стал причиною расстройтва семейного, убивала меня, невзирая на то, что сам Шмит желал нашей свадьбы, и что Марья Осиповна решительно говорила, дабы я не брал сего происшествия на свой счет, так как уговора у нас никакого не было, и она не нарушила супружеской верности. В довод того, узнав, что в доме Вязмитинова предлагают мне жениться на дочери Мальшева, только что взятой из Смольного монастыря, Марья Осиповна предложила мне в подарок 20 тыс. руб., следующие ей по разводной записи; а сама, с остальным капиталом, намерена была уехать за границу.

Я открылся во всем Сергею Козьмичу, испросил благословение матушки, предложил Марье Осиповне руку и сердце, и 8 июля 1806 г. в Вознесенской церкви поклялись мы пред алтарем в вечной друг другу любви»²³.

Рис. 3. Мария-Аделаида Карловна Дометти (ур. Шмидт, 1805–1846)

В этом отрывке весьма интересными выглядят утверждение, что Мария Осиповна приходилась Карлу Яковлевичу падчерицей, и упоминание его третьего брака. Никаких документальных подтверждений ни тому, ни другому факту мы не обнаружили.

Дети Карла Шми(д)та рано остались без материнской опеки, и, скорее всего, это наложило отпечаток на формирование их характеров. О судьбе старшей дочери Карла, Амалии, известно, что она вышла замуж за титулярного советника Василия Гавриловича Ефремова (1783–1836) и в этом браке родилась дочь Мария. Младшая дочь, Мария-Аделаида (рис. 3), в 1821 г. вышла

замуж за однополчанина своих братьев, офицера лейб-гвардии Московского полка, в будущем генерала от инфантерии, Александра Карловича Дометти (1794–1877). Отец Александра Карловича, Карл Густав Дометти, был внебрачным сыном одного из баронов Унгерн-Штернбергов. Интересно отметить, что А.К. Дометти сыграл определенную роль в освобождении Ф.М. Достоевского от солдатской службы. У супружеской пары Дометти были многочисленные потомки, контакт с некоторыми из них нам удалось установить. Благодаря этому в значительной степени восстановлена генеалогия данной ветви рода.

О старшем сыне, Карле Карловиче Шмидте (1802–?), известно немного — в одной из метрических записей своих племянников он фигурирует как восприемник в звании гвардии полковника (1835 г.). В РГВИА послужного списка, к сожалению, обнаружить пока не удалось. Уточнение биографии требует дополнительного внимания.

Младший сын, Кондратий (Конрад, Кодрат) Карлович Шмидт (1804?–1887), поступил на службу в лейб-гвардии Семеновский полк, дослужился до звания подпоручика. Исполнял обязанности офицера по особым поручениям главноуправляющего продовольственной частью 2-й армии. Был женат на дочери генерал-майора Никиты Васильевича Арсеньева (1775–1847), Елене Никитичне Арсеньевой

(?–1883). За супругами состоял каменный дом в Санкт-Петербурге и два имения в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии — в 577 дес. 182 сажень и 4105 дес. 1942 сажень земли. Приведенный перечень позволяет сказать, что семья относилась к весьма обеспеченным слоям российского общества.

Самым важным вкладом Кондратия Карловича в фамильную историю смеем считать, во-первых, рождение и воспитание двух достойнейших представителей фамилии — Никиты Конрадовича и Константина Конрадовича Шмидтов, а во-вторых, получение фамильного герба рода Шми(д)тов (см. рис. 1). Герб рода Шми(д)тов был пожалован по прошению и документам, поданным в Герольдию Конрадом (Кондратием) Шмидтом в 1838 г.²⁴

Никита Конрадович Шмидт (1833–1898) — одна из самых интересных и загадочных фигур в родовой истории Шмидтов. Управляющий III Отделением МВД, губернатор Ярославской губернии, тайный советник, сенатор... Никита Шмидт родился 29 октября 1833 г. в Санкт-Петербурге в семье гвардии Семеновского полка отставного подпоручика Конрада Карловича Шмидта и Елены Никитичны Шмидт. Восприемниками при крещении записаны его дядя (брат матери), штабс-капитан Емелиан Никитич Арсеньев, и его бабушка Евдокия Емелианова Арсеньева²⁵.

Воспитание получил в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (позднее Николаевское училище), по окончании которого в 1851 г. был произведен в прапорщики с определением в лейб-гвардии Семеновский полк. За десять лет дослужился до чина штабс-капитана и 30 мая 1862 г. был «*по домашним обстоятельствам уволен от службы с мундиром*».

Дальнейшую службу проходил в гражданском ведомстве почетным мировым судьей Гдовского округа, председателем Гдовской уездной земской управы.

В 1872 г. высочайшим приказом по Военному ведомству назначен для особых поручений к шефу жандармов генерал-адъютанту графу Шувалову 1-му²⁶, а 1 января 1873 г. — секретарем к главному начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества (ЕИВ) Канцелярии²⁷. С 1 октября 1876 г. управлял Департаментом полиции исполнительной. С 3 апреля 1877 г. по 9 декабря 1878 г. был ярославским губернатором. И наконец, 9 декабря 1878 г. был назначен управляющим III Отделением собственной ЕИВ Канцелярии, кои обязанности исполнял до 14 мая 1880 г.²⁸

Таким образом, Никита Конрадович Шмидт, кавалер высших российских орденов, тайный советник и сенатор²⁹, почетный гражданин городов Ярославля и Рыбинска, имел все основания для славного завершения успешного жизненного пути. Однако, достигнув высших чинов и наград империи, Никита Конрадович «прославился» и как человек необузданных страстей. Уже в солидных летах он проиграл все свое состояние и состояние жены, брал новые кредиты, закладывал имения и имущество, обращался за помощью к монарху и родственникам. В конце концов, по свидетельству жандармского генерала Новицкого, «...прожив все состояние <...> <сенатор Шмидт> однажды зашел в С.-Петербурге в баню, где занял отдельный номер, покушался на самоубийство через кровопускание посредством надреза, но был предупрежден банщиком, который вынул его из кровяной ванны, чем и спас жизнь»³⁰. Никита Конрадович был спасен, но уже не оправился от моральных и физических страданий и скончался в Санкт-Петербурге 19 мая 1898 г. Похоронен на Смоленском православном кладбище.

Рис. 4. Римма Никитична
Браиловская
(ур. Шмидт, 1868–1959)

В браке Никиты Конрадовича с дочерью коллежского регистратора Марией Николаевной Шмидт (ур. Харламовой, 1846–1916) родились дети Елена (1863–?), Лидия (1864–?), Николай (1865–1889) и Римма (1868–1959)³¹.

Из всех детей Никиты Конрадовича наиболее яркий след в истории оставила его младшая дочь Римма Никитична Шмидт (в замужестве Браиловская, 1868–1959) (рис. 4). После короткого брака с поручиком лейб-гвардии Уланского полка Федором Карловичем Мейером, который по вине мужа был расторгнут в июне 1893 г., Римма в 1898 г. вышла замуж за русского архитектора и художника Леонида Михайловича Браиловского (1867–1937)³². Увлеклась живописью и добилась признания как автор пейзажей

и жанровых картин, художник прикладного искусства. После 1917 г. семья Браиловских эмигрировала из России сначала в Константинополь, затем в Белград и с 1925 г. поселилась в Риме. Вместе с мужем перешла в католичество. Долгое время их дом был русским культурным центром. В 1945 г. Римма Никитична спасала русских эмигрантов-невозвращенцев от выдачи советской репатриационной комиссии. Похоронена рядом с мужем на римском кладбище Кампо Верано³³.

Константин Конрадович Шмидт (1835–1894) — генерал-лейтенант, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командир лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка, командир лейб-гвардии Павловского полка, начальник 7-й армейской пехотной дивизии. Информация о нем представлена во многих изданиях, посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а также в мемуарной литературе, юбилейных сборниках и справочниках³⁴. Однако работа с архивными делами позволила дополнить уже известные сведения³⁵.

Константин Конрадович Шмидт (рис. 5) родился 12 мая 1835 г. в Санкт-Петербурге в семье гвардии Семеновского полка отставного подпоручика Конрада Карловича Шмидта и Елены Никитичны Шмидт (ур. Арсеньевой, ?–1883). Восприемниками при крещении записаны его дядя (брат отца), гвардии полковник Карл Карлов Шмидт и его бабушка Евдокия Емелианова Арсеньева³⁶.

Можно сказать, что Константин Конрадович Шмидт являлся образцом чести и служения царю и Отечеству. Простой перечень наград К.К. Шмидта внушает уважение и вызывает восхищение: золотое оружие с надписью «За храбрость»; ордена Св. Владимира II ст. (1888), III ст. с мечами (1878) и IV ст. (1874), Св. Станислава II ст. (1867, императорская корона к этому ордену пожалована в 1870 г.), I ст. (1882), Св. Анны I ст. (1885),

Рис. 5. Константин Конрадович Шмидт (1835–1894)

II ст. (1872) и III ст. (1864), прусский орден Королевской короны II ст., датский Кавалерский крест Данебрага и румынский железный крест; медали — светло-бронзовая в память войны 1853—1856 гг., за усмирение польского мятежа в 1863—1864 гг., в память войны с Турцией в 1877—1878 гг.

Начал свою службу с учебы в школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. В 1853 г. был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк и сразу оказался в действующей против турок армии. К 1870 г. боевой офицер уже имел звание полковника. С 19 марта 1877 г. командовал знаменитым лейб-гвардии Павловским полком, а уже 12 октября 1877 г. высочайшим приказом за отличие в деле с неприятелем при деревне Горный Дубняк произведен в генерал-майоры. Неоднократно получал награды и благодарности за храбрость, проявленную в боях против турок: при переходе Балканских гор, овладении городом Филлиппополем, осаде Плевны, занятии д. Каратаир.

18 мая 1884 г. Шмидт сдал полк полковнику Р.Т. Мевесу и был назначен командиром 2-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, 21 июня того же года было высочайше повелено числиться в списках Павловского полка. 14 ноября 1888 г. получил в командование 1-ю бригаду 1-й гвардейской пехотной дивизии. С 29 сентября 1890 г. командовал 7-й пехотной дивизией, с зачислением по гвардейской пехоте, и 30 августа 1891 г. был произведен в генерал-лейтенанты.

Скончался Константин Конрадович 26 марта 1894 г. в Берлине. Похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге.

В браке Константина Конрадовича с Марией Яковлевной Шмидт (ур. Головнина, ?—1867) родился единственный сын Яков (1867—?)³⁷, который после окончания в 1887 г. Александровского лицея поступил в военную службу. В дальнейшем его следы теряются.

Из всех потомков Карла Яковлевича наиболее подробной информацией мы располагаем о его сыне Александре (1803—1872). Александр Карлович Шмидт (рис. 6) сохранял веру предков и принадлежал к Евангелической лютеранской церкви. На службу вступил 8 сентября 1818 г. подпрапорщиком в лейб-гвардии Московский полк³⁸. Казармы полка находились в центре Петербурга, в нескольких шагах от родового дома Шмидтов³⁹. 29 июня 1821 г. он был произведен в чин портупей прапорщика, 6 января 1823 г. — прапорщика. 29 апреля 1824 г. был назначен адъютантом к генерал-майору Фридериксу 1-му, 1 января

1825 г. ему был присвоен чин подпоручика с оставлением на прежней должности. Часть полка под руководством М.А. и А.А. Бестужевых и Д.А. Щепина-Ростовского участвовала в восстании 14 декабря 1825 г. Однако революционные идеи не увлекли Александра Шмидта, и он счастливо избежал каторжной участи своих сослуживцев. К 1825 г. имел звание подпоручика, исполнял обязанности адъютанта генерал-майора Фридерикса⁴⁰.

Подпоручик Шмидт успел принять участие в первой кампании Русско-персидской войны 1826–1828 гг., но 5 января 1827 г. ушел в отставку с присвоением чина штабс-капитана. Судя по тому, что никакими высокими наградами отмечен он не был, можно предположить, что Александр Карлович посчитал для себя военную карьеру бесперспективной и перешел в штатскую службу. Впрочем, и штатская служба была непродолжительной — в 1827 г. Александр Шмидт был определен секретарем в 1-е отделение Гидрографического депо Морского штаба⁴¹, с 6 октября 1832 г. исполнял обязанности члена комиссии по приведению в известность библиотеки Гидрографического депо, однако уже 11 апреля 1835 г. по прошению был уволен со службы. В аттестации было сказано, что *«в продолжение всей службы при честном поведении должность свою исправлял с усердием и деятельностью, в походах, штрафах, под судом и отпусках не бывал»*. К моменту увольнения со службы Александру Карловичу исполнилось 34 года. Более он нигде не служил...

Проблемы благосостояния семьи были решены удачным браком с дочерью вице-адмирала и сенатора Михайловского⁴² Анной Кирилловной (рис. 7). Венчание состоялось 17 октября 1826 г. в петербургской Скорбященской церкви за Литейным двором.

В этом браке родились восемь детей: Кирилл (1827–?), Зинаида (1829–?), Анна (1831–?), Александр (1832–?), Елена (1835–?), Анто-

Рис. 6. Александр Карлович Шмидт (1803–1872)

Рис. 7. Анна Кирилловна Шмидт
(ур. Михайловская)

нина (1840—?), Ольга (1845—?) и Евгений (1848—1913). Трудно поверить, но разница между старшим и младшим ребенком составляет 21 год! Следует отметить, что по существовавшим тогда уложениям дети, рожденные в браке православного и инославного подданных Российской империи, за редким исключением, крестились по православному обряду. Поэтому, начиная с этого поколения, все Шмидты по этой ветви были православного вероисповедания.

Несколько слов о семье Анны Кирилловны Михайловской. Кирилл Григорьевич Михайловский достиг высших чинов и званий в Российской империи. Его послужной список свидетельствует о многолетних трудах на благо Отечества⁴³. Однако для нас не менее интересна семейная жизнь адмирала⁴⁴. Кирилл Григорьевич Михайловский был женат на представительнице знаменитого русского дворянского рода Анастасии Петровне Долгорукой. В браке Кирилла Григорьевича и Анастасии Петровны родилась дочь Анна, которая впоследствии и стала супругой Александра Карловича Шмидта. Интересно отметить, что имя Анны Михайловской упомянуто на страницах мемуаров декабриста Михаила Александровича Бестужева (1800—1871). Молодых людей связывали романтические отношения. Именно в дом адмирала Михайловского Бестужев заехал в ночь накануне восстания: «...я, будучи близко от дома вице-адмирала Михайловского, заехал тоже навсегда проститься с хозяйками, а главное со старшей дочерью <Анной>, которая мне очень нравилась и которая страстно меня любила. У них я нашел многочисленное общество; молодежь танцевала под фортепиано. Хозяйка играла в карты, дочка танцевала. Я решил уехать потихоньку и для того вышел в столовую, где оставил шарф и кивер. Когда я в лихорадочном волнении тщетно старался застегнуть крючки шарфа, Анета подкралась и застегнула крючки. Я обнял ее, поцеловал в лоб и промолвил: “Прощай, мой друг!..”»

После восстания на Сенатской площади Михаил Александрович Бестужев был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, приговорен к «вечным каторжным работам» и ссылке. Анна не стала «женой декабриста», сделала менее романтический выбор и вышла замуж за однополчанина Михаила Александровича Бестужева, Александра Карловича Шмидта.

В 1837 г. Александр Карлович Шмидт подал прошение на внесение в дворянскую книгу Санкт-Петербургской губернии всех своих детей. Просьба была удовлетворена, и все дети Александра Карловича Шмидта были причислены к дворянскому сословию⁴⁵. Александр Карлович Шмидт скончался 1 января 1872 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен на Волковом лютеранском кладбище. Могила не сохранилась⁴⁶.

Старший сын Александра Карловича, Кирилл Александрович Шмидт, родился в С.-Петербурге и был крещен в петербургской Пантелеймоновской церкви при Большой партикулярной верфи. Восприемниками при рождении были вице-адмирал, сенатор Семен Афанасьевич Пустышкин и жена вице-адмирала Кирилла Григорьевича Михайловского Анастасия Петровна⁴⁷, его бабушка. Кирилла взял на свое попечение его дед, вице-адмирал и сенатор Кирилл Григорьевич Михайловский⁴⁸. В 1837 г. Кирилл поступил в Училище правоведения, откуда его забрали по прошению Александра Карловича Шмидта в 1843 г. По некоторым данным, учился в С.-Петербургском университете (архивное дело утеряно). Позднее — унтер-офицер гусарского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Павловича полка.

О младшем сыне Александра Карловича, Евгении Александровиче Шмидте (рис. 8), удалось собрать достаточно полные сведения. Евгений родился в С.-Петербурге и был крещен в церкви Великомученика Георгия Победоносца при Главном штабе. Восприемниками при крещении были записаны статский советник, служащий Государственного контроля Николай Васильевич Савицкий и вдова коллежского советника, баронесса Евфимия Никитична Вревская⁴⁹ (ур. Арсеньева, 1814–1885), одна из многочисленных тетушек Евгения. На момент рождения Евгения его отец, Александр Карлович Шмидт, пребывал в отставке. Несмотря на то что Евгений *«имел во владении каменный дом нераздельно с двумя братьями в 3-й Адмиралтейской части во 2-м квартале под № 122»*, семья снимала квартиру в Литейной части, на Итальянской улице, в доме Чаруковского № 288/48. Как уже

Рис. 8. Евгений Александрович Шмидт (1848–1913)

было сказано выше, старшего брата Евгения, Кирилла, взял на свое попечение тесть, вице-адмирал и сенатор Кирилл Григорьевич Михайловский⁵⁰. Евгений воспитывался в семье отца.

Тщательная проработка фондов учебных заведений Санкт-Петербурга не дала положительных результатов — личного дела Евгения Александровича Шмидта не обнаружено. Потенциально он мог учиться в нескольких институтах — инженеров путей сообщения, Горном, Лесном, Политехническом и Институте гражданских инженеров. Были проверены все списки. Единственным обнаруженным фактом (но не подтвержденным наличием дела) является запись

в историческом очерке развития Санкт-Петербургского лесного института⁵¹: выпуск 1868 г., Шмидт Евгений. Отсутствие дела Евгения Александровича Шмидта в фондах Лесного института может быть объяснено тем, что как раз в 1863–1864 гг. Лесной институт переехал из Горы-Горок в Санкт-Петербург и был преобразован из Лесной академии в Земледельческий институт. Интересный факт: в 1869 г. помощником профессора химии в лаборатории в Лесном институте служил некто В.Д. Шмидт (связь с «нашими» Шмидтами пока не просматривается).

По утверждению потомков, Е.А. Шмидт служил инженером при строительстве Забайкальской и Кругобайкальской железной дороги. Однако поиск в соответствующих фондах⁵² позволил обнаружить только дела «О заключении договора с подрядчиком Е.А. Шмидтом. 1900–1902 гг.»⁵³ Наличие договоров подряда с Евгением Александровичем Шмидтом ставит под большое сомнение факт его работы на строительстве железной дороги. Законами Российской империи, мягко говоря, не поощрялась покупка государственного заказа «у самого себя». Впрочем, вполне допустим вариант: сначала продавал как подрядчик, потом строил как инженер. Но *никаких* свидетельств о службе

Шмидта на железной дороге нет. Только подряды! Интересный факт: во всех делах Евгений Александрович Шмидт обозначен как потомственный дворянин, с большой долей уверенности можно сказать, что речь идет о «нашем» Шмидте. Запрос в Иркутский архив не дал положительных результатов. Потенциально перспективным выглядит поиск по фондам Иркутской казенной палаты за 1900–1902 гг.

Предположительно около 1905 г. Евгений Александрович сочетался браком с Ириной Ивановной Галковой (1878–1951) (рис. 9). В этом браке родилась единственная дочь Евгения Евгеньевна Шмидт (в замуж. Гурова, 22.03.1906–11.03.1992). К моменту рождения Евгении ее отцу исполнилось 58 лет (!).

Рис. 9. Ирина Ивановна Шмидт
(ур. Галкова, 1878–1951)

По утверждению потомков, Евгений Александрович Шмидт скончался в 1913 г. в возрасте 65 лет в Павлодаре, где находился по делам службы. Павлодар в настоящее время находится за пределами Российской Федерации. Запрос о метрической записи и местонахождении захоронения положительных результатов не дал.

К сожалению, мы не обнаружили на пространстве нашего Отечества здравствующих потомков — носителей фамилии Шмидт. Мужская линия «наших» Шмидтов в России прервалась в начале XX в. Единственный сын Никиты Конрадовича Шмидта, корнет лейб-гвардии Уланского полка Николай Никитич Шмидт (23.07.1865–23.08.1889), умер в возрасте 24 лет, не успев обзавестись семьей. Александр Конрадович, Кирилл Александрович и Яков Константинович Шмидты, по всей видимости, умерли бездетными. В семье Евгения Карловича Шмидта, как уже говорилось, родилась единственная поздняя дочь Евгения Евгеньевна Шмидт.

В настоящее время в Москве живут потомки Евгения Александровича Шмидта: внучка Виолетта Михайловна Тринич, правнучка Ирина Фридриховна Тринич и праправнук Александр Андреевич Тринич-

Афанасьев. Во Франции и Москве живут потомки Марии-Аделаиды Карловны Дометти: прапраправнук Владимир Иосифович Векслер, активно занимающийся историей рода, и праправнучка Наталья Николаевна Лезнова. Владимир Иосифович и Наталья Николаевна оказали автору бесценную помощь в подготовке настоящей публикации.

Есть надежда, что в период революционных потрясений некоторые представители семьи покинули свое второе Отечество и их следы найдутся в других странах.

1. Унбегаун Борис Генрихович (1898–1973) — лингвист и филолог-руссист. Немец российского происхождения. Работал в университетах Франции, Англии, США.

2. *Unbegaun B.O.* Russian surnames. Oxford: Clarendon Press, 1972. [Рус. пер.: *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. С. 268].

3. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 957. Л. 122.

4. Ныне — Тильси, Эстония. С конца XVIII в. принадлежала к Верроскому уезду (*Stryk L.v.* Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. Teil I. Estnischer District. Dorpat, 1877. S. 247).

5. Ныне — Рыуге, Эстония. С конца XVIII в. принадлежала к Верроскому уезду (*Stryk L.v.* Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. Teil I. Estnischer District. Dorpat, 1877. S. 266).

6. Ныне — Тсоору, Эстония. С конца XVIII в. принадлежала к Верроскому уезду (*Stryk L.v.* Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. Teil I. Estnischer District. Dorpat 1877. S. 276).

7. Данные предоставлены потомком подполковника Шмидта Владимиром Иосифовичем Векслером (Франция).

8. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 957. Л. 122.

9. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 450.

10. Лейб-гвардии конный полк сформирован 7 марта 1721 г. Комплектовался исключительно дворянами. 31 декабря 1730 г. императрица Анна приняла на себя звание полковника или шефа полка, затем это звание носили Петр III и Екатерина II.

11. Конногвардейский манеж, ныне хорошо известный Центральный выставочный зал «Манеж», был построен в 1804–1807 гг. под руководством архитектора Джакомо Кваренги в строгом классическом стиле.

12. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 507. Л. 9; РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 450. Л. 25.

13. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 397.

14. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 507. Л. 9–11; ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 397. Л. 1, 2.

15. *Саутов В.И.* Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1913. Т. 4. С. 564.

16. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 507. Л. 46, 47.

17. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 450. Л. 25.
18. Там же.
19. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 7. Д. 72.
20. *Саитов В.И.* Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевица, 1913. Т. 2. С. 75.
21. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 8. Д. 114.
22. В.Р. Марченко (1782–1840) на время вступления в брак с Марией Осиповной Шмидт в чине коллежского советника служил в канцелярии Военного министра. В дальнейшем — действительный тайный советник, в 1810–1812 гг. — томский губернатор, затем личный секретарь Александра I. В браке с Марией Осиповной Шмидт родились сыновья Александр и Петр, дочери Мария, Екатерина, Елизавета, Надежда и Варвара.
23. *Марченко В.Р.* Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко. 1782–1838 / Сообщ. В.А. Бильбасов // Русская старина. 1896. Т. 85, № 3. С. 478–479.
24. Герб рода Шмит внесен в часть 11 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи (РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 101. Л. 128). «Щитъ пересечень. В первой, лазуревой части, два серебряные на-крестъ положенные съ золотыми рукоятками меча. Во второй, серебряной части, зеленая съ тремя вершинами гора. Щитъ увенчанъ дворянскими шлемомъ и короною. Нашлемникъ: три серебряныхъ страусовыхъ пера. Наметь справа — лазуревый съ серебром, слева — зеленый съ серебром».
25. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 507.
26. Шувалов Петр Андреевич (1827–1889) — русский государственный деятель и дипломат, член Государственного совета. В 1861 г. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением Собств. Его Имп. Величества канцелярии. В 1866–1874 гг. — шеф корпуса жандармов и главный начальник III Отделения.
27. III Отделение занималось сыском и следствием по политическим делам, осуществляло цензуру, ведало политическими тюрьмами, позднее надзидало за революционерами и антиправительственно настроенными общественными деятелями. В 1880 г. реорганизовано в Департамент государственной полиции при Министерстве внутренних дел.
28. РГИА. Ф. 1343. Оп. 54. Д. 900.
29. *Мурзанов Н.А.* Словарь русских сенаторов 1711–1917. Материалы для биографий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 20.
30. *Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г.* Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая Гвардия, 2007.
31. РГИА. Ф. 1343. Оп. 54. Д. 900. Л. 5.
32. Незабывтые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: в 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 1999. Т. 1. С. 398.
33. *Сипягин А.* Священник. Памяти друга // Заметки Русской духовной академии в Риме. Рим, 1937. № 9–10. С. 3.

34. Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. II (Л–Я). С. 759–760.

35. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 4523. Л. 2–11; ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 507; РГВИА. Ф. 400. П/с 382–593.

36. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 507. Л. 43.

37. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 4523. Л. 7 об.

38. Лейб-гвардии Московский полк сформирован в 1811 г. под наименованием Литовский лейб-гвардии полк. Дислоцировался в Петербурге (наб. р. Фонтанки, 90). В 1817 г. полк был переименован в Московский лейб-гвардии полк. Часть полка под руководством М.А. и А.А. Бестужевых и Д.А. Щепина-Ростовского участвовала в восстании 14 декабря 1825 г. В полном составе или частью сил полк участвовал в Русско-иранской (1826–1828), Русско-турецкой (1828–1829 и 1877–1878) войнах (Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: энциклопедический справочник / Редкол.: Л.Н. Белова, Г.Н. Булдаков, А.Я. Дегтярев и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1992).

39. «Имеет каменный дом не отдельно с двумя братьями в 3-й Адмиралтейской части во 2-м квартале под № 122».

40. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 507.

41. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 397.

42. Кирилл Григорьевич Михайловский (18.03.1760–24.11.1841) — вице-адмирал, сенатор.

43. Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 373–374.

44. Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов 1711–1917.

45. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 460. Л. 443–445.

46. Саитов В.И. Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М.М. Стасюлеви-ча, 1912. Т. 1. С. 564.

47. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 507. Л. 4; Ф. 355. Оп. 1. Д. 3553.

48. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3553.

49. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 507. Л. 120.

50. Там же.

51. Исторический очерк развития Санкт-Петербургского лесного института 1803–1903 гг. СПб., 1903. С. 117.

52. РГИА. Ф. 326.

53. РГИА. Ф. 326. Оп. 3. Д. 145; Оп. 4. Д. 292.

М.Т. Валиев, И.Л. Лейнонен

БЛЕССИГИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

История рода Блессиг (Blessig) (рис. 1) своими корнями уходит в Эльзас — пограничную область Германии и Франции, население которой представляет собой уникальный симбиоз двух великих народов — не совсем французы и не совсем немцы. Язык, традиции, культура эльзасцев позволяют говорить об уникальном этнокультурном явлении, имеющем свои традиции и культуру. Фамилия Блессиг впервые упоминается в хрониках XIV–XV вв. как Блесс (Blaess) или Блесси (Blessi)¹. В Эльзасе по сей день существуют населенные пункты Blaesheim² и Saint-Blaise-la-Roche³ (*нем.* Sankt Blasius). Вполне вероятно, что фамилия Blessig имеет топонимические корни, но, к сожалению, в результате многочисленных войн XVII–XX вв. архивные документы в этом регионе были почти полностью уничтожены.

В конце XVII в. семья Blessig проживала в небольшом городке Вассельгейм (Wasselheim, Эльзас, Германия), в 15 милях западнее Страсбурга. Вассельгейм был одним из первых городов в Эльзасе, который принял лютеранскую Реформацию. Представители семьи Блессиг упоминаются в хрониках Вассельгейма до середины XIX в., но интересующая нас фамильная линия в 1653 г. переехала в Страсбург⁴.

Первым жителем Страсбурга из семьи Блессигов был владелец каменоломни и каменотесной мастерской Матиас I Блессиг (Mathias I Blessig, 1623, Вассельгейм — 27.11.1688, Вассельгейм)⁵. В 1681 г. он был избран членом муниципального совета.

Его сын Матиас II Блессиг (Mathias II Blessig, 03.09.1657, Вассельгейм — 23.05.1704?, Вассельгейм) от брака с Агнес Вольфгрубер (Agnes Wolffgruber) наследовал дело отца и тоже был мастером-каменотесом. Его сын Иоганн Блессиг (Johann Blessig, 15.07.1688, Вассельгейм — 06.02.1746, Страсбург) выкупил известный трактир с гостиницей «Auberge a la Nache» на Kaufhausgasse, 11, которым семья Блессиг владела в течение нескольких поколений и который впоследствии был известен как «Blessig-de-la-Nache».

Uebersichtstafel.

Die Zahlen ohne Vornamen bedeuten Töchter, entsprechend der Nummeration.

I.	1. Matthias Blessig, 1623—1688, Steinmetz in Wasselnheim, Elsass																
I.	2. Matthias, 1657—1704, Steinmetz das.																
III.	3. Johann, 1688—1746, Gastwirt, Strassburg im Elsass																
IV.	4. Joh. Heinrich, 1728— nach 1789, Gastwirt das.																
V.	5. Jean Heinrich, Gastwirt in Strassburg	6.	7. Philipp Jakob, 1769—1852, Grosskfm. in Petersburg														
VI.	8.	9. Wilhelm 1797—1862 Grosskfm. in Petersb.	10. Philipp * u. † 1801	11. Georg Hein- rich 1806—1834 Künstler - Maler	12. Carl 1814—1881 Schriftsteller	13.	14. Friedrich 1818—1887 Beamter - Petersburg	17. Robert 1819—1821	18. Philipp 1821—1904 Grosskfm. - Liverpool	24.	25.	26. Constantin 1828—1911 Zoologe	29. Robert 1830—1878 Augenarzt				
VII.	30. Wilhelm 1822—1901 Kfm	31. Theodor 1823—1825	32. Alexander 1824—1856	33.	34. 35.	36. Georg 1830—1884 Richter in Livland	61. Edward W. 1837—1909 Grosskfm. - Petersb.	62. Alfred 1838— 1839	63. 64. 65. 66. 67.	68. John 1849— 1849 Grosskfm. - Petersb.	15. Robert 1856—1925 Ingenieur	16. Ernst 1859— Augenarzt	21. Edmund 1857— Gutsbesitz. - England	22. 23.	27.	28. Philipp 1863—	
VIII.	37. Alexander, 1859—1904, Oberförster	46. 47. 48. 49. Wilhelm, 1866—, Landwirt	50. 51. Wilhelm 1893—	52. With. Carl, 1928—, 53.													
IX.	39. Georg Ph. J. 1895—1919	40. 41. 42. 43. Ernst * u. † 1901	44. 45.	54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. Friedrich 1899—													
X.																	

Рис. 1. Генеалогическое древо Блессигов [см. примеч. 5]

Кроме успешного предпринимателя Матиаса II Блессига, следует упомянуть знаменитого пастора и проповедника, профессора теологии, доктора Иоганна Лоренца Блессига (Johann Lorenz Blessig, 15.04.1747, Страсбург — 17.02.1816, Страсбург)⁶, происходящего из другой родственной линии Блессигов — рыбаков и рыботорговцев. В честь знаменитого пастора названа улица Блессиг-штрассе в университетском квартале Страсбурга и поставлен памятник с барельефом в здании Новой церкви (Neukirche) Страсбурга работы немецкого скульптора Ландолина Омахта (Landolin Ohmacht, 11.11.1760, Дуннинген, Бад-Вюртемберг — 31.03.1834, Страсбург). Как минимум до 1930 г. существовал и Фонд Блессига по оказанию помощи в воспитании детей в бедных семьях. В молодые годы пастор Блессиг был близок с Иоганном Вольфгангом Гёте (Johann Wolfgang von Goethe, 28.08.1749, Франкфурт-на-Майне — 22.03.1832, Веймар), Иоганном Готфридом Гердером (Johann Gottfried Herder, 25.08.1744—18.12.1803), Якобом Михаэлем Рейнхольдом Ленцем (Jakob Michael Reinhold Lenz, 12.01.1751, Зесвеген, Лифляндия — 24.05.1792, Москва) и Иоганном Каспаром Лафатером (Johann Caspar Lavater, 15.11.1741, Цюрих — 02.01.1801, Цюрих) — все вместе они входили в круг популярного страсбургского юриста и философа Иоганна Даниэля Зальцмана (Johann Daniel Salzmann, 26.03.1722—20.08.1812). В 1776 г. Блессиг и Гёте в память о юношеской дружбе запечатали свои имена на башне Страсбургского кафедрального собора. Родным языком и языком проповедей Иоганна Лоренца Блессига был немецкий, но он великолепно владел и французским языком. Одна из таких проповедей, произнесенная им 20 августа 1777 г. во время торжественного перезахоронения останков маршала Морица фон Саксонского⁷ (Hermann Moritz Graf von Sachsen, 28.10.1696, Гослар — 30.11.1750, Шамбор), произвела большое впечатление на прихожан и принесла ему славу замечательного проповедника.

Продолжим рассказ о семейной истории «наших» Блессигов. Упомянутый выше Иоганн Блессиг (Johann Blessig, 15.07.1688, Вассельгейм — 06.02.1746, Страсбург) 20 января 1717 г. женился на Саре Грассер (Sara Grasser) из Страсбурга, дочери владельца гостиницы «Auberge a la Nache d’Or». У их сына Иоганна Генриха (Johann Heinrich Blessig, 14.04.1726—?), в свою очередь, родились четыре сына и две дочери. Старший сын, названный по имени отца Иоганном Генрихом (Johann Heinrich), 25 ноября 1816 г. унаследовал «Auberge a la Nache», второй сын унаследовал «Nache d’Or». Однако для нас наибольший

интерес представляет младший сын Иоганна Филипп Яков I Блессиг (Philipp Jakob Blessig, 26.04.1762, Страсбург — 18.05.1832, С.-Петербург)⁸ — дедушка будущих «майских жуков», который не мог рассчитывать на большое наследство и избрал карьеру коммерсанта. Именно он в 1787 г. в возрасте 25 лет принял судьбоносное решение и переехал в Петербург, через год перебрался в Ревель и 21 января 1793 г. стал гражданином этого города. 1 апреля 1793 г. совместно с петербургским купцом Фридрихом Вильгельмом Кюммелем (Friedrich Wilhelm Kümmel, 31.12.1752, Бад-Карлсхафен, Гессен — 07.03.1810, С.-Петербург)⁹ основал фирму «Блессиг и Кюммель», которая с 1 января 1804 г. до 31 декабря 1812 г. именовалась «Ф.Я. Блессиг» («P.J. Blessig»), а с 1 января 1813 г. и впредь стала называться «Блессиг и К°» («Blessig & Co»)¹⁰. Эта фирма проводила «в основном импортно-экспортные торговые операции через Петербургский порт. В 1804 г. фирма Блессига занимала десятое место в списке ведущих внешнеторговых компаний С.-Петербурга, а в 1812—1813 гг. — пятое. До середины XIX в. Блессиги ввозили в основном текстиль и продовольствие, вывозили пеньку, сало, поташ, а с середины 1860-х годов — зерно»¹¹.

Филипп Яков I Блессиг в 1792 г. женился в Ревеле на уроженке этого города Катарине фон Цантен (Katharina van Zanten, 12.07.1772, Ревель/Таллин — 04.12.1812, С.-Петербург [см. примеч. 10]), родная старшая сестра которой, Доротея Августа фон Цантен (Dorothea Auguste van Zanten, 06.07.1771—24.07.1804), была замужем за Фридрихом Амбургером (Friedrich Wilhelm Amburger, 08.03.1745, Висбаден — 02.03.1820, С.-Петербург). Следует отметить, что семья Блессигов была связана многочисленными родственными связями с семьей Амбургеров (см. ниже).

Вплоть до 1807 г. Филипп Яков Блессиг оставался ревельским купцом 1-й гильдии [см. примеч. 10]. Однако все его дети от двух браков родились в С.-Петербурге.

От первого брака с Катариной фон Цантен родились:

— Катарина (Katharina, 19.04.1796, С.-Петербург — 06.01.1821, С.-Петербург), замужем за крупным коммерсантом, совладельцем фирмы «Блессиг и К°» (до 1850 г.) ревельским купцом Фридрихом Форшем (Friedrich Forsch, 03.03.1788, С.-Петербург — 20.10.1886, Хостервиц под Дрезденом), который являлся старшим братом ее мачехи — второй жены ее отца Филиппа Якова Блессига — и братом ревельского купца Франца Форша (Franz Forsch, 1795 — 1862, Москва), возглавившего с 1825 г. московское отделение фирмы «Блессиг и К°»;

— Вильгельм I (Wilhelm, 08.10.1797, С.-Петербург — 26.05.1862, С.-Петербург) — будущий отец «майского жука» Джона Блессига (John Philipp Blessig, 31.01.1849, С.-Петербург — 10.11.1927, Мидвей под Винчестером), наследовал семейное дело, подробнее о нем рассказано ниже;

— Филипп (Philipp, 24.11.1801, С.-Петербург — 1801, С.-Петербург) — умер в младенчестве;

— Георг Генрих (Georg Heinrich, 29.09.1806, С.-Петербург — 11.06.1834, Карлсруэ [см. примеч. 10]), стал художником, но скончался, не дожив до 28 лет.

В 1813 г., через год после смерти первой жены, Филипп Яков I женился на Эмилии Шарлотте Форш (Emilie Charlotte Forsch, 19.04.1791, С.-Петербург — 27.04.1843)¹². В этом браке родились:

— Карл (Carl, 18.11.1814, С.-Петербург — 20.12.1881, Ахерн, Германия) — после учебы в частном пансионе Муральта¹³ в С.-Петербурге учился в 1830—1833 гг. в гимназии Дерпта (Тарту), после чего год изучал юриспруденцию и философию в С.-Петербургском университете, а с 1834 г. продолжил обучение за границей, в Берлинском и других университетах. В 1840 г. впервые посетил Рим. В 1843 г. некоторое время проживал в Петербурге, после чего предпринял длительные поездки по Германии и Италии и, наконец, навсегда поселился в Ахерне (Achern, Германия). Стал писателем, известны его драма «Cola die Rienzi», стихи и переводы. Погиб во время охоты [см. примеч. 10];

— Эмилия (Emilie, 18.10.1816, С.-Петербург — 04.06.1897, Гамбург) — в марте 1841 г. вышла замуж за гамбургского купца Павла Готфрида Шинкеля (Paul Gottfried Schinkel, 04.12.1793, Гамбург — 09.10.1881, Гамбург), который в 1844—1849 гг. также являлся совладельцем фирмы «Блессиг и К^о». Их сын Макс фон Шинкель (Maximilian Heinrich von Schinckel, 26.10.1849, Гамбург — 11.11.1938, Гамбург—Бланкенезе)¹⁴ стал не только влиятельным гамбургским банкиром, но и автором «Воспоминаний» («Lebenserinnerungen») о семье Блессиг—Шинкелей¹⁵, опубликованных в Гамбурге в 1929 г. Небольшие отрывки из этих воспоминаний приведены ниже;

— Фридрих Иоганн (Friedrich Johann, 09.05.1818, С.-Петербург — 17.02.1887, С.-Петербург)¹⁶, будущий отец «майских жуков» — о нем подробнее ниже;

— Роберт (Robert, 1819, С.-Петербург — 1821, С.-Петербург) — умер в младенчестве;

— Филипп Яков II (Philipp Jakob II, 03.11.1821, С.-Петербург — 17.04.1904, Ливерпуль) — дядя «майских жуков». Учился в частном пансионе Муральта¹⁷ в С.-Петербурге, после чего трудился в фирме «Блессиг и К°». С 1845 г. поселился в Англии и поступил в торговую контору «Р. Цвильхенбарт и К°» («R. Zwilchenbart & Co.») в Ливерпуле. Занимался экспортом российского зерна. 1 января 1854 г. вместе со своим другом Френсисом Брауном (Francis Braun) перенял контору и возглавлял ее до 1901 г. под названием фирма «Блессиг, Браун и К°» («Blessig, Braun & Co» — действовала до 31 декабря 1924 г.). «Его главными финансовыми партнерами были петербургские Частный и Учетно-ссудный банки, лондонская фирма “Em. Brandt & Sons”, а также Густав Амбургер (1840–1895)» [см. примеч. 11]. Женится в Ливерпуле 4 августа 1852 г. на Каролине (Лине) Катарине Браун (Carolina (Lina) Katharina Braun, 11.03.1835–25.12.1881). В этом браке родились пятеро детей:

— София Каролина (Sophie Caroline, 01.09.1823, С.-Петербург — 17.02.1856, Ливерпуль) — в августе 1842 г. вышла замуж за коммерсанта Александра Бетлинга (Alexander Boethlingk, 18.02.1813, С.-Петербург — 01.12.1889, Баден, Германия);

— Елизавета (Elisabeth, 19.04.1827, С.-Петербург — 26.05.1860, Бергедорф (Bergedorf) под Гамбургом) — в 1851 г. вышла замуж за коммерсанта Фридриха Эммануила Штофферта (Friedrich Emanuel Stoffert, 29.03.1817–?);

— Константин Эрнст (Constantin Ernst, 09.10.1828, С.-Петербург — 24.04.1911, Спурналь, Лифляндия) — учился в Петришуле, изучал зоологию в Дерпте, в 1863 г. стал магистром зоологии в Петербургском университете. Вместе с племянником Георгом Блессигом (1830–1884) купил в 1863 г. имение Рамельсгоф¹⁸ Венденского уезда Лифляндской губернии, в 14 км от Вендена¹⁹ (по данным англичан²⁰, это имение для них купил его «ливерпульский» брат Филипп Яков II Блессиг), но потом переложил управление имением на своего племянника Георга и с 1868 по 1877 г. стал арендатором имения Каверсгоф (Kawershof) под Валкой (Walk) на севере Лифляндии. В 1876 г. купил имение Спурналь (Spurnal) в Вольмарском уезде²¹, где и умер 24 апреля 1911 г. Сочетался первым браком 12 июня 1868 г. на Иоганне (Женни) Вильгельмине Герваген (Johanna (Jenny) Wilhelmine Heerwagen, 29.06.1837–22.05.1872, Рооп (ныне — Страупе, Латвия) — 22.05.1872, Каверсгоф). Из двоих дочерей младшая Леонтина Иоганна (Женни) (Leontine Johanna (Jenny), 18.02.1872, Каверсгоф–?) вышла

замуж за Александра Блессига — внучатого племянника Константина Эрнста, сына его племянника Георга Блессига (см. ниже). После смерти жены в 1872 г. Константин Эрнст женился вторично 15 февраля 1879 г. на Юлии Терезе Луизе Балдинг (Julie Therese Louise Balding, 10.06.1842, Кокенгоф, Лифляндия — 17.08.1926, Спурналь) — на сестре жены своего племянника Георга²²;

— Роберт I (Robert, 08.10.1830, С.-Петербург — 13.03.1878, С.-Петербург) — доктор медицины, известный глазной врач (о нем подробнее рассказано ниже).

В 1801 г. Филипп Яков I Блессиг стал владельцем усадьбы на 12-й версте Петергофской дороги²³, купленной им у своего компаньона Федора Андреевича Кюммеля. Это место на долгое время стало любимым фамильным гнездом Блессигов.

В 1810-х годах Филипп Яков I Блессиг приобрел роскошный дом на престижной Английской набережной²⁴ рядом со зданием Сената²⁵. В 1820 г. Филипп Яков I Блессиг стал «генеральным консулом Великого герцогства Ольденбург в С.-Петербурге» [см. примеч. 11].

Интересным документом этого времени являются зарисовки петербургской жизни Блессигов (рис. 2), сделанные гамбургским бан-

Рис. 2. Семья Блессигов.

Стоят: Эрнст (1859–1940), Роберт II (1856–1925), Константин (1828–1911), Элли (1870–1926). Сидят: Фридрих (1816–1887), Минна (1822–1898), Филипп-Яков (1821–1904), Юлия II, Джени (1872–1950)

киром Максом фон Шинкелем (Max von Schinckel, 1849–1938). Напомним, что его отец, уроженец Гамбурга Павел Андреевич Шинкель (1793–1881), был женат на Эмилии Блессиг (1816–1897), родной сестре братьев Блессигов, связанных узами брака с сестрами Амбургер. Вот как описывает петербургские впечатления Макс фон Шинкель, называя своего дядю Фридриха Блессига «дядя Фриц» [см. примеч. 15]: *«Во второй половине октября 1869 г. я отправился на свою новую родину <...> В воскресенье в 5 часов пополудни поезд прибыл на Александровский вокзал С.-Петербурга. Я был приглашен жить у моего дяди, его Превосходительства действительного статского советника Фрица Блессига <1818–1887> до тех пор, пока я не сниму собственную квартиру. Поскольку сам дядя в это время был на приеме, то меня встретил племянник дяди — Эдуард Васильевич Блессиг — и вместе с ним мы направились отобедать на квартиру Эдуарда Блессига. В 11 часов вечера мы собрались к дяде Фрицу на 3-ю линию. Весь мой багаж был снова водружен на коляску, и через несколько минут мы прибыли к владельцам моего нового жилья, которые как раз к этому времени вернулись домой. Мой дядя Фриц <брат мамы>, великолепный, очень занимательный собеседник и вместе с тем музыкально одаренный пожилой господин, и тетя Минна, урожденная Амбургер, встретили меня с большой сердечностью. Мне предоставили комнату для гостей, и тут я был огорошен сообщением моей тети: “Мы идем еще сегодня вечером к моей сестре, они живут прямо напротив нас и будут очень рады познакомиться с тобой”. У меня не было возможности заглянуть в составленный список родственников, чтобы определить, кто именно является моей новой тетей, а спросить об этом у Минны я постеснялся. Тем самым я не имел никакого представления о том, кого мы направились навестить в 12 часов ночи. Хозяин был представлен мне как “Иван Иванович”, а его жена представлена Минной как “моя сестра”. И в конце смутился я, когда меня представили дочери хозяев этого дома “фройляйн Бар” — фамилия, совершенно выходящая за рамки родственных связей. Однако все обрадовалось со мной с располагающей сердечной приветливостью как с близким родственником. Иван Иванович, очень веселый пожилой господин, утверждал, что был очень дружен с моим отцом. Мы расположились до 3-х часов ночи. Лишь позже выяснилось, что Иван Иванович действительно стоял в списке моих родственников и звался Гиггинботам, а Бары были осиротевшие племянники, которых бездетные супруги Гиггинботам взяли к себе».*

В последующее лето (1870 г.) Макс фон Шинкель ознакомился с дачной жизнью немецкой диаспоры Петербурга: «Некоторые давно осевшие семьи, такие как Гауфы (Hauff), Небо (Naebow), Брандты (Brandt) и Блессиги (Blessig), имели собственные, прекрасно устроенные загородные имения. Семейное имение Блессигов на 12-й версте Петергофской дороги имело большой парк с двумя домами. В одном из них, недавно построенном моим дядей, глазным доктором Робертом Блессигом, жил он сам со своей тетей Етушей (Генриеттой Александровной) и принятой в их дом приемной дочерью Амалией, дочерью умершего в Риме художника Александра Блессига. В меньшем по размеру и более удаленном доме жили дядя Фриц, тетя Минна Блессиг и оба их сына — Роберт и Эрнст Блессиги, в то время в возрасте двенадцати и десяти лет».

«Мой дядя Фриц был замечательным человеком. Несколько небрежный в своем внешнем облике, он имел великолепный аристократический образ мыслей и при этом был остроумен и очень талантлив, мастерски играл на пианино и был исключительно эрудирован. Он дослужился в Министерстве иностранных дел до звания “Ваше Высочайшее Превосходительство” и заведовал отделом дешифрования дипломатической переписки. Мне показалось, что дипломатические документы поступали достаточно редко, так как дядя отправлялся на службу лишь несколько раз в неделю и на короткое время. Во всяком случае за свою деятельность он регулярно получал ордена, и за каждую награду с него взимали налог, который составлял десять процентов от его не очень высокого оклада. “Настоящая русская экономика, настоящее русское хозяйствование”, — иронизировал дядя с едкой насмешкой. В обществе ходили многие его остроумные шуточные высказывания.

<...> Чаще всего я столовался у хозяйки своей квартиры госпожи Александры <Александрины> Штейнер, урожденной Эстеррейх, с обоими сыновьями которой, Густавом и Александром, я близко сдружился. В качестве гостя я почти еженедельно появлялся и в домах Роберта, Готгарда и Феодора Небо, Бангов, Брандтов, Александра Амбургера <1841–1908>, Маллизона и прежде всего в доме моего дяди доктора Роберта Блессига в Императорском глазном учреждении на Гороховой улице, где вращался большой и интересный круг балтийских ученых».

Старший сын Филиппа Якова I²⁶, Вильгельм I Блессиг²⁷ (рис. 3), возглавил семейное дело в 1849 г. Он был очень добрым человеком, имел множество друзей и был предан своей большой семье, но не обладал деловыми качествами и под его руководством торговый оборот фирмы значительно снизился, достигнув печального минимума

Рис. 3. Вильгельм I Блессиг
(1797–1862)

Александра Амбургера. С 1861 г. Вильгельм стал старшиной петербургского Биржевого комитета.

Нового расцвета фирма достигла под управлением его сыновей — Эдуарда и Джона Блессигов. В начале XX в. чистая годовая прибыль фирмы составила почти 30 тыс. £.

Вильгельм I Блессиг был дважды женат и имел в общей сложности 14 детей, из которых трое умерли в младенческом возрасте. Первый брак был заключен 4 ноября 1821 г. в Вейсенбурге (Эльзас) с его кузиной, «дочерью негодянта» Амалией Гейденрейх (Amalie Heidenreich, 01.02.1802, Вейсенбург — 01.10.1833, Карлсруэ)²⁹.

В этом браке родились:

— Василий или Вильгельм II (Wilhelm, 27.08.1822, С.-Петербург — 03.08.1901, Тангаузен в Силезии) — получил образование в частном пансионе Муральта в Петербурге и Коммерческом училище в Любеке. В период 1852–1856 гг. трудился в Ливерпуле на фирме «Бетлинг и К°» («Boehtlingk & Co») у своего дяди Александра Бетлинга (Alexander Boehtlingk, 18.02.1813, С.-Петербург — 01.12.1889, Баден, Германия). В 1856 г., когда фирма А. Бетлинга обанкротилась, перешел на службу там же, в Ливерпуле, к другому своему дяде, Филиппу Якову II Блессигу, на фирму «Блессиг, Браун и К°». Через 12 лет, в 1868 г., вернулся в Россию и служил в железнодорожной администрации Кременчуга

в период Крымской войны 1854/55 гг. Кроме семейного дела, Вильгельм унаследовал от отца и пост Генерального консула Великого княжества Ольденбургского. В 1825 г. он учредил московское отделение фирмы «Блессиг и К°», которое возглавил его дядя Франц Форш (Franz Forsch, 1795–1862) — брат мамы и брат зятя Фридриха Форша. Франц с 1820 г. являлся ревельским купцом, но в 1825 г. переселился в Москву²⁸. При Вильгельме I фирма «Блессиг и К°» сотрудничала в 1844–1849 гг. с мужем сестры Эмилии Шинкель (ур. Блессиг), гамбургским купцом фон Шинкелем, а в 1854–1856 гг. — с фирмой

на Украине. Позднее жил в Ливонии и Силезии. Умер неженатым в Таннгаузене³⁰ в Силезии³¹;

— Теодор Фридрих (Theodor Friedrich, 1823, С.-Петербург — 1825, С.-Петербург);

— Александр (Alexander, 17.10.1824, С.-Петербург — 25.02.1856, Рим) — учился в частном пансионе Муральта и Академии Художеств в Петербурге: «*Александр Вильгельмович Блессиг. Художник второй половины XIX в. Вольноприходящий ученик Академии художеств. В 1852 г. дано звание некласного художника за картину “Ревекка у колодца”*»³². После окончания Академии художеств (АХ) изучал живопись в Риме. Женился 8 апреля 1855 г. на Филомене Меркантиони (Filomena Mercantoni, 1819, Абруцци — 1908, Рим), но менее чем через год умер — практически сразу после рождения дочери. Его дочь Амалию (Amalia Blessig, 06.02.1856, Рим — ?) удочерил его дядя, глазной врач Роберт Блессиг (1830—1878);

— Амалия Шарлотта³³ (Amalie Charlotte, 1826, С.-Петербург — 1826, С.-Петербург);

— Розалия (Rosalie, 1828, С.-Петербург — 1828, С.-Петербург);

— Георг I или Джордж (George, 03.11.1830, С.-Петербург — 07.01.1884, Рамельсгоф, Ливония) — получил образование в училище при Реформатской церкви в С.-Петербурге, а затем в известной частной школе в Биркенру³⁴, где позднее преподавали четыре педагога гимназии Карла Мая — Эрнст Фридрихович Моль (1849—1929), Эрнест Густавович Штернберг (1859—1945?), Георг Карлович Шмидт (1836—1912) и Карл Густавович Кизерицкий (1835—1909). В 1849—1853 гг. Георг Блессиг изучал медицину в Дерптском университете, позднее занимался сельским хозяйством в Каугерсгофе (Kaugershof) в Ливонии, в 6 км к югу от города Вольмара (Wolmar — ныне Валмиера, Латвия). В 1863 г. его дядя Филипп Яков II Блессиг купил для Георга I и для своего младшего брата-зоолога Константина Эрнста имение Рамельсгоф³⁵ (Ramelshof). Константин Эрнст полностью передал управление имением Георгу. В браке Георга I с Кассандрой Юлией Балдинг (Kassandra Julie Balding, 05.10.1836, Кокенгоф (Kokenhof) — ?) родились семь детей, причем один из сыновей, Александр (Alexander, 23.02.1859, Идзель, Лифляндия — 08.09.1904, Рамельсгоф) обвенчался с дочерью брата дедушки Константина Эрнста, Леонтиной Иоганной (Женни) (Leontine Johanna (Jenny), 18.02.1872, Каверсгоф — ?).

После ранней кончины Амалии Вильгельм I Блессиг женился вторым браком 23 июня 1836 г. на дочери петербургского купца с англий-

скими корнями Джейн Гиггинботам (Jane Higginbotham, 06.05.1807, С.-Петербург — 09.05.1874, С.-Петербург).

Интересную версию о смешанных немецко-британских браках высказывает Юлия Манке-Девлин³⁶. По мнению автора, «браки заключались в расчете на то, чтобы облегчить вход в исключительно влиятельную и сильную в начале XIX в. группу британских коммерческих кругов. В этом случае “небританским” супругам приходилось приспособливаться—подлаживаться к своей “британской” половине. Так произошла англоизация происходящего из Страсбурга купеческого семейства Блессигов <...> Несмотря на то что Джейн происходила из немецко-английской семьи — ее отец, британский коммерсант Иван (Джон) Гиггинботам (John Higginbotham), у которого мать была немкой, женился на немке, — эта ветвь семьи Блессигов стала английской. Дети Вильгельма и Джейн венчались с членами британских коммерческих семейств Беннет (Bennett), Кеттли (Cattley), Вишоу (Whishaw) и Андерсон (Anderson). К концу XIX столетия Блессиги стали английским семейством, относящимся к представительным авторитетным членам петербургских британцев, старейшинам англиканской общины <...> Потомки продолжали носить немецкие фамилии, но воспитывались и вырастали англичанами».

В этом браке Вильгельма I и Джейн Гиггинботам родились еще восемь детей³⁷:

— Эдуард Уильям Блессиг (Eduard William Blessig, 27.05.1837, С.-Петербург — 08.01.1909, С.-Петербург) — получил образование в С.-Петербургском Коммерческом училище³⁸, в Королевском колледже Лондона и Коммерческом училище в Любеке. В 1856—1857 гг. получил первый практический опыт ведения бизнеса в офисе своего дяди «Блессиг, Браун и К°» в Ливерпуле. Фирма занималась «экспортом российского зерна» [см. примеч. 11] и действовала до 31 декабря 1924 г. Эдуард всегда утверждал, что этот период имел большое значение для его дальнейшей карьеры.

В 1858 г. молодой коммерсант Эдуард Васильевич Блессиг вернулся на родину в С.-Петербург и приступил к работе в отцовской фирме «Блессиг и К°». Через четыре года, с 1 января 1863 г., он возглавил отцовское дело и 45 лет, вплоть до своей смерти, руководил семейным бизнесом. Стал коммерции советником. Благодаря Эдуарду и его младшему брату Джону была восстановлена репутация фирмы. Кроме занятий семейным бизнесом, Эдуард с 1866 г. являлся директором Первого российского страхового от огня общества, созданного

в 1827 г. семейством Амбургеров. С 22 января 1863 г. по 1870 г. Эдуард являлся генеральным консулом Великого герцогства Ольденбург [см. примеч. 11]. С 1872 г. — директор Российской хлопчатобумажной мануфактуры, с 1890 г. — директор Сампсониевской бумагопрядильной мануфактуры³⁹, в 1888—1909 гг. — председатель правления С.-Петербургского учетного и ссудного банка, в период с 1890 по 1895 г. — директор страхового общества «Русский Ллойд», располагавшегося на Английской наб., 26⁴⁰. Как и многие члены семьи Блессигов, Эдуард активно занимался благотворительной и общественной деятельностью — был членом попечительского совета немецко-реформатской общины С.-Петербурга, почетным членом попечительского совета Дома призрения и ремесленного образования бедных детей, с 1875 г. был выборным петербургского купеческого сословия, в 1891—1894 гг. избирался старшиной петербургского Биржевого комитета⁴¹. Был награжден орденами Св. Станислава III ст. (1888), Св. Анны III ст. (1891), Св. Станислава II ст. (1894), Св. Анны II ст. (1898) и Св. Владимира IV ст. (1900)⁴²;

— Альфред Блессиг (Alfred Blessig, 02.01.1839, С.-Петербург — около 1868, Канада)⁴³ — получил образование в Коммерческом училище в Петербурге и Коммерческом училище в Любеке. Был человеком редкого для почтенного семейства Блессигов авантюрного склада — в 1863 (1862?) г., после смерти отца, устроился моряком на корабль и перебрался в Канаду. В 1865 г. писал из Торонто в Ливерпуль своему дяде Филиппу Якову II Блессигу и просил оказать финансовую помощь для приобретения фермы и после этого исчез с семейного горизонта;

— София Блессиг (Sophy Blessig, 21.12.1839, С.-Петербург — 07.11.1917, Челтнем)⁴⁴ — 9 марта 1866 г. вышла замуж в Петербурге за коммерсанта Бернарда Вишау (Bernhard Whishaw, 26.08.1821, С.-Петербург — декабрь 1900, Челтнем). В этом браке родились восемь детей. В 1877 г. семья Вишау выехала из Петербурга и поселилась в Челтнеме⁴⁵ у родителей Бернарда Вишау;

— Джейн Блессиг (Jane Blessig, 12.11.1841, С.-Петербург — 23.01.1924, Оксфорд)⁴⁶ — замуж не вышла. Вместе со своей младшей сестрой Эжени посвятила жизнь брату Эдуарду, управляла большим домом Блессигов. После смерти Эдуарда в 1909 г. переехала в Англию и жила в Оксфорде;

— Александрина (Адини) Амалия Блессиг (Alexandrina (Adini) Amalie Blessig, 07.08.1843, С.-Петербург — 1928, Винчестер) — 12 апре-

ля 1866 г. вышла замуж в Петербурге за англичанина, брокера Фредерика Томаса Кеттли (Thomas Frederic Cattley, 1825, С.-Петербург — 1893, Рамсгит⁴⁷). Александрина и Фредерик Кеттли покинули Петербург около 1880 г. и поселились в Рамсгите. После смерти мужа Александрина переехала поближе к своему брату Джону Блессигу в Санкт-Креста;

— Мэри Блессиг (Mary Blessig, 21.06.1845, С.-Петербург — 11.12.1896, Сербитон под Лондоном) — 9 октября 1868 г. вышла замуж в Петербурге за коммерсанта, англичанина Фрэнсиса Кэли Беннетта (09.10.1842, Соммерсетшир (Somersetshire) — 25.04.1919, Лондон), шестого сына преподобного Генри Беннета из Sparkford Hall. В браке Мэри и Фрэнка Беннет детей не было. Около 1890 г. переехала из С.-Петербурга в Лондон;

— Евгения (Эжени) Блессиг (Eugenie Blessig, 23.06.1847, С.-Петербург — 13.02.1901, С.-Петербург)⁴⁸ — вместе со своей старшей сестрой Джейн управляла домом своего брата Эдуарда, часто посещала Англию;

— Джон Филипп Блессиг (John Philipp, 31.01.1849, С.-Петербург — 10.11.1927, Мидвей под Винчестером) — биография подробно описана ниже.

Рис. 4. Джон Филипп Блессиг (1849–1927)

Отец большого семейства Вильгельм I Блессиг скончался 26 мая 1862 г. и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище⁴⁹ (могила не сохранилась). После его смерти вдова Джейн Блессиг переехала к сыну Эдуарду и незамужним дочерям Джейн и Эжени в дом на 10-й линии Васильевского острова.

Остановимся подробнее на судьбе ученика гимназии К. Мая — Джона Блессига (рис. 4). Джон Васильевич Блессиг родился 31 января 1849 г. в С.-Петербурге. Был последним ребенком в большой семье Вильгельма I Блессига. Назвали его Джоном Филиппом в честь дедушек: английского Джона Гиггинботама и уроженца Эльзаса Филиппа

Якова I Блессига. Именно Джон Блессиг, первым из семьи Блессигов, в 1856 г. переступил порог только что открывшейся на Васильевском острове С.-Петербурга гимназии К. Мая⁵⁰. Здесь он учился на протяжении десяти лет и покинул школу в 1866 г. после семи классов гимназического образования.

В одно время с Джоном Блессигом в школе К. Мая учились будущие врачи Рихард Александр Петерс (1850–1908) и Герман Фердинандович Галлер (1847–1875); будущий тайный советник и сенатор князь Георгий Владимирович Кастриото-Скандерберг-Дрекалович (1846–1919); потомственный почетный гражданин Вольдемар Бергман (1847–1873); коммерсанты Рихард Федорович Керн (1848–1906) и Константин Карлович Лауниц (1848–1902), Александр Густавович Штейнер (1848–1924), Генрих Петрович фон Витт (1848–1910), Вильгельм Александрович Банг (1848–1912); будущий прокурор (торговый поверенный), председатель Общества любителей волапука в С.-Петербурге Оскар Якоб Конрад Петрович Серк (1847–1897), а также Генрих Гейслер и Эрнст Гомберг (1848–?).

После завершения в 1866 г. учебы «у Мая» Джон Васильевич Блессиг два года трудился в фирме «Hills & Whishau» и в 1868 г. переехал на два года к дяде в Ливерпуль для работы в фирме «Блессиг, Браун и К°»⁵¹. В 1870 г. в возрасте 21 года Джон Васильевич Блессиг вернулся в С.-Петербург и начал службу в Торговом доме семьи Блессигов «Блессиг и К°».

С 1 января 1874 г. Джон Блессиг стал купцом 1-й гильдии и равным компаньоном своего старшего брата Эдуарда Васильевича Блессига.

Среди записей о купцах 1-й гильдии на 1874 г. наряду с записью об Эдуарде Васильевиче Блессиге имеется следующая: «*Блессигъ, Джонъ Филиппъ, 25 л., Потом. Поч. Гражд.; въ купечестве состоитъ съ 1874 г. Жит. Вас. ч., въ доме № 24 по 5 линиш. Торговля подъ фирмой “Блессигъ и К°”*»⁵².

С 1877 г. брат Эдуард проживал в доме Голенищевой по адресу: 2-я линия, 15, а в следующем 1878 г. оба брата уже жили по этому адресу вместе. В купеческих книгах у Джона Блессига появилась следующая запись: «*...получиль образование въ СПб. в частномъ пансіоне*»⁵³ (имеется в виду гимназия К. Мая).

28 февраля 1878 г. Джон Блессиг женился в С.-Петербурге на уроженке Северной столицы Елене Андерсон (Helene Anderson, 29.08.1857, С.-Петербург — 03.1928, Винчестер)⁵⁴. Молодая семья переехала на 13-ю линию, 2, где они жили до 1883 г. В 1883 г. семья переехала на 10-ю линию, 7^{55–57}.

По данным на 1899 г., «Блессигъ и К°. Торговля оптом при порте» располагалась на Николаевской наб., 11, а сама контора Торгового дома «Блессиг и К°» — по месту проживания Джона Васильевича Блессига на 10-й линии, 7: «Линія десятая (Отъ Николаевской наб. р. Б. Невы до наб. р. Смоленской). Домъ 7: “Торг. Д. «Блессигъ и К°”, Управляющий Блессигъ Джонъ Филип.» [см. примеч. 56].

С 1887 г. Джон Блессиг «состоял во 2-й гильдии петербургского купечества. Он был крупным акционером Первого российского страхового <от огня> общества 1827 г. В начале XX в. возглавлял фирму “Блессиг и К°”. Поддерживал связи с английскими фирмами, состоял доверенным “British Factory” в С.-Петербурге и с 1907 г. членом правления “Court of the Russian Company” в Лондоне. До 1914 г. фирма входила в пятерку ведущих экспортных компаний России и в десятку мировых торговцев зерном» [см. примеч. 11].

В 1897 г. дом 7 по 10-й линии, где располагалась контора Торгового дома «Блессигъ и К°», выкупил старший брат Джона коммерции советник Эдуард Васильевич Блессиг. Эдуард Блессиг не создал собственную семью. До конца жизни его опекали две старшие сестры — Джейн (1841—1924) и Евгения Эжени Блессиг (1847—1901). На долгие годы местом его проживания стал д. 15 по Николаевской наб., но в купеческих книгах по-прежнему указывалось, что «имеет домъ на Васильевскомъ острове по 10-й линии, № 7, и амбаръ тамъ же въ Новомъ Гостиномъ дворе»⁵⁸.

С 1892 по 1895 г. Джон Блессиг являлся также администратором Банкирского дома Гинцбурга (Günzburg) [см. примеч. 54]. По данным адресных книг «Весь Петербург», начиная с 1902 г. он снова был вписан в купцы 1-й гильдии. С 1893 г. Джон Васильевич Блессиг являлся директором Новой бумагопрядильной мануфактуры⁵⁹, с 1889 г. — директором компании «Оборот». С 1898 г. входил в правление Страхового общества «Русскій Ллойдъ», располагавшегося на Английской наб., 26. Был членом церковного совета англиканской церкви, являясь там казначеем на протяжении девяти лет. С 1883 г. стал членом Великобританского благотворительного общества и на протяжении 13 лет трудился там казначеем [см. примеч. 51]. Кроме того, Джон Васильевич был одним из основателей Морского дома в Петербурге и в течение 1897—1905 гг. исполнял обязанности его казначея.

В 1905 г. Джон Васильевич купил в Лондоне дом «28 Hans Road, S.W.» [см. примеч. 51], но в Британию не переехал и продолжал тру-

даться вместе со старшим братом в Торговом доме «Блессиг и К°». *Экспортъ хлеба. В.О. 10-я линия, домъ 7*⁶⁰.

После кончины Эдуарда Васильевича Блессига 8 января 1909 г. Джон Васильевич Блессиг единоначально возглавил Торговый дом «Блессиг и К°»: «*Блессигъ Джонъ Вас., купецъ 1 гильдии, В.О. 10 линия, 7. Хлебная торговля. Общество “Русскій Ллойдъ”. Владелецъ хлебной конторы “Блессигъ и К°”, а также “Блессигъ и К°”, Торговый Домъ (экспортъ). В.О., 10 линия, 7. Отделение Калашиковская наб., 36. Владелецъ Блессигъ Джонъ Васильевичъ*»⁶¹.

В связи с тем, что д. 7 по 10-й линии В.О. после смерти Э.В. Блессига был продан [см. примеч. 51], Джон Васильевич переехал на Николаевскую наб., 7⁶².

Хорошо зарекомендовавшая себя на протяжении трех поколений до начала XX столетия экспортная компания «Блессиг и К°» была ликвидирована на рубеже 1911–1912 гг. из-за отсутствия наследников, которые хотели бы продолжить семейное дело.

Джон Васильевич оставался в Петрограде до 1914 г., являлся вице-председателем Страхового общества «Русский Лойдъ»⁶³. В 1914 г. Джон Васильевич с женой уехал в Англию. Умер Д.В. Блессиг 10 ноября 1927 г. в Англии, в Мидвей под Винчестером⁶⁴, в возрасте 78 лет. Через полгода, в марте 1928 г., там же умерла его жена Елена [см. примеч. 51].

Еще два представителя семьи Блессиг учились «у Мая» — сыновья Фридриха Иоганна Блессига и двоюродные братья Джона Блессига — Роберт II и Эрнст Блессиги⁶⁵.

Отец Роберта и Эрнста, Фридрих Иоганн Блессиг (Friedrich Johann Blessig, 09.05.1816, С.-Петербург — 17.02.1887, С.-Петербург)⁶⁶ (рис. 5), среднее образование получил в частном пансионе Муральта, продолжил учебу на филологическом факультете в С.-Петербургском университете, в 1838 г. получил степень кандидата и в 1839 г. поступил на службу переводчиком в Министерство иностранных дел.

Рис. 5. Фридрих Иоганн Блессиг (1816–1887)

В 1841 г. стал исполнительным директором в Первом бюро МИД, занимавшимся шифрованием секретных документов. К 1873 г. занимал пост управляющего I экспедиции при канцелярии Министерства иностранных дел⁶⁷, имел чин действительного статского советника (1869) и к 1880 г. был награжден орденами Св. Анны III ст. (1851), II ст. (1862) и I ст. (1880), Св. Станислава II ст. (1857) и I ст. (1874), Св. Владимира III ст. (1865)⁶⁸, что давало право записи в потомственное дворянство. Этим правом воспользовались его дети, Роберт и Эрнст Блессиги, подавшие прошение о сопричислении к дворянскому сословию в декабре 1889 г. (удовлетворено в 1890 г.)⁶⁹.

Фридрих Блессиг был начитанным человеком, обладал живым умом, был прекрасным пианистом, свободно владел несколькими языками. Исполнял обязанности старосты лютеранской общины в Петербурге.

В браке у Фридриха Иоганна Блессига с Вильгельминой (Минной) Амбургер (Wilhelmine Amburger, 29.01.1822 — 26.04.1898) родились будущие ученики гимназии К. Мая Роберт II и Эрнст Блессиги. Обратим внимание: Вильгельмина (Минна) Амбургер была дочерью купца Вильгельма Амбургера и родной сестрой Александрины Бар и Юлии Гиггинботам (ур. Амбургер). Юлия Гиггинботам с мужем Джоном

(Иваном Ивановичем) Гиггинботамом после смерти сестры Александрины Бар (ур. Амбургер) взяли к себе осиротевших детей Александрины.

Прежде чем перейти к рассказу об учениках школы К. Мая, Роберте II и Эрнесте Блессигах, следует кратко рассказать об их дяде, известном офтальмологе Роберте I Блессиге, который принимал серьезное участие в воспитании своих племянников.

Роберт I Блессиг (08.10.1830, С.-Петербург — 13.03.1878, С.-Петербург) (рис. 6) был последним ребенком в семье Филиппа-Якова I Блессига. Среднее образование получил в Петришуле (1842—1847),

Рис. 6. Роберт I Блессиг
(1830—1878)

высшее — в Дерптском университете (1848—1854). В 1855 г. стал доктором медицины⁷⁰. Три года повышал свою квалификацию за границей (Вюрцбург, Берлин, Вена). В 1858 г. вернулся в С.-Петербург и в 1859 г. стал ординатором в Петербургской глазной лечебнице⁷¹. С 1859 г. Роберт I Блессиг входил в «Общество с.-петербургских врачей», которым руководил в 1860—1865 гг. В 1863 г. был назначен врачом-консультантом в учреждения императрицы Марии и в Максимилиановскую лечебницу. С 4 января 1864 г. стал главным врачом и директором Петербургской глазной лечебницы. Наряду со своими многочисленными профессиональными обязанностями он вел еще и обширную частную практику [см. примеч. 70], был автором научных работ по офтальмологии, дослужился до высокого чина действительного статского советника (1877). 18 ноября 1861 г. женился на Генриетте Александровне Амбургер (Henriette Amburger, 08.02.1837, Архангельск — 19.07.1921, Ревель), старшей сестре «майского жука», коммерции советника Юлиуса Александровича Амбургера (Julius Amburger, 24.10.1847, С.-Петербург — 07.12.1881, Мерано, Италия)⁷². Своих детей у супругов не было, они удочерили внучатую племянницу Амалию Блессиг — дочь рано умершего художника Александра Блессига. За свои труды доктор медицины, действительный статский советник Блессиг был награжден орденами Св. Станислава II ст. с императорской короной (1866), Св. Анны II ст. (1872), Св. Владимира III ст. (1874) [см. примеч. 69]. После смерти Роберта I Блессига его вдова основала вблизи С.-Петербурга «Убежище для неизлечимых взрослых слепых»⁷³.

Роберт II Филипп Фридрихович Блессиг (рис. 7) родился 15 апреля 1856 г. (ровесник школы К. Мая!) и был крещен в Немецком реформатском приходе С.-Петербурга 29 мая 1856 г.⁷⁴ Восприемниками при крещении были записаны братья отца Вильгельм I и Роберт I Блессиги, его тетя Юлия Гиггинботам (ур. Амбургер) и Александра Штейн (ур. Эстеррейх)⁷⁵.

Рис. 7. Роберт II Блессиг (1856—1925)

В 1866 г. родители определили Роберта в первый класс немецкой гимназии К. Мая, через два года к Роберту присоединился его младший брат Эрнст. Роберт окончил полный курс гимназического отделения школы в 1875 г.

В одно время с братьями Блессиг в школе К. Мая учились: будущий художник, академик Академии художеств Николай Александрович Бруни (1856–1935); будущий юрист, член совета Министерства внутренних дел, действительный статский советник Виктор Августович Гезен (1855–?); сын купца 2-й гильдии, потомственный почетный гражданин и будущий доктор медицины Макс Дмитриевич Загемель (1856–1884); контр-адмирал Петр Воинович Римский-Корсаков (1862–1927); архитектор и художник Николай Александрович Макаров (1859–1890); правовед, профессор Василий Иванович Адамович (1856 — после 1917); видный государственный деятель, сенатор, губернатор Тулы и Витебска Михаил Викторович Арцимович (1859–1933); инженер Евгений Цезаревич Кавос (1858–1918); врач Вильгельм Карлович Гейслер (1860–1893).

Имя Роберта Блессига упоминается в воспоминаниях его одноклассника Николая Александровича Бруни⁷⁶: *«Прилежный, уравновешенный, очень старательный Роберт Блессинг (написание фамилии воспроизводится по оригинальному тексту. — Прим. авт.). Соразмерная походка, сутуловатость делали его старше на вид. Он был племянник знаменитого окулиста Блессинга. Отец его — коммерсант и очень добрая мать. Я бывал у него, мы вместе готовили иногда уроки, он жил недалеко от нас. Он всегда все делал в меру и больше на 4 или на 5. Такая же просвещенная немецкая семья коммерсантов, как и семья Шлимана».*

В аттестате зрелости Роберта Блессига, датированном 14 июня 1875 г., записано, что *«на основании наблюдений за все время обучения его в С.-Петербургской гимназии К. Мая, поведение его вообще было отличное, исправное в посещениях и приготовлении уроков похвальная, прилежание отличное особенно по истории и географии».* Средний балл аттестата — 4,0⁷⁷.

В том же 1875 г. Роберт подал прошение о зачислении его на физико-математический факультет Императорского С.-Петербургского университета. Однако уже 18 августа 1876 г. Роберт подал прошение на имя ректора с просьбой об увольнении из университета по семейным обстоятельствам [см. примеч. 66].

Продолжил учебу в Институте инженеров путей сообщения, но через год, в 1877 г., оставил и это учебное заведение и отправился на год

добровольцем в лейб-гвардии конный Его Императорского Величества полк⁷⁸. С сентября 1878 г. состоял на службе Первого российского страхового общества⁷⁹. С 1883 по 1885 г. Роберт трудился в страховом обществе в Англии, в Ливерпуле.

В 1885 г. Роберт вернулся в Россию и стал одним из помощников Александра Александровича Амбургера (30.12.1841, Архангельск — 14.01.1908, С.-Петербург) в дирекции и руководстве делами Первого российского страхового от огня общества, в 1895—1908 гг. был помощником управляющего. «С 1896 г. общество по инициативе Александра Амбургера начало страхование от несчастных случаев и аварий на транспорте, с 1901 г. — страхование жизни»⁸⁰.

С 17 января 1908 г., через три дня после смерти А.А. Амбургера, Роберт Блессиг возглавил Первое российское страховое общество, а с 1909 г. стал и президентом Общества русского перестрахования, основанного еще в 1895 г. по инициативе С.Ю. Витте при активном участии А.А. Амбургера⁸¹. В 1915 г., по всей видимости под давлением антинемецких настроений и травли в прессе, Роберт Блессиг ушел со своих постов и посвятил себя преимущественно работе в благотворительных организациях — в Комитете евангелического полевого лазарета Российского общества Красного Креста (член комитета с 1906 г.), в Реформатской комиссии по постройке школ (член комиссии с 1913 г.), в Попечительском совете Александровской мужской больницы (1914—1918 гг. — президент совета) и Попечительском совете Александринского женского приюта.

Кроме занятий благотворительной деятельностью, Роберт Блессиг активно участвовал в политической жизни России — с 1906 г. был вице-президентом и с 1907 г. — президентом немецкого отделения Либерально-консервативной партии «Союз 17 октября» в Петербурге. Партия «Октябристов» выступала за умеренные реформы и придерживалась умеренно-конституционных и антиреволюционных взглядов.

В декабре 1918 г. Роберт Блессиг покинул Петроград⁸², перешел границу с Финляндией и с 1919 г. проживал в Германии — сначала в Штольпмюнде⁸³ вместе со своим двоюродным братом Вильгельмом II Блессигом. С 1921 по 1924 г. находился в замке Ремплин (Remplin) в Мекленбурге и, наконец, 9 июня 1924 г. переехал к своему брату Эрнсту в Дерпт [см. примеч. 78]. Однако возраст, болезни и, скорее всего, трагические события последних лет пагубным образом сказались на его здоровье — Роберт Блессиг скончался 9 июня 1925 г. в возрасте 69 лет.

Рис. 8. Эрнст Блессиг
(1859–1940)

О личной жизни Роберта Блессига ничего неизвестно. Даже в подробной «Родословной Блессигов» [см. примеч. 5], где указаны все браки, разводы и дети, ничего не сказано о его жене и детях. Скорее всего, в брак не вступал.

Младший брат Роберта, Эрнст Блессиг (Ernst Friedrich Blessig, 12.12.1859, С.-Петербург — 22.04.1940, Дерпт/Тарту)⁸⁴ (рис. 8), поступил в первый класс немецкой гимназии К. Мая⁸⁵ в 1869 г. и провел в ее стенах восемь лет. В одно время с Эрнстом в школе К. Мая учились будущие контр-адмирал Петр Воинович Римский-Корсаков (1862–1927); архитектор и художник Николай Александрович Макаров (1859–1890); видный государственный деятель, сенатор, губернатор

Тулы и Витебска Михаил Викторович Арцимович (1859–1933); военно-морской врач, доктор медицины, тайный советник Владимир Аполлонович Гильтебрандт (1857–1912); будущий действительный статский советник, библиограф Александр Ипполитович Панаев (1856–?); будущий врач Вильгельм Карлович Гейслер (1860–1893).

После окончания гимназии Эрнст Блессиг избрал медицинское поприще, стал продолжателем дела своего дяди, известного русского офтальмолога Роберта I Блессига (см. выше).

Как писал профессор Э.Н. Амбургер: «*Эрнст Блессиг учился не в обычной церковно-приходской школе, а в частной гимназии К. Мая, в которой он завершил гимназическое образование в 1877 г.*»⁸⁶, после чего на протяжении восьми лет изучал медицину в Дерпте <Тарту>. Защитив диссертацию в области сравнительной анатомии, он 4 июня 1885 г. стал доктором медицины, избрав для своего поприща офтальмологию, и два года — с 1885 по 1887 г. — проработал в С.-Петербургской глазной лечебнице (Моховая, 38). После этого Эрнст Блессиг продолжил свое образование в университетах Гёттингена, Берлина, Гисена, Эрлангена и Гейдельберга, в которых именно в его области было осо-

бенно хорошо поставлено образование. В 1888 г. сдал в Гисене государственный немецкий экзамен на звание врача и вернулся на службу младшим врачом в С.-Петербургскую глазную лечебницу (в то время — Императорская офтальмологическая больница), с 1900 г. — старший врач там же. Кроме этого, с 1890 по 1907 г. и с 1914 по 1916 г. был консультантом в немецкой Александровской мужской больнице⁸⁷.

В 1900 г. Эрнст Блессиг стал старшим хирургом, а с 1906 г. — директором С.-Петербургской глазной лечебницы⁸⁸, которую возглавлял вплоть до 1917 г. Напомним, что его дядя Роберт I Блессиг был директором этой клиники с 1864 по 1878 г. В 1901 г. Эрнст Блессиг стал первым секретарем Комитета блессиговского «Убежища для неизлечимых взрослых слепых», а в 1903 г. — президентом этого Комитета. В 1889—1894 гг. исполнял обязанности секретаря, с 1904 г. — вице-президента и в 1905—1910 гг. — президента Немецкого врачебного общества в С.-Петербурге. С 1897 г. был казначеем, а с 1907 г. — вице-президентом С.-Петербургского офтальмологического общества. Кроме того, в 1908 г. Эрнст Блессиг был избран членом Попечительского совета немецкой Александровской мужской больницы, а с 1910 г. стал первым секретарем этого совета.

«Эрнст Блессиг был очень общительным человеком и легко завязывал контакты, и благодаря своему личному обаянию и ораторскому таланту всегда находился в центре внимания как в небольшом кругу, так и на больших мероприятиях. Часто выступал как поэт, пишущий по случаю стихи к определенным поводам. Дружил с родственником первой жены и коллегой-врачом Николаем Амбургером (22.11.1873, С.-Петербург — 14.04.1920, Петроград), который был на 14 лет моложе Блессига. Эта дружба, основанная на общих талантах и эстетических склонностях, сохранилась и в мрачные 1918—1920 гг. в голодном и промерзшем Петрограде» [см. примеч. 86]. Николай Амбургер, отец профессора-генеалогика Эрика Амбургера, скончался в Петрограде 14 апреля 1920 г.

Как и его старший брат Роберт, Эрнст Блессиг придерживался праволиберальных взглядов и с 1906 г. входил в руководство немецкого отделения партии «Октябристов» в Петербурге [см. примеч. 86].

Действительный статский советник (1909) Эрнст Блессиг был награжден орденами Св. Станислава II ст. (1898) и III ст. (1892), Св. Анны II ст. (1903) и III ст. (1895), Св. Владимира III ст. (1912)⁸⁹.

В 1914 г., с началом Первой мировой войны, Блессиг сменил на посту отозванного на фронт коллегу и снова стал врачом-консультан-

том в немецкой Александровской мужской больнице. После Февральской революции 1917 г., когда в значительной степени улеглась враждебность по отношению к немцам, Блессиг вернулся к политической деятельности. 30 сентября 1917 г., за четыре недели до Октябрьской революции, был сформирован «Петроградский союз российских граждан немецкой национальности» (с 1918 г. — «Немецкий союз»). Целью союза было продолжение деятельности закрытого в 1914 г. «Немецкого образовательного и вспомоществования общества», Блессиг стал сначала его вторым вице-председателем, а вскоре и председателем. Можно отметить, что общество ставило своей целью *«охранение и развитие учебно-образовательных интересов и удовлетворение благотворительных потребностей немецких классов населения, проживающих в районах деятельности общества, путем поддержки существующих или создания новых немецких учреждений и образовательных и вспомоществовательных заведений, а также посредством открытия отделов общества»*⁹⁰. Продолжая традиции, члены «Петроградского союза российских граждан немецкой национальности» поставили перед собой задачу издания немецкой газеты, *«что удалось осуществить Блессигу сначала после предварительной беседы в Смольном, а потом и после второго похода туда же: 14 января 1918 г. вышел первый номер газеты «St. Petersburger Nachrichten». Газета извещала читателей о вступлении немцев в Лифляндию, ссылке балтийских дворян в Сибирь и заключении Брестского мира. Но когда 28 июля в газете был опубликован некролог на царя Николая II, чаша терпения властей переполнилась, и газету закрыли. Тем не менее после еще одного посещения Эрнстом Блессигом Смольного было получено разрешение на выпуск листка (на немецком языке), но он был закрыт в марте следующего 1919 г.»* [см. примеч. 86].

Кроме работы в Союзе российских граждан немецкой национальности, Блессиг участвовал в создании С.-Петербургского библиотечного общества «Die Leuchte» («Светоч»), основанного за три дня до Октябрьской революции. Удалось спасти от экспроприации Немецкую (ранее — Евангелическую) библиотеку. Эрнст Блессиг выступал на лекциях и частных литературных вечерах. После отделения церкви от государства и экспроприации церковной собственности был создан общий единый Комитет евангелических церквей, председателем которого стал неутомимый Эрнст Блессиг. Позднее, в 1919 г., он возглавил и созданный Балтийский комитет, который оказывал помощь балтийским немцам, стремившимся вернуться на родину. В 1920 г.

Блессиг принял на себя и руководство воссозданным на короткое время Обществом петербургских врачей.

Однако жизнь в Петрограде становилась все тяжелее, и после заключения в 1920 г. Тартуского мирного договора между РСФСР и Эстонией Блессиг воспользовался предложением возглавить глазную клинику при Тартуском университете (бывшем Дерптском) и в 1921 г. навсегда покинул Россию [см. примеч. 78].

И на новом месте неутомимый доктор Эрнст Блессиг продолжил активную профессиональную и общественную деятельность — принял на себя руководство Эстляндским немецким врачебным обществом⁹¹, председательствовал на съездах врачей 1924, 1926 и 1929 гг. и руководил Дерптской группой Немецко-балтийской партии, был избран в Совет Эстляндского немецкого самоуправления по культуре. Продолжая петербургские традиции, с 1925 г. Блессиг возглавлял в Дерпте общество «Помощь слепым».

В силу преклонного возраста профессор Блессиг не смог переехать в Германию после советской оккупации Эстонии в 1939 г. и умер в Тарту 22 апреля 1940 г. [см. примеч. 86].

В нескольких словах расскажем о семейной жизни Эрнста Блессига. 5 октября 1891 г. он женился на Элизе Августе Мориц (Elise Auguste Moritz, 10.11.1869, С.-Петербург — 06.06.1914, Цюрих), дочери своего коллеги доктора Эманнуила Морица (Emanuel Moritz). К сожалению, брак был недолгим — в 1914 г. Элиза после долгих страданий умерла в Швейцарии. Через двенадцать лет после смерти первой жены *«после долгих усилий с его стороны 18 октября 1926 г. в Тарту он добился согласия на брак у своей племянницы Дагмары Кох (Dagmar Koch, 10.01.1890, С.-Петербург — 12.08.1978, Гоппельн (Goppeln))»*. Дагмара была дочерью двоюродной сестры Эрнста Амалии — приемной дочери его дяди Роберта Блессига» [см. примеч. 86]. Вторая жена Блессига часто жила с ним врозь, так как работала в Ревеле, стала известным ботаником, позднее — профессором, преподавала в городе Галле (Германия).

Эрнст Блессиг часто печатался в профессиональных изданиях⁹². Начиная с 1889 г. он сообщал о своей работе глазного врача и врача-исследователя в многочисленных статьях в специальных профильных изданиях, преимущественно в «Клиническом ежемесячнике по офтальмологии»⁹³, выходящем в Штутгарте, Петербургском немецком медицинском еженедельном журнале «St. Petersburger Medizinische Wochenschrift» и «Сообщениях из глазной лечебницы»⁹⁴, в дальней-

шем выступал с докладами на Пироговских конгрессах врачей в 1893, 1904 и 1910 гг. и на Международном медицинском конгрессе в Москве в 1897 г.

После переезда в Дерпт Блессиг в 1922 г. опубликовал в Берлине статью «Verletzungen des Auges in klinischen Bildern. Für praktische Ärzte» («Повреждения глаза в клинических картинах. Для практикующих врачей») на немецком языке; в Дерпте в 1922 г. в университетском издании (выпуске) «Acta et Commentationes» вышел первый том его «Ophthalmologischen Bibliographie Rußlands» («Библиография по офтальмологии в России»), в 1934 г. последовал второй том под названием «Index Ophthalmologiae Balticus».

В вышедшем в 1930 г. в Риге сборнике «Deutsches Leben im alten St. Petersburg. Ein Buch der Erinnerung» («Жизнь немцев в старом С.-Петербурге. Книга воспоминаний»), изданном Генрихом Пантениусом (Heinrich Pantenius) и Оскаром Гросбергом (Oskar Grosberg), Эрнст Блессиг был представлен восьмью статьями, среди которых были статьи о Реформатской общине, Немецком обществе от 1906 г., Обществе немецких врачей С.-Петербурга, Александровской мужской больнице и воспоминания о 1918–1920-х годах.

На этом мы завершаем фамильную сагу семьи Блессигов, жизнь нескольких поколений которой была тесно связана с Россией и Санкт-Петербургом. В очередной раз можно горько сожалеть о трагическом разрыве связей между двумя великими народами. Исход из России немецкой диаспоры нанес непоправимый ущерб культуре, науке, искусству, медицине, но главные наши потери связаны с исчезновением целого этнокультурного пласта, на протяжении веков бывшего неотъемлимой частью истории нашего государства.

1. A History of the Blessig Family. Hugh Myddleton Heyder. 1954.

2. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Blaesheim> (дата обращения: 17.11.2017).

3. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Saint-Blaise-la-Roche> (дата обращения: 17.11.2017).

4. A History... S. 8.

5. *Seuberlich Erich*. Stammtafeln Deutsch-baltischer Geschlechter. III. Reihe, Leipzig, 1931. S. 48–61. (*Зейберлих Э.* Родословные балтийско-немецких родов. Лейпциг, 1931. Вып. 3. С. 48–61).

6. Ibid. S. 48.

7. *Fritz Carl Maximilian*. Leben D. Johann Lorenz Blessig's. Straßburg: Verlag Heitz u.a., 1818. (*Фриц К.М.* Жизнь д-ра Иоганна Лоренца Блессига. Страсбург: Изд. Гейтц и др., 1818).

8. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=10349> (дата обращения: 17.11.2017).

9. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=28934> (дата обращения: 17.11.2017).

10. *Seuberlich Erich*. Stammtafeln... S. 50.

11. *Сартор В.* Блессиги // Немцы России: энциклопедия: в 4 т. М.: ЭРН, 1999. Т. 1. С. 213–214.

12. *Саутов В.И.* Петербургский Некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 226.

13. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=309 (дата обращения: 17.11.2017).

14. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Max_von_Schinckel (дата обращения: 17.11.2017).

15. *Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands. Die Familie Amburger in Sankt-Petersburg 1770–1920. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1986. S. 139–141. (*Амбургер Э.* Немцы в государственной, хозяйственной и общественной жизни России. Семейство Амбургер в С.-Петербурге в 1770–1920 гг. Висбаден: Отто Харрасович Ферлаг, 1986. С. 139–141).

16. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=10345> (дата обращения: 17.11.2017).

17. Пансион Муральта — известное учебное заведение для богатой и знатной молодежи. Иоганн фон Муральт — швейцарский пастор и педагог, последователь системы Песталоцци.

18. Ramelshof — ныне Рамули, Латвия.

19. Wenden — ныне Цесис, Латвия.

20. A History...

21. Wolmar — ныне Валмиера, Латвия.

22. *Seuberlich Erich*. Stammtafeln... S. 52–53.

23. В настоящее время бывший участок усадьбы располагается в районе пр. Стачек, д. 216–220.

24. Английская наб., 6 / Галерная ул., 5. Особняк Е.П. Репниной. Принадлежал семье Блессиг с 1813 по 1838 г., с 1869 по 1897 г. — Международный коммерческий банк, с 1907 г. — Театральная школа А.С. Суворина. В настоящее время — офис «Газпрома».

25. Историю дома по адресу Английская наб., 6, см.: URL: <http://history.gradpetra.net/naberejnaya/18/297-6.html> (дата обращения: 17.11.2017).

26. A History... S. 65.

27. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=10348> (дата обращения: 17.11.2017).

28. *Amburger E.* Deutsche in Staat... S. 227–228.

29. *Seuberlich Erich*. Stammtafeln... S. 53.

30. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=10353> (дата обращения: 17.11.2017).

31. Бывшая немецкая территория, ныне — территория Валбжихского повета в Нижнесилезском воеводстве, Польша.

32. Список русских художников / Сост. С.П. Кондаков. М.: Антик-Бизнес-Центр, 2002.

33. A History... S. 66.

34. В Биркенру (Birkenruh, совр. Берзауне в Латвии) близ Вендена (совр. Цесис, Латвия) было расположено частное учебное заведение с программой гимназии, пользующееся большой популярностью среди местной интеллигенции.

35. Имение Рамельсгоф (в настоящее время — Рамули, Латвия) было расположено в Венденском уезде Лифляндской губернии, в 14 километрах от Вендена.

36. *Mahnke-Devlin Julia*. Britische Migration nach Russland im 19. Jahrhundert: Integration—Kultur—Alltagsleben. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. P. 83–84.

37. A History... S. 77.

38. ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 371. Л. 21.

39. Сампсониевская бумагопрядильная мануфактура (позднее — Ленинградская государственная прядильно-ткацкая фабрика «Октябрьская», ОАО «Петербургский текстиль») располагалась по адресу: ул. Фокина, 1 / Большой Сампсониевский пр., 32.

40. *Seuberlich Erich*. Stammtafeln... S. 56.

41. Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1897 по 1 февраля 1898 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов. СПб., 1898. С. 8.

42. ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 371.

43. A History... S. 78.

44. Ibid. S. 79.

45. Челтнем (Cheltenham) — крупный курорт в графстве Глостершир, Англия, недалеко от Глостера и Сиренстера.

46. A History... S. 68.

47. Рамсгит (Ramsgate) — город-порт в восточной части графства Кент, на берегу Северного моря.

48. A History... S. 85.

49. *Саутов В.И.* Петербургский Некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 226.

50. *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб.: Анатолия, 2013.

51. *Seuberlich Erich*. Stammtafeln... S. 57.

52. Справочная книга о лицах, получивших в течение 1873 г. купеческие свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла в 1874 г. СПб., 1874. С. 6–7.

53. Справочная книга о лицах, получивших в течение 1877 г. и января месяца 1878 г. купеческие свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла в 1878 г. СПб., 1878. С. 6.

54. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=10343> (дата обращения: 17.11.2017).

55. Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, получивших в течение времени с 1 ноября 1897 г. по 1 февраля 1898 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов. СПб., 1898. С. 8.

56. Весь Петербург на 1899 г. СПб., 1899. С. 190.

57. Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших с 1 ноября 1900 г. по 1 января 1901 г. сословные свидетельства по 1 и 2 гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые заведения, 1–5 разрядов на промышленные предприятия и 2 и 3 разрядов на личные промысловые занятия. СПб., 1901. С. 59.

58. Там же.

59. Новая бумагопрядильная мануфактура — ныне Фабрика им. П. Анисимова — АО «Лиговский текстиль» — Многофункциональный центр «Ткачи» (наб. Обводного канала, 60–62).

60. Весь Петербург на 1905 г. СПб., 1905. С. 61; 1907. С. 67; 1908. С. 71.

61. Весь Петербург на 1910 г. СПб., 1910. С. 80.

62. Весь Петербург на 1913 г. СПб., 1913. С. 56.

63. Весь Петербург на 1914 г. СПб., 1914. С. 59.

64. Meedway, bei Winchester.

65. *Благово Н.В.* Указ. соч.

66. РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3853. Л. 8–19.

67. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 227.

68. РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3853. Л. 8–19.

69. Там же. Л. 1, 2.

70. *Amburger E.* Deutsche in Staat... S. 164–165.

71. ЦГИА СПб. Ф. 201. Оп. 1. Д. 69.

72. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=61 (дата обращения: 17.11.2017).

73. Частное благотворительное заведение было открыто в декабре 1879 г. Учредителями выступили родственники и друзья офтальмолога Роберта I Блессига, в том числе А.А. Амбургер, Ф.Ф. Блессиг, Э.В. Блессиг и Ф.Ф. Блессиг и др. (URL: <http://www.encspb.ru/object/2815838248?lc=ru> (дата обращения: 27.11.2017)).

74. A History... S. 104.

75. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 18352. 1875 г.

76. *Бруни Н.А.* Мое время. СПб.: Невский архив, 2010. Т. IX.

77. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 8352.

78. *Seuberlich Erich.* Stammtafeln... S. 51.

79. Первое российское страховое от огня общество (Russische Feuerassecuranz-Compagnie) было основано в 1827 г. семейством Амбургеров, кратко его называли «27-я» или «компания».

80. Амбургер Э., Захаров В. Амбургеры. URL: http://www.rusdeutschpanorama.ru/jencik_statja.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=3485 (дата обращения: 17.11.2017).

81. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общество_русского_перестрахования (дата обращения: 17.11.2017).

82. A History... S. 106.

83. Stolpmünde — ныне город Устка в Поморском воеводстве Польши.

84. A History... S. 107.

85. Благово Н.В. Указ. соч.

86. *Amburger E.* Deutsche in Staat... S. 167–170.

87. Александровская мужская больница была открыта 12 июня 1884 г. по инициативе немецкой диаспоры С.-Петербурга на 15-й линии Васильевского острова, 4–6. До 1917 г. являлась соматическим стационаром и амбулаторией. В настоящее время это клиника неврозов (ГПБ № 7 им. академика И.П. Павлова).

88. ЦГИА СПб. Ф. 201. Оп. 1. Д. 138. Л. 5, 6.

89. Там же. Л. 1.

90. Немецкое образовательное и вспомоществования общество (URL: http://ab-freindlih.narod.ru/istoriya_piter.htm (дата обращения: 17.11.2017)).

91. Estländischen deutschen ärztlichen Gesellschaft (нем.).

92. Некоторые публикации Э. Блессига (E. Blessig): *Verletzungen des Auges in klinischen Bildern. Für praktische Ärzte.* Berlin, 1922; *Ophthalmologischen Bibliographie Russlands. Acta et Commentationes.* Dorpat, 1922; *Повреждение глаз в клинических картинах.* Л.: Практическая медицина, 1928; *Index Ophthalmologiae Balticus. Acta et Commentationes.* Dorpat, 1934.

93. *Klinischen Monatsblätter für Augenheilkunde* (нем.).

94. *Mitteilungen aus der Augenheilanstalt* (нем.).

П.А. Головин

ГРАФЫ СТЕНБОК-ФЕРМОР: ПРОМЫШЛЕННИКИ И МЕЦЕНАТЫ

В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
воскресшими для новых похорон.

Ф.И. Тютчев

Графский род Стенбок происходит от Ионса, шведского государственного советника в 1205 г. Его потомок в 11-м колене Олоф Арфведсон, рейхсрат в XVI в., первым принял фамилию Стенбок. Густав Стенбок (+1571) был пять раз послом в Дании. Дочь Екатерина (1535—1621) была с 1552 г. третьей женой шведского короля Густава Вазы, а внук, барон Густав (+1629), заключил мир с Данией в 1612 г. Фридрих Густавсон был тяжело ранен в Люцинской битве, где погиб Густав-Адольф, был рейхстаром и возведен королевою Христиною 26.03.1651 г. вместе со своими братьями Эриком и Густавом-Отто в графское достоинство. Граф Эрик Густавсон, рейхсрат, генерал от инфантерии, губернатор Ингерманландский и Карельский, генерал-фельдцейхмейстер, убит при штурме Копенгагена ночью на 11.02.1659 г. Брат его граф Густав-Отто Густавсон — генерал-адмирал. Граф Иоанн-Гавриил Фридрихсон — рейхсрат при королях Карле XI и Карле XII. Граф Эрик-Густав Густавсон генерал-лейтенант и обер-камергер, а младший брат его граф Магнус Густавсон, фельдмаршал и сподвижник Карла XII, считается первым полководцем Швеции. Графы Бенгт-Лудвиг, Фридрих-Магнус, д.ст.с. Карл-Магнус — ландарты в Эстляндии¹.

Описание герба графов Стенбок: «Щит расчленен на лазурь и золото. В лазури золотое стропило, и под ним серебряная шестиугольная звезда. В золоте рука, стреляющая из карабина. Посреди герба малый щиток, разделенный горизонтально на два поля. В верхнем

Рис. 1. Герб графов Стенбок

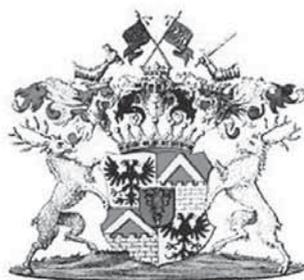

Рис. 2. Герб графов Фермор

Рис. 3. Герб графов Стенбок-Фермор

золотом поле выходит голова черного козла; нижнее поле шахматное, черное и золотое. На гербе три шлема со шведскими графскими коронами; на правом шлеме обращенный вправо всадник на белой вставшей на дыбы лошади, стреляет из карабина; на среднем шлеме два буйволовых рога, получерные, полузолотые, и между ними вставший на дыбы черный козел, вправо; на левом шлеме семь знамен, трое золотых и четверо голубых, поочередно. Герб покрыт голубой княжеской мантией (в память брака Екатерины Стенбок со шведским королем Густавом Вазой)².

Описание герба рода Фермор: «Щит разделен двумя перпендикулярами линиями на четыре части, в пересечении которых помещен малый щит: на лазоревом поле три золотых оленьих головы — две в верхней части, одна в нижней. В главных делениях гербового щита,

в первом и четвертом, на золотом поле черный двуглавый орел. Второе и третье деления, в свою очередь, разделены: на верхнее, где на красном поле изображена золотая геральдическая фигура называемая стропилом, а в нижнем изображена белая городская стена. Шит венчает графская корона с тремя дворянскими коронованными шлемами. Из короны среднего шлема выходят два знамени. На правом знамени, в лазоревом поле, белый коронованный орел. На левом знамени в красном поле скачущий на белом коне рыцарь, закованный в латы. Из корон выходят руки в серебряных латах держащие: правая — черный с золотыми окончаниями жезл, а левая — серебряный с золотым эфесом меч. Намет среднего шлема красный, золотой и черный; правого — красный и золотой, левого — серебряный и черный. Щитодержателями являются два белых оленя»³.

Описание герба графа Стенбок-Фермор: «Щит рассечен. В первой половине герб графов Стенбок, четверчастный, со щитом в середине, первая и четвертая части лазуревые, разделенные золотым стропилом, сопровождаемым внизу серебряною о шести лучах звездой, и во второй и третьей золотых частях, в лазуревых латах, отрезанная рука, стреляющая из лазуревых пистолета. Средний щит пересечен: в первом поле возникающий черный козел, с червлеными глазами и языком, второе поле разделено шахматом золотом и чернью. Во второй половине герб графов Фермор. Щит четверчастный, со щитом в середине: в первой и четвертой частях — черный двуглавый орел, во второй и третьей частях — серебряная, зубчатая, с червлеными швами стена, увенчанная золотым стропилом. В среднем щите лазуревом, три серебряные олени головы. Щит увенчан графскою короною и пятью графскими коронованными шлемами. Нашлемники: средний — между двумя буйволовыми рогами, пересеченными первый золотом и чернью, второй — чернью и золотом, черный на задних лапах козел, с червлеными глазами и языком. Второй нашлемник: семь значков — первый, третий, пятый и седьмой лазуревые, прочие золотые. Третий нашлемник: в серебряных латах, на таком же коне, всадник, стреляющий из пистолета. Четвертый нашлемник: два на крест положенные знамени, первое — лазуревое, с серебряным орлом, и левое червленое, с серебряным, на таком же скачущем коне всадником. Пятый нашлемник: две противопоставленных в серебряных латах руки, держащие: правая — серебряный с золотою рукоятью, меч, вторая — зеленый с золотыми концами фельдмаршальский жезл. Наметы: первый и четвертый — черные, с золотом, второй и третий — лазу-

ревые с серебром и пятый червлёный с серебром. Щитодержатели: серебряный козел и такой же олень с червлёными глазами и языком»⁴.

Английская фамилия Фермор происходит от одного из сподвижников Вильгельма Завоевателя. Виллиам пожалован был баронетом от короля Карла I в 1614 г. Сын его Виллиам возведен был королем Вильгельмом III 12.04.1692 г. в достоинство барона Лемпстера и пэра Англии, а сын его, барон Фома, возведен был королем Георгом I 27.12.1721 г. в достоинство графа Помфрета. Виллиам Фермор покинул отечество из-за приверженности к дому Стюартов. Сын его Виллиам (Вилим Вилимович) вступил в службу при Анне Иоанновне, а при Елисавете Петровне, будучи генерал-аншефом, командовал русскою армиею при Фридрихе Великом в 1758 г. и за победу под Цорндорфом получил Андреевскую ленту, а император германский Франц I возвел его в графское Римской империи достоинство. При Екатерине II был губернатором в Смоленске и +8.02.1771, он оставил сына графа Вильгельма бездетного и Сару, вышедшую замуж за графа Понтуса Стенбок. Генерал от инфантерии королевско-шведской службы Густав-Отто Стенбок и сенатор генерал-аншеф Вилим Фермор пожалованы: первый — королевою Христиною 26.03.1651 г., второй — римским императором Францем I 12.06.1758 г. в графское достоинство. 15.02.1825 г. высочайше дозволено полковнику графу Магнусу-Ивану Фридриху Стенбоку присоединить к своей фамилии фамилию его деда, генерал-аншефа графа Фермора, с распространением сего именованя и на его потомков, а в 1849 г. соединенный герб сих фамилий удостоен высочайшего утверждения⁵.

Вилим Вилимович Фермор (1702–1771) был учеником графа Б.Х. Миниха, сочетал полководческие таланты со способностями инженера-строителя. С 1746 по 1757 г. руководил Канцелярией от строений, занимаясь возведением всех значительных дворцовых и культовых зданий и ансамблей Елизаветинской эпохи — от Зимнего дворца и Смольного монастыря до загородных дворцов Царского Села и Петергофа. В 55 лет вновь поступил в действующую армию и совершал рейды по землям Пруссии. При Екатерине II был генерал-губернатором Смоленска, сенатором, председателем Комиссии о соляных и винных сборах, восстанавливал Тверь после пожара, положив начало предприятю по регулярной перестройке русских городов⁶.

«Всемиловейший государь! Покойный отец мой генерал-аншеф граф Вилим Фермор пред кончиною своею в 1771 г. обязал меня, как единственного своего сына и наследника по нем, исполнить

последнюю его волю, а именно: если я не буду иметь потомков, то дабы фамилия графов Фермор не пресеклась с моею смертью, возложил на меня исходатайствовать о всемилостивейшем дозволении присоединить прозвание графов Фермор графу Стенбок, родному его внуку, а моему племяннику. К коему, как единственному наследнику, должно перейти все оставшееся по мне недвижимое наследственное имение, за исключением законной части, следующей жене моей, буде она по смерти моей останется в живых. Так как я ныне нахожусь в преклонном уже веке и детей не имею, то вменяя себе священным долгом исполнить последнюю волю покойного родителя, я осмеливаюсь утруждать Ваше Императорское Величество всеподданнейшею просьбою о всемилостивейшем дозволении внуку покойного отца моего генерал-аншефа графа Фермора, а моему племяннику отставному полковнику графу Магнусу Стенбоку, единственному наследнику по смерти моей, присоединить к своей фамилии, наименование графа Фермора, с распространением сего наименования и на потомков его, дабы таким образом имя графа Фермора, служившего с известною честью российскому престолу, не пресеклась и на последующее время. Отставной бригадир граф Виллим Фермор (Вильгельм-Георг фон Фермор). Июль 1822 г. Жительство имею Рижской губернии и того же уезда»⁷.

«Первый департамент Управы благочиния имеет честь донести Сенату, что указ онаго от 24.10.1849 г. № 2801 графу Стенбок-Фермор, о внесении высочайшего утвержденного герба его в Гербовник объявлен, с выдачею приложенных при указе рисунков герба и документов»⁸.

Родословная графов Эссен-Стенбок-Фермор
Ионс (Ions) , был в Швеции рейхсратом в 1205 г. Звание рейхсрата весьма важно в Швеции и жаловалось весьма немногим сановникам, с 1789 г. рейхсраты именуются рейхсгеррами
II
Ифвар Ионссон , был первым рейхсратом в конце царствования Эрика X
III
Ионс Ионссон
IV
Кнут Ионссон

V
Свен Кнутсон
VI
Биерн Свенсон
VII
Арфвед Биернсон
VIII
Арфвед Арфведсон
IX
Кнут Арфведсон
X
Арфвед Кнутсон
XI
Олоф Арфведсон Стенбок, рейхсрат, первым принял фамилию Стенбок (von Stenbock)
XII
барон Густав Стенбок, рейхсрат, +1571, ж. — Бригитта Леоионгфвуд
XIII
барон Эрик, рейхсрат, +1599, ж. — графиня Магдалина Стуре
XIV
барон Густав, рейхсрат (1575–1629), ж. — гр. Беата-Маргарита Браге
XV
граф Густав-Отто, генерал-фельдцейхмейстер и рейхсрат, генерал-адмирал (1614–1685), ж. — графиня Христина-Екатерина Левенгаупт, рожденная гр. Делагарди
XVI
граф Магнус, фельдмаршал и рейхсрат (1664–1717), ж. — графиня Эвва-Магдалина Оксенштиерн (1671–1722)
XVII
граф Фридрих-Магнус, ландрат (1696–?), граф Вилим фон Фермор (1702–1771) ж. — графиня Эвва-Маргарита ж. — гр. Доротея-Елисавета Брюс Делагарди I
XVIII
граф Понтус, бригадир (1744–?), Вильгельм Фермор I ж. — графиня Сарра Фермор ж. — фон Албрехт 2ж. — Екатерина Алексеевна Дьякова I (1)
XIX
граф Иоанн-Магнус Стенбок-Фермор (1765–?) Сара, м. — Куломзин I-----I

XX	
граф Яков Иоаннович Эссен-Стенбок-Фермор	
граф Александр Иванович (1809–1852) ж. — Надежда Алексеевна Яковлева	кн. Сергей Алексеевич Долгоруков ж. — гр. Мария Александровна Апраксина (1816–1892)
I	
XXI	
I-----I-----I-----I-----I	
граф Алексей Александр (1836–1916) (1838–?)	Владимир Анастасия Мария Надежда (1847–?) (1837–?) (1839–?) (1846–?)
кн. Маргарита Сергеевна Долгорукова ж. — Мария Александровна Апраксина (1839–1912)	(?–1916)
XXII	
I	
I-----I-----I	
Надежда (1864–?)	Маргарита Сергей Александр
м. — гр. П.А. Капнист м. — кн. П.Н. Енгальчев ж. — О.П. Носикова	

Сара Куломзина, урожденная графиня Стенбок-Фермор, подает прошение в Департамент герольдии в марте 1829 г.: «...умерший генерал-аншеф, сенатор, граф Вильгельм Фермор дед наш, имел в супружестве Доротею-Елисавету, а по-русски Дарью Романовну, урожденную графиню Брюс, дочь СПб. коменданта Романа Вильгельмовича графа Брюс, а от сего брака рождена мать наша Сара Виллимовна Фермор, выданная в супружество за отца нашего графа Якова Понтуса Стенбок и просит утвердить графство этой фамилии отставному подполковнику графу Карлу Магнусу фон Стенбок и всем его детям выдать жалованную грамоту. Документы: 1) пожалованная фамилии Стенбок королем Иоанном III 9.04.1582 г. грамота на баронское достоинство; 2) выданные королевою Христиною 26 и 27 марта 1651 г. две жалованные грамоты, которыми графу Карлу-Магнусу фон Стенбок пожаловано было графское достоинство; 3) грамота Правительствующего Сената о переданном графской фамилии фон Стенбок владении Кольскими майоратными именными от 16.02.1724 г.; 4) родословная графской фамилии Стенбок; 5) выданные графу Магнусу Стенбоку из Инспекторского департамента документы с 1823 по 1839 г. 6 патентов о производствах в военной службе; 6) выданные графу Магнусу Стенбоку 21.09.1835–20.12.1857 г. патенты о пожалованных ему арендах и медалях; 7) формулярный список графа Магнуса Стенбока; 8) свидетельство о рождении графа Магнуса Стенбока;

9) свидетельство о рождении сына графа — Михаила-Эмиля-Понтуса Стенбока; 10) родословная фамилии Стенбок; 11) аттестат Императорского эстляндского обер-ландгерихта от 26.11.1868 г. № 3121 о владении графом Магнусом Стенбоком Стенюокскими майоратами и имениями Кольк, Кенда, Кида и Нейенгоф; 12) выписка из родословной фамилии фон Стенбок 12.05.1865 г.; 13) выпись из родословной графской фамилии фон Стенбок от 17.05.1854 г. № 30; 14) аттестат от 4.06.1854 г. № 1523; 15) выпись из протокола Эстляндской мatriкульной комиссии от 4.07.1752 г. Барон О. Будберг 22.02.1871 г.»⁹

Граф Юлий Стенбок пишет писателю Аксакову в мае 1852 г.: «Искренне Вас благодарю, добрейший Константин Сергеевич, за приветливое и ободрительное Ваше письмо, обрадовавшее меня чрезвычайно. Не пустою фразою я обращался к Ивану Сергеевичу, но с чувством, обладающим мною с тех пор, что я всею душою полюбил Россию. Вы мне пишете, что от доброй моей воли лишь зависит быть русским, а что иностранец, приобщившийся великому духу русскому, будет принят в русскую общину и называться братом. Постиг я дух народный, цену я великодушие его, а потому искренне печалюсь, что не могу быть тем, чем бы хотелось. Невозможно скинуть с себя инописменное происхождение, и имя русского, мне кажется, недоступно тому, кто не рожден русским. Мысль эта заключает в себе, может быть, некоторую гордость, но она простительна своею искренностью. Чувствуя свой недостаток, я стараюсь сблизиться с народом, делать добро, и буду счастлив, если со временем про меня скажут: “Был какой-то чиновник из немцев, но, точно русский, был честен и любил нас, как брат” — и если к этому Вы, многоуважаемый Константин Сергеевич, прибавите: “Он хороший человек!”»¹⁰.

11.10.1835 г. лейб-гвардии конного полка поручик и кавалер граф Александр Иванович Стенбок-Фермор 2-й был обвенчан с девицею Надеждою Алексеевною, дочерью отставного гвардии корнета Алексея Ивановича Яковлева. Поручителями по жениху были: генерал-майор Карл Иванов Албрехт и Волынского полка подпоручик граф Юлий Иванов Стенбок; по невесте: отец ее родной А.И. Яковлев и член Военного совета генерал-лейтенант Павел Александрович Угрюмов. В метрической книге Исаакиевского собора за 1836 г. записано, что родился сын Алексей 3 сентября и восприемниками были: А.И. Яковлев и графа Ивана Яковлевича Стенбок-Фермора жена графиня Фридерика Христиановна¹¹.

Боевой русский генерал граф Алексей Александрович Стенбок-Фермор (1835–1916), шталмейстер Императорского двора. Вступил в военную службу в 1855 г., служил в лейб-гвардии гусарском полку. Военную службу проходил чинами: корнет (1856), поручик (1859), штабс-ротмистр (1860), ротмистр (1862), полковник (1865), флигель-адъютант (1865), генерал-майор (1875, за отличие) с назначением в свиту Его Императорского Величества, генерал-лейтенант (1885, за отличие) с увольнением в запас армейской кавалерии. Командовал эскадронам и дивизионом, служил комендантом Ясс. Участвовал в Крымской войне и Русско-турецкой войне 1877–1878 г. В 1887 г. был пожалован в шталмейстеры. В 1895 г. вернулся на военную службу, сохранив придворное звание. Скончался в Петрограде в 1916 г. Награжден за свою службу орденами: Св. Станислава II ст. (1865); императорской короной к ордену Св. Станислава II ст. (1867); Св. Владимира IV ст. (1873); Св. Владимира III ст. (1878); Св. Станислава I ст. (1879); Св. Анны I ст. (1884); Св. Владимира II ст. (1890); Белого Орла (1896); Св. Александра Невского (1906); прусским орденом Красного Орла II ст. (1875); Вюртембергским орденом Фридриха командорского креста 1-го кл. (1880). От брака с княжной Маргаритой Сергеевной Долгорукой (1839–1912), дочерью тайного советника князя Сергея Алексеевича Долгорукова и графини Марии Александровны Апраксиной (1816–1892), родились дети: Надежда (1864–?), фрейлина, замужем за графом П.А. Капнистом; Маргарита, фрейлина, замужем за генералом князем П.Н. Енгальчевым; Сергей, ротмистр.

XX				
граф Яков Иоаннович Эссен-Стенбок-Фермор				
граф Александр Иванович (1809–1852) кн. Сергей Алексеевич Долгоруков ж. — Надежда Алексеевна Яковлева (+1897) ж. — гр. Мария Александровна Апраксина (1816–1892)				
I				
XXI				
I-----I-----I-----I-----I-----I				
граф Алексей Александр	Владимир	Анастасия	Мария	Надежда
(1836–1916)	(1838–1871)	(1847–?)	(1837–?)	(1839–1905)
(1846–?)				
кн. М.С. Долгорукова ж. — М.А. Апраксина м. — кн. П.Гагарин м. — кн. В.Волконский м. — кн. Барятинский				
(1839–1912)	(?–1916)		I	I
XXII				
I-----I-----I I I-----I				
	Надежда Мария Александр	Александр	Надежда	Владимир
	(1878–1945)			
	ж. — О.П. Носикова		м. — гр. Толстой	

Семейство графов Стенбок-Фермор владели в Петербурге несколькими особняками. Принадлежащий княгине Анастасии Александровне Гагариной, урожденной графине Стенбок-Фермор дом, стоящий на В.О. по Волховскому переулку, 1, на наб. реки Малой Невки перешел на основании документов от 31.08.1888 г. во владение ее матери графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор, и взяли за то имущество свое княгиня и князь Гагарины и графиня Генрикова 150 тыс. руб. серебром¹². СПб. ДДС просит потребовать с владелицы д. 259 и полицейским № 51 и 52 по Английской наб. и Галерной ул., графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор 64 руб. 58 коп.¹³

Родственные связи князей Барятинских и графов Стенбок-Фермор
Рюрик, князь Новгородский
Игорь Рюрикович, великий князь Киевский (+945)
Святослав I Игоревич, великий князь Киевский (942–972)
Владимир I, великий князь Киевский (+1015)
Ярослав I Мудрый, великий князь Киевский (978–1054)
Святослав II, великий князь Киевский (1027–1076)
Олег Гориславич, князь Черниговский (+1115)
Всеволод II, великий князь Киевский (+1146)
Святослав III, великий князь Киевский (+1194)
Всеволод III Чермный, князь Киевский (+1215)
Михаил II, князь Черниговский (1179–1246)
Юрий, князь Торусский и Оболенский
Всеволод, князь Торусский
Всеволод, князь Торусский
Андрей Шутиха, князь Мезецкий
Александр, князь Барятинский
Григорий Александрович, князь Барятинский
Василий Григорьевич
Иван Васильевич
Петр Иванович
В 1569 г. второй воевода большого полка в походе против Литвы. В 1571 г. был одним из голов царского полка, в 1574 г. — второй воевода в Смоленске. В 1575 г. наместник Пронский, был вторым лицом в посольстве, направленном на реку Сестру для встречи и переговоров со шведскими уполномоченными о перемирии. В 1576 г. воевода в Туле. В 1580 г. один из войсковых голов при защите Псковской области от войск Стефана Батория. В 1580–1581 гг. первый воевода в Холме. При падении города был взят в плен, но вскоре выкуплен. В 1587 г. стольник. В 1590 г. второй воевода передового полка. В походе под Новгород местничал с князем Ф.В. Долгоруковым по вопросу о старшинстве, за что был посажен в тюрьму на 3 дня. В 1598 г. подписался на грамоте об избрании на царство Бориса Годунова

Никита Петрович (?–1630)

В 1614 г. был вторым воеводой конной рати, сопровождавшей плывущие по реке суда с войсками, направленными в Астрахань против Заруцкого. В том же году был воеводой в Коломне. В 1616–1617 гг. был воеводой в разных полках, направленных для ликвидации разбойничьих шаек. За то, что он допустил оплошность и не смог отразить их нападение на Рязань, был в 1616 г. послан на должность воеводы в Воронеж. В 1617 г. за подвиги в походах против поляков награжден. В 1623–1625 гг. воевода в Верхотурье, в 1627–1629 гг. — в Вятке

Юрий Никитич

Боярин и воевода. С 1635 г. — стольник, с 1663 г. — окольничий, с 1671 г. — боярин. С 1642 г. был на военной службе воеводой в разных полках и городах. В 1653 г. был направлен с посольством в Литву. В 1655 г. под городом Борисовом разбил литовские войска, и в том же году вместе с князем С.А. Урусовым (у которого он был вторым воеводой) разбили польские войска под Верховичами и вышли к Вильно. В 1658 г. был на службе в Киеве, где совместно с боярином В.Б. Шереметевым командовал войсками, расположенными в Малороссии. При этом он показал себя храбрым и деятельным полководцем. В 1660 г., после отъезда Шереметева из Киева, остался в нем первым воеводой. В 1670–1671 гг. принял большое участие в подавлении восстания, руководимого С.Т. Разиным. С 1671 г. находился при дворе. В 1682 г. подписался на решение Собора об уничтожении местничества

Федор Юрьевич (?–1696)

окольничий (с 1691 г.) и воевода. В 1658 г., участвуя в войне за освобождение Малороссии, из-за местнических споров отказал в помощи князю Ю.А. Долгорукову. В 1679 г. был третьим воеводой большого полка. В 1683 г. — воевода Пермский, Чердынский и Соликамский. В 1691 г. вместе с войсками боярина Б.П. Шереметева оказывал помощь Мазепе против турок и татар. Однако гетман жаловался на «медлительность» князя. В 1696 г. был воеводой в Киеве

Иван Федорович (?–1738)

Генерал-аншеф (1737). Участвовал во многих походах Петра I. В 1719 г., будучи полковником, командовал 2-м гренадерским полком своего имени, разбил шведские войска под Стокгольмом, за что был произведен в бригадиры. В 1722 г. отличился в Персидском походе. Был противником партии, желавшей ограничения самодержавия, и содействовал в подготовке соответствующего обращения к Анне Иоанновне, за что был пожалован в сенаторы. В 1735 г. назначен московским генерал-губернатором, а последние два года жизни правителем Малороссии

Сергей Иванович (?–1746)

Ж. — **Степанова Мавра Степановна** (1698–1771)

Иван Сергеевич (1738–1811)

Генерал-поручик (1779). Участвовал в Семилетней войне и битве при Цорндорфе был взят в плен, из которого вскоре возвратился. В 1761 г. произведен в подполковники и пожалован званием флигель-адъютанта. В 1763 г.

был назначен состоять при наследнике Павле Петровиче. Не участвуя в воспитании, он проводил с ним часть дня, являясь веселым, но несерьезным собеседником. С 1773 по 1785 г. был послом в Париже. Ж. — **Екатерина Петровна, принцесса Голштейн-Бек**. Тайная супруга — **Анастасия Бибикова**, от которой у него трое детей, носивших фамилию Бибитинских

Иван Иванович (1772—1825)

Тайный советник (1804). В 1795 г. отличился при взятии Праги (предместье Варшавы) и был награжден орденом св. Георгия IV ст. В 1808 г. — посол в Баварии. Вернувшись в Россию, он, имея 21 тыс. душ крестьян, занялся сельским хозяйством. Он первый из российских помещиков применил иностранные научные достижения и усовершенствования. В селе Ивановском он построил великолепный дворец, назвав его Марьино в честь своей второй жены — графини Марии Федоровны, урожденной **Келлер** (см. ниже). Воспитание, которое он дал своему сыну, фельдмаршалу князю Александру Ивановичу (см. ниже), характеризует Ивана Ивановича как человека и мыслителя.

Анатолий Иванович (1821—1881)

Генерал-лейтенант (1867), генерал-адъютант (1866). Участвовал в подавлении Венгерской революции 1848 г. В 1854 г. находился в действующих войсках на Дунае, а затем на передовых укреплениях Севастополя. В 1860 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка

Владимир Анатольевич (1843—1914)

Генерал-майор, егермейстер и начальник императорской охоты. С 1864 г. состоял при наследнике-цесаревиче Николае Александровиче, а после его смерти в 1865 г. — при наследнике-цесаревиче Александре Александровиче (будущем императоре Александре III). За отличие в боях при взятии Ходжента (1867), Изыджаре (1867), Ура-Гюбе (1868) был награжден орденами и золотой саблей. Ж. — графиня **Стенбок-Фермор Надежда Александровна** (1846—1919). Получила домашнее образование. Статс-дама высочайшего двора, состояла при императрице Марии Федоровне, награждена орденом Св. Екатерины Большого креста. В 1920 г. оказалась в Крыму, в Ялте, когда ее захватили большевики. В декабре была арестована Ялтинской ЧК и решением некоего «председателя чрезвычайки Э. Удриса» расстреляна

I

I-----I-----I-----I-----I-----I-----I

Анна Ирина Елисавета Александр Владимир Надежда

Мария Александровна Стенбок-Фермор вышла замуж за князя Виктора Васильевича Волконского (1823—1884)¹⁴. В 1858 г. дом на Фурштатской ул., 24, приобрели супруги Волконские. Купчая крепость на имя княгини Марии Александровны Волконской (1839—1905) была совершена 27 июня. У них были дети: Михаил (1859—1908),

Надежда (1860–1940), Виктор (1861–?), Владимир (1866–?). Проект фасада дома выполнен архитекторами Е. Пирговым и Г.Б. Гриммом. Военный инженер-поручик Макушин выполнил новый вариант фасада, утвержденный 30.06.1859 г. В 1884 г. Мария Александровна овдовела и вышла вторым браком за графа Стенбока, она умерла в 1905 г. и жила на Тучковой наб., 4; особняк перешел по наследству к ее детям: Михаилу, Виктору и Владимиру Волконским и их сестре, в замужестве графине Н.В. Толстой, которая имела два доходных дома в конце Фурштатской, хотя сама жила на Мойке. В 1908 г. особняк купил князь Виктор Сергеевич Кочубей (1860–1923). На берегу Финского залива по проекту архитектора А.И. Кузнецова (1865 — после 1917) в 1890-х годах был выстроен каменный двухэтажный особняк «Охотничий замок». В нем был устроен большой двухцветный зал, на второй этаж вела лестница работы скульптора Грациозо Ботта (1836–1898), при участии в постройке замка В.П. Цейдлера (1857–1914), он построил доходный дом А.А. Стенбок-Фермора в Санкт-Петербурге на наб. Макарова, 12¹⁵.

Родственные связи князей Долгоруковых и Волконских, графов Апраксиных и Стенбок-Фермор	
Рюрик, князь Новгородский	
Игорь Рюрикович, великий князь Киевский (+945)	
Святослав I Игоревич, великий Киевский (942–972)	
Владимир I, великий князь Киевский (+1015)	
Ярослав I Мудрый, великий князь Киевский (978–1054)	
Святослав II, великий князь Киевский (1027–1076)	
Олег Гориславич, князь Черниговский (+1115)	
Всеволод II, великий князь Киевский (+1146)	
Святослав III, великий князь Киевский (+1194)	
Всеволод III Чермный, князь Киевский (+1215)	
Михаил II, князь Черниговский (1179–1246)	
Юрий, князь Торусский и Оболенский	
I	
I-----I	
Иван Толстая Голова, князь Волконский	Константин, князь Оболенский
Федор Иванович Волконский (+1380)	Иван, князь Оболенский
Федор Федорович Волконский	Константин, князь Оболенский

Федор Федорович Тарусский, князь Волконский	Андрей, князь Оболенский		
Федор Федорович	Иван Долгорукий, князь Оболенский		
Иван Федорович Черный	Владимир Иванович Долгоруков		
Перфилий Иванович	Тимофей Владимирович, князь Долгоруков		
Юрий Перфильевич	Иван Тимофеевич Рыжко		
Федор Юрьевич	Григорий Иванович Меньшой Чорт		
Михайло Федорович	Алексей Григорьевич (+1644)		
Иван Михайлович Большой (?–1654)	Дмитрий Алексеевич (?–1673)		
Иван Иванович	Владимир Дмитриевич (?–1701)		
Григорий Иванович Меньшой (?–1718)	Владимир Владимирович (ок. 1685–1750)		
Михаил Григорьевич (?–1737)	Николай Владимирович (1716–1782)		
Александр (1726–1802), коллежский советник, был внесен в родословную книгу в 1796 г. вместе с женой Хионией Львовной урожденной Воейковой (+1795)	Андрей Николаевич (1772–1834) ж. — Елизавета Николаевна Салтыкова (1777–1855)		
I			
Петр Александрович (1754–?), с.с.	Василий Андреевич (1804–1868)		
1ж. — М.Б. Умская, 2ж. — Е.И. Моро	ж. — гр. Ольга Каловна де Сен-При (1807–1853)		
Василий Петрович (1794–1831)	Александр Васильевич Долгоруков (1839–1876)		
ж. — А.П. Доброклонская	ж. — кнж. Мария Сергеевна Долгорукова (1846–1936),		
Виктор Васильевич Волконский (1823–1884)	дочь кн. Сергея Алексеевича Долгорукова (1809–1891) и гр. Марии Александровны Апраксиной (1816–1892)		
ж. — Стенбок-Фермор Мария Александровна (1839–1905)			
I			
I-----I-----I-----I			
Михаил (1859–1908)	Надежда (1860–1940)	Виктор (1861–?)	Владимир (1866–?)

Граф Алексей Александрович Стенбок-Фермор (1835–1916); за ним в общем владении с матерью, братом и сестрами состоит в Санкт-Петербурге каменный дом, а за матерью — Верх-Исетские заводы Пермской губернии. По окончании курса наук в Императорском Александровском лицее в службу вступил унтер-офицером в 4-й резервный гусарский полк юнкером 22.01.1855 г.; корнет 22.02.1856 г.; поручик 12.04.1859 г.; штабс-ротмистр 3.04.1860 г. Назначен полковым адъютантом 11.10.1861 г.; ротмистр 17.04.1862 г.; награжден командиром № 1 Его Императорского Величества эскадрой 21.10.1863 г.; назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству и пожалован орденом Св. Станислава II ст. 30.08.1865 г.; утвержден командиром 4-й дивизии 29.04.1866 г.; награжден орденом Св. Станислава II ст. с императорскою короною 30.08.1867 г.; отчислен в свиту Его Императорского Величества 13.11.1867 г. Награжден прусским орденом Красного Орла II ст. 7.01.1875 г.; произведен в генерал-майоры в свиту ЕИВ 30.08.1875 г.; пожалована малая золотая медаль в память коронации их императорских величеств 15.05.1883 г.; награжден орденом Св. Анны I ст. 6.05.1884 г.; пожалован в генерал-лейтенанты 30.08.1885 г.; назначен шталмейстером двора Его Императорского Величества с переименованием в тайные советники 5.04.1887 г. Женат на дочери тайного советника князя Долгорукова фрейлине двора Ея Величества княжны Маргарите Сергеевне, дети: Надежда (1.04.1864–?), Маргарита (6.07.1870–?), Сергей (11.01.1873–?), жена и дети православные. Его сын, граф Сергей Алексеевич Стенбок-Фермор (11.01.1873–?), определением СПб. ДДС от 7.09.1889 г. причислен к роду отца его и внесен в 5-ю часть ДРК, утвержденному указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 12.12.1850 г.¹⁶

Бурную жизнь прожил боевой офицер граф Сергей Алексеевич Стенбок-Фермор (1873–?). Отец его Алексей Александрович внесен с семейством в 5-ю часть ДРК СПб. губернии указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдии 12.12.1850 г. За свою службу в чине поручика в Абиссинии Сергей Алексеевич получил грамоту на пожалованный Негусом Менеликом II орден Эфиопской Звезды для ношения на шее, как Российская императорская миссия удостоверяет с приложением казенной печати. 9.08.1904 г. 4-е наступление на соседние народы было начато абиссинскими войсками уже в 1896 г., сразу же после заключения мира с Италией. Менелик II в 1896–1897 гг. завоевал район Борана, в 1897 г. произошло восстание в вассальном

королевстве Каффа с отказом платить дань императору, успешно подавленное. В 1898 г. проходило завоевание Бени-Шангула и суданского пограничья, одновременно с этим рас Вольде Георгис покорил территорию Майи и Гольдия, достигнув озера Рудольф, а рас Тассама разгромил силы племен массонге и гимирра, присоединив их земли к Абиссинии. В 1899 г. Менелик II направил войска под командованием находившегося у него на службе российского офицера Николая Леонтьева к южной границе озера Рудольф для приведения к покорности местных жителей, однако закрепиться на этих территориях эфиопам не удалось. В 1904 г. состоялась последняя завоевательная кампания Менелика II, в результате которой был подчинен юго-восток Огадена и вновь обострились отношения с Италией. Граница между Абиссинией и Британским Сомалилендом была установлена в 1897 г., с англо-египетским Суданом в 1902–1907 гг., с британской Восточной Африкой (Кения) — в 1897 г., с французским Сомалилендом (Джибути) — в 1897 г., с колонизированной итальянцами Эритреей — в 1900 г. В этих военных действиях в 1903–1905 гг. в отряде Н. Леонтьева и служил поручик граф Сергей Стенбок-Фермор и за отличия был награжден Негусом Менеликом II. Леонтьев посылает рапорт начальству:

«В видах укрепления первоначальной связи между Россией и Абиссинией, установленной чрезвычайный посольством Негуса, привезенным в июне 1896 г. в СПб., мною предпринята была вторая экспедиция в Абиссинию, которая дала следующие результаты: 1) участие в кампании Негуса Менелика, как мое личное, так и прибывших со мною унтер-офицеров с первою санитарною помощью для раненых абиссинцев, в высшей степени подняло дух в армии негуса, видевшей в этом помощь единой с ними России; 2) состоявшаяся чрез меня продажа Негусу 30 000 ружей с 5 000 000 патронами за 99 000 руб., была мною представлена как дар Русского правительства с уплатою лишь за стоимость патронов; вследствие чего император Менелик поспешил письменно благодарить ЕИВ и абиссинский народ на вечные времена будет себя считать в долгу перед Россией; 3) в силу этих обстоятельств Россия и престиж ее монарха получили в Абиссинии первенствующее значение перед остальными европейскими государствами, наглядным выражением чего явилось освобождение 50 пленных итальянцев в честь государя императора, которых я доставил на мои личные средства из Абиссинии в Джибути, где сдал на борт итальянского военного судна “Eggito” майору Нерадзини.

Расписку о приеме от меня этих солдат я имел счастье представить ЕИВ при Милостивом приеме в Киеве; 4) хотя формального союза между Россией и Абиссинией пока не существует. Тем не менее, мне удалось настолько расположить Негуса в пользу нашего дорого Отечества, что в настоящее время он решил сообразовать свою внешнюю политику со взглядами и указаниями из СПб. Это обстоятельство отводит России чуть ли не первенствующее место в целой Африке, на дела которой мы до сих пор влияния не имели, и что в будущем может принести России громадные выгоды; 5) во время похода мне удалось настолько познакомиться с организацией и устройством абиссинской армии, что на основании собранных данных, я составил отдельную записку, представленную мною в Военное министерство; 6) изучив экономический быт Абиссинии и ее внутреннюю и внешнюю торговлю, я собрал возможно полные о ней сведения, которые в форме брошюры представил министру финансов; 7) во время экспедиции мною собраны интересные коллекции зверей, птиц и насекомых, представленные вице-президенту ИРГО; 8) составленная мною полная маршрутная съемка всего пройденного пространства передана в типографический отдел ГШ; 9) Негус доверил мне весьма важные поручения, удачное исполнение которых немало способствовали заключению почетного мира для Абиссинии; 10) все расходы по вторичной моей экспедиции, содержанию унтер-офицеров, фельдшера, приобретения санитарного материала, доставка и продовольствие 50 пленных, а равно и расходы по поездкам в Рим и Париж по поручению Негуса совершены мною на мой собственный счет: так как получение от абиссинского императора каких-либо денег совершенно уронило бы значение моей деятельности, направленной, в сущности, в интересах моего Отечества. Представляя вниманию все вышеизложенные факты, которые могут быть удостоверены Военным министерством, я вынужден ходатайствовать, если это признается полезным, о доставлении мне возможности продолжать мою деятельность в Абиссинии, куда в настоящее время вызывает меня Негус и заставляет меня вернуться нравственный долг для отдачи отчета обо всех возложенных на меня поручениях»¹⁷.

За боевые заслуги в военных событиях на Кавказе есаул Терско-Кубанского конного полка поручик Сергей Стенбок-Фермор награжден 19.07.1906 г. орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом; 17.02.1906 г. Св. Анны II ст. с мечами; 19.07.1906 г. Св. Анны IV ст. с надписью за храбрость; 14.03.1906 г. Св. Станислава II ст. с мечами.

СПб. окружной суд 11.11.1909 г. выдал свидетельство графине Наталии Сергеевне Стенбок-Фермор, записанной в метрической книге прихода Св. Марии в Риме в том, что она родилась 6.12.1904 г., родители: граф Сергей Алексеевич Стенбок-Фермор и законная жена его Аннита, урожденная Лабриола, он православного, она римско-католического вероисповедания, крещена 22.12.1904 г., вероисповедания православного. Императорское Российское консульство в Фиумэ 17/30.09.1909 г., с районом деятельности в Хорватии и Словении удостоверяет, что по законам Королевства Хорватии и Словении действителен здесь лишь церковный брак и что никакая духовная власть, кроме настоятелей приходских церквей (православных или римско-католических), не имеет законного права выдавать акты гражданского состояния. Вследствие сего означенное консульство свидетельствует, что выпись о бракосочетании графа Сергея Стенбок-Фермор с девицею Аннетою Лабриола, выданная настоятелем приходской церкви Успения Пресвятыя Богородицы в городе Сенне, хорватского прихода от 11.04.1909 г. № 3 составлена и выдана по законам страны¹⁸.

Родственные связи дворянских родов графов Апраксиных и Стенбок-Фермор, Вердеревских и Головинных	
Мурза Салахмир = Иоанн Мирославич	
ж. — княжна Анастасия Ивановна Рязанская	
Григорий Салахмиров	
I	
I-----I	
Иван «Кончей»	Григорий Вердеревский
Андрей Иванович Апракса	Василий
Матвей Андреевич, родоначальник Апраксиных	Григорий
Ерофей Матвеевич Ярец	Григорий Нечай
Никита Ерофеевич	Михаил
Петр Никитич, в иноках Пимен, +1635	Исаак
ж. — Васса Константиновна, +1651	I
Василий Петрович, +1654	Матвей Истома, +1597
ж. — Марфа Игнатъевна	I
Матвей Васильевич, +6.11.1668	Тимофей

I-----I	I		
Граф Андрей Матвеевич (1663–1731)	Марфа	Федор	(1613–1673)
ж. — Акулина Федоровна (1668–1743) м. — Федор Алексеевич	I		
Граф Федор Андреевич (1703–1754)		Владимир	(+1703)
ж. — гр. А.М. Шереметева (1710–1750)	I		
Граф Александр Федорович		Василий	(1715–1788)
ж. — кн. Наталия Ивановна Одоевская		ж. — А.А. Вердеревская	
Граф Иван Александрович +1818		Екатерина Вердеревская	
ж. — гр. М.А. Волькенштейн м. — Вукол Григорьевич Головнин (1773–1846)			
Граф Александр Иванович (1782–1848)		Дмитрий Головнин	(1807–1872)
ж. — Мария Александровна Шемякина	ж. — кн. С.П. Мещерская, +1853		
Графиня Мария Александровна (1816–1892)	Сергей Головнин	(1848–1921)	
м. — кн. Сергей Алексеевич Долгоруков (1856–1911)	ж. — Е.К. Смольянинова (1856–1911)		
Кн. Маргарита Сергеевна Долгорукова (1839–1912)	Петр Головнин	(1880–1918)	
м. — гр. Алексей Александрович Стенбок-Фермор	ж. — Л.П. Некрасова (1882–1956)		
(1835–1916)		I	
I		I	
I-----I-----I-----I			I
Надежда (1864–?)	Маргарита (1870–?)	Сергей (1873–?)	Андрей Головнин (1909–1980)
м. — гр. П.А. Капнист м. — кн. П.Н. Енгальчев	ж. — З.Н. Преображенская (1914–2012)		
		I	
		Петр Головнин	(1950)

Графиня Мария Александровна Апраксина была замужем за Александром Александровичем Стенбок-Фермор (1838–1871)¹⁷.

Сенатор, тайный советник, граф Александр Иванович Апраксин (1782–1848) в службу вступил в бывшую провиантскую комиссию писарем унтер-офицерского чина 9.10.1798 г.; произведен в коллежские актуариусы. По высочайшему повелению находился при посольстве в Париже 28.09.1800 г.; пожалован в камер-юнкеры двора ЕИВ 1.01.1804 г.; определен в Изюмский гусарский полк штаб-ротмистром 18.05.1807 г.; произведен в ротмистры 11.12; определен ко двору ЕИВ камер-юнкером 30.01.1808 г.; по высочайшему повелению находился

при статс-секретаре князе Голицыне в 1809 г. Определен вторично в камер-юнкеры в августе 1809 г.; определен ротмистром в Изюмский полк 30.08.1812 г.; награжден золотой саблей за храбрость, орденом Св. Владимира IV ст. с бантом 12.11.1812 г.; переименован в подполковники по кавалерии 3.12, награжден Св. Анны II ст., произведен в полковники 20.09.1813 г.; пожалован кавалером австрийского ордена Леопольда IV ст., прусского ордена за достоинства 10.12.1813 г.; орденом Св. Анны II ст. 12.12; уволен по болезни 23.01.1818 г., высочайшим приказом уволен вовсе с награждением чина д.ст.с. 9.01.1819 г. и велено находится при министре финансов для особых поручений 5.05.1822 г.; Именным высочайшим указом определен сверх штата в правление Государственного заемного банка советником 23.08.1829 г.; награжден знаком отличия беспорочной службы за 25 лет 22.08.1830 г.; пожалован орденом Св. Станислава II ст. 28.04.1831 г.; орден Св. Станислава I ст. 2.04.1833 г. Именным высочайшим указом назначен членом Попечительского совета заведений общественного призрения в СПб 15.04, пожалован в тайные советники 21.04.1834 г. Женат, имеет детей: Ивана 25 лет (31.12.1818—?), Александра 23 лет — лейтенант гвардейского экипажа и адъютант князя Меншикова; Николая 21 года — коллежский регистратор по МИД; Сергея 23 лет — камер-паж; Марью 25 лет; Анну 17 лет, в замужестве. Повелено быть членом Тюремного комитета 29.05.1834; награжден знаком отличия за 30 лет беспорочной службы; назначен попечителем детской больницы 15.11; назначен управляющим СПб. ссудною казною 4.02.1837 г.; пожалованы знаки ордена Св. Анны I ст., украшенные императорскою короною 3.04.1838 г.; повелено быть вице-президентом Тюремного комитета 12.04.1841 г.; пожалован орденом Св. Владимира II ст. 16.04; награжден орденом Белого Орла 1.01.1844 г.; получил золотую табакерку, украшенную бриллиантами с портретом государя императора 1.07.1846 г.; удостоен получить за управление Калинкинской больницей ЕИВ признательность 1.07.1847 г. Состоя на службе, умер 10 июля 1848 г.¹⁹

Граф Александр Александрович Апраксин 18.12.1830 г. поступил в МКК кадетом; 7.01.1837 г. произведен в гардемарины, на фрегате «Паллада» плавал от Кронштадта до Грезенда и обратно; в 1838 г. на фрегате «Александр» плавал по балтийским портам, произведен в мичманы, командирован в Николаев; в 1839 г. на корабле «Силистрия» крейсировал у абхазских берегов и участвовал в десантной высадке при занятии местечек Субаши и Псезуапе, после чего возвра-

тился в Кронштадт, награжден орденом Св. Станислава IV ст.; в 1840 г. на пароходе «Геркулес» ходил из Кронштадта в прусские порты, пожалован прусским орденом Красного Орла IV ст., 2.10 назначен адъютантом к начальнику ГМШ; 30.03.1841 г. переведен в гвардейский экипаж с оставлением в должности; 19.04.1842 г. произведен в лейтенанты; в 1842–1843 гг. на фрегате «Паллада» крейсеровал в Балтийском море; в 1844 г. был командирован в Николаев; в 1844–1845 гг. на шхуне «Забияка» перешел из Одессы в Константинополь, а оттуда в Пирей, потом на корвете «Менелай» плавал по портам Средиземного моря, и из Алжира перешел в Кронштадт; в 1846 г. награжден орденом Св. Анны III ст.; в 1847 г., командуя люггером «Ораниенбаум», плавал между Санкт-Петербургом и Кронштадтом; в 1848 г. сперва командовал шхуною «Стрела», потом яхтою «Королева Виктория», плавал в Балтийском море, 30.08 произведен в капитан-лейтенанты. 26.01.1849 г. назначен адъютантом к Его Императорскому Высочеству великому князю Константину Николаевичу; в 1850–1852 гг. был в плавании с Его Высочеством в Черном и Средиземном морях; в 1851 г. награжден орденом Св. Анны II ст.; в 1852 г. пожалован австрийским орденом Леопольда III ст.; 11.02.1853 г. уволен от службы чином капитана 2-го ранга; 7.07.1854 г. вновь поступил на службу прежним чином капитан-лейтенанта. Командовал бригам «Фемистокл» на Севастопольском рейде, а с 22.08 по 5.10 состоял в гарнизоне Севастополя, и 5.10 получил ушиб в ногу осколком каменной стены, в которую попала бомба; 4.06.1856 г. уволен со службы для определения к статским делам с переименованием в коллежские асессоры²⁰.

Командант СПб. крепости, генерал от инфантерии Мандерштерн 1-й доносит, что младший помощник экспедитора Государственной канцелярии коллежский секретарь граф Леонтий Леонтьевич Опперман и корнет конного полка граф Стенбок-Фермор 11.02.1859 г. в крепость приняты и заключены на два месяца под арест на главной гауптвахте в офицерские покои под № 1 и 2²¹. 12.02.1859 г. управляющий делами графа Стенбок-Фермор, титулярный советник Яковлев просит коменданта крепости о дозволении ему посещать графа на гауптвахте для объяснения по делам его²². Контора Лахтинского имения 11.03.1859 г. уведомляет плац-майора СПб. крепости полковника Новоселова: «...вследствие отношения конторы Петропавловской больницы от 15.01.1859 г. Контора Лахтинского имения, препроводжая при сем 8 руб. 58 коп. серебром, истребованные от корнета графа

Стенбок-Фермора, следующие на лечение крестьянки Ульяны Давыдовой, покорнейше просит отправить эти деньги по принадлежности и по получении истребовать квитанцию, которую и доставить в контору имения²³. Коменданту СПб. крепости последовал указ: государь император Высочайше повелеть соизволил: содержащегося под арестом на гауптвахте корнета Стенбок-Фермор ныне же 15 марта 1859 г. освободить из-под ареста»²⁴.

Большая семья графов Стенбок-Фермор с родственными фамилиями князей Гагариных, Бярятинских, Волконских, Орловых, Долгоруковых, графов Апраксиных владели заводами и приисками в Верх-Исетском горном округе Пермской губернии с начала XIX в. Предприятия добывали уголь, медную и железную руду, редкоземельные элементы (осмий, иридий), а также золото и серебро. История Верх-Исетского металлургического завода берет свое начало с первой трети XVIII в. и связана с военными реформами Петра I. В 1723 г. был построен Екатеринбургский железоделательный завод, основателем которого были Василий Татищев и Георг Вильгельм де Генин.

Родственные связи дворянских родов Татишевых, князей Смоленских, бояр Заболоцких, Смольяниновых и Головинных
Рюрик (830–879)
Игорь (865–945)
Святослав (+972)
Владимир Святой (+1014)
Ярослав Мудрый (978–1054)
Всеволод (1030–1093)
Владимир Мономах(1052–1125)
Мстислав Великий (1076–1132)
Ростислав, кн. Смоленский (+1167)
Давид, кн. Смоленский (1140–1197)
Мстислав (+1230)
Ростислав (+1240)
Глеб (+1277)
Святослав (+1310)
Князь Глеб Смоленский (+1340)

I	
I-----I	
Дмитрий	Александр Всеволож, кн. Смоленский
Иван Шах	Иван Всеволож
Федор Соломерский = Юрий	Василий Всеволож-Заболоцкой
Василий Татищ , был при Великом князе Василии Дмитриевича наместником в Новгороде.	Григорий Заболоцкой (+1473)
Узнал, что новгородцы хотят изменить государю,	I
начальника сего заговора посадника новгородского	I
поймав тайно ночью, из дома послал к государю	I
в Москву и от того прозван Татищем	I
Федор большой	Константин Заболоцкой (+1515)
I	I
I-----I	I
Григорий большой (+1555)	Матвей Семен Заболоцкой
Петр	Афанасий Владимир (+1580)
Игнатий	Лазарь Савва Заболоцкой Смолянин
Юрий , в разрядной 7124 г. книге значит, что был стольником и воеводою в Курске и за осадную службу жалован поместьем	Степан Иван Смолянинов (+1625) I I I I
Михайла , в боярских книгах 7144, 148, 155 и 156 гг. и по спискам значит, что он был стольником и окольниковым, служил в полках и верстан поместным окладом	Алексей Емельян Смолянинов (+1648) I I I I I I
Данило , в боярских книгах 184 г. явствует, что он был стряпчим, комнатным стольником и находился в походах	Никита Данило Смолянинов I I I I
Сергей	Василий (1686–1750), историк Борис Смолянинов ж. — А.В. Андреевская

Павел	Евпраксия (1715–1769)			Михаил Смольянинов
I	м. — М.А. Римский-Корсаков (1708–1778)			I
I	I			I
I	I-----I-----I			I
Сергей	Мария	Петр	Александр	Дмитрий (1760–1825)
I	(1736–1786)	(1731–1807)	(1753–1840)	I
I	1м. — М.П. Волконский ж. — П.Н. Щербатова			I
I	2м. — С.А. Шепелевым (1743–1783)			I
I				I
I-----I-----I-----I				I
Павел	Мария	Лев	Михайла	Николай Смольянинов (1786–1851)
ж. — Марья Яковлевна Аршеневская				I
I				I
I-----I-----I-----I				I
Дмитрий	Сергей, проситель		Катерина	Константин Смольянинов (1820–1872)
ж. — Юлия	ж. — София	м. — кн. А. Урусов		ж. — Е.Н. Любиевская (1834–1904)
I				I
I-----I				I
Павел	Марья	Елена Смольянинова		
				(1856–1911)
м. — С.Д. Головнин (1848–1921)				
				I
Петр Головнин (1880–1918)				
ж. — Л.П. Некрасова (1882–1956)				
				I
Андрей Головнин (1909–1980)				
ж. — З.Н. Преображенская (1914–2012)				
				I
Петр Головнин (1950)				

Завод дал начало городу, который носил имя жены Петра I Екатерины. Но из-за нехватки воды екатеринбургский завод мог остановиться, поэтому по указу Вильгельм де Геннина в 1725 г. в двух верстах от Екатеринбурга была построена запасная плотина, образовавшая Верх-Исетский пруд. Весной 1726 г. плотина была готова, образовав обширный пруд. У новой плотины Вильгельм де Геннин распорядился построить новый железодельный завод, который он назвал

именем дочери Петра I и Екатерины I — завод цесаревны Анны. После смерти дочери Петра I завод стал называться Верх-Исетским. 19 ноября 1726 г. завод выдал первое кричное железо. Через десять лет, в 1736 г., на Верх-Исетском заводе была построена домна с двумя горнами, и завод смог самостоятельно выполнять государственные военные заказы: отливать пушки и ядра, переделывать чугуны для изготовления оружия Олонецкими и Сестрорецкими оружейными заводами. Вся заводская продукция имела клеймо, утвержденное В. де Генниным — «крест ширококонечный». В 1758 г. указом Берг-коллегии Верх-Исетский завод был передан во владение графу Роману Илларионовичу Воронцову. В 1774 г. граф Роман Воронцов продает завод петербургскому купцу Савве Яковлевичу Яковлеву. Династия Яковлевых владела заводом 144 года. В торговом мире верх-исетское железо было известно как «яковлевское», имело клеймо «А.Я. Сибирь» с изображением соболя и высоко ценилось за хорошее качество. Во второй половине XIX в. на заводе открывается механическая фабрика. Основной специализацией ее стало изготовление агрегатов для золотопромышленности. Здесь производились паровые котлы, переносные железные дороги, рудодробилки, шахтовые насосы, паровые подъемники, кварцеразмывные бегуны, локомотивы и другие механизмы. В 1867 г. вблизи Московского тракта на городском выгоне начала работать спичечная фабрика купца В.И. Логинова. В отчете акционерного общества за 1899/1900 г. указывается, что доход от выработки золота шлихового составил 41 пуд 33 фунт на 667 677 60 руб.; осмийского иридия на 931 270,44 руб., меди штыковой добыто 1611 пудов на 10 986,31 руб., и чистая прибыль получилась в сумме 767 445 руб. 25 коп. за 1898 г., 778 409 руб. 34 коп. за 1900 г.²⁵

Акционерное общество верх-исетских горных и механических заводов образовано согласно утвержденному 8 июля 1908 г. уставу для эксплуатации металлургических заводов, рудников и лесных дач, входивших в состав имения наследников графини Н.А. Стенбок-Фермор в Екатеринбургском, Камышловском, Ирбитском, Верхотурском и Красноуфимском уездах Пермской губернии, а также для постройки там металлургических, механических и химических заводов. Учредителями общества были сами же владельцы Верх-Исетского горно-заводского имения: княгини Н.А. Барятинская, Н.В. Безобразова, графиня Н.П. Гудович и граф А.В. Стенбок-Фермор. Первоначальный акционерный капитал общества составлял 12 540 тыс. руб., а в 1917 г. равнялся уже 24 млн руб. Общество являлось контрагентом

синдикатов «Кровля» и «Медь», через которых осуществлялся сбыт производимых обществом кровельного железа и меди. Органами центрального управления общества были общее собрание акционеров, правление и ревизионная комиссия. Правление обществ состояло из пяти директоров и находилось в Петербурге (Невский пр., 7/9). Непосредственное руководство производственной деятельностью предприятий общества осуществлялось Главным управлением заводов в Верх-Исетске. Имущество общества было национализировано на основании постановления *Высшего совета народного хозяйства РСФСР* от 21 февраля 1918 г. и перешло в ведение Уральского областного совета рабочих депутатов.

Для эффективного управления заводами и приисками и рентабельной добычи и переработки полезных ископаемых было создано акционерное общество верх-исетских горных и механических заводов, в правление которого входили ближайшие родственники графов Стенбок-Фермор, высший технический и юридический персонал. Вся стоимость имущества была разделена на паи, которыми владели члены правления: 1) граф Алексей Александрович Стенбок-Фермор, всего акций 7886, общая стоимость 1 971 500 руб., число голосов 156 по доверенности гр. Сергей Александрович Стенбок-Фермор; 2) гр. Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор; 3) граф Сергей Алексеевич Стенбок-Фермор; 4) княгиня Маргарита Алексеевна Енгальчева по доверенности и за себя кн. Павел Николаевич Енгальчев; 5) князь Павел Николаевич Енгальчев; 6) граф Александр Владимирович Стенбок-Фермор по доверенности Корженевский; 7) графиня Мария Владимировна Стенбок-Фермор; 8) Надежда Владимировна Безобразова; 9) княгиня Надежда Александровна Барятинская по доверенности князь Павел Борисович Щербатов; 10) графиня София Петровна Гендрикова; 11) графиня Надежда Петровна Гудович по доверенности Н.Н. Кутлер; 12) князь В.В. Волконский; 13) Иван Александрович Орлов; 14) Алексей Александрович Орлов; 15) князь Владимир Викторович Волконский; 16) графиня Надежда Викторовна Толстая; 17) княгиня София Михайловна Волконская; 18) князь Павел Борисович Щербатов; 19) Владимир Михайлович Безобразов; 20) граф Василий Александрович Гендриков; 21) Александр Николаевич Митинский; 22) Николай Германович Салманов; 23) Генрих Францевич Корженевский; 24) Алексей Сергеевич Недошивин; 25) княгиня Варвара Васильевна Урусова; 26) Евгений Николаевич Барбот де Марни; 27) граф Василий Васильевич Гудович; 28) Константин Флорентино-

вич Карпович; 29) Николай Николаевич Кутлер; 30) Алексей Валерианович Бельгард. Всего: 50 176 акций на 12 544 000 руб. и 1144 число голосов²⁶. Графы Стенбок-Фермор и Апраксины владели и жили в домах в СПб. на наб. Тучкова, 4 и 12; дом на углу Звенигородской ул. и Загородного пр.; по Английской наб. и Галерной ул., 51–52, на Литейном пр., 48; Фурштатской ул., 56²⁷.

Графиня Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор 21 марта 1897 г. объявляет своим детям и внукам: «...слишком 25 лет назад сделано мною завещание, и ныне я нахожу сделать другое и объявляю: 1) родовое мое имение, заводы в Пермской губернии разделить между сыном Алексеем и наследниками умершего брата его Владимира и живущими дочерьми моими Надеждою и Мариєю; 2) мой дом на В.О., где склады железа также; а дом, выходящий на Малую Неву, только сыну моему Алексею дарю; 3) дом мой на Адмиралтейской площади, где я жила всецело без всякого раздела завещаю дочери моей Наденьке в полную собственность. Все мои бриллианты, жемчуг, дорогие украшения, бронзу, шали, меха — все, что только окажется в шкапах и сундуках, в комодах, — все должно перейти сполна дочери моей Наденьке кн. Барятинской. Часть моя в домах Сенной и Екатерининском канале всецело должна перейти дочери моей кн. Надежде Алексеевне; 4) все денежные капиталы разделить равными частями между сыном моим Алексеем, наследниками сына Владимира, Надеждою кн. Барятинскою, наследницей дочери моей Анастасии кн. Гагариной, часть дочери моей Марии Александровны гр. Стенбок по первому браку кн. Волконской еще разделить на две равные части, из них одну определяю отдать дочери ея, моей крестнице Надежде Викторовне гр. Толстой, а другую — ей самой дочери моей Марии; 5) имение мое в Нижегородской губернии село Никольское определяю в наследство от меня моим внукам, моим крестницам — княжнам Анне и Ирине Барятинским, княжне Елисавете, их сестре дарю 100 тыс. руб. и дачу мою в Стрельне внуку моему князю Александру Барятинскому, крестнику моему и 100 тыс. руб. ему, а брату его Владимиру 80 тыс. руб., сестре его Надежде гр. Капнист 200 тыс. руб. Завещаю непременно в трех монастырях записать меня в вечное поминовение за упокой моей души в Иерусалиме в церкви, где я участвовала моей лептой на церковь Вознесения и колокольню на Афонской горе и в Москве в Симоновом монастыре, определяю на это 50 тыс. руб. и делать 40 дней заупокойную обедню, в Сергиевской пустыни, на что передать от меня настоятелю 1000 руб. Шесть недель поминовения обеденное

делать в церкви Смоленского кладбища, в Адмиралтейской церкви, Исаакиевском соборе, Знаменской церкви и Синодской, когда там бывает обедня с панихидою за мою душу. В Кронштадте в Андреевском соборе заупокойную обедню и передать для этого отцу Иоанну 500 руб. Завещание подписано вдовою коллежского асессора графиню Надеждою Алексеевною Стенбок-Фермор. Составлено 21 мая 1896 г.»

Графиня умерла 3 октября 1897 г. и 3.02.1898 г. дочери генерал-адъютанта, княжны Анна Владимировна и Ирина Владимировна Барятинские, были введены во владение недвижимым имением, состоящем Семеновского уезда при деревне Воронове, под названием «Вороновская дача» в количестве 737 десятин 675 сажень, доставшихся им от графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор по духовному завещанию, утвержденному СПб. окружным судом 19.12.1897 г. Также сестры Барятинские получили в наследство: в Нижегородской губернии, Балахнинском уезде земли 5503 десятин 607 сажень, а именно: 1) при селении Никольском и Кулакове 194 дес. 66 саж.; 2) при сельце Штатном 82 дес. 2181 саж.; 3) в Кирюшинской волости 2672 дес. 2141 саж., как значится в купчей крепости, совершенной в СПб. палате гражданского суда 6.09.1867 г.²⁷

Завещание после смерти графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор было оглашено в окружном суде: недвижимая ценность имущества графини определяется в 3 571 217 руб. 84 коп. Суд определяет: 1) утвердить в правах на наследство сына шталмейстера высочайшего двора, графа Алексея Александровича Стенбок-Фермор в 5/16 частях движимого и 11/28 недвижимого имущества; дочь ея кн. Надежду Александровну Барятинскую в 1/8 частях движимого и 1/14 частях недвижимого имущества; внуков ея полковника князя Александра Петровича Гагарина в 3/32 движимого и 3/49 недвижимого; графиню Софию Петровну Гендрикову и Надежду Петровну Гудович, каждую в 1/64 движимого и 1/196 недвижимого; графа Александра Владимировича Стенбок-Фермор в 25/128 и 121/392; жену полковника Надежду Владимировну Безобразову в 5/128 и 11/392 и правнуков ея: сыновей ротмистра, Алексея и Ивана Александровичей Орловых, каждого в 5/256 и 11/784, причем взыскать с означенных наследников 35 712 руб. 18 коп. наследственной пошлины. 26.01.1898 г. В домах по Екатерининскому каналу, Демидову пер. и Б. Садовой ул. принадлежат графу Александру Владимировичу Стенбок-Фермор 81/392 часть, приобретенного от дочери генерал-майора Анны Ивановны Ватутиной по купчей крепости, совершенной 19.10.1898 г. По отчету Ивана

Александровича Орлова с 1.07.1898 г. по 1.01.1899 г. получен доход с Верх-Исетских горных заводов за 1897 г.: 59 112 221. руб. 89 коп. По отчету за 1909 г. в акционерном обществе состоит: недвижимое имущество: дом каменный в СПб. на Тучковой наб., 18, оцененный в 200 тыс. руб., дом каменный в Нижнем Новгороде (Канавино) в 15 тыс. руб. Первоначальный складочный капитал предприятия, принадлежащий наследникам графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор и распределенный между ними на 1568 долей по 3947,77 руб. — 6 232 454 руб. 20 коп. Добыто золота 116 329 золотников на сумму 543 915 руб.»²⁹

Участок под названием Лахта в XVIII в. при Петре I был казенной собственностью — здесь заготавливали лес для печей Сестрорецкого оружейного завода, на руднике Дыбун добывали железо. В 1744 г. по повелению императрицы Елизаветы Петровны, инженер-строитель генерал-майор Виллим Виллимович Фермор произвел размежевание СПб. губернии, так с 1710 г. стала называться Ингерманландия. В 1764 г. Екатерина II пожаловала генерал-фельдцейхмейстеру графу Г.Г. Орлову (1734—1783) земли в юго-западных окрестностях СПб., в 1764 г. ему отдали мызу Лахта с 208 душами. Не позднее 1768 г. во владение имением вступил граф Яков Александрович Брюс (1732—1791), внук первого коменданта СПб. крепости Р.В. Брюса, в 1788 г. за ним числилась мыза Лахта с принадлежавшими ей деревнями Лахта, Дубки, Лисий Нос и Конная с 238 душами; после смерти Я. Брюса в 1791 г. владелицей стала супруга полковника Василия Никитича Куломзина — Сара Яковлевна, урожденная графиня Стенбок (1771—1854). С 1.05.1813 г. владела имением статская советница Капитолина Ивановна Яковлева, урожденная Логинова, она была женой ст.с. Ивана Михайловича Яковлева. Имение Лахта с торгов купил 5.10.1844 г. Александр Иванович Стенбок-Фермор (1811—1853), который 11.10.1835 г. обвенчался в СПб. Почтамтской церкви с дочерью отставного корнета Алексея Ивановича Яковлева Надеждой (1815—1897), она была правнучкой заводчика Саввы Яковлевича Яковлева и родственницей Капитолины Ивановны Яковлевой; в их семье было 8 детей. Делами имения занимался поверенный Петр Александрович Ахочинский.

В апреле 1862 г. новый владелец Александр Александрович Стенбок-Фермор вступил в права наследства имением общей площадью 4546 дес. 503 саж. с 585 чел. Остальные наследники получили от Александра Александровича отступные: вдова Надежда Алексеевна 15 тыс. руб., старший сын Алексей Александрович 22 тыс. руб. Дочери: кня-

гиня Мария Волконская и Анастасия Гагарина — по 8000 руб., сын Владимир — 30 тыс. руб., дочь Надежда — 9 тыс. руб. Александр Александрович в 1864 г. проиграл 270 тыс. руб. князю Вяземскому, его мать Надежда Алексеевна выплатила долг, но 15.12.1866 г., по ее настоянию, Александр Александрович Стенбок-Фермор продал имение Лахта за 190 тыс. руб. своему брату Владимиру (1847–1896). Владимир Александрович, воспитанник Александровского лицея, служил в гусарском полку, участвовал в Русско-турецкой войне и в 1879 г. вышел в отставку. Первым браком был женат на графине Евдокии Ивановне Апраксиной, которая умерла в 1876 г. в возрасте 29 лет, оставив детей: Надежду, Марию, Евдокию. Вторым браком Владимир Александрович был женат на графине Марии Александровне Апраксиной, в 1878 г. родился у них сын Александр³¹. Имение Лахта с деревней Боблыньскою приобретено графом Александром Владимировичем Стенбок-Фермор по наследству от отца его графа Владимира Александровича Стенбок-Фермор и по раздельному акту с сонаследниками, совершенной 4.07.1898 г., стоимость имущества этого определена в 295 295 руб.³²

В 1890 г. был построен Охотничий замок по проекту арх. А.И. Кузнецова. В 1896 г. после смерти Владимира Александровича имение

Рис. 4. Охотничий замок

перешло его сыну Александру Владимировичу Стенбок-Фермор. Окончив пажецкий корпус, он служил в гусарском полку, участвовал в Русско-японской войне в 1904 г., на фронте обвенчался с Ольгой Платоновной Ножиковой, которая специально приехала к нему в Маньчжурию. 15.02.1907 г. поверенный графа Александра Владимировича Г.Ф. Корженевский обратился в СПб. уездную земскую управу с ходатайством «О разрешении разбить на участки и проложить улицы на принадлежащих его заверителю земельных владений, находящихся в 3-м стане Санкт-Петербургского уезда при селении Лахта, с присвоением вновь образуемым поселкам наименований Ольгино, Александровка и Владимировка». Церковь на Лахтинском проспекте построена в 1894 г. на деньги графа Владимира Александровича Стенбок-Фермора (1847–1896), а двухэтажный дом рядом — это бывшая церковно-приходская школа и приют, которые содержала хозяйка имения, фрейлина императрицы Мария Александровна Стенбок-Фермор (?–1916). Поселок Ольгино тоже возник по графской воле. Когда сын Марии Александровны, Александр Владимирович (1878–1945) к 1907 г. почти промотал свое состояние, он благоразумно продал часть имения под дачные поселки. Так между Лахтой и Лисьим Носом появились «садоводства» Ольгино, названное в честь жены графа Ольги Платоновны, Александровка — в честь него самого и Владимировка — в честь его отца Владимира Александровича Стенбок-Фермора. Позднее поселок Владимировка слился с поселком Лисий Нос. Графиня Мария Александровна Стенбок-Фермор 29.10.1903 г. посылает Николаю II, находящемуся в Скерневицах, телеграмму из СПб.: «Ваше Императорское Величество, обращаюсь к Вам с невыразимо тяжелой для меня просьбой. Зная меня, Вы поймете, что действительно только крайность заставляет меня беспокоить Ваше Величество. Сын мой, граф Александр Владимирович Стенбок-Фермор, вступил в заведование своими делами и имуществом 3 года тому назад, попав под вредное влияние женщины, он неразумными действиями довел свое состояние до полного разорения. Из капитала в два миллиона у него осталось 200 тыс. руб. Заводы уже 6 лет не дают дохода, а имение Лахта почти ничего не приносит. Единственное спасение — это учреждение Высочайшей опеки над личностью и имуществом сына. Опекунами согласились быть генерал-адъютант Воронцов-Дашков (Английская наб., 10) и барон Мейндорф (В.О., 1-я линия, 10). Назначить опеку необходимо Министерству юстиции по особому указу Вашего Императорского Величества. Это нужно

сделать немедленно по особо важным причинам, а то будет поздно. Тайна должна быть полной, а то все пропадет. Горячо верю, что Ваше Величество поймете и не осудите моей просьбы, нужно спасти сына. Сделайте это в память его отца. Поддержите меня в нужную минуту, Вы одни можете помочь. Графиня Мария Александровна Стенбок-Фермор, рожденная графиня Апраксина»³³. Генерал-адъютант барон Фредерикс отсылает указ Министерству юстиции: «Государь Император 30.10.1903 г. Высочайше повелеть соизволил учредить опеку над личностью и имуществом графа Александра Владимировича Стенбок-Фермор, назначив опекунами генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова и барона Мейендорфа»³⁴.

После переворота в 1917 г. замок был разграблен, но сохранилась опись картин, вещей и предметов, которые находились в здании: картины «Император Николай Павлович в санях», пейзаж, портрет (худ. Сверчков), «Охота», «Лошадь в поле», портрет графа Владимира Александровича в черной рамке, портрет графа Владимира Александровича, серебряный венок, стеклянная рама графа А.А. Стенбок-Фермор, портреты государя Николая II в кителе, государя Николая II зеленый; «Гусары на Лахте»; «Группа офицеров Гусарского полка 15 июня» в красной раме и подписи офицеров; портрет графини Марии Александровны; образ Св. Владимира в серебряном венке. В комнатах также находись: часы, чуел разных 29, футляров ружейных 6, картин 5. В кабинете графа Владимира Александровича: портреты князя Вяземского, графа Воронцова-Дашкова, Алексея Павловича Толстого, графа Ивана Александровича Апраксина, планы участков Лахты, Лисий Нос и Дибун. В замке были помещения: 1) передняя; 2) зало наверху; 3) столовая наверху; 4) буфет; 5) кабинет графа наверху; 6) спальня графини Марии Александровны; 7) туалетная графини Марии Александровны; 8) туалетная графа Владимира Александровича; 9) ванная; 10) комната Мисмери; 11) комната девушки; 12) комната княгини Оболенской; 13) зало внизу; 14) комната графа Владимира Александровича; 15) комната Эрнеста Романовича; 16) комната генерала Орлова; 17) маленькая детская; 18) 2 детских; 19) комната графини Марии Александровны; 20) комната бельевая; 21) кухня; 22) кладовая; 23) протомойня; 24) людские комнаты»³⁵.

26.02.1909 г., выполняя указания графа, управляющий делами имения Лахта Г.Ф. Корженевский выдал расписку Эмилиии Александроне Шереметевской в том, что принял от нее 1000 руб. за счет 3000 руб. причитающихся за запроданный участок земли из имения 484 кв. саж.

Рис. 5. Церковь Св. Петра в Лахте

В 1906 г. граф продал Лахтинскому сельскому обществу участок пустопорожней земли, обозначенный на плане, составленном 15.05.1898 г. Л.Г. Гавриловым, на Старой улице для постройки в селении Лахта приюта и школы Совета прихода финской церкви Св. Марии в 1200 кв. саж. за 1200 руб. Описание имения Лахта: находится в СПб. губернии и уезде, во 2-м стане Стародеревенской волости, на 8-й версте от СПб. по старой Выборгской дороге. Расположено вдоль северного берега части Финского залива полосой длиною в 11 верст, при средней ширине $3\frac{1}{2}$ версты. Характер почвы: торфяной или вересковый перегной, суглинок и песок, имеются значительные залежи синей и бурой глины весьма хорошего качества и залежи торфа. Имение согласно плану, снятому в 1877 г., 4145 дес. и 114 кв. саж.; причем удобной земли 3513 дес. 1162 кв. саж. и неудобной 631 дес. 852 кв. саж. Лахта представляет собой равнину по дюнам песчаную, внутри имения графа расположены земли крестьян дер. Лахты и Бобыльской при станции Лахта и дер. Конной-Лахты³⁶.

Рис. 6. Водонапорная башня в Лахте, построена в 1906 г.

Уездная земская управа с одной стороны и инженер-механик поручик П.А. Авенариус с другой стороны заключили в 1891 г. договор: «1) я, Авенариус, предпринимаю постройку Приморской конно-железной дороги между СПб. и Сестрорецком с ветвями: а) к пристани на Лисьем Носу; б) от Черной речки через Коломяги на Озерки, на основании положения о сей дороге, утвержденного 30.01.1890 г.; 2) наименьшая ширина дороги для двух путей 5 сажень; 3) дамба между Старой деревней и Лахтой должна быть мною уширена, чтобы ширина пути для движения экипажей и вагонов была не менее 3,60 саж; 4) мною должен быть построен новый мост в Лахте; 7) я обязан поставить верстовые столбы; 14) пассажирское движение в конечных пунктах дороги должно начинаться в течение всего года не позднее 8 часов утра, последний поезд не ранее 9 часов вечера с мая по сентябрь и не менее 4 поездов, а с сентября по мая не менее 3 поездов; 15) число мест 3-го класса в поездах должны быть не менее $\frac{2}{5}$ всего числа мест; обязываюсь внести в кассу СПб. земства 6000 руб. в обеспечение договора. Инженер Авенариус»³⁷.

Рис. 7. М.А. Преображенская с внуком Петей на даче в Лахте

Для развития курорта Лахта и привлечения желающих приобрести дачные участки граф приобрел колесный пассажирский пароход «Лахта» для плавания между СПб. и Лахтой вместительностью 60 пассажиров. Длина парохода 93 фута, ширина 15 футов и сидит на воде 3 фута. Построен на Балтийском литейном заводе гг. Кар и Макферсон в 1859 г., причем указывалось, что пароход «Лахта» принес в доход города акцизные деньги 85,72 руб. серебром³⁸. Судовой полис общества «Волга» приняло на свой страх от Лифляндского гражданина Федора Кинерта, живущего на Лахте, в мызе Стенбока-Фермора, и принадлежащий ему колесный пароход «Ольга», корпус железный, машина 30 л.с., оценен в 5549 руб. 42¹/₂ коп.; плавание назначается по Неве и не выходить в море далее Лахты³⁹. Землю под дачные постройки на Лахтинском пр., 45, приобрел Илле Петр Андреевич в 1902 г., 11.09.1903 г. ему был выдан план участка, где расположены: 1) дача 21 кв. саж.; 2) дача, 6,5+1,5 кв. саж.; 3) сарай 4 кв. саж.; 4) ледник 1 кв. саж.; 5) дача по линии ж.д. 10,5+2,5 кв. саж.; 6) сарай 2 кв. саж. Все постройки оцениваются в 1845 руб.⁴⁰

В 1945 г. половину этого участка в 345 кв. м у Глебовой купила Марфа Андреевна Преображенская, а в 1947 г. другую половину приобрела семья Василия Логинова. В настоящее время участок с домом принадлежит П.Ю. Воробьеву и П.А. Головнину.

1. Долгоруков П.В. Российский родословный сборник. СПб., 1840. Ч. II. С. 253–259. Эссен-Стенбок-Фермор.
2. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи.
3. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи.
4. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. XI. Соединенный герб рода Стенбок-Фермор. Л. 34.
5. Долгоруков П.В. Российский родословный сборник. СПб., 1840. Ч. II. С. 258.
6. Микишатов М. Вокруг Литейного. Прогулки по Литейной части. СПб., 2008. С. 71.
7. РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1534. 1828 г. О возведении в графское достоинство Стенбок-Фермор. Л. 2.
8. Там же. Л. 162.
9. РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1530. 1829–1856 гг. По просьбе вдовы полковника Сарры Яковлевны Куломзиной о выдаче ей копии с документов брата ее графа Стенбок-Фермор. Л. 1–13.
10. ИРЛИ. Ф. 3. Аксаков. Оп. 9. Д. 79. 1852 г. Письмо Ю. Стенбок К.С. Аксакову. Л. 1–3.
11. РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1533. 1859 г. О дворянстве рода графа Стенбок-Фермор. Л. 9–12.
12. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 42253. 1888 г. СПб. ДДС. Стенбок-Фермор. Л. 5.
13. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 34. Д. 132а. Л. 8.
14. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. Князья Волконские. С. 255–269.
15. Микишатов М. Вокруг Литейного. С. 376–378.
16. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 4945. 1889 г. О сопричислении сына шталмейстера Двора ЕИВ т.с. графа Алексея Александровича Стенбок-Фермор Сергея к роду отца его. Л. 2–16.
17. РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 504. Записка члена экспедиции в Абиссинию Н. Леонтьева об установлении дружественных отношений между Россией и Абиссинией. Л. 1–3.
18. РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 695. 1850–1916 гг. Дело графа Стенбок-Фермор из сейфа частного коммерческого банка, личные документы А.В. Стенбок-Фермор, его сына Сергея и других родственников. Л. 1–8.
19. РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 16. Дело графов Стенбок-Фермор. Л. 34.
20. ЦГА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 2732. 1858 г. Дело о внесении подполковника графа Иоанна Апраксина в ДРК. Л. 3–6.
21. Общий морской список. СПб., 1897. Т. IX. Л. 98.
22. РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 207. 1859 г. О заключении в СПб. крепости корнета графа Стенбок-Фермор, подпоручика барона Розена и других. Л. 4.
23. Там же. Л. 12.
24. Там же. Л. 16.

25. Там же. Л. 32.
26. ЦГИА СПб. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 41. Отчет Главного правления именными наследников Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор за 1899–1900 гг. Л. 1–2.
27. ЦГИА СПб. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 2259. Список арендаторов Акционерного общества верх-исетских горных и механических заводов. Л. 1–2.
28. РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1030. 1901 г. Дело о возведении в графское достоинство рода Апраксиных. Л. 1–3.
29. ЦГИА СПб. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 55. 21.05.1896 г. Завещание графини Н.А. Стенбок-Фермор. Л. 1–4.
30. ЦГИА СПб. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 39. 1899 г. Определение СПб. окружного суда об утверждении в правах наследства А.В., А.А. Стенбок-Фермор после смерти Н.А. Стенбок-Фермор, заметки о домах и имениях Стенбок-Фермор. Л. 1–14.
31. Лисий Нос. СПб., 2001. С. 15–30.
32. ЦГИА СПб. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 39. 1899. Определение СПб. окружного суда об утверждении в правах наследства А.В., А.А. Стенбок-Фермор после смерти Н.А. Стенбок-Фермор, заметки о домах и имениях Стенбок-Фермор. Л. 120.
33. РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 16. 1904 г. Об учреждении опеки над имуществом и личностью графа А.В. Стенбок-Фермор. Л. 3–7.
34. Там же. Л. 9.
35. ЦГИА СПб. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 31. 1906 г. Описи убранства комнат дома в имении Лахта. Л. 1–6.
36. ЦГИА СПб. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 10. 1891–1908 гг. Описание и оценка имения Лахта и Лисий Нос, переписка графа А.В. Стенбок-Фермор с правлением СПб. Тульского поземельного банка о залоге имения, купчие разным лицам участков земли имения Лахта. Л. 1–16.
37. ЦГИА СПб. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 9. 1891–1908 гг. Договор инженера П.А. Авенариуса с уездной земской управою об условиях сооружения Приморской СПб. Сестрорецкой ж.д. Л. 1.
38. ЦГИА СПб. Ф. 2259. Оп. 1. Д. 51. 1862–1875 гг. Свидетельства парходной комиссии и судового общества «Волга» о постройке и страховке парходов «Ольга» и «Лахта» гр. Стенбок-Фермор. Л. 1–7.
39. Там же. Л. 12.
40. ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 1. Д 4161. Оценочная ведомость для обложения земским сбором имущества: владения СПб. уезда, 3 стана, п. Лахта по Лахтинскому пр., 45. Л. 1–2.

П.А. Головнин

ДВОРЯНСКИЙ РОД ФАН-ДЕР-ФЛИТ В ВМФ РОССИИ

*Mors omnia vincit (Смерть все побеждает).
Девиз на гербе дворянского рода Фан-дер-Флит*

Представители дворянского рода Фан-дер-Флит (Van der Vliet) из Голландии стали прибывать в Россию в XVIII в., принимали российское подданство, занимались торговой деятельностью, поступали в Морской кадетский корпус (МКК), участвовали в боевых действиях на Балтийском море.

Иван Ефремович Фан-дер-Флит в 1774 г. поступил в МКК кадетом; 11 мая 1779 г. произведен в гардемарины, в 1780–1781 гг. на корабле «Исидор» в эскадре контр-адмирала Борисова плавал от Кронштадта до Ливорно и обратно; 1 мая 1782 г. произведен в мичманы, в 1782–1784 гг. на корабле «Царь Константин» в эскадре вице-адмирала Чичагова плавал от Кронштадта до Ливорно. 1 мая 1785 г. произведен в лейтенанты. В 1785–1788 гг. ежегодно плавал в Балтийском море; в 1788 г. на корабле «Владислав» участвовал в Гогландском сражении и был взят в плен вместе с кораблем. В 1791 г. был в кампании с флотом на Кронштадтском рейде. 1 января 1792 г. произведен в капитан-лейтенанты, плавал с гребным флотом в Финском заливе. В 1793–1797 гг. ежегодно плавал в Балтийском море, в 1797 г. командирован в Архангельск, в 1798 г. утонул¹.

Петр Фан-дер-Флит 1 января 1781 г. поступил в бомбардирский полк сержантом; 9 сентября 1787 г. произведен в штык-юнкера, 20 января 1788 г. определен в адъютанты к контр-адмиралу М.П. Фондизину. Находясь на корабле «Кур Иоганн» «за мичмана», участвовал в Гогландском сражении. 1 мая 1789 г. произведен в лейтенанты, на корабле «12 Апостолов» был в крейсерстве с флотом в Балтийском море и участвовал в Эландском сражении. В 1790 г. на корабле «Принц

Густав» участвовал в Красногорском и Выборгском сражениях, в 1791 г. на том же корабле был в кампании с флотом на Кронштадтском рейде. В 1792 г. командовал яхтой «Екатерина» при Кронштадтском порте; в 1793 г. на корабле «Глеб» в эскадре адмирала Круза плывал от Кронштадта до Доггер-банки. В 1794 г., командуя транспортным судном «Цвей-Друдер», плывал между Кронштадтом и Ревелем, после чего был командирован в Симбирское наместничество за рекрутами. В 1795 г. командовал при Кронштадтском порте кораблем «Иезекиль», в 1796 г., командуя транспортным судном «Дегон», плывал от Кронштадта до Ревеля и Роченсальма. 5 октября 1798 г. уволен со службы в чине капитан-лейтенанта².

Тимофей Ефремович Фан-дер-Флит (рис. 1, 2), реформаторскому закону голландской нации, мужского пола душ не имеет. В службу вступил 11 сентября 1785 г. в Морской шляхетский кадетский корпус, произведен в гардемарины 25 марта 1789 г., в мичманы — 1 мая 1790 г., в лейтенанты — 6 марта 1794 г., в капитан-лейтенанты — 4 августа 1799 г. На корабле «Всеслав» был в крейсерстве с флотом в Балтийском море и участвовал в Эландском сражении. В 1790 г., находясь на корабле «Сисой Великий» «за мичмана», участвовал в Красногорском и Выборгском сражениях. 4 сентября произведен в мичмана. В 1791 г. на корабле «Чесма» был в кампании с флотом на Кронштадтском рейде. В 1792—1795 гг. ежегодно плывал в Балтийском море. 6 марта 1794 г. произведен в лейтенанты. В 1795 г. был в кампании на брандвахтенном фрегате «Воин» на Кронштадтском рейде. В 1796 г. командирован в Роченсальм, на фрегате «Екатерина» плывал в Финском заливе. В 1797 г. состоял флаг-офицером при адмирале Фондезине, плывал в том же заливе. В 1798 г. состоял в должности адъютанта по гребному флоту при адмирале Пущине. В 1799 г. в должности флаг-офицера при капитане Корнилове плывал в эскадре иолов у Петергофа и был награжден от государя императора золотыми часами. 4 августа произведен в капитан-лейтенанты. В 1800—1803 гг. начальствовал при СПб. порте Словенороссийской и Трубачевской школами. 14.12.1804 г. уволен со службы в чине капитана 2-го ранга.

Тимофей Ефремович Фан-дер-Флит в службу вступил в 1790 г. и, проходя чинами, 1811 г. 21 декабря произведен коллежским советником и, находясь в сем чине, 1828 г. ноября во 2-й день пожалован в дворянское достоинство дипломом, с коего копия хранится в Герольдии. В 1825—1827 гг. произведен в тайные советники, занимал пост Олонецкого губернатора и дал обязательство: «...по выслушании

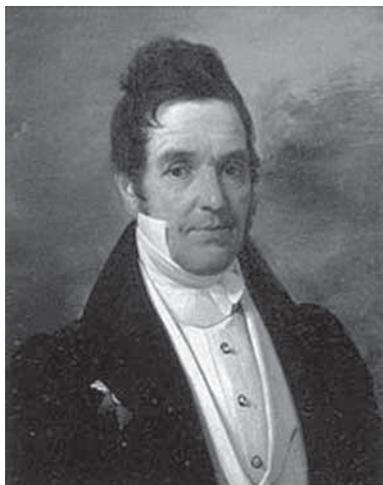

Рис. 1. Тимофей Ефремович
Фан-дер-Флит

Рис. 2. Татьяна Фан-дер-Флит

Высочайшего Его Императорского Величества рескрипта 21 апреля сего года, на имя Управляющего МВД об отобрании обязательств о принадлежности или непринадлежности к тайным обществам, дано сие обязательство по долгу присяги, зная, что за сокрытие подвергнусь строжайшему наказанию, как государственный преступник, что я в сентябре 1812 г. по приглашению покойных инспектора классов 2-го Кадетского корпуса генерал-майора Вебера и служившего в Департаменте государственных имуществ статского советника Семевского был введен в Массонское общество в ложу под названием “Елизавета”, которую и посещал изредка до июня месяца 1813 г., по отбытию моему на службе в Архангельскую губернию. Во время посещения, окромя внушения о благотворении и вспоможении бедным, я никаких других разговоров не слышал, и действий Общества не видал, исключая участия в денежном пособии бедным, а поэтому и не постигал, в чем состояла тайная цель онаго. В Обществе сем видал 5-го класса Левенгагена, статского советника Михайлова, коллежских советников Буцкого, Макрушина, коллежского асессора Егорова и многих других, как лично мною знаемых, так и незнакомых, но кто именно, задолго прошедшим временем истинно не упомяну. После же сего, хотя и в 1816, 1818 и 1821 гг. приезжал в СПб., в означенном Обществе ни разу не бывал и оным не интересовался,

что объясняя чистосердечно и со всею откровенностью обязываюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием не существовали, не принадлежать»³.

Его сын Федор Тимофеевич Фан-дер-Флит — тайный советник, директор общей канцелярии Министерства финансов, родился 19 мая 1810 г., умер 22 апреля 1873 г. Окончил с золотой медалью курс в Царскосельском благородном пансионе, поступил 4 ноября 1827 г. в канцелярию Министерства финансов. В 1841 г. был назначен чиновником по особым поручениям министра, в 1842 г. был определен начальником отделения канцелярии. В 1850 г. командирован в Крым для разрешения некоторых вопросов по соляной части. Произведенный в действительные статские советники (1851), в 1854 г. был назначен директором Департамента мануфактур и внутренней торговли, а с 1856 г. директором правления Русского общества пароходства и торговли и членом высочайше учрежденного Комитета для изыскания средств к возрождению в России купеческого флота. В 1858 г. назначен директором общей канцелярии Министерства финансов с оставлением членом мануфактурного совета, в 1860 г. произведен в тайные советники, в 1862 г. получил аренду 2000 руб. на 12 лет. Прослужил 38 лет, с оставлением членом Мануфактурного совета и предоставлением права присутствовать в правлении Русского общества пароходства и торговли⁴.

Описание герба Тимофея Фан-дер-Флит (рис. 3): «Щит разделен горизонтально на две части, в верхней части в черном поле означен лев, держащий в лапе серебряную стрелу, острием вверх обращенную, а в нижней — в серебряном поле корабль на море с распростертыми парусами, плывущий в левую сторону. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною с тремя страусовыми перьями. Намет на щите красный и черный, подложен серебром». Герб Фан-дер-Флита внесен в часть 10 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи (с. 136).

В России в это время находились на службе представители рода Фан-дер-Флит, которым еще в Голландии был пожалован герб с девизом «Mors omnia vincit» («Смерть все побеждает») и которые хотели утвердить этот герб и девиз и в России. Яков-Михаил Яковлев Фан-дер-Флит подает прошение в Департамент герольдии: «Именным Его Императорского Величества Высочайшим указом, данным 9 марта 1906 г., я, Яков-Михаил Фан-дер-Флит, с нисходящим потомством возведен в дворянское достоинство. Род мой происходит из Голлан-

Рис. 3. Герб Тимофея
Фан-дер-Флит

Рис. 4. Герб Якова
Фан-дер-Флит

дии, откуда мой прадед Иоганнес (он же Ян) еще до 1728 г. переселился в Архангельск. У него между прочими детьми был сын Абрагам, а сего последнего был сын Яков, мой отец. Ныне обращаюсь в Департамент герольдии с покорнейшей просьбой, сделать постановление о признании за мною издревле в роде моем употребляемого герба и о преподнесении его на Высочайшее утверждение, равно как и о выдаче мне копии с герба. Для онаго представляю при сем рисунок герба рода Фан-дер-Флит в том виде, в каком он находился в употреблении из поколения в поколение, начиная, по крайней мере, с начала XVIII столетия».

Герб рода Фан-дер-Флит следующий (рис. 4): «Щит рассеченный, в правой золотой части три червленых ромба (2+1), в левой червеной части три серебряные женские головы (2+1). Щитодержатели: два червленых льва. Нашлемник: выходящая червленая собака с червеным языком. Намет червленый с золотом. Девиз черными буквами на серебряной ленте: “Mors omnia vincit” (“Смерть все побеждает”). В доказательство употребления родом вышеописанного герба имею честь представить: 1) снимок печати, находящийся на брелке весьма ценной золотой цепочки, перешедшей ко мне от предков, начиная от прадеда Иоганнеса (Яна) Фан-дер-Флита, что доказывается не только стилем работы, которую следует отнести к первой половине XVIII сто-

летия, но и инициалами “F.v.d.V.”, находящимися на другом брелке цепочки, снимок с которого также при сем прилагается. В случае надобности, цепочка будет представлена Гербовому отделению при Департаменте герольдии; 2) два конверта с письмами членов семьи 1899 г., на которых сохранилась печать с изображением родового герба. К сему присовокупляю, что сохранение в гербе латинского девиза, с нравственной точки зрения, имеет для меня большое значение, ибо, по семейному преданию, история возникновения его следующая. Во время восстания голландцев против испанского ига, во второй половине XVI столетия, штатгальтером в Амстердаме был некий Фандер-Флит. Во время оной битвы за независимость Отечества он начальствовал над тем отрядом, который нанес окончательное поражение войскам наместника короля Филиппа II, герцога Альбы, но в этой битве он сам был смертельно ранен; его положили на щит и понесли уже умирающего, причем восклицали: “Смерть сильнее всего, она все побеждает”. В память этого события и включен в герб Фандер-Флит девиз этот. Ввиду нравственного значения, которое может иметь для будущих поколений увековеченная в гербе традиция, выражением в ней самоотверженной любви к Отечеству, я сохранению девиза придаю весьма большое значение и покорнейше прошу Правительствующий Сенат не отказать мне в помещении его в гербе. Представляю при сем также две квитанции: 1) Главного казначейства на 80 руб.; 2) СПб. казначейства на 15 руб. СПб., 3 ноября 1906 г. Яков-Михаил Фан-дер-Флит, Галерная улица, 4»⁵.

Яков-Михаил дополняет свое прошение следующими документами: «3 ноября 1906 г. мною подано прошение об утверждении родового герба Фан-дер-Флит. Ныне узнав, что помещение в гербах латинского девиза не допускается, покорнейше прошу вовсе исключить девиз из герба моего рода». «СПб., 15 ноября 1906 г. Яков Фан-дер-Флит. Ныне представляю консисторское метрическое свидетельство о вступлении меня во второй брак с Идою (она же Анна-Ида) Гауф. Отец моей жены, Готлиб-Людвиг-Ионаса Гауф, грамотою великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига III от 27 октября / 8 ноября 1853 г. возведен с нисходящим его потомством в баронское достоинство Великого герцогства Гессен-Дармштадтского и высочайшим указом от 18 января / 9 февраля 1859 г. сопричислен к баронам Великого княжества Финляндского; род его внесен 10/22 сентября 1859 г. в матрикул Рыцарского дома Великого княжества Финляндского, в число родов баронских под № 42; на этом основании прошу Депар-

тамент герольдии в дипломе показать мою вторую жену как “урожденная баронесса Гауф”. СПб., февраль 1907 г. Яков-Михаил Фан-дер-Флит». «СПб. Биржевой комитет. 01.02.1907 г. № 106. Справка. Дана сия из СПб. Биржевого комитета биржевому маклеру при СПб. порте Якову Яковлевичу Фан-дер-Флиту, что он состоит в означенной должности с 29 октября 1868 г. и вместе с тем фондовым маклером при фондовом отделе СПб. биржи с 21 марта 1901 г., действительным членом фондового отдела и членом Совета сего отдела с 8 февраля 1901 г. и членом Котировального комитета непрерывно с 6 марта 1872 г., что сим и удостоверяется. Гербовой сбор уплачен. Биржевой Старшина».

«Свидетельство о рождении и крещении. Выпись из списка рожденных и крещенных Евангелически-Лютеранского прихода Св. Екатерины в СПб. В 1835 г. 25 сентября в 9 часов утра, родилась в СПб. и 4 декабря пастором Дром Ян крещена Анна-Ида Гауф, законнорожденная. Родители: купец Готлоб-Людвиг-Ионафан Гауф и его жена Елизавета, урожденная Маас. Восприемниками были: Анна Весман, Ианн Валентин фон Шнакенбург, купец Густав Гауф. СПб. 23.01.1907 г.». «Немецкий реформаторский приход. Свидетельство о браке. Потомственный почетный гражданин купец Яков Фан-дер-Флит. Вдов, повенчан с девицею Идою Гауф после троекратного оглашения в немецкой реформаторской церкви 21 ноября 1873 г. Таковое по церковной книге удостоверяет с приложением церковной печати. СПб. 17 января 1907 г.». «МВД. СПб. Градоначальник. 31.01.1907 г. № 3073. Свидетельство. Дано сие потомственному дворянину Якову-Михаилу Яковлевичу Фан-дер-Флиту, для представления в Департамент герольдии Правительствующего Сената, к ходатайству о причислении жены его Анны-Иды Готлибовны-Людвиговны-Ионафановны к потомственному дворянству, в том, что упомянутая жена его под судом и следствием не состоит и права состояния силою закона не лишена. Гербовой сбор уплачен. Градоначальник». «В Правительствующий Сенат СПб. градоначальника. Рапорт. Во исполнение указа Правительствующего Сената от 14 декабря № 2902 имею честь донести, что содержание этого указа объявлено просителю Якову-Михаилу Фан-дер-Флиту 11 января с вручением ему препровожденного талона к ассигновке за № 1015 на сумму 18 руб. За градоначальника, помощник его. 22.01.1907 г.»⁶

Статский советник Василий-Вильгельм-Александр-Яков Яковлев-Михайлов сын Фан-дер-Флит обращается в Департамент герольдии и подает документы: «Именным высочайшим указом, данным

Правительствующему Сенату 9 марта 1906 г., отец мой Яков-Михаил Яковлев Фан-дер-Флит возведен, с нисходящим потомством, в дворянское достоинство Российской империи. Представляя документы, прошу причислить меня и детей моих к дворянскому роду отца моего и внести в 1-ю часть ДРК. СПб. 23 апреля 1906 г.». «Свидетельство. Евангелическо-лютеранская церковь Св. Петра в СПб. удостоверяет, что 1867 г. 31 декабря в 5 часов утра родился от законного брака и 17 марта 1868 г. крещен Василий (Вильгельм)-Александр-Яков. Родители: потомственный почетный гражданин купец Яков-Михаил Фан-дер-Флит и законная жена его Ольга, урожденная фон Тан. Восприемники: коммерции советник Александр фон Тан; тайный советник Теодор Фан-дер-Флит; жена коммерции советника и потомственного почетного гражданина Анна Фан-дер-Флит; баронесса Минна Фелейзен; Амалия Миллер, урожденная фон Тан. СПб. 14 апреля 1876 г.».

В формулярном списке о службе первого секретаря миссии в Копенгагене в звании камер-юнкера Высочайшего двора, статского советника Василия Яковлевича Фан-дер-Флита (31.12.1867–?) 1906 г. отмечается: окончил полный курс наук факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета с дипломом 1-й степени, в чем выдано от канцелярии попечителя СПб. учебного округа свидетельство от 14.01.1891 г. Приказом по МИД от 05.02.1891 г. определен на службу в сие ведомство. Определением Правительствующего Сената от 22.05.1891 г. утвержден в чине коллежского секретаря по диплому 1-й степени Императорского СПб. университета со старшинством. Назначен состоять при Посольстве в Берлине 07.08.1893 г. Высочайше разрешено принять и носить Прусский орден короны IV ст. 14 мая 1894 г. Указом Правительствующего Сената от 31 августа произведен за выслугу лет в титулярные советники 18.01.1894 г. Женат на дочери генерал-адъютанта графа Тотлебена, девице Графине Елизавете Эдуардовне, евангелически-лютеранского вероисповедания. Имеет детей: Ольгу (11.08.1899–?), Николая (29.08.1901–?), Марию (14.05.1903–?), Петра (28.11.1905–?). Дети исповедания евангелически-лютеранского. Пожалован орденом Св. Станислава III ст. 02.04.1895 г. Приказом по МИД от 25.09.1895 г. назначен помощником секретаря Посольства в Берлине, произведен за выслугу лет в коллежские ассессоры 18.01.1897 г., произведен за отличия в надворные советники 18.01.1899 г. и пожаловано звание камер-юнкера 27.12.1899 г. Приказом по МИД от 08.08.1902 г. назначен

вторым секретарем Посольства в Берлине, произведен в коллежские советники 18.01.1903 г. Награжден орденом Св. Анны III ст. 28.03.1904 г. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 05.01.1906 г. № 2 назначен первым секретарем миссии в Копенгагене с оставлением в придворном звании. За отсутствием посланника управлял миссией в 1906 г. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 02.04.1906 г. № 21 произведен за отличия в статские советники».

«Свидетельство. Родившаяся 23 августа 1899 г. Ольга, дочь надворного советника Василия Фан-дер-Флита и законной жены его Елизаветы-Екатерины-Феклы, рожденной графини Тотлебен, сподобилась 22 октября 1899 г. Таинства Святого крещения свидетелями были: Яков Фан-дер-Флит, граф Николай Тотлебен, барон Александр Будберг, Ида Фан-дер-Флит, графиня Викторина Тотлебен, графиня Елена Литке. Берлин 26.11.1899 г. Свидетельство о крещении. Петр Фан-дер-Флит, родившийся 11.12.1905 г. в Берлине, сын камер-юнкера, секретаря Посольства и коллежского советника Вильгельма-Александра Фан-дер-Флит и законной жены его Елизаветы-Екатерины-Генриетты, рожденной графини Тотлебен 1 марта 1906 г. сподобился таинства Святого крещения. Свидетелями при крещении были: Яков Фан-дер-Флит, действительный тайный советник, императорский российский посол граф Николай фан-дер-Остен-Сакен, граф Петр Пален, баронесса София фон Майдель, Матильда Гауш, рожденная баронесса Рауф, княгиня Екатерина фон Доннерсмарк. Берлин 13 марта 1906 г.»

«Доверенность, выданная статским советником Василием Яковлевичем Фан-дер-Флитом на имя потомственного дворянина Якова Яковлевича Фан-дер-Флита. Сим доверяю отцу моему потомственному дворянину Якову Яковлевичу Фан-дер-Флиту получить за меня в Департаменте герольдии Правительствующего Сената 5 свидетельств на дворянское достоинство Российской империи, изготовленные на мое имя и на имя моих детей: Ольги, Николая, Марии и Петра, равно как и остальные бумаги. Статский советник Василий Фан-дер-Флит. Копенгаген 26 июля 1906 г.»⁷

В Департамент герольдии Яков-Михаил обязан был представить документы о своем недвижимом имуществе: «Высочайшим повелением 9 марта 1906 г. я, нижеподписавшийся, с нисходящим потомством, возведен в дворянское достоинство Российской империи и представляю: 1) копию с определения Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 16 марта 1906 г.; 2) свидетельство на дворянское

достоинство, выданное мне из Департамента герольдии 11 декабря 1906 г. за № 3292; 3) удостоверение, выданное из Лужской уездной земской управы 10 февраля 1907 г. № 427 о том, что я владею в Лужском уезде, на правах собственности, имениями Ильжо и Кречево и пустошами Яконова, 4-й частью Клабутицы и Сорокиной, всего 2449 десятин 1452 кв. саженой земли; 4) наличными деньгами 200 руб., покорнейше прошу СПб. Дворянское депутатское собрание (ДДС) внести меня в 1-ю часть Дворянской родословной книги (ДРК) СПб. губернии. 11 февраля 1907 г.».

После постройки Варшавской железной дороги местность получила развитие как дачная. В 1872 г. у местной помещицы М.А. Снарской снимали на летнее время дачу в Ильжо И.Н. Крамской, К.А. Савицкий, И.И. Шишкин, который написал здесь картины «Полдень», «Пруд в старом парке», «Лесная глушь». Крамской работал здесь над картиной «Христос в пустыне». После смерти владелицы усадьбы Марии Александровны ее сыновья продали имение жене действительного статского советника Варваре Сергеевне Корф (урожденной Вревской). Через три года она продала имение потомственному почетному гражданину Якову Яковлевичу Фан-дер-Флиту. При нем был построен охотничий дом и молочня. Усадебный деревянный дом украшал резной гребень и наличники. После его смерти в 1911 г. имение унаследовал Василий Яковлевич Фан-дер-Флит. Последней владелицей усадьбы Ильжо была 86-летняя А. Бизюгина. При подъезде к усадьбе по Варшавской железной дороге была устроена специальная платформа, которую так и называли — платформа Фан-дер-Флит⁸.

Заметную роль в жизни Псковской губернии сыграл финансист, меценат Николай Федорович Фан-дер-Флит, псковский помещик, выдающийся земский деятель. В середине XVIII в. из Голландии в Архангельск перебрался его прапрадед, строитель кораблей Иван Фан-дер-Флит. Прадед Ефрем был начальником пограничной стражи и директором Кронштадтской таможни. Его дочь Александра Ефремовна вышла замуж за иркутского губернатора Алексея Корнилова, у них родился будущий вице-адмирал Владимир Корнилов — герой обороны Севастополя в Крымскую войну. Четыре сына Ефрема Ивановича окончили Морской кадетский корпус, но трое из них погибли на море, а младший, Тимофей Ефремович (1775–1843), перешел на гражданскую службу. Он занимал разные должности в Костроме, Архангельске, Онеге, Петрозаводске (там был олонекским губернатором) и с 1828 г. управлял в столице Государственной экспедицией

Родословная дворянского рода Фан-дер-Флит			
Иван (Иоханнес) Фан-дер-Флит			
I			
I-----I			
Петр		Ефрем	
I		I	
I-----I		I-----I	
Петр	Константин	Тимофей	Александра
(1839–1904)	(1844–1933)	(1775–1843)	м. — А.М. Корнилов
I		I	(1760–1843)
I		I-----I	I
Александр	Федор	Екатерина	Владимир Корнилов
(1870–1941)	(1810–1873)	(1812–1877)	(1806–1854), вице-адмирал
ж. — О.Н. Политковская м. — М.П. Лазарев, адмирал			
(1788–1851)			
I			
Николай			
(1840–1896)			
ж. — Е.К. Пистолькорс (1840–1904)			

по проверке счетов. Там он приобрел небольшой дом в Литейной части, на углу Соляного переуллка. Знакомства среди моряков привели к тому, что одна из его дочерей, Екатерина Тимофеевна (рис. 5), стала женой адмирала Михаила Петровича Лазарева (рис. 6), совершившего три кругосветных путешествия и открывшего Антарктиду вместе с Беллинсгаузенем.

Сын Федор Тимофеевич (1810–1873) в 1827 г. с золотой медалью окончил Царскосельский лицей, несколько десятилетий служил в Министерстве финансов, руководил Департаментом торговли и мануфактуры, возглавлял канцелярию министра и дослужился до чина тайного советника. Федор Тимофеевич женился на Ольге Николаевне (1815–1892) — дочери вице-директора Государственного казначейства, действительного статского советника Николая Романовича Политковского (1763–1831). Особую известность Политковский получил переводами четырех томов «Исследования свойств и причин богатства народов» Адама Смита. Женой Н.Р. Политковского была Екатерина Александровна, в девичестве Яхонтова, сестра псковского уездного предводителя дворянства Николая Александровича Яхон-

Рис. 5. Екатерина Лазарева
(Фан-дер-Флит)

Рис. 6. М.П. Лазарев

това, владельца села Камно, в котором по преданию бывал Пушкин. В качестве приданого Екатерина Александровна (1789–1862) получила село Никольское Сигорицкого погоста Островского уезда. 7 ноября 1840 г. у Федора Тимофеевича и Ольги Николаевны родился сын Николай. В декабре 1854 г. Николай был принят в Императорский Александровский лицей. К 33 годам он стал действительным статским советником, был секретарем Географического общества. Родители купили 27-летнему сыну имение. Александр Николаевич Яхонтов был предводителем дворянства Псковского уезда и посоветовал им приобрести находившееся в 33 верстах от Пскова село Быстрецово, которое продавал его стареющий приятель, бывший декабрист Михаил Александрович Назимов. 18–19 мая 1868 г. Федор Тимофеевич с сыном побывали в Быстрецове и договорились о приобретении имения с 667 десятинами земли за 40 тыс. руб. Он прикупил более 350 десятин, содержал и продавал племенной скот, имел прекрасный сад, применял передовую агротехнику, проводил на своих полях анализы почвы, пропагандировал искусственные удобрения, участвовал в разработке устава и работе Псковского общества сельского хозяйства, получал награды на сельскохозяйственных выставках. 10 июля 1868 г. под председательством А.Н. Яхонтова состоялись вторые в истории

местного земства выборы. На них Николай Федорович был избран гласным Псковского уездного земского собрания на предстоявшее трехлетие. В дальнейшем он выбирался еще 9 раз и был уездным гласным 28 лет. В 1861 г. при Императорском Вольном экономическом обществе для содействия народному образованию был создан Комитет грамотности. С 1869 г. Николай Федорович принимал участие в его работе, шесть лет исполнял обязанности секретаря комитета. В 1875 г. его избрали действительным членом Вольного экономического общества и товарищем председателя Комитета грамотности. 10 ноября 1887 г. ему присудили золотую медаль Вольного экономического общества. 19 февраля 1871 г. Земское собрание приняло его предложения о создании Общеуездного земского банка и сельских ссудно-сберегательных товариществ. Николай Федорович много путешествовал по стране, вел дневник: «В сентябре 1871 г. приехал в Торопец. В Торопце много евреев, повсюду встречались мальчишки в длинных сюртуках. С одной стороны город окружен большим озером Соломенское, из которого у самого собора вытекает река Торопа Двинской системы, с другой стороны города разливы, таким образом Торопец имеет вид перешейка. 19 богатых церквей, из коих некоторые древние, каменные, что свидетельствует о некотором довольстве жителей, впрочем, теперь торговля и кожевенные заводы в упадке. Заходил ко всеобщей в одну из церквей, где празднуется Св. Сергий, иконостас старинный, высокий, красивый и богатый»⁹.

Первое товарищество было открыто стараниями Николая Федоровича 1 сентября в Быстрецове. В мае 1875 г. Николай Федорович организовал Первый уездный съезд представителей всех товариществ, пропагандировал на всю Россию псковский опыт, опубликовав несколько статей и брошюр, выступал за финансовую помощь государства крестьянам в покупке земли. С 1879 г. после выхода в отставку 17 лет, до конца своих дней, попечителем больницы состоял Николай Фан-дер-Флит. В 1884 г. его вновь пригласили на службу, учитывая знание работы Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) на Черном море. После Крымской войны его отец Федор Тимофеевич участвовал в разработке устава этого общества и вошел в состав его правления в качестве представителя от Министерства финансов. К тому же Фан-дер-Флит приобрел часть акций общества, и Николая Федоровича в 1869 г. избрали в его Совет. В мае 1874 г. он занял место скончавшегося отца в правлении общества, в 1875–1876 гг. ездил по делам Одесской железной дороги, входивший в состав РОПиТ,

а с начала Русско-турецкой войны, в апреле 1877 г., был назначен директором общества. Под его руководством проходила доставка войск и грузов на фронт, а после окончания войны вывоз армии в Россию. При прощании сотрудники РОПиТ подарили ему картину Айвазовского «Лунная ночь в Крыму. 1862 г.» и прикрепили к раме металлическую пластинку с гравировкой дарственной надписи и указанием времени службы в Одессе: 13 апреля 1877 — 25 сентября 1878. Весной 1884 г. его уговорили вновь занять пост директора РОПиТ. При нем на верфях общества закладывались первые три броненосца и несколько канонерских лодок возрождавшегося Черноморского военного флота. 6 мая 1886 г. при спуске на воду первого броненосца «Чесма» император, минуя принятую очередность, вручил Николаю Федоровичу орден Св. Станислава I ст. Обновлялся и пассажирский флот. Для перевозки нефти впервые строились наливные суда и станции на берегу. Умер Николай Фан-дер-Флит 27 ноября 1896 г., его похоронили на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге.

После смерти Николая Федоровича его вдова Елизавета Карловна посвятила всю свою благотворительную деятельность увековечению светлой памяти покойного мужа. Николай Федорович венчался с 32-летней дочерью генерал-лейтенанта Карла Васильевича Пистолькорса 31 мая 1872 г. в столичной церкви Института слепых. Детей у них не было. Елизавета Карловна продолжала заботиться о Быстрцовской школе, увеличив число учеников до 75. В 1901 г. ее, как содержательницу частной народной школы, наградили золотой медалью на Анненской ленте. После этого Елизавета Карловна предоставила 20 тыс. руб. на ремонт здания и приспособление его под музей. Отреставрированные Поганкины палаты были освящены 15 декабря 1902 г. Угловое помещение второго яруса, где проходили заседания ПАО, стали называть кабинетом супругов Фан-дер-Флит и повесили там их портреты. Елизавета Карловна скончалась в Петербурге 26 марта 1904 г. После ее кончины уездное земство преобразовало школу в училище повышенного типа, присвоив ему имя супругов Фан-дер-Флит. По ее завещанию ПАО получило 200 тыс. руб. неприкосновенного капитала, проценты с которого следовало употребить на устройство Художественно-промышленного музея и при нем технической рисовальной школы имени Н.Ф. Фан-дер-Флита. Ранее она подарила будущему музею золотые и серебряные вещи, мебель и другие предметы. Отдельное здание Художественно-ремесленной школы имени Н.Ф. Фан-дер-Флита построили рядом с Поганкиными палатами,

и с 1 ноября 1913 г. в нем начались занятия. В ее главном зале поместили бюсты супругов Фан-дер-Флит.

С Петра Петровича Фан-дер-Флита началась династия ученых в этом роде. Петр Петрович — заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета, родился в 1839 г. в городе Архангельске. По окончании курса во 2-й Санкт-Петербургской гимназии в 1857 г. поступил в Санкт-Петербургский университет на математическое отделение физико-математического факультета. Получив степень кандидата в 1862 г., он в следующем году поступил на педагогические курсы Министерства народного просвещения, где и пробыл два года. В 1864 г. был избран консерватором физического кабинета университета, а затем был переведен на должность лаборанта. В 1872 г. защитил диссертацию на степень магистра физики под заглавием «Опыт объяснения некоторых внутренних явлений гидроэлектрической цепи», а в 1877 г. защитил диссертацию на степень доктора физики под заглавием «Опыт объяснения внешних действий явлений электрического тока». В 1881 г. обе диссертации были вновь переработаны и изданы вместе под общим заглавием «Опыт физической теории электрического тока». В 1873 г. Фан-дер-Флит начал читать лекции в университете в качестве приват-доцента, в 1880 г. был избран экстраординарным профессором, а 1885 г. назначен ординарным. Фан-дер-Флит принимал участие в делах городской Думы, состоя гласным в ней. Им напечатаны статьи о преподавании математики и физики в средних учебных заведениях¹⁰. П.П. Фан-дер-Флит был женат на Пелагее Николаевна Пыпиной (1837—1915) и имел трех сыновей: Владимира (1869—1899), Александра и Константина.

Рис. 7. А.П. Фан-дер-Флит

Сын П.П. Фан-дер-Флита Александр Петрович (1870—1941) (рис. 7) достойно продолжил ученую жизнь отца, как видно из формулярного списка: имеет орден Св. Станислава III ст. Из дворян, у отца родовое — деревянный дом с флигелем в СПб., В.О. по 6-й линии, 33; благоприобретенное — дача в Выборгской губернии.

Александр Петрович Фан-дер-Флит окончил курс наук в Императорском Санкт-Петербургском университете по физико-математическому факультету с дипломом I степени в 1895 г. Приказом по МПС № 149 определен помощником инспектора Института инженеров путей сообщения императора Александра I 13.12.1899 г. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 9 июня 1901 г. № 48 утвержден в чине коллежского секретаря 13.12.1899 г. Приказом по МПС от 16.08.1902 г. № 23 переведен на службу по ведомству Министерства финансов в СПб. Политехнический институт старшим лаборантом по кафедре теоретической механики 01.08.1902 г. Женат первым браком на дочери д.ст.с. Беловой Надежде Михайловне, имеет сына Андрея (19.06.1901–?), жена и сын вероисповедания православного. Однако вскоре этот брак распался, и после получения развода Александр Петрович женился вторично в 1914 г. на кандидате естественных наук Лидии Фаддеевне Горбачевой (1878–1970), урожденной Лобза, с которой прожил до конца своих дней. Их единственная дочь Александра (по мужу — Левицкая) родилась в Петрограде в 1909 г.

Советом СПб. Политехнического института 16.09.1902 г. избран и утвержден руководителем упражнений по теоретической механике на 1902/03 учебный год с 01.09.1902 г., преподавателем теории корабля на 1903/04 учебный год. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 25.03.1903 г. № 24 утвержден в чине коллежского асессора 01.08.1902 г. Пожалован орденом Св. Станислава III ст. 28 марта 1904 г. Советом института 20 мая 1904 г. избран и 3 июня 1904 г. министром финансов утвержден в звании адъюнкта Политехнического института по кораблестроению, без особого испытания и без прочтения пробных лекций. После защиты диссертации под заглавием «Изгиб симметрично нагруженных, сжатых и вытянутых балок со свободными и заделанными концами» утвержден 3 июня 1904 г. в звании адъюнкта. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 24.09.1904 г. № 73 назначен экстраординарным профессором по кафедре теории корабля СПб. Политехнического института. С согласия министра финансов назначен заведующим студентами с выдачею добавочного вознаграждения в размере 3000 руб. в год сроком до 19.10.1904 г. Высочайшим приказом от 26 марта 1905 г. № 19 утвержден по занимаемой должности в чине коллежского советника с 01.09.1904 г. Избран секретарем Кораблестроительного отделения Политехнического института на 4 года с 05.06.1906 г. Исполнял обязанности декана Кораблестроительного отделения, разрешен ему

заграничный отпуск на время летних каникул 1908 г. Согласно избранию Совета Лесного института, главноуправляющим землеустройством и земледелием 19.08.1908 г. утвержден в должности и.о. экстраординарного профессора Императорского Лесного института по кафедре математики и прикладной механики. Произведен в статские советники 01.09.1908 г. Советом СПб. Политехнического института с разрешения министра торговли и промышленности, командирован с научной целью внутрь империи на летнее вакационное время 1909 г. «Указ Его Императорского Величества. Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената, Министру торговли и промышленности. По именному Его Императорского Величества Высочайшему Указу, данному Правительствующему Сенату в Царской Ставке, 1915 г., в ноябре в 3 день за Собственноручным Его Величеством подписанием, в котором изображено: Директору Императорского Петроградского лесного института, ординарному профессору Петроградского политехнического института Императора Петра Великого, действительному статскому советнику Фан-дер-Флиту Всемилошвейше повелеваем быть членом Совета министра земледелия, с оставлением в занимаемых должностях. Правительствующий Сенат приказали: о сем Высочайшем Его Императорского Величества Указу припечатать в установленном порядке, а министров земледелия и торговли уведомить указами. 19 ноября 1915 г. Ober-секретарь»¹¹.

16 октября 1910 г. «А.П. Фан-дер-Флит возбудил ходатайство о зачислении его в Корпус лесничих и высочайшим приказом от 14 февраля 1911 г. № 12 ординарный профессор СПб. Политехнического института императора Петра Великого, статский советник Фан-дер-Флит утверждается директором Императорского Лесного института с 31 января, согласно избранию, на три года с оставлением в занимаемой должности». 18 февраля 1913 г. выдано свидетельство статскому советнику Александру Петровичу Фан-дер-Флиту в том, что ему пожалован нагрудный знак, высочайше учрежденный для лиц, приносивших их императорским величествам личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летия царствования Дома Романовых в дни юбилейных торжеств 21–24 февраля 1913 г. «Морской министр вошел с ходатайством о представлении к высочайшей награде профессора СПб. Политехнического института императора Петра Великого статского советника Фан-дер-Флита за труды в качестве инженера Главного правления Императорского Российского общества спасения на водах. На основании Высочайшего указа от 21.02.1913 г.

и положения о нагрудной медали в память 300-летия царствования Дома Романовых ему предоставлено право ношения на левой стороне груди светло-бронзовой медали на ленте белого, желтого и черного цветов. 11 марта 1914 г. Государь Император соизволил на представление к высочайшим наградам, вне нормы, шести лиц, за труды по устройству Романовского канала в Голодной степи, в том числе и на пожалование к дню Св. Пасхи сего года статскому советнику Фандер-Флиту чина действительного статского советника»¹².

В 1916 г. Флита назначили руководителем строительства крупнейшего в России авиационного центра «Авиагородок» под Херсоном. Центр должен был включать авиазаводы, исследовательский комплекс и учебные заведения. Осенью 1917 г. Флит переехал в Херсон, где участвовал в создании Херсонского политехнического института, который был открыт летом 1918 г., но вскоре после восстановления в Херсоне советской власти осенью 1920 г. закрыт. В эти трудные годы Флит успел издать ряд учебных курсов для херсонских студентов, хотя порой профессор ходил на лекции босиком, а средства для существования добывала его жена, изготавливая из тряпья кукол и торгуя ими на рынке. В 1920 г. Александр Петрович был привлечен советскими властями к сотрудничеству с судостроительным кооперативом, однако он уже принял решение эмигрировать вместе с семьей. Семье Фандер-Флита удалось, несмотря на трехдневный шторм, выбраться на парусном суденышке из Херсона в Констанцу. Румынские власти отказали русским беженцам в высадке на берег, пришлось отправиться на том же суденышке в Варну, где им разрешили сойти на берег. Флит послал запросы своим коллегам в Белград и Прагу и вскоре получил приглашения в университеты обоих городов. Флит выбрал Прагу, куда вместе с семьей приехал 1 января 1921 г. Он сразу же начал работать в Чешском высшем техническом училище — сначала доцентом, а затем, в 1934—1939 гг., профессором аэродинамики и кораблестроения. Флит также принимал участие в деятельности Русского народного университета в Праге. В начале 1920-х годов был председателем Союза русских агрономов в Чехословакии. Активным было участие Фандер-Флита в создании чехословацкой авиации¹⁴.

Константин Петрович Фандер-Флит (1844—1933), генерал от артиллерии (06.12.1908), генерал-адъютант (22.03.1915), был женат на Вере Петровне Ивашевой и имел сына Дмитрия (1900—1938) и двух дочерей: Наталью (1901—1998) и Елену (1914—1996). Образование получил в 1-м Московском кадетском корпусе (1864), выпущен в гвар-

дейскую конноартиллерийскую бригаду. С 12.05.1866 г. старший адъютант управления заведующего артиллерией Туркестанской области. С 08.02.1867 г. адъютант военного губернатора Туркестанской области, 21.07.1867—11.07.1873 г. адъютант командующего войсками Туркестанского военного округа. Участник военных операций в 1866, 1868, 1873 гг. За отличия награжден золотым оружием (1873). С 12.08.1877 г. командир 4-й батареи, с 29.01.1878 г. — 5-й батареи гвардейской конноартиллерийской бригады. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. С 30.04.1890 г. командир конноартиллерийской бригады Кубанского казачьего войска. С 03.02.1893 по 30.01.1895 г. командир 1-й гренадерской артиллерийской бригады, с 20.05.1895 г. — 37-й артиллерийской бригады, с 05.12.1899 г. начальник артиллерии XVII армейского корпуса, с 30.06.1900 — I артиллерийского корпуса. Вместе с I артиллерийским корпусом участвовал в военных действиях во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. За боевые отличия награжден золотым оружием, украшенным бриллиантами (1905). С 17.08.1905 г. инспектор артиллерии 1-й Маньчжурской армии. С 19.04.1906 г. начальник артиллерии гвардейского корпуса. С 24.04.1908 г. помощник командующего войсками Одесского военного округа. С 09.04.1913 г. помощник Главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича. При мобилизации 19.07.1914 г. назначен Главнокомандующим 6-й армией. Эта армия не входила в состав фронтов и имела статус отдельной, в ее задачу входила оборона Санкт-Петербурга и побережья Балтийского моря на случай высадки войск противника. В состав армии входили XXII армейский корпус (генерал барон А.Ф. фон-ден-Бринкен), 4 второочередные пехотные дивизии (55-я, 67-я, 68-я, 74-я) и Оренбургская казачья дивизия. В период командования Фан-дер-Флита армия участия в боевых действиях не принимала. 21.06.1915 г. отстранен от командования армией и назначен членом Государственного совета. Вскоре после Февральской революции члены Государственного совета по назначению были отстранены от исполнения своих обязанностей.

Наталья Константиновна Фан-дер-Флит оставила свои воспоминания в 1981 г.: «Родилась в 1901 г. в СПб., мать была педагогом, до революции работала в городских школах. С 1918 г. учительствовала в средних школах города, была организатором первых детских клубов. Отец был конструктором яхт, служил в Министерстве подводного плавания. Наш 7-й выпуск окончил школу неожиданно осенью 1918 г.

Мы перешли в 8-й класс, но после каникул, которые многими из нас были проведены в трудовой колонии, узнали, что в связи с общей реорганизацией школ 8-е классы аннулированы. Нам просто выдали удостоверение об окончании средней школы. В 1926 г. я окончила графический факультет Академии художеств по специальности “гравюры на дереве”, тогда начала работу в издательствах по иллюстрированию и оформлению книг. В 1932 г., когда был организован Союз советских художников, стала членом его графической секции, участвовала в ежегодных выставках в РСФСР и за рубежом. Беспартийная. Из всех товарищей в школе хочу выделить Максима Бражникова (Бубу), который даже в младших классах представлялся мне значительным человеком, он и стал им и как музыкант, и как редкий, признанный специалист в области древнерусской музыки и нотописания. Нашим воспитателем все школьные годы была Елена Валентиновна Корш, вела математику. 25 января 1981 г. Н. Ф. Д. Флит»¹⁵.

Представители рода Фан-дер-Флит оставили заметный след в истории, культуре и науке России, участвовали в боевых действиях и защищали свою вторую Родину. Родственник рода Фан-дер-Флит, адмирал Михаил Петрович Лазарев в назидание потомкам сказал: **«Только та страна и сильна, которая свято чтит заветы родной старины и помнит своих предков!»**

1. Общий морской список. Т. V. Л. 255–256.

2. Там же. Л. 256–257.

3. Там же. Л. 257; ОР РНБ. Ф. 806. Фан-дер-Флит. Д. 149. Обязательства не вступать ни в какие тайные общества. Л. 1; РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 5094. Послужная сказка гребного флота эскадры державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского флота капитан-лейтенанта Тимофея Ефремова Фан-дер-Флита.

4. Русский биографический словарь. СПб., 1901. Л. 20–21. Половцов А.А. 5. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 26137. 1907. Дело по именному Высочайшему указу от 09.03.1906 г. о возведении Якова-Михаила Фан-дер-Флита в потомственное дворянское достоинство. Л. 24–27.

6. Там же. Л. 37–41.

7. Там же. Л. 5–23.

8. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 26138. Дело о дворянстве рода Фан-дер-Флит. 05.12.1907. Л. 1–7.

9. ОР РНБ. Ф. 806. Фан-дер-Флит Николай Федорович. Дневник, тетрадь № 46. 24.09.1871–30.04.1872.

9. *Филимонов А.В.* Псков в 1920–1930-е годы. Очерки социально-культурной жизни Пскова. Псков, 2005. С. 100–101; *Левин Н.Ф.* Общественная и благотворительная деятельность супругов Фан-дер-Флит. Псков, 2012. С. 1–3.

10. Курс геометрии — руководство для преподавателей начальных школ // Учитель. 1866; Систематический курс геометрии, 1870 // Журнал Русского физико-химического общества; К теории тока // Доказательства распределения электричества по поверхности проводников; Электродинамические формулы // Журнал опытной физики и элементарной математики; О маятнике; О гироскопе; Об основных законах электромагнетизма; О вычислении действия намагничивающей спирали // Основания механики и введение в механику. Т. 2.

11. РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4598. 1915. Личное дело А.П. Фан-дер-Флита. Л. 4–8; Формулярный список о службе старшего лаборанта по кафедре теоретической механики СПб. Политехнического института, коллежского асессора Александра Петровича Фан-дер-Флита. 01.09.1904. Л. 29–31.

12. РГИА. Ф. 381. Оп. 41. Д. 29163. 08.04.1913. Дело о службе директора Императорского Лесного института статского советника Фан-дер-Флита. Л. 9–66.

13. *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне: биографический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 14–27.

14. *Михайлов Г.* Фан-дер-Флит А.П. 29.10(10.11).1870, Санкт-Петербург, Россия — 01.09.1941, Прага, Чехословакия, специалист в области теории корабля и авиационных конструкций.

15. ОР РНБ. Ф. 1091. Герман П.А. Д. 606. Фандерфлит-Бриммер Наталья Константиновна.

П.А. Головин

ДВОРЯНСКИЙ РОД ВАН-ДЕР-ШКРУФ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Кто никуда не плывет — для тех
не бывает попутного ветра.

Мишель де Монтень

После посещения Петром I европейских стран в конце XVII в. в Россию в большом количестве стали прибывать иностранные моряки, офицеры сухопутных войск, коммерсанты, различные мастера, в том числе и по судостроению, для обучения русских учеников последним европейским достижениям. Одним из первых в 1698 г. был принят на русскую службу в Голландии морской офицер Ян Валронд (Jan Walrond). Уже в 1699 г. он принял участие в Керченском походе, командуя кораблем «Меркурий», в 1702 г. был произведен в старшие капитаны, в 1704 г. командовал кораблем «Флигель-Фам», в том же году был послан на Олонецкую верфь. В следующем году был назначен экипажмейстером на Олонецкой верфи и исправлял эту должность до 1708 г. В 1710 г., командуя кораблем «Иван-город», находился в эскадре, сопровождавшей к Выборгу транспорт с провиантом и артиллерией. В 1712 г. командовал бомбардирским кораблем, находясь сначала в отдельном плавании по Финскому заливу, а потом плывал с флотом до Выборга. В 1713 г. в январе был зачислен в капитана 1-го ранга и назначен командовать кораблем «Пернов», в начале этого же года был уволен со службы. В 1728 г. был вновь принят на службу и назначен в Архангельский порт к смотрению над приходящими судами. 13 октября 1729 г. скончался в Архангельске¹.

В начале XVIII в. образовалась целая колония голландских моряков в России, которые были зачислены на русскую службу, строили корабли, участвовали в боевых действиях против шведского флота в Балтийском море, командовали кораблями и готовили учеников. В мае 1799 г. английское правительство предложило императору

Павлу I принять участие в завоевании Голландии, ранее захваченной французами. По договору, подписанному 11 июня, Павел I обещал снарядить экспедиционный корпус силою около $17\frac{1}{2}$ тыс. человек, Англия же обязывалась перевезти эти войска на своих судах и принять все расходы по экспедиции на свой счет; собственных войск было доведено до 30 тыс. человек. В 1799 г. для этого были выделены из эскадры адмирала П.И. Ханыкова, шедшего в Балтику с флотом показаться при берегах Пруссии и держать господство своего флота на сем море, 6 кораблей, 5 фрегатов и 2 транспорта. Готовилась эскадра: 80-пушечные корабли «Рафаил» и «Уриил»; 74-пушечные корабли «Архистратиг Михаил», «Санкт Петр», «Св. Петр», «Северный Орел», «Москва», «Ярославль», «Всеволод»; 66-пушечные корабли «Европа», «Принц Карл», «Омгетен», «Зачатие Св. Анны», «Ианнуарий», «Изяслав»; фрегаты «Щастливый», «Архипелаг», «Тихвинская Богородица», «Феодосий Тотменский». К сим присовокупить еще можно для употребления в предполагаемый вояж из назначенных пред сим на рейды корабли 74-пушечные «Елисавету», «Мстислав», «Алексей» и 66-пушечные «Болеслав» и «Михаил»². Летом 1799 г. в Ревель прибыла английская эскадра commodора Ферриса. 9 линейных кораблей, 2 фрегата и 7 транспортных средств были готовы принять на борт русские войска. Главнокомандующим всем экспедиционным отрядом назначен был герцог Йоркский; русские войска вверены были начальству генерал-лейтенанта Германа. В Нидерландах французских войск оставалось около 15 тыс. и до 20 тыс. голландских войск. Всеми этими силами командовал генерал Брюн. 16 августа передовая английская дивизия генерала Аберкромби высадилась на голландский берег между Гельдером и селением Грут-Китен. Голландская дивизия генерала Дондельса пыталась помешать высадке, но была отражена. Голландский флот 20 августа сдался англичанам, Аберкромби занял местность, называемую Зейне, укрепил свою позицию и стал выжидать прибытия остальных войск. С английской эскадры, в состав которой входили два русских корабля «Ретвизан» и «Мстислав» вице-адмирала Тета, высадился десант в 850 человек. В высадке десанта 16 августа и в боях у города Гельдер принимали непосредственное участие будущие адмиралы русского флота: мичманы Петр Иванович Рикорд (1776–1855) (рис. 1) и Василий Михайлович Головнин (1776–1831) (рис. 2). За проявленные храбрость и мужество Петр Рикорд был награжден орденом Св. Анны IV ст., а Василий Головнин был произведен в лейтенанты.

Рис. 1. П.И. Рикорд

Рис. 2. В.М. Головнин

«Атака, предпринятая 30 августа французами, была отбита, после чего Брюн обратил все свое внимание на преграждение доступа к Гарлему и Амстердаму. Между тем стали прибывать остальные англо-русские войска; 7 сентября собрался, наконец, весь экспедиционный корпус. Как только высадились последние русские войска, герцог Йоркский решил безотлагательно атаковать неприятеля, занимавшего позицию в городе Бергене и его окрестностях. Атака была произведена 8 сентября и окончилась неудачей. Более всего пострадали при этом русские войска, которые уже овладели Бергеном, но, встреченные контратакой превосходных сил и своевременно не поддержанные, были выбиты оттуда со значительными потерями. Генералы Герман и Жеребцов попали в плен к французам. Союзники отступили на прежние позиции, потеряв около 4 тыс. человек (русские — до 3 тыс., англичане — около 1 тыс.). Герцог Йоркский решил предпринять новую атаку против французов и голландцев. Сражение, данное

21 сентября, не имело решительных результатов; но так как союзникам удалось обойти слева французскую позицию, то генерал Брюн в ночь на 22 отвел свои войска к Бевервику, в окрестностях которого занял новую позицию. Здесь 25 сентября он был снова атакован союзниками, потери доходили почти до 2 тыс. человек. Положение союзников сделалось критическим: число выбывших из строя в сражениях доходило до 10 тыс. На военном совете было решено возвратиться в Англию, а чтобы посадка войск на суда могла совершиться беспрепятственно, приступили к переговорам с генералом Брюном.

Последний согласился заключить с союзниками конвенцию, главные условия которой состояли в том, что к 19 ноября экспедиционные войска обязывались очистить Голландию, сдать батареи Гельдерна и возвратить пленных французов и голландцев. 5 ноября отплыли в Англию первые части союзных войск, а 8-го Голландия была окончательно ими очищена. Даже после окончания экспедиции войскам нашим во время пребывания их на английских островах Джерсей и Гернсей пришлось вытерпеть много лишений, и только в сентябре 1800 г. русский экспедиционный отряд возвратился в Отечество. Существенную пользу извлекла из экспедиции только Англия: ей удалось овладеть голландским флотом, и овладеть безвозвратно, так как условия конвенции его не коснулись».

Памятник погибшим русским воинам (рис. 3) был установлен в 1902 г. по инициативе русского военного атташе подполковника Мюллера (позднее соратник Колчака по Сибирскому правительству, ликвидирован НКВД в Париже в 1928 г.). Улица, где он установлен, получила название Русенвег (Русская дорога). После революции 1917 г. памятник был бесхозным вплоть до 1999 г. и сохранился только благодаря заботам местных властей. Эта местность носит название Kozakkenweg в память о 1813 г., когда фламандское население Девентера подняло антифранцузское восстание. Прибытие казачьего отряда, посланного Бенкендорфом, спасло его от подавления, хотя французы продолжали удерживать Девентер до апреля 1814 г.³

В начале XIX в. в Россию прибыли представители рода Ван-дер-Шкруф, приобрели дома в Одессе, обзавелись семьями, стали служить новому Отечеству и получили российское гражданство. Отставной титулярный советник Ипполит Ван-дер-Шкруф по прошению 11 апреля 1869 г. определил на воспитание в Морское училище в Санкт-Петер-

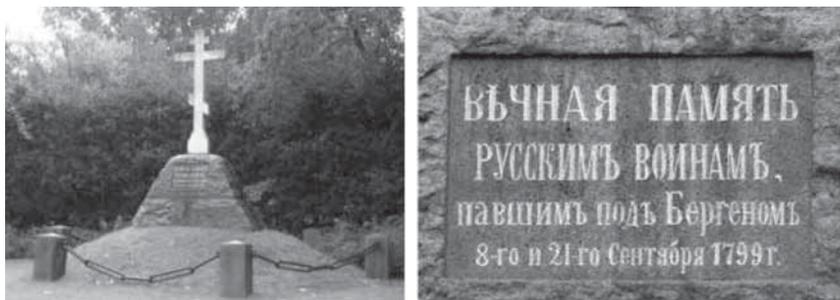

Рис. 3. Памятник русским воинам, павшим под Бергеном в 1799 г.

Рис. 4. М.И. Ван-дер-Шкрүф
(1853–1920)

бурге сына Михаила, который сделал блестящую морскую карьеру⁴.

В полном послужном списке генерал-лейтенанта по Адмиралтейству Михаила Ипполитовича Ван-дер-Шкрүфа (рис. 4) указывается: родился 7 ноября 1853 г., из дворян Херсонской губернии, православный, воспитывался в Морском училище. Получает в год: жалования 3648 руб., столовых 3300 руб., добавочных 486 руб. Всего 7434 руб. в год. Поступил в Морское училище воспитанником 16.09.1869 г. Действительная служба считается с 6 апреля 1870 г. Произведен в гардемарины 8 апреля 1873 г. и назначен в 1-й Флотский экипаж (ФЭ), произведен за выслугу лет в мичма-

ны 30 августа 1874 г. По воле начальства возвратился из заграничного плавания в экипаж 8.10.1874 г. и откомандирован 4.11.1874 г. для держания экзамена на поступление штатным слушателем в академический курс морских наук. 8.02.1875 г. прикомандирован к Гвардейскому экипажу для испытания по службе и перевода в оный впоследствии 8.02.1875 г. По отношению Инспекторского департамента Морского министерства за № 5311 предписано изменить фамилию на Ван-дер-Шкрүф 8 июня 1877 г. Награжден светло-бронзовой медалью за войну с Турцией в 1877–1878 гг. 5 июля 1878 г., пожалован орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом 11 ноября. Назначен командиром сводной роты команды фрегата «Светлана» 20 апреля, пожалован Его Королевским Высочеством князем Румынским железным крестом 30 июня. Назначен командиром миноноски «Ядро» 10 марта 1881 г., назначен командиром миноноски «Перепел» 27 марта 1881 г., назначен временно исполнять обязанности начальника отряда миноносок Гвардейского экипажа 12 сентября. Назначен членом экипажного суда Гвардейского экипажа 8.10.1882 г. Назначен командиром миноноски «Касатка» 25.04.1885 г. Назначен временным членом экипажного суда Гвардейского экипажа 28.12.1885 г. Пожалован орденом Св. Анны III ст. 5.04.1887 г. Произведен в звание командира 3-й роты

с 2.08, назначен командиром 2-й роты Гвардейского экипажа 2.01.1888 г. Пожалован орденом Венденской короны Кавалерского креста 7.08.1889 г. Командирован в Черное море для назначения в тамошнюю практическую эскадру 25.08.1890 г. Пожалован Его Императорским Высочеством императором германским, королем прусским орденом Красного Орла 29.11.1890 г. Произведен в капитаны 2-го ранга с переводом в 8-й ФЭ 1.01.1891 г., назначен старшим офицером монитора «Латник» 19.01, назначен командиром парохода «Нева» 23.02. Согласно предписанию Главного морского штаба (ГМШ), назначен председателем Комиссии для испытания просительного звукового аппарата, изобретенного инженером-механиком Степановым 17 мая 1891 г. Назначен временно заведующим 8-го ФЭ, зачислен в 4-й ФЭ 2 октября, прикомандирован к 9-му ФЭ на зимнее время. Награжден орденом Св. Станислава II ст. 5.04.1892 г. Назначен старшим офицером на эскадренный броненосец «Гангут» 1.01.1894 г., назначен членом комиссии для производства испытаний механизма мореходной канонерской лодки «Отважный» 13 мая 1894 г. Пожалован орденом Св. Анны II ст. 6.12.1895 г., назначен старшим офицером мореходной канонерской лодки «Гремящий» 5.02.1896 г., назначен старшим офицером эскадренного броненосца «Император Николай I» 29 июля 1896 г., назначен командиром крейсера 2-го ранга «Забияка» 16.12. Произведен в капитаны 1-го ранга 5.04.1898 г. с зачислением в 18-й ФЭ. Пожалован орденом Св. Владимира IV ст. за совершение 18 шестимесячных морских компаний и бытность в сражениях 16.01.1899 г. Назначен командиром крейсера 1-го ранга «Дмитрий Донской» 10 июля 1900 г., пожалован французским орденом Почетного легиона офицерского креста 27 мая 1902 г., назначен командиром 2-го ФЭ и крейсера 1-го ранга «Князь Пожарский» 9.09. Пожалована бронзовая медаль в память событий в Китае 12.11.1902 г. Назначено пособие на воспитание дочери Ольги, билет № 1661, метрика № 113 1.01.1903 г. Пожалован орденом Св. Владимира III ст. 6 апреля. Назначен председателем Комиссии для определения и решения, что нужно сделать на крейсерах «Рион» и «Днепр» от Морского ведомства, чтобы привести названные крейсера в то состояние, в каком они были взяты из Добровольского флота 25.08.1905 г. Приказом главного командира Кронштадтского порта назначен председателем комиссии, командируемой во Владивосток для разбора и увольнения пленных чинов флота, 24 сентября. Высочайшим приказом назначен и.д. инспектора машинных команд Балтийского флота 15 мая 1906 г. и переведен в 6-й ФЭ 4.11.1906 г.

Высочайшим приказом по Морскому ведомству за отличие по службе произведен в генерал-майоры с зачислением по Адмиралтейству с утверждением должности инспектора машинных команд 6.12. По расформировании флотских экипажей зачислен в Кронштадтский флотский полуэкипаж 1.10.1908 г., награжден орденом Св. Станислава I ст. 29 марта 1909 г. Назначен председателем Комиссии для производства выпускного теоретического экзамена гардемаринам Морского инженерного училища Николая I 24.02.1910 г. Высочайшим приказом по Морскому ведомству произведен в генерал-лейтенанты с оставлением в должности 18 апреля 1910 г. По приказу главного командира Кронштадтского порта объявлено, что назначен в комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от землетрясения в Семиреченской области 27.01.1911 г., по его же приказу назначен председателем Комиссии для определения потребности в машинных унтер-офицерах самостоятельного управления на судах флота 25 марта. Высочайшим приказом по Морскому ведомству уволен со службы генерал-лейтенантом по домашним обстоятельствам с мундиром в запас 27 сентября 1911 г. Находился в сухопутном походе в войне с Турцией с 4 июля 1877 г. по 5 мая 1878 г., с 18 июля по 13 августа в прикрытии Жужевских и Слободских батарей, с 13 августа по 22 октября при постройке Балтийского моста на реке Дунай, с 22 октября по 8 февраля 1878 г. в команде миноносных катеров при охране Макчинского минного заграждения и Балтийской переправы, причем 30 ноября участвовал на миноносце в битвах против трех неприятельских судов у острова Мочка вместе с монитором «Никополь», с 8 февраля в сухопутном походе через Твердинский проход на Балканах и в Сан-Стефано, где находился по 5 мая 1878 г. Ранен и контужен не был. Время проведения в походах с 4 июля 1877 г. по 19 февраля 1878 г., согласно приказу по Морскому ведомству от 12 марта 1883 г. № 28, считается вдвое. В 1895 г. с 15 мая по 15 сентября на броненосце «Гангут» под командованием капитана 1-го ранга Тихоцкого в должности старшего офицера в составе практической эскадры под флагом вице-адмирала в плавании по Балтийскому морю и Финскому заливу⁵.

Генерал-лейтенант по Адмиралтейству Михаил Ипполитов Вандер-Шкрюф 22 сентября 1911 г. подал прошение об отставке: «...растроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать службу Вашего Императорского Величества, а потому, представляя при сем установленный законом реверс, всеподданнейше прошу: дабы повелено было уволить меня от службы с мундиром

и пенсией по положению. Г. Кронштадт»⁶. Для полного расчета и получения пенсии необходимо было собрать документы: «Справка. Инспектор машинных команд Балтийского флота, генерал-лейтенант по Адмиралтейству М.И. Ван-дер-Шкруф родился 7 ноября 1853 г., служба считается с 8 апреля 1870 г., в офицерском звании состоит с 8.04.1873 г., в последнем чине состоит с 18.04.1910 г., предельный возраст наступает 7 ноября 1918 г. Действительной службы имеет, считая по 26.09.1911 г.: для назначения пенсии при отставке 41 год 5 месяцев 18 дней; офицерской службы имеет 38 лет, 5 месяцев, 18 дней; в последнем чине состоит 1 год 4 месяца и 8 дней. На основании вышеуказанных сведений имеет право при увольнении от службы на общих основаниях на полную пенсию по чину генерал-лейтенанта. Размер пенсии: из Государственного Казначейства за 35 лет — 1145 руб.; из эмеритальной кассы за 35 лет службы и 35 лет платных — 1766 руб. 51 коп.; вознаграждение за 180 месяцев плавания по чину капитана 1-го ранга в размере 2/3 из 1080 руб. — 720 руб.; всего 3631 руб. 51 коп. Получаемое содержание: жалование — 3000 руб., столовые — 3300 руб.; всего 6300 руб. 21.09.1911 г. 15 мая 1906 г. назначен и.д. инспектора машинных команд Балтийского флота; генерал-майором с декабря 1906 г. с зачислением по Адмиралтейству и утверждением в должности инспектора машинных команд; генерал-лейтенантом с 18 апреля 1910 г. с оставлением в должности. 27 сентября 1911 г. уволен со службы по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией»⁷.

Михаил Ипполитович был женат на дочери умершего поручика графа Толстого, графине Александре Николаевне (рис. 5) и имел детей: Нину (09.07.1887—1965), Ольгу (09.07.1893—?), Владимира (31.03.1892—?), Михаила (15.10.1895—?). Жена и дети вероисповедания православного. В 1908 г. старшая дочь Нина (рис. 6) вышла замуж за боевого офицера, участника Цусимского сражения, побывавшего в японском плену лейтенанта Алексея Степановича Рождественского (1883—1948) (рис. 7).

Потомственный дворянин Калужской губернии, надворный советник Степан Иванович сын Рождественский подал прошение в Морской кадетский корпус: «...желая определить на воспитание в младший специальный класс МКК сына моего Алексея, я имею честь представить при сем метрическое свидетельство о рождении и крещении; аттестат об окончании основного отделения Реального училища Св. Анны, копии о моей службе с послужного списка

Рис. 5. А.Н. Ван-дер-Шкруф (графиня Толстая)

Рис. 6. Н.М. Рождественская
(Ван-дер-Шкруф)

Рис. 7. А.С. Рождественский

и извещение Калужского предводителя дворянства, о получении которых прошу уведомить. Если по принятии сына моего Алексея в МКК начальство онаго признает нужным исключить его вследствие дурного его поведения или учения, а также вследствие появления таких болезней, которые препятствуют службе на флоте, то я обязываюсь, по первому требованию Корпуса, без замедления, взять его обратно на свое попечение. 7 апреля 1901 г. Жительство мое: Гатчина, Дворцовое управление»⁸. В Аттестационной тетради кадета Рождественского записано: «Отец — надворный советник Степан Иванович Рождественский, потомственный дворянин Калужской губернии, проживает в Гатчине, проспект Императора Павла I, дом Придворного ведомства, № 19». Характеристика кадета на 1 апреля 1903 г.: «...довольно благовоспитан, с хорошими способностями, очень самонадеян, из всего старается извлечь себе пользу, по службе исправен. Лейтенант барон Типольт»⁹.

В послужном списке и.д. старшего делопроизводителя V класса Главного управления кораблестроения, заведующего делами Совещания по судостроению А.С. Рождественского записано: «Родился 5 октября 1883 г., окончил полный курс Реального отделения училища Св. Анны и специальные классы МКК. Получает в год: жалования — 1663,20 руб.; столовых — 1663,20 руб.; квартирных — 831,60 руб. Добавочных: по Совету по Судостроению 1200 рублей; по Комиссии по изобретению 1200 руб. в год». Поступил в младший специальный класс 8 мая 1901 г. Произведен в младшие гардемарины 1.09.1902 г.; произведен в старшие гардемарины 9.09.1903 г.; произведен в мичманы 28.01.1904 г. и зачислен в 4-й ФЭ, назначен в плавание в учебно-минный отряд на миноносец «Прыткий» 15 марта. Циркуляром Штаба Кронштадтского порта № 1611 назначен в плавание на крейсер 1-го ранга «Адмирал Нахимов» 2.08.1904 г. Предписанием Штаба Кронштадтского порта № 437 зачислен обязательным слушателем подводного плавания 10.01.1906 г., пожалована светло-бронзовая медаль в память о Русско-японской войне 1904—1905 гг. 10 февраля. Высочайшим приказом по Морскому ведомству № 11 от 8 января 1907 г. пожалован орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом в воздаяние особых подвигов храбрости и самоотвержения, оказанных в бою с японским флотом в Цусимском проливе 14—15 мая 1905 г. На основании высочайшего повеления от 19 февраля 1907 г., объявленного приказом по Морскому ведомству № 199, пожалован медалью в память плавания в 1904—1905 гг. во 2-й Тихоокеанской эскадре под

командованием генерал-адъютанта Рожественского вокруг Африки на Дальний Восток 30 августа 1907 г. Откомандирован к учебно-минному отряду для слушания лекций в Минном офицерском отряде 16.09, произведен в лейтенанты 6.12. Зачислен в списки офицеров подводного плавания 10.01.1908 г., зачислен в минные офицеры 2-го разряда 17.09, назначен учителем минной школы 8.10. Прикомандирован к учебному судну «Адмирал Корнилов» для исполнения обязанностей минного офицера 17.04.1910 г. Предоставлено право ношения высочайше утвержденного 12 мая 1910 г. нагрудного знака в память 200-летия существования Выборга как русской Его Императорского Величества крепости 21 мая 1911 г. На основании высочайше утвержденного положения Совета министров от 15.08.1912 г., объявленного приказом по Морскому ведомству от 22.10 № 292, пожалован светло-бронзовой медалью в память 100-летия Отечественной войны 21.09.1912 г. Пожалован орденом Св. Анны III ст. 1.01.1913 г. и назначен и.д. старшего делопроизводителя V класса Главного управления кораблестроения 21.01. Произведен в старшие лейтенанты 6.12.1914 г. Приказом по Морскому ведомству назначен заведующим делами Совещания по судостроению 9.02.1915 г. Пожалован медалью в память 200-летия Гангутской победы 28.02.1915 г. Приказом по Морскому ведомству № 349 назначен членом Особой комиссии по рассмотрению изобретений 23.07.1915 г., пожалован орденом Св. Станислава II ст. 30.07. По приказанию помощника морского министра назначен членом от Морского министерства в состав правления по делам торгового дома «Людвиг Маркс» 10.11.1916 г. Пожалован орденом Св. Анны II ст. за труды, понесенные по обстоятельствам войны 6.12.1916 г. Был в плену в Японии, взят из воды после гибели крейсера «Адмирал Нахимов» 15 мая 1905 г. Возвратился во Владивосток 13.11.1905 г. На основании приказа по Морскому ведомству от 20.11 № 301 уволен в двухмесячный отпуск по болезни 16.12.1906 г. Лег в СПб. Дворцовый госпиталь 9.02.1907 г., откуда явился в 8-й ФЭ 14 апреля 1907 г.¹⁰

Рождественский Алексей Степанович был зачислен на крейсер «Адмирал Нахимов» и принял участие в Цусимском сражении. После дневного боя 14 мая 1905 г. при острове Цусима крейсер получил 20 попаданий снарядами, было убито 20 человек и 50 ранено, ночью он был торпедирован японским миноносцем в правый борт с носа. Более тридцати полученных пробоин и значительные потери экипажа вынудили командира капитана 1-го ранга А.А. Родионова принять решение о затоплении корабля при подходе японцев. Однако в отличие

от многих других экипажей эскадры, погибших вместе со своими судами, часть команды «Адмирала Нахимова», подобранная японским вспомогательным крейсером «Саду-мару» и эсминцем «Серануи», оказалась в плену, и многие впоследствии смогли вернуться на родину. Жизнь команды с крейсера «Адмирал Нахимов» была неразрывно связана с портом приписки — Кронштадтом, где служили и обрели упокоение тысячи русских моряков.

Совсем недавно стараниями краеведа Б.И. Ильина на городском кладбище Кронштадта было обнаружено надгробие героя Цусимы, командира крейсера «Адмирал Нахимов» А.А. Родионова (1854—1906). На памятнике, оказавшемся брошенным в мусорную кучу, надпись: «Незабвенному мужу, честному воину, капитану 1-го ранга Александру Андреевичу Родионову, павшему от руки мятежников 19 июля 1906 г.». Вдова Ольга Родионова 26 июля 1906 г. подала прошение в Главный морской штаб: «Покорнейше прошу о назначении мне с детьми пенсии в усиленном размере с производством таковой из Главного казначейства. К сему считаю долгом присовокупить, что отроду мне 44 года и что дети мои 12-ти лет воспитываются в Кронштадтской женской гимназии, 11-ти лет в Реальном училище в Кронштадте и 4-х лет дома при мне. Кроме того, на моем иждивении осталась мать покойного, вдова, 75 лет отроду. Ольга Родионова». Для начисления пенсии вдове были сделаны расчеты: «...по исчислению, сделанному в Цензовом столе ГМШ, капитан 1-го ранга Александр Андреевич Родионов в бытность на службе совершил более 120 плаваний (не менее 180 месяцев), причем в последние 8 месяцев совершены им в чине капитана 1-го ранга. 27 июля 1906 г.».

В полном послужном списке 20-го ФЭ капитана 1-го ранга Родионова, составленном 25.07.1906 г., отмечается: родился 16 ноября 1854 г., сын коллежского советника, православный, получает в год: жалование 1700 руб. и столовых 2700 руб. Поступил в Морское училище 15.09.1872 г.; действительная служба считается с 1 мая 1873 г.; произведен в унтер-офицеры 16.09.1875 г.; произведен в гардемарины 1 мая 1876 г.; произведен в мичманы 30.08.1877 г. и зачислен в 6-й ФЭ; произведен в лейтенанты 1.01.1882 г.; награжден орденом Св. Станислава III ст. 1.01.1883 г.; назначен в заграничное плавание на фрегате «Светлана» с переводом в 3-й ФЭ 10 мая 1883 г.; пожалован орденом Св. Анны III ст. 24.04.1888 г.; приказом назначен в заграничное плавание на клипере «Крейсер» 4 мая 1888 г. Произведен в капитаны 2-го ранга 28 марта 1893 г.; пожалован орденом Св. Станислава II ст.

1.01.1894 г; пожалован орден Св. Анны II ст. 6.12.1899 г.; пожалован прусским орденом Короны II ст. 12.08.1902 г.; награжден орденом Св. Владимира IV ст. с бантом за выслугу 25 лет в офицерском чине и совершении 8 шестимесячных морских кампаний 22.09.1902 г.; произведен 6.12.1902 г. в капитаны 1-го ранга. Назначен командиром броненосца «Первенец» 21.04.1903 г.; Высочайшим приказом по Морскому ведомству № 499 назначен командиром крейсера 1-го ранга «Адмирал Нахимов» 8 сентября 1903 г. Приказом главного командира Кронштадтского порта назначен председателем в Комиссию по делу о столкновении на реке Большой Неве портового судна «Полезный» с греческим пароходом «Циклодес» 26.09.1903 г., назначен членом Комиссии для производства экзамена нижних чинов на звание артиллерийского квартирмейстера 21.12.1903 г.; высочайшим приказом назначен командиром 20-го Флотского экипажа 13 марта 1906 г. Женат на бракоразведенной жене отставного надворного советника Ольге Александровне Юргенс, урожденной Рыбалтовской. Брак совершен 3 февраля 1902 г. А.А. Родионов имеет дочь Ольгу (9.05.1902—?) и усыновленных Любовь (29.08.1893—?) и Константина (4.01.1895—?). Капитан 1-го ранга был в Цусимском бою с японским флотом 14—15 мая 1905 г. на крейсере 1-го ранга «Адмирал Нахимов» командиром. 4 октября 1906 г. вдове убитого капитана 1-го ранга был сделан окончательный расчет пенсии, указывается, что Министерство финансов не встречает препятствий к испрошению вдове убитого мятежниками в июле сего года капитана 1-го ранга Родионова, взамен причитающейся ей по закону (412 руб. 95 коп.), предположенной Морским министерством усиленной пенсии из казны по 2700 руб. в год. Сын капитана 1-го ранга Константин Родионов будет воспитываться во 2-м Кадетском корпусе на казенном содержании с 16 августа 1906 г. с назначением пенсии по 777 руб. 13 коп. в год»¹¹.

Директор Кронштадтского исторического кладбища Михаил Скворцов делает очень многое для сохранения памяти о подвигах героев, павших за Отечество. Благодаря его усилиям и настойчивости приводится в порядок территория кладбища, на месте взорванного храма установлен Поклонный крест. Восстанавливаются исторические надгробия: так, был отреставрирован и установлен на почетном месте памятник командиру крейсера «Адмирал Нахимов» А.А. Родионову (рис. 8).

А.С. Рождественский был женат на дочери генерал-лейтенанта по Адмиралтейству Нине Михайловне Ван-дер-Шкрюф, в браке родились

Рис. 8. Краевед Б.И. Ильин у могилы капитана 1-го ранга А.А. Родионова в Кронштадте

дети: Олег (19.08.1909—?), Гали (20.04.1914—?). Имеет землю в г. Гатчине. В 1904 г. с 31 июля по 31 декабря был на крейсере «Адмирал Нахимов» под командованием капитана 1-го ранга Родионова 1-го, в составе 2-й Тихоокеанской эскадры, вахтенным офицером в плавании по Балтийскому морю и за границу. В 1905 г. с 1 января по 15 мая в заграничном плавании. В 1909 г. с 3 по 15 октября на транспорте «Европа» под командованием капитана 2-го ранга Плотто — минным офицером в учебном плавании по Балтийскому морю. В 1911 г. с 18 по 30 апреля — в учебно-минном отряде на учебном судне «Двина», под флагом контр-адмирала Муравьева, под командою капитана 2-го ранга Плотто и капитана 1-го ранга Ивановского минным офицером, в вооруженном резерве.

Правление Гатчинского завода 18 февраля 1917 г. подает прошение: «Его Высокопревосходительству господину помощнику Морского министра. Гатчинский меднопрокатный и литейный завод

А.С. Лаврова, являясь контрагентом крупнейших судостроительных и механических заводов, работающих на Морское ведомство, решил привлечь на службу для активной работы офицера флота со специально минным и подводного дела образованием и полагало бы желательным пригласить старшего лейтенанта А.С. Рождественского и поручить ему административно-техническую часть и непосредственное наблюдение за срочностью исполнения заказов. 8 января 1913 г.».

В Отдел общих дел: «Минный отдел просит уплатить согласно положению лейтенанту Рождественскому за произведенные им переводы с английского, немецкого и французского языков в количестве 1557 строк 62 руб. 28 коп. Генерал-майор Реммерт».

Михаил Михайлович Ван-дер-Шкруф погиб в Первую мировую войну. В 1918 г. семья Ван-дер-Шкруф покинула Петроград и на несколько лет поселилась в Екатеринодаре. Там в 1920 г. Михаил Ипполитович Ван-дер-Шкруф скончался, его могила находится на центральном кладбище Краснодара. Его зять Алексей Степанович Рождественский в 1918 г. был арестован как белый офицер и приговорен большевиками к расстрелу, но счастливое стечение обстоятельств позволило ему покинуть Петроград и вместе с частями Белой армии добраться до Константинополя. В России остались жена Нина Михайловна и двое маленьких детей: Олег (1909–?) и Гали (1914–?). В Константинополе блестящие способности Алексея Степановича в области экономики и управления флотом позволили занять пост президента Управляющего совета акционерного общества «Русский торговый флот» («Russian Merchant Navy»). По многочисленным отзывам, он неизменно проявлял заботу о своих подчиненных и в самых трудных жизненных ситуациях мог дружеской шуткой поднять дух и сплотить сослуживцев, за что его называли отцом-командиром. Отличаясь исключительной честностью, которая сочеталась с доброжелательностью, он также был избран президентом Совета Союза русских морских офицеров и принимал активное участие в оказании американской администрацией помощи русским беженцам (ARA). В Турции он получил предложение работать в Чехии и, как и многие другие русские, перебрался туда в 1922 г.

Менялась политическая обстановка, расширялись границы и влияние советской России, и Константинополь стал лишь пунктом, из которого расходились по миру русские люди. Чехия в 1920-е годы стала прибежищем для тех, кто хотел оставаться поближе в Отчизне и слышать вокруг себя славянскую речь.

Долгие годы Алексей Степанович служил инженером в администрации автомобилестроительного завода «Шкода» в городе Пльзень. Он занимался поставками материалов, проводил гидравлические испытания металлических заготовок по всем заказам, получаемых заводом «Шкода» от иностранных военно-морских флотов. Затем был консультантом по строительству торговых судов и судостроительных верфей в концерне «Шкода». В то же время, зная пять иностранных языков, зарабатывал переводами. В Чехии он женился вторым браком на Марии Владимировне, дочери генерал-майора Адмиралтейства В.А. Абаза, с которой был знаком еще по Кронштадту и от которой уже имел сына Рюрика (1917–?). В годы нэпа на короткий срок удалось восстановить связь с Россией, велась переписка с семьей, оставшейся на Родине. Алексей Степанович настойчиво предлагал жене и детям переехать к нему, но, надеясь на лучшее и не желая оставлять Отечество, Нина Михайловна согласилась только отправить сына Олега для получения образования к отцу. Однако уже опустился «железный занавес», и связь с семьей полностью прервалась вплоть до 1960-х годов. По окончании войны белые русские покидали страны, оказавшиеся в орбите советского влияния, и в 1945 г. Алексей Степанович вместе с семьей уехал в Бельгию, где затем как специалист по очистке подводной части морских судов получил приглашение на работу в Кению. Однако в 1948 г. он заболел воспалением легких и 14 декабря умер, похоронен в Брюсселе. На могильной плите из белого мрамора надпись: «Capitaine de corvette A.S. Roshdestvensky».

Его сыновья Олег и Рюрик разъехались по разным континентам (старший — в США, младший — в Африку) и разделили пополам чересчур длинную и трудную для английского слуха отцовскую фамилию. Олег Рождественский стал именоваться Олегом Рожде (Roshde), а Рюрик взял фамилию Ронски (Ronsky) (первый слог фамилии Рождественский и ее окончание). Жизнь братьев в эмиграции сложилась весьма благополучно, оба были счастливо женаты: Олег — на чешке, Рюрик — на англичанке, от которой имел двоих детей, Александра и Ингрид. В России их матери и сестре пришлось вытерпеть все тяготы, выпавшие на долю страны: репрессии сталинского режима, войну и блокаду. Гали, отличавшейся редкой красотой, ради спасения семьи пришлось ответить в 1935 г. на домогательства комиссара П. Щекина, отвечавшего за высылку дворян, и стать на короткое время его женой. Родив дочь Нину и не желая признавать этот брак, Гали дала ей свою девичью фамилию. После войны она встретила Кириллу Станюкови-

Рис. 9. Герб Вадвич

ча, который полностью отвечал ее представлениям об истинном благородстве, и вышла за него замуж. Отец Кирилла Владимир Константинович Станюкович, окончивший Александровское военное училище, во время Русско-японской войны состоял начальником госпиталя в Маньчжурии. Его военные впечатления нашли отражение в первом изданном литературном труде «Пережитое». Кирилл Владимирович Станюкович (1911–1986) ведет свое происхождение от древнего литовского рода Станьковичей герба Вадвич (рис. 9), которые с XVII в. находились на государственной службе. Дословно фамилия «Станю-

кович» означает «потомок воина, стоявшего станом».

В XIX в. представители V поколения семьи первыми вписали свои имена в славную историю российской армии — «Грозный адмирал» Михаил Николаевич (1786–1869) и его брат генерал-лейтенант Аристарх Николаевич (1798 — после 1855). Михаил Николаевич с 1826 по 1829 г. вместе с Литке на военных шлюпах «Сенявин» и «Моллер» находился в кругосветном плавании к берегам Камчатки. Капитан-лейтенант Станюкович 23 октября 1827 г. докладывает начальству: «Его Высокопревосходительству господину начальнику ГМШ Его Императорского Величества вице-адмиралу и кавалеру Антону Васильевичу фон Моллеру. По сдаче имеющегося на вверенном мне шлюпе для колонии РАК груза оставил я Новоархангельский порт. Свежая погода заставила меня около 8 суток держаться на параллели Новоархангельска, и потом стал держать путь к Сандвичевым островам. 6 декабря при острове Вагу положил якорь, а на другой день с помощью буксира вошел в самую гавань. Здесь я пробыл, сколько нужно со стороны шлюпа исправлений, столько и для отдыха людей, — 64 дня. Оказывали благосклонный прием и внимательность, каковою мы здесь пользовались со стороны Его Королевского Величества Сандвичевого Короля Кау-киоли, губернатора и живущих здесь европейцев. 9 февраля 1828 г. я оставил оное место и проплыл по долготе около 1500 миль, описал и определил австралийскими наблюдениями все острова и коралловые рифы

нами виденные, между коими обретен новый, и назван мною островом Моллер в честь начальника Главного морского штаба Его Императорского Величества вице-адмирала и кавалера фон Моллера, коего план и описание, равно и всех прочих, имею честь представить Вашему Высокопревосходительству. 29 марта отплыл я и 11 апреля прибыл в Петропавловск. 25 апреля 1828 г.»¹² Им было составлено новое описание западного побережья Аляски, берегов Чукотки от мыса Восточного почти до устья реки Анадырь, открыт ряд островов Тихого океана. Впоследствии именем М.Н. Станюковича была названа гора на берегу Берингова моря и мыс в Охотском море. Во время Крымской войны он был комендантом Севастопольского порта и исполнял должность военного губернатора города. Младший сын адмирала — знаменитый писатель-демократ, автор «Морских рассказов» Константин Михайлович Станюкович (1843—1903).

В формулярном списке о службе начальника 5-й Флотской дивизии вице-адмирала Михаила Станюковича 1-го за 1849 г. отмечается: «Православный, из дворян российской нации, женат на дочери капитан-командора Митькова Любви Федотовой, имеет сыновей: Николая 27 лет, Александра 25, Михаила 12, Константина 6; дочерей: Ольгу 23, Анну 22, Екатерину 18, Елисавету 10 лет. За собою имеет мужского пола в Смоленской губернии 20 душ крестьян. 12 марта 1797 г. определен в Морской корпус кадетом. 1 июня 1801 г. произведен в гардемарины. 10 июня 1804 г. в мичманы; 1 марта 1810 г. произведен в лейтенанты. 19 марта 1818 г. в капитан-лейтенанты, 6 декабря 1827 г. пожалован в капитаны 2-го ранга; 25 июня 1831 г. в капитаны 1-го ранга. 1 января 1837 г. произведен в контр-адмиралы; а 30 августа 1848 г. пожалован в вице-адмиралы. Свидетельство. Сим свидетельствуется, что ведения армий и флотов обер-священник военно-портовой Севастополя Соборной Адмиралтейской Свято-Николаевской церкви в метрических книгах значатся: 1843 г. марта 18 числа за № 59 5-й флотской дивизии 2-й бригады у командира контр-адмирал Михаила Николаева сына Станюковича и законной жены его Любви Федотовой родился сын Константин; молился, имя нарек и крещение совершал того же марта 25 числа. Восприемниками были: отставной контр-адмирал Николай Дмитриев сын Критский и генерал-лейтенанта Павла Иванова сына Федорова жена Екатерина Федотова дочь. 16.12.1843 г.»¹³

В аттестационной тетради Кирилла Станюковича отмечается: «Родился 10 апреля 1885 г., православный, зачислен в МКК с 1 сентября 1898 г. на казенный счет, потомственный дворянин Московской

губернии. Мать — Анна Никаноровна Станюкович, вдова, потомственная дворянка. 9 сентября 1903 г. произведен в старшие гардемарины. 21 февраля 1905 г. высочайшим приказом № 954 произведен в мичманы»¹⁴.

Станюкович Кирилл Константинович за свою службу награжден орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава III ст., знаком отличия об окончании полного курса наук в МКК и светло-бронзовой медалью в память 300-летия дома Романовых. Зачислен в 13 ФЭ и назначен на крейсер 2-го ранга «Пластун» на вакансию минного офицера; 6.02.1906 г. назначен на транспорт «Байкал», 20.01.1907 г. назначен на миноносец «Выносливый». Высочайшим приказом по Морскому ведомству № 486/948 произведен по линии в лейтенанты 6 12.1909 г., и приказом от 11.05.1910 г. предоставлено право ношения знака об окончании полного курса наук в МКК, переведен на крейсер «Диана» 2.09.1910 г. Циркуляром ГМШ № 377 командирован слушателем в учебный отряд подводного плавания 15.11.1912 г.; назначен в бригаду подводных лодок по приказу командующего морскими силами Балтийского флота № 666 23.09.1913 г.; определен помощником командира подводной лодки «Окунь» 26.09.1913 г.; зачислен в список офицеров подводного плавания 22.11.1913 г.; назначен и.д. старшего офицера подводной лодки «Кайман» 1.02.1914 г.; награжден орденом Св. Станислава III ст. 6.12.1914 г.; назначен командиром подводной лодки «Крокодил» 29.01.1915 г.; назначен временно командующим п/л «Аллигатор» 7.10.1915 г.; назначен командиром п/л «Ягуар» 3.04.1916 г.; приказом командующего флотом Балтийского моря № 481 списан в наличие 1-го Балтийского ФЭ по болезни с сохранением содержания 12.07.1916 г.; приказом № 48 зачислен с 1 января сего года в резерв чинов Балтийского флота 20.01.1917 г.; холост»¹⁵.

«Свидетельство. Московское ДДС удостоверяет, что Кирилл Станюкович, родившийся 10 апреля 1885 г., есть действительный сын дворянина Константина Ивановича Станюковича и что он определен Собранием от 15 января 1897 г. внесен в 6-ю часть ДРК и указом Правительствующего Сената от 9 сентября 1897 г. утвержден в дворянском достоинстве. Гербовый сбор уплачен. Москва 16 сентября 1897 г. И.д. Московского губернского предводителя дворянства».

«Свидетельство. По указу ЕИВ из Московской духовной консистории выдано сие в том, что в метрической книге Московской Богородице — Рождественской, на Малой Дмитровке церкви 1885 г. за № 2 писано: апреля 10 числа у дочери коллежского асессора, из дворян,

девицы Анны Никаноровой Потемкиной родился незаконный сын Кирилл, крещен 14 числа. Восприемниками были: лейб-гвардии отставной поручик Виктор Иванович Потемкин и лейб-гвардии отставного ротмистра жена Александра Михайловна Семичева; крестил священник Михаил Апостольский с причтом. При сем Консистория присовокупляет, что означенному Кириллу указом ЕИВ, данным 1 сентября 1890 г. Правительствующему Сенату, всемилостивейше дозволено принять фамилию его отца, бывшего московского нотариуса, действительного студента Константина Иванова Станюковича и вступить во все права и преимущества, по роду и наследию законным детям принадлежащие. 10 декабря 1893 г.»¹⁶

В Петербурге и Москве в настоящее время проживают более 30 представителей двух ветвей рода, восходящих, так же как и писатель-маринист, к Андрею Лаврентьевичу Станюковичу (1724–1796). Петербургская ветвь насчитывает 14 прямых потомков Владимира Константиновича Станюковича (1873–1939) (X–XII поколения), из которых 11 носят ту же фамилию. Благодаря браку между Гали Рождественской и Кириллом Станюковичем соединились два дворянских рода, веками служивших Родине на военном и морском поприщах. Их дочь (внучка двух участников Русско-японской войны В.К. Станюковича и героя Цусимского сражения А.С. Рождественского) Елена Кирилловна Станюкович (рис. 10), окончив исторический факультет ЛГУ и являясь научным сотрудником Эрмитажа, занимается историей русской культуры и хранит славные традиции предков.

Рис. 10. Е.К. Станюкович и П.А. Головнин

Сами голландские переселенцы и их потомки оставили заметный след в истории ВМФ России. Важно не забывать: **«Кто не интересуется своими предками, тот дает этим право потомству забыть и о нем самом»** (В.Н. Смольянинов).

1. *Половцов А.А.* Русский биографический словарь. СПб., 1901. С. 35 («В»).
2. РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 737. Сведения о судах, бывших в секретной эскадре (1803 г.). Л. 1–2.
3. *Милютин Д.А.* История войны России с Францией в царствование императора Павла в 1799 г. СПб., 1852.
4. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 5722. Морское училище, документы воспитанников. Ван-дер-Шкруф Михаил Ипполитович (1869 г.). Л. 1.
5. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2261. ГМШ, пенсионное отделение, генерал-лейтенант Ван-дер-Шкруф. 1911–1913 гг. Л. 26–30.
6. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4681. Дело об увольнении от службы по Адмиралтейству генерал-лейтенанта Ван-дер-Шкруфа, генерал-майора, заведующего Морским музеем им. Петра I Николая Львовича Бубнова (11.05.1854–?), капитана 2-го ранга барона Карла Оттовича Шиллинга 1-го (9.10.1872–?), вице-адмирала Ивана Петровича Успенского (11.02.1857–?), контр-адмирала Федора Федоровича Сильмана, военного инженера генерал-лейтенанта Будзынского. 1911–1913 гг. Л. 36–38.
7. Там же. Л. 39–43.
8. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 8632. Морское училище. Рождественский Алексей Степанович. 1901 г. Л. 1.
9. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 1792. МКК, аттестационная тетрадь Алексея Степановича Рождественского. Л. 1.
10. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. р-84. Послужной список старшего лейтенанта Алексея Степановича Рождественского. 2 марта 1917 г. Л. 2–8.
11. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 1894. Дело об Ольге Родионовой, вдове капитана 1-го ранга, убитого во время мятежа в Кронштадте, и о назначении ей пенсии. 1906 г. Л. 1–4; Д. 1892. Дело о Константине Родионове, сыне капитана 1-го ранга, убитого во время мятежа, о назначении пенсии. 1910 г. Л. 2.
12. РГА ВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 194. Рапорт капитан-лейтенанта Станюковича начальнику ГМШ о ходе плавания и журнал плавания его на шлюпе «Моллер» в 1827–1828 гг. Л. 1–4.
13. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 5108. Морское училище. Станюкович Константин Михайлович. 1849 г. Л. 1–5.
14. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 2009. Аттестационная тетрадь Кирилла Станюковича. Л. 8–10.
15. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. с-100. Послужной список Станюковича Кирилла Константиновича. 29 марта 1905 г. Л. 1–4.
16. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 8857. Морское училище. Станюкович Кирилл Константинович. 1898 г. Л. 2–4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
АУФСБ СПб ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
БАН — Библиотека Академии наук
ВМФ — Военно-морской флот
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ДДС — Дворянское депутатское собрание
ДРК — Дворянская родословная книга
ЕИВ — Его Императорское Величество
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗИН РАН — Зоологический институт Российской академии наук
ИАН — Императорская академия наук
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ИФО ИАН — Историко-филологическое отделение Императорской академии наук
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МКК — Морской кадетский корпус
ОАД РНБ — Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ФЭ — Флотский экипаж
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архимандрит Августин (Никитин), доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Валиев М.Т., инженер-системотехник, общественный заместитель директора Музея истории школы К. Мая, создатель и руководитель виртуального проекта «Общество друзей школы К. Мая» (Санкт-Петербург).

Головнин П.А., директор ассоциации «Русско-японский центр по науке и культуре» (Санкт-Петербург).

Егоров О.А., инженер ПАО «Сбербанк России».

Ефимов М.В., старший научный сотрудник ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник».

Иванова Н.И., руководитель музея «Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях» и Немецкой секции Ассоциации исследователей Петербурга (Санкт-Петербург).

Ивлева С.Е., старший научный сотрудник Государственного Русского музея (Санкт-Петербург).

Иодко О.В., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Кольшницына Н.В., кандидат исторических наук, главный архивист Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Копытов Г.А., врач-педиатр, кандидат медицинских наук, главный специалист Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга.

Кривдина О.А., кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея, профессор ГАИЖСА им. И.Е. Репина (Санкт-Петербург).

Лейнонен И.Л., независимый исследователь, Общество друзей школы К. Мая (Лауша, Германия).

Лупанова Е.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. МАЭ РАН (Санкт-Петербург).

Макаров Б.С., кандидат физико-математических наук, сотрудник Нидерландско-российского центра (NRC, Университет г. Гронинген, Нидерланды).

Мошник Ю.И., кандидат исторических наук, ученый секретарь ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник».

Новиков А.И., ЗАО «ЦМ Фарм».

Сафонов М.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Соболева Е.С., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН (Санкт-Петербург).

Трунов А.А., кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных, социальных и правовых дисциплин Белгородского университета кооперации, экономики и права (Белгород).

Ходанович В.И., кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург).

Черникова Е.И., кандидат экономических наук, доцент, заведующая аспирантурой Белгородского университета кооперации, экономики и права (Белгород).

Шевчук С.В., ведущий агроном Ботанического сада Ботанического института им. В.Л. Комарова (Санкт-Петербург).

Шкаровский М.В., доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Шрадер Т.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела европеистики МАЭ РАН (Санкт-Петербург).

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю (<i>Т.А. Шрадер</i>)	3
---	---

XVIII век

<i>Б.С. Макаров</i> . ИОГАНН ХРИСТИАН ФЕРСТЕР — «ОТЕЦ» РУССКОГО ЦЕМЕНТА	9
<i>Е.М. Лупанова</i> . ПЕРЕПЛЕТНЫЙ МАСТЕР ФРИДРИХ РОЗЕНБЕРГ	35
<i>М.М. Сафонов</i> . НЕИЗВЕСТНЫЙ УЧАСТНИК ЦАРЕУБИЙСТВА 11 МАРТА 1801 г.	41
<i>О.В. Иодко</i> . БОТАНИК, ШЕЛКОВОД И ПУТЕШЕСТВЕННИК Ф.К. МАРШАЛ ФОН БИБЕРШТЕЙН	46
<i>Е.И. Черникова, А.А. Трунов</i> . НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЖЕНИХ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА ЛЮДВИГА ЭРНСТА БРАУНШВЕЙГСКОГО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	61

XIX век

<i>Архимандрит Августин (Никитин)</i> . РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ И НЕМЕЦКОЕ ЛЮТЕРАНСТВО	75
<i>Ю.И. Мошник, М.В. Ефимов</i> . ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФОН ДЕН (1838–1900) — ВЫБОРГСКИЙ ГУБЕРНАТОР И СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ПО ДЕЛАМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ	88
<i>О.А. Егоров</i> . ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВЫСОЧАЙШИХ ОХОТ В ЛИСИНЕ ГРАФ ГЕРМАН ФЕДОРОВИЧ ГАУЭНШИЛЬД (1822–1884)	97
<i>О.А. Егоров</i> . ВТОРОЙ ДИРЕКТОР ЛИСИНСКОГО УЧЕБНОГО ЛЕСНИЧЕСТВА АНДРЕЙ (ЙОГАН РЕЙНГОЛЬД КАРЛ ГЕНРИХ) ВАСИЛЬЕВИЧ ГАРФ (1789–1851): БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	115
<i>Е.С. Соболева</i> . ОСКАР ИВАНОВИЧ ИОН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И СОБИРАТЕЛЬ	127
<i>В.И. Ходанович</i> . ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ ГЕНРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ НЕДДЕРМЕЙЕР (1846–1920)	155

<i>Н.И. Иванова.</i> 3 Ф ИЛИ Ф В КУБЕ	168
<i>О.А. Кривдина.</i> «ПРОСВЕТИТЕЛИ РОССИИ» А.А. БИЛЬДЕРЛИНГА.	174
<i>С.Е. Ивлева.</i> ПЕТР РОМАНОВИЧ ФУРМАН (1816–1856) — ХУДОЖНИК, РЕДАКТОР, ПИСАТЕЛЬ	180
<i>Н.В. Кольшиницына.</i> ЛУКИАН АДАМОВИЧ МИЛЛЕР	188
<i>С.В. Шевчук.</i> ФРАНЦ ИВАНОВИЧ РУПРЕХТ (1814–1870) — РАЗНОСТОРОННИЙ БОТАНИК	204
<i>Н.И. Иванова.</i> НЕМЕЦКИЕ БИБЛИОТЕКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	215
<i>Г.А. Копытов.</i> РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ У ИСТОКОВ СТОЛИЧНОЙ ПЕДИАТРИИ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ	228

XX век

<i>А.И. Новиков, Г.А. Копытов.</i> СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА — СУДЬБЫ ДРУЗЕЙ ГЛАЗАМИ ИХ ПОТОМКОВ	247
<i>Т.А. Шрадер.</i> ВОПРОС О «ЛИКВИДАЦИИ НЕМЕЦКОГО ЗАСИЛЬЯ» В ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.	260
<i>М.В. Шкаровский.</i> ПАСТОР ОКТАВ СИМОН И ЕГО СЛУЖЕНИЕ В СТРЕЛЬНЕ И ЛЕНИНГРАДЕ	267

ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ СЕМЕЙ И РОДОВ

<i>М.Т. Валиев.</i> ЧЕТЫРЕ ФРАГМЕНТА ИЗ ФАМИЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЕМЬИ ПОСТЕЛЬС.	275
<i>М.Т. Валиев.</i> ШМИ(Д)ТЫ — СЕМЕЙНАЯ САГА	298
<i>М.Т. Валиев, И.Л. Лейнонен.</i> БЛЕССИГИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	320
<i>П.А. Головнин.</i> ГРАФЫ СТЕНБОК-ФЕРМОР: ПРОМЫШЛЕННИКИ И МЕЦЕНАТЫ	350
<i>П.А. Головнин.</i> ДВОРЯНСКИЙ РОД ФАН-ДЕР-ФЛИТ В ВМФ РОССИИ	387
<i>П.А. Головнин.</i> ДВОРЯНСКИЙ РОД ВАН-ДЕР-ШКРУФ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	408
Список сокращений.	429
Сведения об авторах.	430

INHALTSVERZEICHNIS

An die Leserinnen und Leser. *T. Schrader* 5

Das 18. Jahrhundert

- B. Makarov.* JOHANN CHRISTIAN FÖRSTER – DER „VATER“
RUSSISCHEN ZEMENTS 9
- E. Lupanova.* DER BUCHBINDER FRIEDRICH ROSENBERG 35
- M. Safonov.* EIN UNBEKANNTER MITTÄTER
DES ZAREN MORDES AM 11. MÄRZ 1801 41
- O. Jodko.* DER BOTANIKER, SEIDENBAUER
UND REISENDE F.K. MARSCHALL VON BIEBERSTEIN 46
- E. Cernikova, A. Trunov.* EIN NICHT ZUSTANDE GEKOMMENER
BRÄUTIGAM DER KAISERIN ELISAVETA PETROVNA,
ODER EIN ABENTEUER DES PRINZEN LUDWIG ERNST
VON BRAUNSCHWEIG IN SANKT PETERSBURG 61

Das 19. Jahrhundert

- Archimandrit Augustin (Nikitin).* RUSSISCHE SLAWOPHILEN
UND DAS DEUTSCHE LUTHERTUM 75
- Ju. Moschnik, M. Efimov.* WLADIMIR ALEXANDROVIC
VON DEHN (1838–1900), DER OBERBÜRGERMEISTER
VON WYBORG UND STAATSEKRETÄR FÜR ANGELEGENHEITEN
DES GROSßHERZOGTUMS FINNLAND: SEITEN DER BIOGRAPHIE ... 88
- O. Egorov.* DER OBERSTJÄGERMEISTER VON LISSINO,
GRAF HERMANN FJODOROVIC HAUENSCHILD (1822–1884) 97
- O. Egorov.* DER ZWEITE DIREKTOR DER FÖRSTERSCHULE
VON LISSINO ANDREJ (JOHANN REINHOLD KARL HEINRICH)
WASSILJEWIC HARFF (1789–1851): EINE BIOGRAPHISCHE SKIZZE... 115
- E. Soboleva.* OSKAR IVANOVIC JOHN, EIN FORSCHER
UND SAMMLER 127
- W. Khodanovic.* DER PETERSBURGER UNTERNEHMER
HEINRICH WILHELM NEDDERMEYER (1846–1920) 155
- N. Ivanova.* DREI MAL F ODER F HOCH DREI 168

<i>O. Krivdina.</i> „DIE AUFKLÄRER RUSSLANDS“ VON A.A. BILDERLING . . .	174
<i>S. Ivleva.</i> PETER ROMANOVIC FUHRMAN (1816–1856) — MALER, HERAUSGEBER, SCHRIFTSTELLER	180
<i>N. Kolyschnizina.</i> LUKIAN ADAMOVIC MILLER	188
<i>S. Schewchuk.</i> FRANZ IVANOVIC RUPRECHT (1814–1870), EIN VIELSEITIGER BOTANIKER	204
<i>N. Ivanova.</i> DEUTSCHE BIBLIOTHEKEN IN SANKT PETERSBURG	215
<i>G. Kopytov.</i> RUSSLANDDEUTSCHE UND DIE ANFÄNGE DER HAUPTSTÄDTISCHEN PÄDIATRIE IM KAISERRUSSLAND	228

Das 20. Jahrhundert

<i>A. Novikov, G. Kopytov.</i> ES DIENTEN ZWEI KAMERADEN — SCHICKSALE DER KRIEGSFREUNDE AUS DER PERSPEKTIVE IHRER NACHKOMMEN	247
<i>T. Schrader.</i> DIE FRAGE NACH DER „BESEITIGUNG DEUTSCHER VORHERRSCHAFT“ IM GOUVERNEMENT PETROGRAD WÄHREND DES ERSTEN WELTKRIEGS	260
<i>M. Schrakovski.</i> DER PASTOR OKTAV SIMON UND SEIN DIENST IN STRELNA UND LENINGRAD	267

Geschichten deutscher Familien und Sippen

<i>M. Waliew.</i> VIER FRAGMENTE AUS DER GESCHICHTE DER FAMILIE POSTELS	275
<i>M. Waliew.</i> DIE SCHMI(D)TS — EINE FAMILIENSAGA	298
<i>M. Waliew, I. Leinonen.</i> DIE BLESSIGS IN SANKT PETERSBURG	320
<i>P. Golovnin.</i> DIE GRAFEN STENBOCK-FEHRMOHR: INDUSTRIELLEN UND MÄZENEN	350
<i>P. Golovnin.</i> DAS ADELSGESCHLECHT VAN DER FLIT IN DER KRIEGSMARINE RUSSLANDS	387
<i>P. Golovnin.</i> DAS ADELSGESCHLECHT VAN DER SCHKRUF IN SANKT PETERSBURG	408
Abkürzungen	429
Autoren	430

Научное издание

Немцы в Санкт-Петербурге

Биографический аспект

XVIII–XX вв.

Выпуск 11

Редактор *Т.В. Никифорова*
Корректор *Е.З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 25.02.2018.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonPS. Усл. печ. л. 25. Уч.-изд. л. 23.
Тираж экз. Заказ № .

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 28
izd_lemma@mail.ru

ISBN 978-5-88431-345-3

